

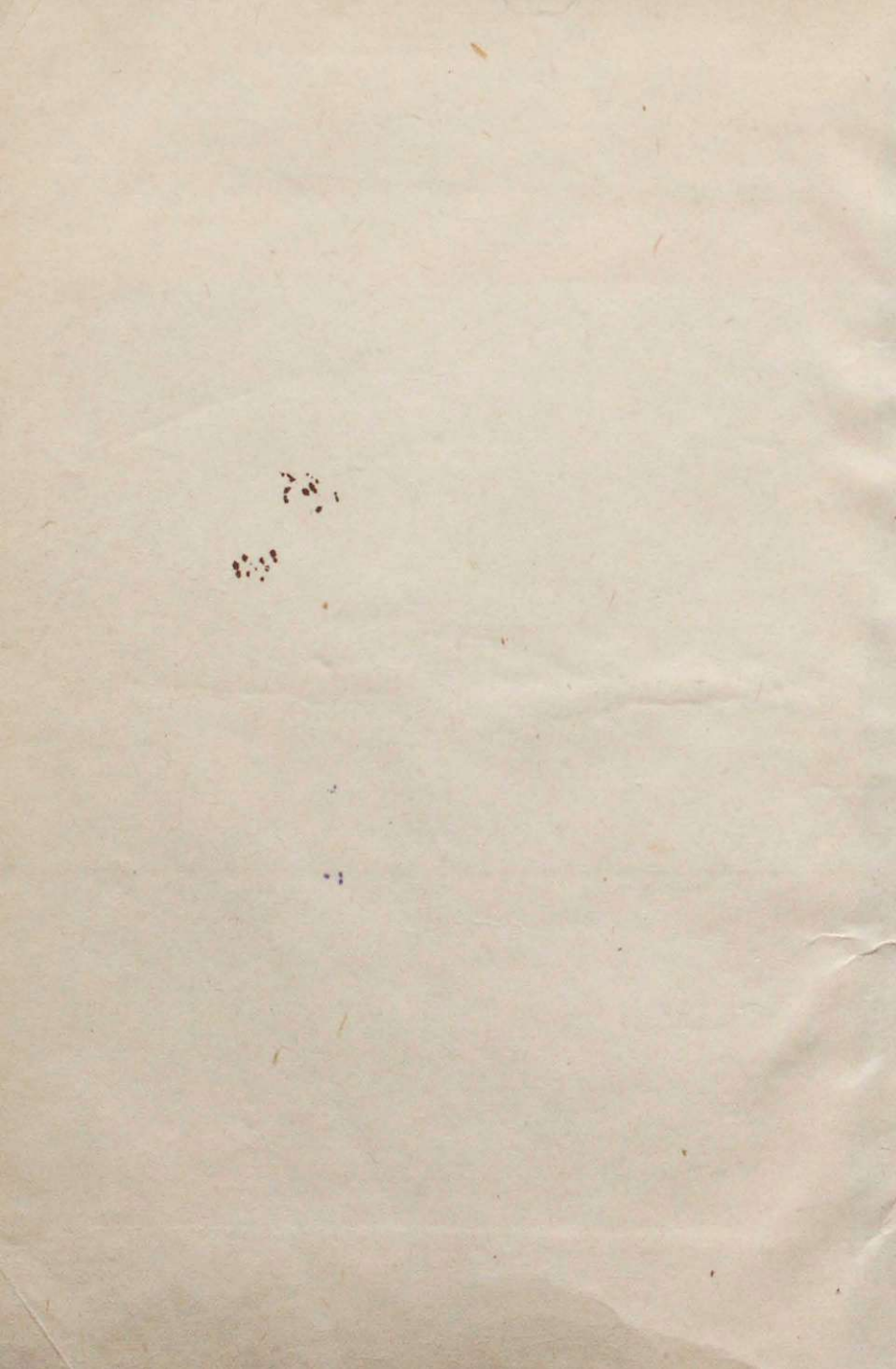
T  $\frac{96}{116}$

Тютчев.











T 96  
T 116

# БЪГЛЕЦЪ.

РОМАНЪ ИЗЪ ПОГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ

Ө. Ө. ТЮТЧЕВА.

Съ 40 рисунками художника А. А. ЧИКИНА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина.



КНИЖНЫЙ ОКЛАДЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Стремянная, 12, соб. домъ.

Невскій, 96, уг. Надеждинск.

11

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ, СПБ. 1 ДЕКАБРЯ 1902 ГОДА.



2011110154



57815-40



T  $\frac{96}{116}$  С1

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Бродяга . . . . .	1
II. Казнь огнемъ . . . . .	8
III. Настоятель . . . . .	14
IV. Въ Суджѣ у грознаго Чингизъ-хана . . . . .	22
V. Политика . . . . .	32
VI. Ренегатъ . . . . .	38
VII. Черезъ много лѣтъ . . . . .	41
VIII. Сосѣдъ . . . . .	49
IX. Муртузь-ага . . . . .	57
X. На охоту . . . . .	66
XI. Облава . . . . .	73
XII. Кабанъ . . . . .	82
XIII. „Мраваль-Джаміеръ“ . . . . .	91
XIV. Встрѣча съ разбойникомъ . . . . .	96
XV. У таможеннаго парома . . . . .	107
XVI. Неожиданный гость . . . . .	113
XVII. Людская злоба . . . . .	122
XVIII. Загубленная жизнь . . . . .	128
XIX. Размолвка . . . . .	137
XX. Лидія Нидештраль . . . . .	140
XXI. Мечты . . . . .	145
XXII. По тому-же поводу . . . . .	150
XXIII. По дорогѣ въ Суджу . . . . .	157
XXIV. Хотя-бы на дно пропасти . . . . .	166
XXV. Въ Суджѣ . . . . .	174
XXVI. Сардаръ Хайларъ-ханъ . . . . .	183
XXVII. Въ старомъ дворцѣ . . . . .	191
XXVIII. Исторія одной стѣны . . . . .	195

ГЛАВЫ.	СТР.
XXIX. Замуровленные . . . . .	202
XXX. Ханши . . . . .	210
XXXI. Въ сардарскомъ саду . . . . .	217
XXXII. Тревоги . . . . .	221
XXXIII. Смертельная опасность . . . . .	227
XXXIV. Ночь надъ пропастью . . . . .	233
XXXV. Сударчикова тайна . . . . .	243
XXXVI. Друзья . . . . .	251
XXXVII. Разсказъ Сударчикова . . . . .	258
XXXVIII. Сударчиковъ орудуеть . . . . .	266
XXXIX. Въ пещерѣ . . . . .	272
XL. Признаніе . . . . .	278
XLI. Убійство . . . . .	286
XLII. Новое отечество . . . . .	293
XLIII. Планы . . . . .	298
XLIV. Послѣднія опасности . . . . .	303
XLV. Передъ вѣчной разлукой . . . . .	310
XLVI. Напроломъ черезъ границу . . . . .	316
XLVII. Горя рѣченька . . . . .	325
XLVIII. На кладбищѣ . . . . .	332
Эпизодъ . . . . .	337





## I.

### Б р о д я г а.

Въ 1876 году въ одинъ жаркій июльскій день, верстахъ въ 7 отъ города Нацвалли, по глухому мрачному Аладжинскому ущелью, служащему, вмѣстѣ съ протекающей по немъ рѣчкой Араксомъ, границей Россіи съ Персіей, пробирался молодой человѣкъ, лѣтъ 19—20, одѣтый въ жалкое рубище армянина-поселенца: короткій полукафтанъ верблюжьяго сукна, съ безчисленнымъ множествомъ прорѣхъ, ситцевый бешметъ и чупяки. Голова была покрыта засаленной тушинкой \*). По тому, съ какимъ трудомъ, опираясь на толстую суковатую палку, передвигалъ онъ свои ноги, можно было судить о томъ далекомъ и тяжеломъ пути, который онъ сдѣлалъ, раньше чѣмъ попасть въ эти мертвенно непривѣтныя мѣста.

Лицо незнакомца, съ небольшими усиками и едва пробивающейся бородкой, могло-бы назваться очень красивымъ, если-бы не было такъ страшно изнурено и покрыто, какъ корой, слоемъ пыли и грязи. Ввалившіяся щеки и глубоко-запавшіе глаза придавали ему видъ человѣка, или только недавно перенесшаго тяжелую болѣзнь, или сильно истомленнаго голодомъ.

\*) Тушинка—круглая шапочка.

По мѣрѣ того, какъ путникъ подвигался впередъ по тропинкѣ, извивавшейся между желто-красными громадами скалъ, лишенныхъ всякой растительности, силы, очевидно, оставляли его: онъ изрѣдка останавливался, чтобы перевести духъ, и затѣмъ снова брелъ впередъ, едва-едва ступая наболѣвшими, покрытыми ранами и ссадинами ногами.

Налетавшій изрѣдка вѣтерокъ не приносилъ облегченія, а только обжигалъ лицо своимъ горячимъ дыханіемъ. Отъ раскаленныхъ камней отдавало зноемъ, который, наполняя воздухъ, казалось, готовъ былъ испепелить мозгъ и душу человѣка.

Изнуренный и обезсиленный, незнакомецъ приѣлъ на камень и съ трудомъ вытянулъ ноги. Все тѣло его ныло отъ нечеловѣческой усталости, во рту пересохло, языкъ потрескался, голова кружилась отъ голода и жажды.

Долго-ли просидѣлъ онъ такъ, склонивъ голову на грудь и полузакмуривъ наболѣвшіе отъ яркаго свѣта глаза, онъ не могъ дать себѣ отчета. Изъ полубезсознательнаго состоянія, въ которомъ онъ находился, его вывело раздавшееся гдѣ-то поблизости глухое ржаніе катера \*).

Незнакомецъ встрепенулся, поднялъ голову, прислушался и, какъ-бы сообразивъ что-то, торопливо поднялся съ камня и побрелъ въ ту сторону, откуда раздавалось ржаніе. Пройдя нѣсколько сажени и обогнувъ прихотливо нависшую надъ тропинкой массивную скалу, слѣпленную изъ мелкаго краснаго песчаника, онъ увидѣлъ передъ собой небольшую, круглую, глубокую котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ, какъ стѣной, высокими отвѣсными скалами. Защищенная отъ палящихъ лучей солнца, котловина эта представляла прохладный, уютный, тѣнистый уголокъ; по дну ея, вырываясь изъ расщелины скалы, бѣжалъ сверкающій ручеекъ, образуя въ одной изъ впадинъ прозрачно-хрустальный холодный, какъ ледъ, водоемъ, съ усыпаннымъ мелкими разноцвѣтными камешками дномъ.

\*) Катерь—мулъ. Помѣсь осла съ лошадыю. Незамѣнимое въ горахъ вьючное и верховое животное.



При видѣ воды путникъ невольно вскрикнулъ отъ радости и, забывъ всякую усталость, бросился къ водоему. Долго шилъ онъ, погрузивъ свое опаленное зноемъ лицо въ холодныя струи; когда-же, наконецъ, напившись вволю, онъ поднялъ голову, глаза его встрѣтились съ другой парой черныхъ, пронизательныхъ глазъ, пристально устремленныхъ на него изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Глаза эти принадлежали худощавому старику, одѣтому, какъ одѣваются богатые армяне на Закавказьѣ—въ черную шерстяную черкеску, съ высоко нашитыми на ней гозырями \*) и подпоясанную серебрянымъ, чешуйчатымъ поясомъ, съ прищипленнымъ на немъ кинжаломъ въ серебряныхъ ножнахъ и кожаной, украшенной серебромъ кобурой, изъ которой выглядывала ручка револьвера, на узенькой галунной тесемкѣ черезъ шею. На коротко остриженную голову старика была надвинута по самыя уши высокая конусообразная шапка-персианка изъ мелкаго, блестящаго, чернаго барашка. На ногахъ были надѣты обшитые золотымъ шнуромъ чупяки. Сморщенное, худощавое лицо старика, съ крючковатымъ толстымъ носомъ, похожимъ на клювъ хищной птицы, было гладко выбрито, длинные, сѣдые усы закрывали ротъ и спускались ниже подбородка.

Старикъ сидѣлъ, свернувъ ноги калачикомъ, на разостланномъ коврикѣ и закусывалъ мелко накрошеннымъ паныромъ съ лавашемъ \*\*), запивая свой неприветливый завтракъ краснымъ мѣстнымъ виномъ изъ большой темной бутылки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, съ надѣтой на голову торбой съ ячменемъ, стоялъ рослый, красивый катерь, изжелта-бѣлой

\*) Гозыри—деревянные небольшія трубочки съ серебряными или ко-  
стяными головками, въ видѣ украшенія, вдѣваемые по 12 штукъ съ каждой  
стороны груди въ особу для того нашитыя гвѣзда. Прежнее ихъ назначеніе  
было вмѣщать заряды пороха и пуль.

\*\*\*) Панырь—овечій, крѣпко соленый сыръ. Лавашъ—хлѣбъ, въ видѣ тон-  
кихъ большихъ лепешекъ. Собираясь въ дорогу, армяне и татары ломаютъ  
его на мелкіе кусочки и возятъ съ собой въ холщевыхъ мѣшкахъ.

масти, осѣдланнѣй куртинескимъ сѣдломъ, ярко-малиновый бархатный чепракъ котораго былъ расшитъ цвѣтнымъ шелкомъ, а широкія мѣдныя стремяна украшены изящной насѣчкой; на шеѣ катера висѣло красное сафьяновое ожерелье, вышитое синими и бѣлыми бусами, съ пришитымъ къ нему амулетомъ, въ видѣ кожаной ладонки, украшенной ракушками,—защита отъ дурного глаза. Сзади сѣдла были приторочены большія, туго набитыя, ковровыя хурджины \*).

— Кто ты такой?—спросилъ армянинъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, пристально разсматривая молодого человѣка.

— А зачѣмъ тебѣ это знать?—уклончиво отвѣтилъ тотъ, опускаясь противъ него въ тѣни у водоема и съ угрюмой жадностью изголодавшагося человѣка поглядывая исподлобья на сыръ, хлѣбъ и вино, лежавшіе передъ армяниномъ.

— Зачѣмъ?! Низачѣмъ, такъ спросилъ, если не хочешь—не говори!—сказалъ равнодушно старикъ, снова принимаясь за ѣду.

Съ минуту оба молчали.

— Послушай, бабай \*\*),—глухимъ голосомъ проговорилъ, наконецъ, молодой человѣкъ—дай мнѣ немного сыру и хлѣба, я умираю съ голоду. Пожалуйста!

— Изволь, дюшэ мой, изволь, пожалуйста!—добродушно протянулъ ему старикъ остатки своего завтрака и наполовину недопитую бутылку съ виномъ.—Кушай на здоровье! Карапетъ Мнацекановъ чловѣкъ добрый, пачему не дать, когда самъ сытъ. Кушай всѣ. Оставлять ни надо!

Но молодой человѣкъ ничего и не думалъ оставлять. Въ одинъ мигъ онъ доѣлъ весь сыръ, который оставался въ мѣшечкѣ, подобралъ всѣ крошки лаваша и двумя глотками опорожнилъ бутылку. Все время, пока онъ ѣлъ, армянинъ не спускалъ съ него пристальнаго, внимательнаго взгляда.

\*) Хурджины—переметныя сумы, въ которыхъ въ дорогѣ укладывается все имущество путешественника.

\*\*\*) Бабай—по татарски старикъ, дѣдушка.



— Ну, спасибо тебѣ, бабай!—повеселѣвшимъ голосомъ произнесъ молодой человѣкъ, возвращая порожнюю бутылку.—Теперь немного подкрѣпился, можно и дальше въ путь. Скажи, пожалуйста,—продолжалъ онъ,—граница отсюда близко?

— Близко, часа черезъ полтора дойдешь, а ты развѣ въ Персію?

— Въ Персію, а ты?

— Я тоже въ Персію! — отвѣтилъ, немного подумавъ, армянинъ.

— И тоже, какъ я, не черезъ таможену, а прямо черезъ границу? Отлично, мы, стало быть, попутчики! Пойдемъ вмѣстѣ, хочешь?

— Я на катерѣ, ты пѣшкомъ; какъ-же мы поѣдемъ вмѣстѣ?—уклончиво отвѣчалъ Карапетъ Мнацекановъ, недобриво поглядывая на молодого человѣка.

— Объ этомъ не безпокойся, я пѣшій отъ твоего катера не отстану, въ дорогѣ-же я могу тебѣ пригодиться!

Армянинъ сомнительно покачалъ головой.

— Чѣмъ, дюшэ мой, ты мнѣ можешь пригодиться, мой сыр-лавашъ кюшать?—усмѣхнулся онъ, лукаво прищуриваясь.

— Смѣйся, а дай-ка мнѣ ружье въ руки, я тебѣ покажу, чѣмъ я могу быть тебѣ полезенъ. Ты вѣдь навѣрно самъ стрѣлять не умѣешь?

— Почему ты такъ думаешь?—немного какъ-бы обидѣлся старикъ.

— А потому, что вы, армяне, вообще плохо стрѣляете. Это я въ полку замѣтилъ. Грузины и имеретины стрѣлками на службу приходятъ, а васъ армянъ учать, учать, а все толку мало!

— Ты бѣглый солдатъ?—встрепенулся Карапетъ.

— Почему солдатъ?

— А ты-же, дюшэ мой, говоришь: «у насъ въ полку»—стало быть, ты самъ изъ полка!

— Пусть будетъ по твоему, изъ полка, такъ изъ полка,—согласился молодой человѣкъ,—не въ этомъ дѣло, а въ томъ,



чтобы ты взял меня съ собой. Разъ ты ѣдешь въ Персію, тебѣ такой человѣкъ, какъ я, будетъ кстати. Тамъ, вѣдь, то и дѣло, разбойники попадаются; дай мнѣ свое ружье и не бойся, никого близко не подпущу!

— А ты хорошо стрѣляешь?

— Говорю, дай въ руки ружье—увидишь!

Армянинъ всталъ, подошелъ къ своему катеру, и вытащивъ изъ чехла почти новую, хорошо содержанную магазинку Пибоди, какими въ то время перевооружалась турецкая кавалерія, подалъ ее молодому человѣку.

— Куда-же ты стрѣлять хочешь?

— А вонъ, видишь: орелъ сидитъ на кручѣ!—сказалъ молодой человѣкъ, указывая пальцемъ на большого рыжаго орла, нахохливагося на скалѣ. Съ того мѣста, гдѣ они стояли, орелъ былъ виденъ не весь, такъ какъ былъ заслоненъ камнемъ, изъ-за котораго выглядывала только его голова и часть спины.

— Ну, дюшэ мой, это ты хвастаешь; въ орла ты не попадешь. Далеко очень и видно его плохо, голова одна. Нэтъ, дюшэ мой, стрѣлай другое!

Вмѣсто отвѣта, молодой человѣкъ вскинулъ ружье и началъ медленно и внимательно прицѣливаться.

Прошло нѣсколько мгновеній томительнаго ожиданія, и вдругъ грянулъ рѣзкій, отрывистый выстрѣлъ, гулками перекатами прокатившійся по скаламъ.

Орелъ, встрепенувшійся всѣмъ тѣломъ и сильно взмахнувъ крыльями, стремительно взвился вверхъ, описывая широкій кругъ.

— Говорилъ, дюшэ мой, нэ попадэшъ, вотъ и не попалъ!—торжествующе произнесъ армянинъ.

— Если ружье правильно бьетъ—попалъ!—со спокойной увѣренностью произнесъ молодой человѣкъ, внимательно слѣдя за орломъ, разѣкавшимъ воздухъ широкими и торопливыми взмахами крыльевъ. Вдругъ могучая птица, какъ-то странно, не по орлиному, затрепыхалась на одномъ мѣстѣ

и начала, сначала медленно, потомъ все быстрѣй и быстрѣй спускаться внизъ, беспомощно и беспорядочно махая крыльями.

Черезъ минуту она уже билась на камняхъ ближайшей скалы въ тщетныхъ усиліяхъ вновь подняться. Вытягивая шею и раскрывая клювъ, орелъ судорожно сжималъ и разжималъ острые когти, царапая ими камни; по временамъ онъ издавалъ глухой, предсмертный крикъ, которому гдѣ-то высоко-высоко вторилъ другой орелъ.

— Ну, что?—торжествующе спросилъ молодой человѣкъ, поворачивая лицо свое къ армянину.—Видишь, попалъ!

— Усташъ, усташъ \*)!—потрепалъ тотъ его по плечу.— Молодецъ, дюшэ мой, большой молодецъ. Въ самомъ дѣлѣ, давай вмѣстѣмъ поѣдемъ, ты ружьямъ бери, если разбойникъ ходить будѣтъ, стрѣляй его, дюшэ мой, какъ орла стрѣлялъ, хорошо будетъ!

— Ну, вотъ и отлично! — обрадовался молодой человѣкъ.—Стало быть, можно и въ путь трогаться!



\*) Усташъ—по-татарски мастеръ.



## II.

### К а з н ь о г н е м ь .

Часъ спустя, черезъ одинъ изъ бродовъ на рѣкѣ Араксѣ, версты три ниже Аладжинскаго казачьяго поста, осторожно переправлялись, сидя вдвоемъ на одномъ катерѣ, Карапетъ Мнацкановъ и молодой человекъ, котораго Мнацкановъ называлъ Иваномъ, рѣшивъ про себя, что онъ, навѣрно, русскій бѣглый солдатъ.

Неглубокой въ этомъ мѣстѣ, но чрезвычайно быстрый и бурный Араксъ съ оглушительнымъ грохотомъ яростно катилъ свои желто-мутныя волны, угрожая ежеминутно опрокинуть и катера, и его всадниковъ въ пѣнящуюся пучину. На срединѣ рѣки напоръ волнъ былъ такъ силенъ, что катеръ на минуту было приостановился, какъ-бы не рѣшаясь идти дальше.

— Шутора \*), шутора!— закричалъ на него Карапетъ, замахиваясь концомъ ременного повода.

Катеръ затрясъ ушами и рванулся впередъ, упираясь всею грудью противъ стремительнаго теченія. Вода достигла сѣдла, но черезъ нѣсколько сажени она начала быстро убывать, и съ каждымъ новымъ шагомъ катеръ сталъ какъ-бы выростать подъ всадниками. Вотъ показалось его отвислое брюхо, за нимъ ноги до колѣнъ, колѣни, ниже колѣнъ, и наконецъ, весело пофыркивая, онъ мелкой рысцой благополучно выбрался на противоположный, крутой, осыпающійся, песчаный берегъ.

---

\*) Шутора—скорѣе (по армянски).





„Через одинъ изъ бродовъ Аракса переправлялись, сидя вдвоомъ на одномъ  
катерѣ Каранетъ Мнацекановъ и неизвѣстный молодой человекъ“...

— Ну, теперь надо глядеть во все глаза, — боязливо оглядываясь, произнесъ Карапетъ, — тутъ какъ разъ разбойниковъ встрѣтить можно!

— Не бойся, старикъ, — со спокойной самоувѣренностью отвѣчалъ его спутникъ, закладывая патроны въ магазинку, — у насъ, у русскихъ, есть пословица: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Понимаешь?

Карапетъ утвердительно мотнулъ головой, и оба, не теряя времени, пустились въ дальнѣйшій путь.

Монастырь Св. Стефана, куда направлялся теперь Карапетъ Мнацекановъ — одна изъ древнѣйшихъ армянскихъ святынь, и въ свое время имѣлъ большое значеніе, какъ оплотъ христіанства среди враждебныхъ ему мусульманъ.

Монастырь этотъ, воздвигнутый среди пустынныхъ горъ, со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ дикими курдскими племенами, исключительно занимавшимися разведеніемъ бесчисленныхъ стадъ овецъ и разбоемъ. Надо было много такта, ловкости и хитрости со стороны отцовъ-настоятелей монастыря, чтобы оставаться цѣлыми и невредимыми, живя бокъ о бокъ съ такими безпокойными, кровожадными и алчными сосѣдями. Только грозная власть Суджинскаго владѣтельнаго хана Чингизъ-Аги, съ которымъ монастырь, цѣной частыхъ и обильныхъ бѣшкэшей \*), поддерживалъ дружбу, да страхъ передъ близкой православной Россіей, сдерживали разнуданныя толпы дикарей, всегда готовыхъ съ огнемъ и мечомъ обрушиться на монастырь, представлявшій для нихъ лакомую и, въ сущности, легкую добычу.

Солнце приближалось къ западу, когда Мнацекановъ съ Иваномъ подѣхали къ высокимъ стѣнамъ монастыря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ густо разросшимися тополями, каштанами и норбандами, дававшими густую тѣнь на широкую, усыпанную камнями дорогу-аллею, ведущую къ самымъ воротамъ монастыря, передъ которыми на небольшой пло-

\*) Бѣшкэшъ — подарокъ, подношеніе, взятка.



щадкѣ тѣснилась толпа народа. Тутъ были мрачно нахмуренные курды, съ сверкающими, какъ у волковъ, глазами, въ черныхъ чалмахъ, ярко красныхъ или малиновыхъ, расшитыхъ желтымъ и чернымъ шнуркомъ курткахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за поясомъ; робкіе, смиренные армянскіе сельчане въ синихъ рубахахъ, кожаныхъ чустахъ \*) и въ черныхъ круглыхъ суконныхъ шапочкахъ на головахъ, степенные, худощавые персы въ бараньихъ папахъ, длинныхъ аббахъ \*\*) и халатахъ. Вся эта толпа стояла молча и, задравъ головы, съ жаднымъ любопытствомъ глядѣла на возвышающуюся передъ нею огромную, совершенно отвѣсную скалу, отдѣленную отъ монастыря глубокой пропастью, на днѣ которой неистово бился среди острыхъ камней бѣшеный потокъ.

Немного ниже остроконечной верхушки скалы находилась небольшая площадка, острымъ выступомъ нависшая надъ пропастью. На площадкѣ этой суетилась небольшая группа людей въ синихъ кафтанахъ, бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ на выпускъ и барашковыхъ папахъ; за спинами у нихъ поблескивали ружья. Это были «сарбазы» \*\*\*) Суджинскаго владыки Чингизъ-Аги. Между ними, со связанными назадъ руками, стояли три курда:—сѣдой старикъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами и бровями, но еще крѣпкій и прямой, и двое юношей, изъ которыхъ младшій выглядѣлъ еще совсѣмъ мальчикомъ, лѣтъ 13—14, не больше. Всѣ трое стояли неподвижно и совершенно равнодушно поглядывали на толстаго человѣка, въ голубомъ казакинѣ, суетившагося около нихъ съ черной жестянкой въ рукахъ. Человѣкъ этотъ занимался тѣмъ, что обильно смачивалъ, при помощи имѣвшейся у него тряпки, одежду курдовъ. Не довольствуясь этимъ, онъ иногда подымалъ жестянку и осторожно начиналъ поливать изъ нея то того, то другого изъ курдовъ, кото-

\*) Чусты—родъ туфель.

\*\*) Абба—верхняя одежда, на подобіе крылатки, безъ рукавовъ.

\*\*\*) Сарбазы—солдаты.



рые, повидимому, относились къ этому совершенно безучастно, не оказывая никакого сопротивленія. Когда, наконецъ, вмѣстительная посуда была опорожнена до дна, человекъ въ голубомъ казакинѣ взялъ изъ рукъ одного изъ сарбазовъ большіе комки хлопка, съ помощью трута зажегъ ихъ и, торопливо засунувъ за пазуху каждому изъ курдовъ, поспѣшно перешелъ со всѣми своими сарбазами съ площадки на выступъ соседней скалы, по двумъ бревнамъ, которыя послѣ этого были быстро убраны.

Оставшіеся на площадкѣ курды такимъ образомъ очутились совершенно изолированными. Сзади нихъ возвышалась отвѣсная, какъ будто отполированная, скала, кругомъ зіяла глубокая бездна, надъ которой, какъ воздушный балконъ, повисла небольшая площадка, гдѣ они стояли, неподвижные, молчаливые, какъ статуи, лицомъ къ толпѣ, съ жаднымъ любопытствомъ устремившей на нихъ свои взгляды, съ противоположной стороны, снизу, отъ стѣнъ монастыря. Прошло около минуты, можетъ быть, больше, можетъ быть, меньше; вдругъ, по одеждѣ старика пробѣжали тонкіе язычки пламени, лизнули ему грудь, спину, плечи, змѣйкой вильнули по огромной чалмѣ... Показался дымокъ, и черезъ мгновеніе старикъ всыхнулъ весь, какъ смоляной факель. Почти одновременно съ нимъ запылали оба его сына. Обильно смоченная керосиномъ одежда горѣла яркимъ синеватымъ огнемъ. Несчастные издали отчаянный, душу потрясающій вопль, и принялись кружиться на одномъ мѣстѣ, сначала медленно, потомъ все быстрѣй и быстрѣй. Видно было, какъ они неистово рвались изъ связывавшихъ ихъ веревокъ, оглашая воздухъ нечеловѣческими воплями; они то бросались на землю и начинали кататься по ней, тщетно пытаясь этимъ затупить огонь, то снова вскакивали и неистово метались изъ стороны въ сторону... Наконецъ, обезумѣвъ отъ страданія, одинъ изъ нихъ ринулся въ пропасть, за нимъ послѣдовали остальные. Какъ пылающія ракеты, мелькнули они въ воздухъ и исчезли внизу, въ пѣнистыхъ волнахъ бѣшено-ревущаго потока.

Иванъ, стоя рядомъ съ Мнацекановымъ, глядѣлъ на совершавшуюся передъ нимъ безчеловѣчную казнь и чувствовалъ, какъ волосы шевелятся у него на головѣ, и весь онъ холодѣетъ отъ невыразимаго ужаса, охватившаго все его существо. Что-же касается остальной толпы, то для нея, очевидно, это зрѣлище было далеко не новостью: равнодушно доглядѣвъ до конца, она, какъ ни въ чемъ не бывало, начала медленно расходиться, толкуя каждый о своихъ дѣлахъ.

Только присутствовавшіе при казни курды, и безъ того всегда молчаливые и угрюмые, еще болѣе насупились. Нѣкоторые изъ нихъ, проходя мимо монастыря, бросали на него мрачные взгляды жгучей ненависти и въ бессильной ярости стискивали крѣпкіе и блестящіе, какъ у волковъ, зубы.

---



### III.

#### Н а с т о я т е л ь .

Большая комната съ низкимъ потолкомъ и глинянымъ, застланнымъ палласами поломъ, съ бѣлыми, выкрашенными известью стѣнами, украшеніемъ которыхъ служили: большое прекрасной работы распятіе изъ слоновой кости и чернаго дерева и двѣ олеографіи, изображавшія: одна—Государя Императора Александра II на бѣломъ конѣ, другая—Персидскаго шаха Насръ-Эддина, сидящаго въ креслѣ и усыпаннаго брилліантами неимовѣрной величины.

Въ комнатѣ при свѣтѣ стѣнной лампы съ матовымъ колпакомъ и двухъ свѣчей въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ, на широкой тахтѣ, покрытой персидскимъ ковромъ, сидѣли Карапетъ Мнацекановъ и высокій худошавый монахъ въ черной рясѣ и бархатной ермолкѣ. Черная, съ легкой просѣдью, борода монаха широкимъ вѣеромъ ложилась на его грудь, отгвняя его блѣдное, восковое лицо, на которомъ, благодаря матовой бѣлизнѣ, особенно ярко горѣли и сверкали черные, большіе глаза подъ густыми бровями. Длинные густые волосы, слегка завиваясь, падали на плечи монаха, мѣшаясь съ его роскошной бородой.

Онъ могъ-бы назваться красавцемъ, если-бы не холодно-жестокое и въ то-же время хитрое выраженіе всего лица, а въ особенности, безпокойно бѣгающихъ глазъ, да характерный армянскій носъ клювомъ, дѣлавшій его похожимъ на хищную птицу.

Это былъ самъ настоятель монастыря Св. Стефана, алчный и жестокий Ацатуръ-Теръ-Хачатурьянцъ. Передъ обо-



ими собесѣдниками на большомъ кругломъ столѣ, грубой работы, покрытомъ красной камчатной скатертью, стояли тарелки съ незатѣйливыми яствами, среди которыхъ главное мѣсто занимала разныхъ сортовъ трава: тархунъ, мята, крессъ-салатъ и другія. Эти травы, столь любимыя армянами и татарами, въ союзѣ съ паныромъ, составляютъ лѣтомъ ихъ главную, а зачастую и единственную пищу, которую они употребляютъ съ лавашемъ, въ едва-ли меньшемъ количествѣ, чѣмъ домашнія животныя, ишаки \*) и лошади.

Передъ каждымъ изъ бесѣдующихъ стояло по бутылкѣ свѣтлокраснаго вина и по большому стакану, ни минуты не остававшемуся пустымъ, такъ какъ оба очень заботливо и внимательно подливали одинъ другому, постоянно чокаясь и сопровождая это, по восточному обычаю, витіеватыми пожеланіями.

— Ты видѣлъ,—съ жестокой усмѣшкой спросилъ монахъ,—какъ сегодня жгли трехъ «волковъ» \*\*)?

— Видѣлъ, а за что?

— Подлые собаки!—съ страстной ненавистью проговорилъ Теръ-Апватуръ.—На прошлой недѣлѣ они убили у меня одного монаха. Я послалъ двоихъ монаховъ въ Абардцумъ за «десятиной». Проклятые «волки» пронюхали про это и устроили имъ засаду, почти подъ самымъ монастыремъ. Къ счастью, тому, кто везъ деньги, удалось ускакать, я нарочно далъ ему свою собственную лошадь, но другого, ѣхавшаго на катерѣ, они догнали, убили и обобрали до-гола. Я на другой-же день отправилъ жалобу Чингизъ-хану при хорошемъ подаркѣ, прося его наказать курдовъ. Подарки мои, должно быть, понравились хану, а на курдовъ онъ и самъ сердить за ихъ постоянные разбои, а потому проклятый язычникъ не заставилъ долго ожидать и тотчасъ-же при-

\*) Ишакъ—осель.

\*\*\*) Волкъ—презрительное названіе курда. Само имя—курлъ, по персидски „кюрдъ“—означаетъ волкъ. Впрочемъ, курды по своему характеру и обычаю, дѣйствительно, весьма сильно напоминаютъ волковъ.

слалъ сюда своихъ сарбазовъ, приказавъ имъ, по моему указанію, схватить убійцъ и казнить ихъ огнемъ. Я указалъ на этого старика и его двухъ сыновей. Ихъ сейчасъ-же схватили, подвергли пыткамъ въ подвалахъ монастыря, а сегодня сожгли.

— Какимъ-же образомъ вамъ удалось разыскать убійцъ? Вѣдь это очень трудно. Курды никогда не выдаютъ своихъ!

Настоятель злобно расхохотался.

— Да я и не думалъ разыскивать! Какое мнѣ дѣло, кто именно изъ этихъ негодяевъ совершилъ убійство; все они мои заклятые враги, и я охотно истребилъ-бы ихъ всѣхъ до послѣдняго младенца. Я указалъ на этого старика потому, что онъ пользовался большимъ значеніемъ среди своихъ; казнь его наведетъ на курдовъ особенный страхъ, показавъ имъ, что если уже съ такимъ почетнымъ \*) старикомъ, какъ Худадаръ, не поцеремонились, то съ другими и подавно не станутъ много разговаривать. Курды до послѣдней минуты не вѣрили, чтобы сарбазы рѣшились сжечь Худадара, но я далъ султану \*\*) хорошій бѣшкэшъ, и онъ исполнилъ мое требованіе, хотя, я знаю, Чингизъ-ханъ будетъ недоволенъ: онъ бы едва-ли разрѣшилъ казнить Худадара.

— Я слышалъ, Чингизъ-ханъ, за послѣднее время, сталъ очень строгъ съ курдами и за всякую бездѣлицу жжетъ ихъ или бросаетъ со скалы въ пропасть, а между тѣмъ они по прежнему продолжаютъ грабить и здѣсь, и въ Россіи, куда переправляются цѣлыми шайками... Бѣдовый народъ!

— Чингизъ-хану очень-то вѣрить нельзя: онъ одной рукой казнить, а другой—въ то-же время поощряетъ всякія насилія, совершаемыя курдами. Казнить не за то, что грабятъ, и не тѣхъ, кто грабятъ, а тѣхъ, кто попадается. Курды это отлично понимаютъ и нисколько не въ претензіи

\*) Почетный старикъ—выборное лицо въ селеніи или даже въ цѣломъ племени. Такихъ избираютъ нѣсколько человекъ, и они являются какъ бы помощниками старшины, мужами совѣта селенія или племени, выставившаго ихъ.

\*\*) Султанъ—офицеръ.



на правителя. Проклятая страна!— со вздохомъ заключилъ настоятель.— Только тогда и будетъ порядокъ, когда русскіе отнимуть ее у Персіи!

— Ну, это еще не скоро! Русскимъ не до Персіи, у нихъ теперь на шеѣ близкая война съ Турціей. Это очень хорошо для нашихъ, живущихъ въ Турціи. Если Россія побьетъ турокъ, а въ этомъ нельзя и сомнѣваться, она освободитъ отъ турецкаго ига всѣхъ христіанъ, а въ томъ числѣ и армянъ!

— Вы думаете?— скептически усмѣхнулся Хачатурьянцъ.— А я увѣренъ, что армяне ничего не выиграютъ отъ этой войны; своихъ родныхъ братьевъ-болгаръ Россія освободитъ, это навѣрно, мы-же попрежнему останемся рабами турокъ. Будетъ величайшимъ счастьемъ, если самой незначительной части нашего народа удастся вырваться изъ подъ мусульманскаго ига, большая-же часть останется при прежнему своемъ положеніи, если еще не въ худшемъ. Много, ахъ много прольется крови, раньше чѣмъ солнце свободы взойдетъ надъ нашими головами! Я вижу отсюда цѣлыя горы армянскихъ труповъ, истлѣвающихъ на пожарищахъ; сотни осиротѣлыхъ дѣтей, стонущихъ отъ голода и тщетно призывающихъ къ себѣ замученныхъ башибузукми родителей; множество армянскихъ красавицъ, молодыхъ женъ и дѣвицъ, изнывающихъ въ турецкихъ гаремахъ старыхъ пашей или служащихъ для удовлетворенія скотскаго сластолюбія турецкой черни; вижу обнищавшія семьи, безпріютно разбрѣдшіяся по разнымъ концамъ земли и тщетно взывающія къ человѣческому милосердію и состраданію!

По мѣрѣ того, какъ настоятель говорилъ, блѣдное лицо его еще больше блѣднѣло, а глаза разгорѣлись пылкимъ огнемъ вдохновенія; онъ весь дрожалъ, протянувъ впередъ костлявую руку, какъ-бы угрожая кому-то или кого-то отстраняя. Мнацекановъ съ невольнымъ страхомъ глядѣлъ ему въ лицо, чутко прислушиваясь къ его пророчествамъ.

— Полноте, отецъ!— попробовалъ онъ успокоить взволнованнаго монаха.— Зачѣмъ питать въ себѣ такія мрачныя

мысли?! Богъ дастъ, такъ не будетъ, но для того, чтобы такъ не было, армяне должны съ своей стороны всѣми силами помочь русскимъ въ предстоящей войнѣ. Чѣмъ больше мы сдѣлаемъ сами для нашего освобожденія, чѣмъ больше принесемъ жертвъ, тѣмъ настойчивѣй можемъ требовать расплаты за нихъ. По крайней мѣрѣ я такого убѣжденія и вотъ почему я и взялся за то опасное, рискованное дѣло, о которомъ говорилъ вамъ давеча!

— Смотрите, какъ-бы вамъ не погибнуть! Турки хитры и безошадны; если они догадаются, кто вы и зачѣмъ къ нимъ пріѣхали, они посадятъ васъ на колъ, вѣрьте мнѣ!

— Зачѣмъ вы говорите такъ, — съ неудовольствіемъ произнесъ Карапетъ, — зачѣмъ понапрасну пугать? Я безъ васъ отлично знаю, какой опасности подвергаюсь и не объ этомъ хотѣлъ говорить съ вами; мнѣ нужно узнать ваше мнѣніе, можно-ли довѣриться Чингизъ-хану. Генеральъ посылаетъ ему со мной прекрасный подарокъ: — дорогіе золотые англійскіе часы и пару богато украшенныхъ револьверовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ помочь мнѣ безопасно подъ его покровительствомъ проѣхать въ Турцію, для собранія кое-какихъ важныхъ свѣдѣній; весь вопросъ — насколько можно довѣриться Чингизъ-хану? Вы лучше моего знаете хана, имѣете постоянно съ нимъ дѣла, потому-то я и обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ!

— Видите-ли, — помолчавъ немного, началъ настоятель, въ раздумьи пощипывая свою бороду. — Чингизъ-хану, какъ и всякому персіянину, вѣрить, разумѣется, нельзя, ни единому слову. Нѣтъ той страшной клятвы, которая могла-бы связать его и заставить честно выполнить принятое на себя обязательство; въ этомъ отношеніи они все поголовно лжецы и клятвопреступники, а Чингизъ-ханъ, пожалуй, еще похуже другихъ будетъ. Но когда отъ соблюденія обѣщанія онъ ожидаетъ себѣ какую-нибудь выгоду, то трудно найти челоуѣка болѣе вѣрнаго, чѣмъ онъ. Въ этихъ случаяхъ онъ просто неоцѣнимъ и готовъ служить всѣмъ, чѣмъ можетъ,



а такъ какъ онъ страшно хитеръ и по своему уменъ, то помощь его можетъ быть весьма существенной. Теперь, обсуждая ваше дѣло, я думаю, что Чингизъ-хану нѣтъ причины идти противъ васъ, въ пользу турокъ. Во-первыхъ, турокъ онъ терять не можетъ и не боится, тогда какъ русскихъ, онъ, хотя тоже ненавидитъ, но очень труситъ и заискиваетъ передъ ними, особенно теперь, въ виду могущей быть войны. Во-вторыхъ, отъ турокъ онъ ничего особеннаго ждать себѣ не можетъ, не только никакихъ выгодъ, но даже и порядочныхъ подарковъ, русскіе-же ему могутъ къ тѣмъ подаркамъ, которые вы везете, прислать еще столько-же. Наконецъ, услуживая Россіи противъ турокъ, онъ ничѣмъ не рискуетъ, въ обратномъ-же случаѣ, напротивъ, рискъ его очень великъ: Россія мимоходомъ можетъ захватить его ханство и стереть его самого съ лица земли. Изъ всѣхъ этихъ соображеній выходитъ, что Чингизъ-хану нѣтъ никакого расчета не быть для васъ вѣрнымъ и преданнымъ союзникомъ и помощникомъ. По моему, генераль очень умно поступилъ, пославъ васъ въ Турцію черезъ Персію; тутъ вы пройдете, не возбудивъ ни въ комъ никакого подозрѣнія, тогда какъ на русско-турецкой границѣ, я думаю, турки, при всей своей безопасности, глядятъ въ оба.

— Вы правы. На русско-турецкой границѣ теперь очень опасно. Недавно одинъ абасъ-гельскій армянинъ хотѣлъ пройти въ Карсъ по своему личному дѣлу; турки приняли его за шпіона и, не долго думая, повѣсили на телеграфномъ столбѣ!

— Бѣдняга!—вздыхнулъ настоятель.—Еще одна жертва и далеко не послѣдняя!

— Безъ жертвъ никакое дѣло не обходится. У русскихъ есть хорошая поговорка, смыслъ которой таковъ: когда рубятъ дерево, остаются щепки.

— Это все такъ; но вопросъ, принесутъ-ли всѣ эти жертвы ожидаемую пользу?

— Надо надѣяться!

— Аминь! Теперь скажите мнѣ, пожалуйста, что это за человекъ пришелъ съ вами? По виду онъ не армянинъ и не татаринъ, на настоящаго русскаго онъ тоже не похожъ.

— Хорошенько я и самъ не знаю. Я его спрашивалъ, но, очевидно, онъ не хочетъ говорить всей правды. Называетъ себя Иваномъ, русскимъ бѣглымъ солдатомъ, по армянски не понимаетъ ни одного слова, а по татарски говоритъ недурно, хотя и не по здѣшнему, а какъ говорятъ въ окрестностяхъ Тифлиса. Я его встрѣтилъ недалеко уже отъ границы, въ Аладжинскомъ ущельѣ, едва живого отъ голода и усталости. Послѣ того, какъ я его накормилъ, онъ сталъ проситься со мной въ Персію; сначала я было не хотѣлъ его брать, но увидавъ, какъ онъ замѣчательно хорошо стрѣляетъ изъ ружья, разсудилъ, что на случай встрѣчи съ курдами-разбойниками онъ мнѣ можетъ быть очень полезенъ, и согласился взять его съ собой. Вотъ все, что я могу сказать вамъ объ этомъ человекѣ!

— Но въ Турцію, надѣюсь, вы не собираетесь его везти? Тамъ онъ можетъ возбудить подозрѣніе, а къ тому-же, кто его знаетъ, что онъ за человекъ; чего добраго, еще выдастъ васъ туркамъ!

— Нѣтъ, само собой понятно, въ Турцію мнѣ нѣтъ причинъ его брать. Я думаю предложить Чингизъ-хану взять его въ число своихъ сарбазовъ; онъ можетъ даже сдѣлать его султаномъ и поручить учить своихъ ословъ настоящему военному искусству...

— Или облить керосиномъ и сжечь!

— Если захочетъ сжечь, пусть жжетъ, мнѣ все равно, и не я, конечно, буду перечить въ этомъ Чингизъ-хану. Пусть дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ!

— Насколько я могу судить, онъ не изъ простыхъ,— замѣтилъ настоятель,— интересно-бы знать, зачѣмъ онъ бѣжалъ изъ Россіи, и что онъ тамъ надѣлалъ?



— Ну, это едва-ли возможно, такъ какъ онъ, хотя и молодъ, но не изъ болтливыхъ: языкъ держитъ хорошо на привязи.

— Стоитъ захотѣть,—сквозь зубы, какъ-бы про себя процѣдилъ настоятель,—а то всякій языкъ можно развязать. Въ прошломъ году я приказалъ захватить мальчишку курда, надо было кое-что допытаться отъ него; на что уже упрямый былъ бѣсенокъ, цѣлый день мучались, а къ вечеру и онъ заговорилъ. Все разсказалъ, что намъ надо было!

— Что-же вы съ нимъ сдѣлали потомъ? — заинтересовался Мнацекановъ.— Неужели выпустили?

— Какъ можно выпустить! Онъ-бы пошелъ роднымъ своимъ разсказалъ, тѣ-бы метить начали. Нѣтъ, мы просто его придумили и закопали тамъ-же въ подвалъ. Никто и не узналъ!

— Такъ съ ними, злодѣями, и надо!—воскликнулъ Мнацекановъ.— Курды—наши злѣйшіе враги!



### Въ Суджѣ у грознаго Чингизъ-хана.

Селеніе Суджа, столица полунезависимаго разбойничьяго ханства Суджинскаго и резиденція его суроваго властелина Чингизъ-хана, расположена частью въ долину, частью по склонамъ горъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ это селеніе, которое персіане именуютъ, впрочемъ, городомъ. Оно состоитъ изъ цѣлаго ряда безпорядочно разбросанныхъ и нагроможденныхъ другъ надъ другомъ, каменныхъ хижинъ, съ плоскими земляными крышами и грязными, узенькими дворами.

Среди этихъ жалкихъ лачугъ, наполненныхъ голодными, полунагими, невозможно-грязными ребятишками, праздными, лѣнливыми мужчинами и отупѣвшими отъ непосильной работы и грубаго обращенія женщинами, — горделиво возвышаются, утопая въ зелени роскошныхъ садовъ, бѣлоснѣжныя, высокія, помѣстительныя дворцы, какъ самого владыки Суджей Сардаря \*) Чингизъ-аги, такъ и ближайшихъ его родственниковъ, носящихъ одну общую фамилію хановъ Суджинскихъ.

Дворцы эти, украшенные колоннадами, причудливыми арабесками на фронтонахъ и по карнизамъ, съ цѣлымъ рядомъ огромныхъ оконъ изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, выглядятъ особенно величественно и роскошно по сравненію съ робко жмущимися вокругъ нихъ жалкими мазанками.

---

\*) Сардаръ — намѣстникъ. Подъ именемъ Суджей тутъ говорится объ одномъ полунезависимомъ ханствѣ въ Персіи. Хотя Шаху Персидскому предоставлено право назначать намѣстника на это ханство, которое здѣсь названо, по нѣкоторымъ, весьма важнымъ соображеніямъ, вымышленнымъ именемъ Суджа, но обыкновенно управляется старшимъ изъ всѣхъ родственниковъ между собою хановъ, почти самостоятельно, уплачивая Шаху только дань.



Была уже ночь, когда Карапетъ съ Иваномъ прибыли въ Суджу и остановились въ одномъ изъ караванъ-сараявъ\*), гдѣ имъ отвели клѣтушку, похожую на каменный ящикъ, съ единственной выходной дверью и узкимъ, задѣланнымъ желѣзной рѣшеткой окномъ. Клѣтушка была совершенно пуста и лишена какой-бы то ни было мебели и убранства. На каменномъ полу, поверхъ камышевыхъ циновокъ, были разостланы изодранные, невозможно грязные паласы, въ изобиліи населенные всевозможными насѣкомыми. Надо имѣть шкуру туземцевъ, чтобы ухитриться заснуть въ такомъ клоповникѣ.

За особую плату Карапету Мнацеканову караванъ-сарайщикъ притащилъ ситцевый засаленный тюфякъ, набитый хлопкомъ, и ситцевыя-же жиденькія продолговатыя подушки. О постельномъ бѣльѣ, наволочкахъ, простыняхъ, разумѣется, никто и понятія не имѣлъ; все это замѣнялось засаленнымъ ситцевымъ, стеганымъ одѣяломъ. Что-же касается Ивана, то ему пришлось лечь прямо на полу, подложивъ свою черкеску подъ голову. Несмотря на всю свою усталость, онъ, однако, не въ состояніи былъ уснуть; несмѣтные легіоны всевозможныхъ паразитовъ съ жадностью атаквали его, да, къ довершенію всего, и безпощадная мошка давала себя чувствовать. Все тѣло его горѣло, какъ въ огнѣ, и нестерпимо зудѣло, онъ ворочался съ боку на бокъ, близкій къ отчаянію, и съ завистью поглядывалъ на Мнацеканова, беззаботно и крѣпко спавшаго, несмотря ни на какія безпощадныя нападенія, на своемъ грязномъ до отвращенія матрасикѣ. Только подъ утро удалось Ивану забыться безпокойнымъ тревожнымъ сномъ, да и то не надолго, такъ какъ Мнацекановъ проснулся очень рано, чтобы идти во дворецъ Чингизъ-аги, при чемъ приказалъ и ему слѣдовать за собой.

Молчаливый служитель въ темно-синемъ казакинѣ, застегнутомъ только на одну верхнюю пуговицу, съ изобра-

\*) Караванъ-сарай—азиатская гостиница или, вѣрнѣе, постоялый дворъ.

женіемъ на ней Льва и Солнца, и въ конусообразной мерлушковой папахѣ, на которой красовался мѣдный гербъ того же Льва и Солнца, провелъ ихъ въ пріемную комнату. Иванъ остался за дверями, а Мнацекановъ прошелъ впередъ и присоединился къ группѣ лицъ, сидѣвшихъ полукругомъ посрединѣ. Тутъ было два персидскихъ купца въ верблюжьихъ халатахъ и папахахъ, мулла, сѣдой, какъ лунь, въ бѣлоснѣжной аббѣ и бѣлой огромной чалмѣ, тучный, чернородый сеидъ \*) въ темносиней чалмѣ и синемъ-же халатѣ, и худой, какъ скелеть, оборванный дервишъ съ полупомѣшанными глазами, крайне нервный, точно одержимый пляской св. Витта. Остальные принадлежали, очевидно, къ свитѣ Сардаря и одѣты были въ одинаковые темно-синіе полукафтаны, съ красными кантами и съ мѣдными гербовыми пуговицами. Кафтаны эти, съ широкой юбкой на сборкахъ и непомѣрно высокой таліей, застегивались только на одну верхнюю пуговицу; подъ кафтаномъ были надѣты шелковые, черные съ цвѣточками или горошками бешметы; люстриновыя черныя шаровары на выпускъ и шерстяныя разноцвѣтныя джуралки \*\*) дополняли костюмъ. На головахъ они носили мерлушковыя папахи съ мѣднымъ гербомъ, на которомъ былъ изображенъ левъ съ обнаженнымъ мечемъ въ поднятой передней лапѣ; изъ-за спины льва виднѣлся круглый дискъ солнца съ исходящими отъ него во все стороны лучами.

Вся эта компанія сидѣла чинно, поджавъ подъ себя ноги, сложивъ на животахъ руки, и хранила глубокое молчаніе; только купцы время отъ времени поребрасывались между собой полупшопотомъ отрывистыми фразами. Мнацекановъ, передъ тѣмъ, какъ усѣсться, отвѣсилъ всемъ низкій поклонъ, на который ему отвѣтили плавнымъ наклоненіемъ головы,

\*) Сеидъ—потомокъ пророка Гусейна; сеиды, которыхъ въ Закавказьи и въ Персіи множество, какъ настоящихъ, такъ и самозванныхъ, пользуются у мусульманъ-сунитовъ особеннымъ уваженіемъ и почитаются, какъ существа священные.

\*\*) Джуралки—короткіе чулки до щиколотки.



при чемъ каждый концами пальцевъ коснулся своего лба и груди; только полоумный дервишъ вмѣсто привѣтствія оскалдилъ зубы и соорилъ какую-то нелѣпую гримасу.

Опустившись на коверъ, Мнацекановъ внимательно оглядѣлъ комнату, показавшуюся ему довольно невзрачной. Низкій бревенчатый потолокъ, обмазанныя гажей\*) стѣны, каменный полъ, застланный старыми палласами и отсутствіе всякой мебели—дѣлали ее вовсе не уютной, похожей скорѣе на сарай, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Единственнымъ украшеніемъ этой комнаты было большое окно во всю наружную стѣну; оно помѣщалось въ рѣшетчатой узорной рамѣ, составленной изъ безчисленнаго множества цвѣтныхъ стеклышекъ, разныхъ величинъ и рисунковъ.

Самое окно настолько большое, что въ него могъ свободно пройти человѣкъ, не склоняя головы, не отворялось ни наружу, ни во внутрь, а раздвигалось на двѣ половинки. Изъ него открывался красивый видъ на ханскій садъ. Особенно изящна была передняя часть сада, примыкавшая къ дому. Правильно распланированныя дорожки были расчищены и усыпаны золотистымъ пескомъ; на расположенныхъ между ними ярко-зеленыхъ лужайкахъ красовались пышно разросшіеся кусты бѣлыхъ, алыхъ, желтыхъ и черно-малиновыхъ розъ, вокругъ которыхъ шли клумбы изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Фруктовыя деревья, персики, алыча, курага и кизиль были аккуратно подстрижены, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ приданы причудливыя формы птицъ и какихъ-то чудовищъ. Два огромныхъ густыхъ нарбанта, подобно гигантскимъ шатрамъ, стояли посерединѣ, далеко распространяя вокругъ себя прохладную тѣнь, подъ сѣнью которой робко журчали небольшіе фонтанчики въ мраморныхъ бассейнахъ, наполненныхъ холодной, прозрачной, какъ кристалль, водой. За садомъ темнѣлъ густой паркъ, тоже весьма аккуратно содержимый. Мнацекановъ

\*) Гажа—известка.

нову, слишкомъ хорошо знакомому съ тѣмъ, насколько персіане по природѣ своей лѣнны и крайне неряшливы, съ какимъ физическимъ отвращеніемъ относятся они ко всякому порядку и чистотѣ, просто не хотѣлось вѣрить собственнымъ глазамъ, глядя на этотъ удивительный порядокъ, царившій въ ханскомъ саду. Онъ искренно недоумѣвалъ, какая волшебная сила могла создать такой паркъ въ этой глухой, дикой странѣ. Впрочемъ, если-бы онъ могъ проникнуть въ глубь парка, гдѣ на небольшой полянкѣ молча и угрюмо работало десятка полтора мушей \*), онъ-бы воочию увидѣлъ эту самую волшебную силу. Она представилась-бы ему въ видѣ высокаго толстаго господина съ рыжей бородкой и краснымъ веснучатымъ лицомъ, одѣтаго въ чечучовый просторный костюмъ и пробковый шлемъ, съ обвязаннымъ вокругъ тулы зеленымъ вуалемъ. Въ рукахъ господинъ въ чечучѣ держалъ толстую узловатую палку. По тому, какъ рабочіе пугливо косились на эту палку, всякій разъ, когда обладатель ея, медленно прохаживавшійся назадъ и впередъ въ сторонкѣ, приближался къ нимъ, можно было безошибочно заключить, что они въ достаточной степени знакомы со свойствами этой палки, крѣпкой и упругой, какъ сталь.

Дѣйствительно, мистеръ Джонъ, или, какъ его звали въ Суджахъ, Джонъ-ага, главный садовникъ Чингизъ-хана, даже по персидскимъ понятіямъ, считался человѣкомъ крайне жестокимъ. Съ отданными въ его распоряженіе рабочими онъ обращался хуже, чѣмъ со звѣрями. Самымъ мелкимъ наказаніемъ у него считалось немилосердное избіеніе палкой, преимущественно по темени, послѣ котораго человѣкъ нѣсколько дней ходилъ, какъ въ туманѣ, не будучи въ состояніи шевельнуть головой отъ нестерпимой боли. За болѣе крупныя проступки провинившагося спускали въ глубокую яму и держали тамъ безъ пищи и воды по нѣсколько сутокъ. При нестерпимой духотѣ и жарѣ, царившей въ этомъ

\*) Муша—носильщикъ, чернорабочій.



своеобразномъ карцерѣ, переполненномъ къ тому же земляными клопами и другими насѣкомыми, это наказаніе влекло за собой тяжкое заболѣваніе и даже смерть. Когда же, по мнѣнію Джонъ-аги, и такое наказаніе было недостаточнымъ, онъ шелъ къ Чингизъ-хану съ жалобой, результатъ которой былъ всегда одинаковъ: — воздушное путешествіе на дно пропасти изъ амбразуры углового окна ханскаго дворца.

При такихъ условіяхъ не было ничего удивительнаго, что садъ Чингизъ-хана могъ считаться настоящимъ земнымъ раемъ, по своей чистотѣ и благоустройству.

Прошло около часу. Сидѣвшіе въ пріемной комнатѣ продолжали терпѣливо дожидаться, перебрасываясь между собой короткими фразами и изрѣдка взглядывая на массивную дубовую дверь ведущую во внутренніе покои.

Вдругъ она стремительно распахнулась, и въ предшествіи двухъ нукеровъ въ комнату вошелъ высокій плечистый старикъ въ кафтанѣ шоколаднаго цвѣта изъ дорогого англійскаго сукна, съ высокой таліей, застегнутомъ на одну верхнюю пуговицу, въ темнозеленомъ шелковомъ бешметѣ, каждая пуговка котораго была изъ золота съ вставленнымъ въ нее маленькимъ брилліантомъ. Гербъ на шапкѣ тоже золотой на лѣвой сторонѣ груди сверкала, переливаясь тысячью огней, большая брилліантовая звѣзда Льва и Солнца. Все десять пальцевъ были унизаны массивными золотыми кольцами съ драгоцѣнными камнями. На шеѣ была надѣта толстая часовая пѣпочка, перехваченная аграфомъ изъ замѣчательно красивой и драгоцѣнной бирюзы.

Лицо вошедшаго было угрюмо, покрыто множествомъ морщинъ и носило на себѣ выраженіе холодной непроницаемости. Глядя на это лицо, на эти полуприкрытые длинными рѣсницами загадочные глаза, нельзя было рѣшить, что думаетъ этотъ человекъ, но въ то же время весь онъ былъ какъ бы пропитанъ жестокостью, неумолимой, необузданной; той восточной, безстрастной и холодной жестокостью какою ознаменовали себя въ исторіи азіатскіе

владыки, устраивавшіе пирамиды изъ сотенъ тысячъ головъ своихъ плѣнниковъ и наполнявшіе мѣшки человѣческими глазами \*).

Войдя въ комнату, Чингизъ-ханъ быстро окинулъ присутствовавшихъ тяжелымъ взглядомъ, на мгновеніе сверкнувшимъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Небрежно кивнувъ въ отвѣтъ на низкій и почтительный, чуть не земной поклонъ своихъ гостей и подданныхъ, онъ медленно опустился на подсунутую однимъ изъ нукеровъ подушку.

Кромѣ Карапета Мнацеканова, остальныхъ всѣхъ Чингизъ-ханъ видѣлъ уже не въ первый разъ, а потому, не обращая на нихъ вниманія, сосредоточилъ на армянинѣ свой упорный, тяжелый взглядъ, молча выжидая, что онъ скажетъ ему. Тотъ, однако, продолжалъ молчать, почтительно сложивъ на груди руки и слегка наклонивъ голову.

— Кто ты, откуда и зачѣмъ? — обратился, наконецъ, къ нему съ вопросомъ Чингизъ-ханъ.

— Я русскій подданный, зовутъ меня Карапетомъ Мнацекановымъ, свѣтлѣйшій ханъ, а пріѣхалъ я къ тебѣ по особо важному дѣлу, о которомъ могу сказать только наединѣ.

При этомъ отвѣтѣ Чингизъ-ханъ еще пристальнѣй взглянулъ въ глаза Мнацеканова, и, подумавъ съ минуту, хлопнулъ въ ладоши. На этотъ призывъ изъ-за дверей появился поразительной красоты мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, съ нѣжнымъ, женственнымъ личикомъ и огромными темными глазами. Онъ наклонилъ свое ухо къ лицу Чингизъ-хана и тотъ шепнулъ ему что-то, послѣ чего мальчикъ подошелъ къ Карапету и жестомъ пригласилъ его слѣдовать за нимъ.

Выйдя изъ комнаты, мальчикъ повелъ Мнацеканова крытой стеклянной галлереей съ окнами въ садъ; галлерей выходила на небольшой дворикъ, обнесенный высокою стѣ-

\*) Историческій фактъ, случившійся въ средніе вѣка при взятіи персидскимъ царемъ селенія Джульфы.



ной. За этимъ дворикомъ возвышалась краснаго кирпича башенка съ винтообразной лѣстницей внутри. Поднявшись по лѣстницѣ ступеней пятьдесятъ, они очутились въ совершенно круглой комнатѣ, похожей на фонарь, стѣны и потолокъ которой состояли изъ деревянныхъ рѣзныхъ рамъ съ разноцвѣтными стеклами. Полъ комнаты былъ устланъ коврами, а у большого окна лежало два бархатныхъ матраца, составлявшіе единственную мебель, если такъ можно назвать, этой комнаты.

Окно, какъ и большинство оконъ въ дворцахъ персидскихъ хановъ, было раздвижное и похожее скорѣе на дверь, чѣмъ на окно, и передъ нимъ былъ устроенъ небольшой висячій деревянный балкончикъ.

Пригласивъ Карапета сѣсть на одинъ изъ матрацовъ, мальчикъ слегка кивнулъ головой.

Оставшись одинъ, Мнацекановъ отъ нечего дѣлать вышелъ на балконъ оглядѣться.

Дворецъ Чингизъ-хана стоялъ на горѣ, при чемъ задній фасадъ съ прилегающимъ къ нему садомъ и паркомъ обращенъ былъ къ отлогой ея сторонѣ, задняя же стѣна, гдѣ помѣщалась башня, выходила на противоположную сторону горы, при чемъ стѣны зданія, сливаясь съ обрывомъ скалы, составляли съ нею какъ бы одну общую отвѣсную стѣну.

Съ чувствомъ невольнаго страха заглянулъ Карапетъ черезъ перила внизъ. Подъ нимъ зіяла глубокая пропасть. Красновато-желтые камни, въ хаотическомъ безпорядкѣ набросанные другъ на друга, лежали въ вѣчномъ покоѣ, налимые жгучими лучами солнца. Кругомъ была мертвая пустыня: ни одного живого существа, ни малѣйшаго движенія, ни одного звука. Только подъ самой площадкой балкончика на остромъ выступѣ скалы молчаливо копошилось тѣсною кучкой нѣсколько штукъ темнобурыхъ, бѣлоголовыхъ, безобразныхъ грифовъ. Сначала Мнацекановъ долго не могъ понять, что они тамъ дѣлаютъ, но, взглянувъ пристальнѣе, съ ужасомъ разсмотрѣлъ распростертыи внизу

на камняхъ трупъ челоѡѡка, лежащаго навзничъ. Лицо трупа было истерзано когтями и клювами, ребра обнажены, кругомъ чернѣли засохшія лужи крови. Нѣсколько поодаль бѣлѣла другая груда челоѡѡческихъ костей; такія же кости, очевидно, растасканныя хищными птицами и животными, виднѣлись то тамъ, то здѣсь по всему каменистому пространству этой долины смерти.

Мнапекановъ съ омерзѣніемъ отвернулся и поспѣшилъ съ балкончика въ комнату, гдѣ на встрѣчу ему появился тотъ же мальчикъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояла крошечная чашечка крѣпкаго кофе, стеклянная вазочка съ вареньемъ, небольшая, мѣдная миска, до краевъ наполненная душистой, сладковатой, холодной какъ ледъ водой, и блюдечко съ приторными сладкими персидскими конфектами изъ сахара, муки и имбиря.

— Буюръ \*), ага! — тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ произнесъ мальчикъ, ставя подносъ на коверъ передъ Мнапекановымъ. Хотя Каранету послѣ только что видѣннаго имъ зрѣлища было и не до ѣды, но отказаться отъ угощенія онъ не могъ, не оскорбивъ тѣмъ хана, а потому ему ничего не оставалось иного, какъ разсыпаться въ благодарностяхъ.

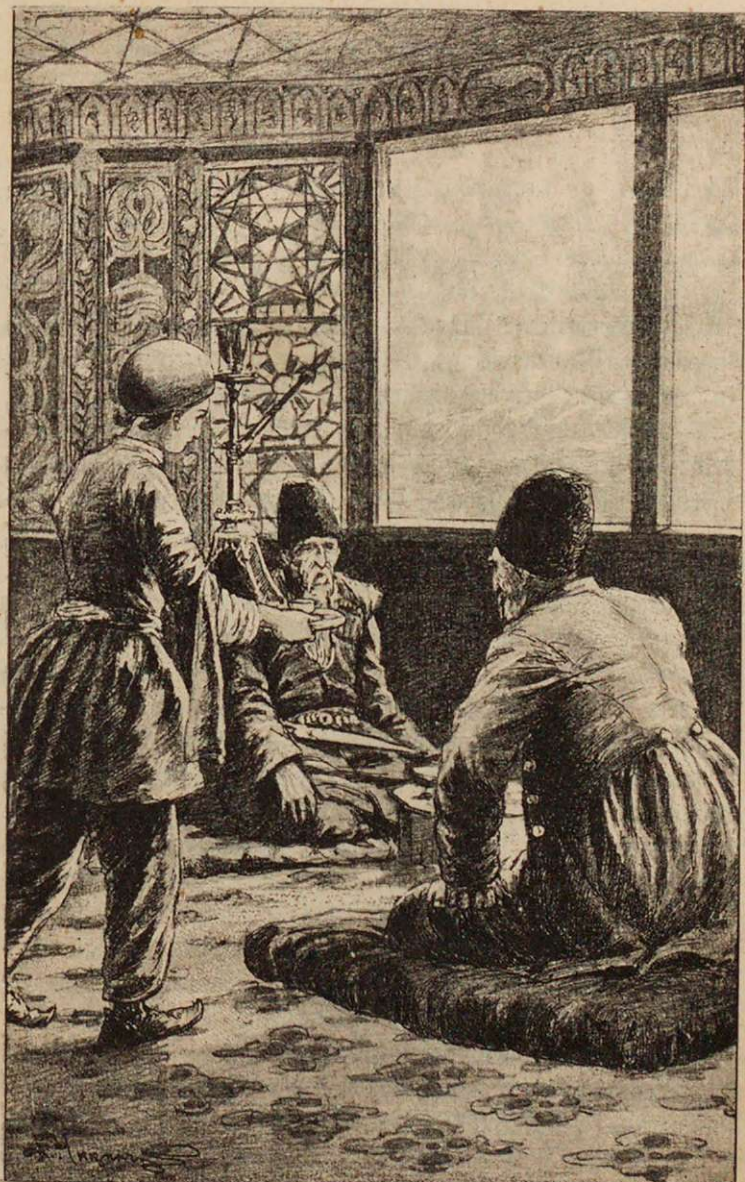
— Чохъ-саоль, чохъ-чоухъ-саоль \*\*),—произнесъ онъ нѣсколько разъ, приложивъ руку къ сердцу и принимаясь за кофе.

Не успѣлъ онъ выпить первой чашки, какъ въ комнату неслышными шагами вошелъ Чингизъ-ханъ и, приблизившись къ окну, опустился на матрацъ. Мальчикъ тотчасъ же подалъ ему кофе и кальянъ, послѣ чего исчезъ за дверями, плотно прикрывъ ихъ за собой.

\*) Буюръ—прошу, пожалуйста (по-персидски).

\*\*) Чохъ-саоль, чохъ-чоухъ-саоль—очень благодаренъ, очень, очень благодаренъ!





„Въ комнату вошелъ Чингизъ-Ханъ и опустился на коверъ противъ армянина“...

## П о л и т и к а.

Ну, въ чемъ твое дѣло?—далеко не дружелюбнымъ тономъ произнесъ Чингизъ-ханъ, въ упоръ глядя въ лицо Карапету и затягиваясь дымомъ кальяна.

— Я, свѣтлѣйшій ханъ, къ тебѣ отъ генерала съ письмомъ,—Карапетъ назвалъ одного изъ славныхъ тогдашнихъ боевыхъ именъ Кавказа, — и подаркомъ. Когда ты прочтешь письмо, твоя мудрость сама изъяснитъ тебѣ то дѣло, за которымъ я прибылъ!

Говоря такимъ образомъ, Мнацекановъ досталъ изъ-за пазухи завернутый въ кусокъ бѣлаго сафьяна пакетъ съ тремя печатами и подаль его хану, затѣмъ изъ висѣвшей на боку сумки досталъ небольшой футляръ, бережно завернутый въ толстую глянцевитую бумагу и перевязанный красной ленточкой. Сорвавъ бумагу, онъ самый футляръ положилъ къ ногамъ хана.

Чингизъ-ханъ, стараясь казаться равнодушнымъ, медленнымъ, лѣнивымъ жестомъ взялъ футляръ въ руки, но когда онъ раскрылъ его, выраженіе алчной радости, помимо его воли, на мгновеніе мелькнуло въ его лицѣ. Впрочемъ, онъ тутъ же поспѣшилъ тщательно затаить въ себѣ свои чувства и съ напускнымъ безстрастіемъ, но тѣмъ не менѣе весьма внимательно, принялся разглядывать великолѣпные золотые часы съ изящной короной изъ мелкихъ брилліантовъ на верхней узорчатой крышкѣ. Сосредоточенно нахмуря брови, Чингизъ-ханъ долго вертѣлъ часы въ рукахъ то и дѣло прикладывая ихъ къ уху и внимательно прислушиваясь къ



звонкому, мелодичному бою, открывалъ и закрывалъ массивныя крышки и подолгу разглядывалъ серебряный арабскій циферблатъ, съ стрѣлками ввидѣ змѣекъ съ брилліантовыми головками.

Какъ ни старался хитрый полудикарь скрыть впечатлѣніе, произведенное на него подаркомъ, Карапетъ могъ ясно замѣтить, насколько онъ остался имъ доволенъ, потому счелъ за лучшее не отдавать теперь же другого подарка—двухъ револьверовъ, оставивъ ихъ на послѣ, до другого раза.

Насмотрѣвшись вдосталь на часы, Чингизъ-ханъ бережно уложилъ ихъ въ футляръ и, спрятавъ въ бездонный карманъ своего кафтана, принялся за чтеніе письма.

Письмо было написано по-татарски на изящномъ арабейджанскомъ нарѣчій и, какъ все восточнаго характера письмо, начиналось многочисленными добрыми пожеланіями и всякаго рода учтивостями. По мѣрѣ того, какъ Чингизъ-ханъ читалъ длинное и обстоятельное посланіе генерала, лицо его, и безъ того всегда суровое, дѣлалось все угрюмѣй и озабоченнѣй. Нѣкоторыя строки письма онъ перечитывалъ по два раза, какъ бы желая лучше запечатлѣть ихъ въ своей памяти.

— Генералъ хочеть, чтобы я помогъ тебѣ пробраться въ Турцію, далъ возможность пожить тамъ недѣли съ двѣ и затѣмъ опять вернуться обратно,—заговорилъ Чингизъ-ханъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, послѣдовавшаго за прочтеніемъ письма,—хорошо, я согласенъ. Я отправлю тебя въ Турцію, какъ свое довѣренное лицо, персидско-подданнаго, для закупокъ разныхъ предметовъ. У меня тамъ, въ Санджанскомъ вилайетѣ, есть хорошій другъ Зафаръ-паша; я пошлю ему съ тобой письмо и попрошу его помочь тебѣ купить нужные мнѣ товары. Я приступаю къ перестройкѣ своего дворца, тебѣ надо будетъ пріискать мнѣ хорошихъ мастеровъ, для этого придется много поѣздить туда и сюда; хорошихъ мастеровъ мало, а я строгъ, и мнѣ угодить трудно... Понимаешь?

— Понимаю, свѣтлѣйшій ханъ. Это все, что только мнѣ нужно отъ твоей милости. Остальное уже мое дѣло!

— Отлично! Итакъ, ты можешь ѣхать, когда хочешь, я дамъ тебѣ надежныхъ проводниковъ, храбрыхъ и молчаливыхъ. Письмо Зафѣръ-пашѣ будетъ готово сегодня вечеромъ. Когда солнце зайдетъ, приходи къ моему секретарю Эминъ-Эфенди и сообщи ему часъ твоего отъѣзда, онъ уже распорядится. Чѣмъ меньше времени пробудешь ты въ Суджѣ и чѣмъ скорѣе пройдешь въ Турцію, тѣмъ будетъ лучше; надо спѣшить, пока люди не развяжутъ путь своимъ языкамъ... Понялъ?

Мнацекановъ, въ знакъ согласія, почтительно наклонилъ голову. На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе.

— Итакъ, война будетъ,—заговорилъ снова Чингизъ-ханъ,—глухие же совѣтчики у Пади-Шаха, если не сумѣли и не захотѣли отговорить его отъ такого безумія—воевать съ русскими. Онъ не успеетъ свершить трехъ намазовъ, какъ русскіе войдутъ въ Константинополь!

— На все воля Аллаха!—осторожно замѣтилъ Мнацекановъ, не вполне довѣряя искренности словъ Чингизъ-хана.

— Конечно, воля Аллаха первое дѣло, — усмѣхнулся тотъ,—но почему-то всегда такъ бываетъ, что воля Аллаха склоняется постоянно на сторону того, у кого войска больше и обучены они лучше. Когда волкъ схватывается съ лисицей, то Аллахъ каждый разъ помогаетъ первому, и онъ легко разрываетъ лисицу зубами, несмотря на то, что она, по всей вѣроятности, не менѣе усердно молится Аллаху о дарованіи ей побѣды. Съ турками будетъ то же, что и съ лисицей. Аллахъ, навѣрно, не будетъ на ихъ сторонѣ!

Опять наступило молчаніе. Чингизъ-ханъ, очевидно, хотѣлъ заговорить о чемъ-то, но не находилъ подходящей нити для начала разговора, а Мнацекановъ нарочно и упорно молчалъ, избѣгая разспросовъ, на которые ему было бы трудно или совершенно невозможно отвѣчать.



— Скажи, почему русскіе мной недовольны?—рѣшилъ, наконецъ, Чингизъ-ханъ.—За что мнѣ постоянно шлютъ угрозы и жалуются на меня Шахъ-инъ-Шаху? Развѣ я плохой сосѣдь?

— Помилуй, ханъ, откуда могутъ происходить такія мысли,—всплеснулъ даже руками Карапетъ,—развѣ мы все не знаемъ, насколько твоя свѣтлость истинный другъ русскихъ? Но если позволишь сказать правду, твои курды дѣйствительно причиняютъ много хлопотъ и безпокойства приграничнымъ жителямъ въ Россіи. Они то и дѣло цѣлыми шайками переправляются на ту сторону, грабятъ селенія, угоняютъ скотъ, а нерѣдко совершаютъ и убійства!

— Ну, это еще кто кого,—мрачно произнесъ Чингизъ-ханъ,—если Суджинскіе курды и нападаютъ на пограничныхъ жителей Россіи, то, вѣдь, то же дѣлаютъ и русскіе курды. Развѣ они не переходятъ на нашу сторону, не нападаютъ на моихъ людей и не грабятъ ихъ? А казаки? Сколько перестрѣляли они моихъ поселянъ, татаръ? Никто не смѣетъ подойти днемъ къ Араксу поить скотъ,—казаки ради потѣхи стрѣляютъ не только въ мужчинъ, но даже и въ женщинъ, и дѣтей!

— Почему ханъ не напишетъ объ этомъ генералу?—спросилъ Мнацекановъ.

— А развѣ мнѣ повѣрять? Про меня распустили молву, какъ о разбойникѣ, будто-бы я дѣлюсь съ курдами награбленнымъ добромъ, и каждую минуту готовъ самъ совершить набѣгъ на русскіе кордоны. Поэтому-то на все мои жалобы глядятъ, какъ на ложь и клевету!

Онъ сердито замолчалъ и съ ожесточеніемъ принялся пыхтѣть кальяномъ.

Карапетъ молчалъ. Въ словахъ хана была доля правды. Казаки, а въ особенности пластуны, занимавшіе въ тѣ времена кордонную пограничную линію, дѣйствительно, мало церемонились съ «проклятыми бусурманами» и при всякомъ удобномъ случаѣ не прочь были подстрѣлить «перешку»,

мало интересуясь тѣмъ, «мирные они или не мирные». Офицеры въ этомъ случаѣ нерѣдко сами показывали примѣръ жестокости. Такъ, напримѣръ, про одного пластуна-офицера рассказывали, будто бы онъ поставилъ на крышѣ своего поста прицѣльный станокъ, и точно размѣривъ различныя разстоянія на противоположномъ берегу, устраивалъ для своего развлечения стрѣльбу по появившимся на той сторонѣ курдамъ и персамъ. Сидя на стулѣ и положивъ винтовку на станокъ, онъ, ориентировавшись на избѣренные зарубѣ предметы, ставилъ правильный прицѣлъ и безъ промаха «подрѣзывалъ» намѣченные имъ жертвы. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что, повидимому, безпричинная жестокость имѣла свое весьма резонное основаніе. Разбросанные далеко другъ отъ друга малочисленные казачьи пикеты и кордоны жили подъ постоянной угрозой быть вырѣзанными персіянами и курдами и только терроромъ могли сдерживать кровожадность и фанатизмъ зарубежныхъ дикарей. Случаи нападенія и поголовнаго вырѣзыванія цѣлыхъ казачьихъ постовъ были не рѣдкость. Конечно, послѣ всякаго такого происшествія между сосѣдями разыгрывалось безконечное кровомщеніе. Одна сторона жестоко мстила другой, и разобрать тогда, на чьей сторонѣ была правда, и кто, въ сущности, является зачинщикомъ, представлялось положительно невозможнымъ. Съ усиленіемъ русской власти на границѣ, а затѣмъ съ передачей охраны границы Пограничной Стражѣ, отношенія между двумя пограничными народностями сдѣлались гораздо лучше. |

Съ каждымъ днемъ растетъ между ними довѣріе, и теперь уже жизнь на этихъ далекихъ окраинахъ во многихъ мѣстахъ не болѣе опасна, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

— Что это за человекъ съ тобой?—спросилъ Чингизханъ, уже успѣвшій своимъ всезамѣчающимъ глазомъ увидѣть Ивана.—Онъ не армянинъ?

— Нѣтъ, это русскій бѣглый солдатъ. Я его встрѣтилъ почти на самой границѣ!—отвѣтилъ Мнацекановъ и тутъ



же разсказалъ Чингизъ-хану все, что самъ зналъ о человѣкѣ, прозванномъ имъ Иваномъ.

Чингизъ-ханъ слушалъ внимательно, не проронивъ ни одного слова.

— Ты что же, хочешь взять его въ Турцію?

— Нѣтъ, ага, это невозможно! Въ Турціи онъ легко возбудитъ подозрѣніе, тамъ сейчасъ же угадаютъ въ немъ русскаго и примутъ насъ за шпионовъ. Я хотѣлъ предложить твоей свѣтлости принять его въ число твоихъ нукеровъ, онъ можетъ даже обучать твоихъ сарбазовъ военной службѣ на русскій манеръ; насколько я успѣлъ понять, онъ храбрый и умный человѣкъ!

— Что же, пожалуй, я возьму его,—въ раздумьи произнесъ Чингизъ-ханъ,—прикажи привести его сюда, я поговорю съ нимъ, а самъ можешь идти теперь. Помни же, вечеромъ приходи къ Эминъ-Эфенди, онъ передастъ тебѣ все, что нужно. Прощай!

На этотъ разъ ханъ милостиво протянулъ руку Мнадеканову, который поспѣшилъ осторожно и подобострастно пожать концы ханскихъ пальцевъ.



## Р е н е г а т ь.

— Кто ты такой? — грозно насупя брови, съ величественной небрежностью спросилъ Чингизъ-ханъ, окидывая пристальнымъ взглядомъ стоявшаго передъ нимъ Ивана.

— Бѣглый солдатъ, унтеръ-офицеръ! — отвѣтилъ тотъ по-татарски, совершенно спокойно.

— Гдѣ ты выучился по-татарски? Ты, вѣдь, не мусульманинъ?

— Нѣтъ, я русскій. Но тамъ, гдѣ я жилъ, многіе русскіе умѣютъ говорить по-татарски!

— А гдѣ же ты жилъ?

— Недалеко отъ Тифлиса!

— Зачѣмъ ты бѣжалъ изъ полка?

— Этого я не скажу. Я, конечно, могъ бы соврать тебѣ, ханъ, и наговорить сказокъ, но врать я не люблю, а правду сказать тоже не могу: мнѣ это слишкомъ тяжело, а для тебя безразлично знать или не знать причину, заставившую меня бѣжать изъ Россіи!

Чингизъ-ханъ, пріученный къ раболѣпству, вовсе не ожидалъ такого смѣлаго отвѣта. Онъ вспылилъ, и глаза его бѣшено сверкнули.

— Собака! — закричалъ онъ, топнувъ ногой. — Какъ ты смѣешь отвѣчать мнѣ подобнымъ образомъ? Видишь это окно, — онъ указалъ пальцемъ на окно съ балкончикомъ, съ котораго передъ тѣмъ смотрѣлъ Карапетъ, — поди взгляни, сколько труповъ валяется внизу, мнѣ стоитъ сдѣлать одно движеніе бровью, и ты будешь лежать тамъ же, какъ падалъ!



— Конечно, ты воленъ убить меня,—съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ Иванъ, не удостоивъ рокового окна взглядомъ,—но тогда, стало-быть, все, что я слышалъ про тебя, вранье, пустая бабья болтовня, и ты вовсе не таковъ, какимъ тебя описываютъ. Когда я шелъ къ тебѣ, мнѣ говорили про тебя, какъ про самага умнаго и проницательнаго человѣка въ Персіи, тебя называли орломъ, видящимъ насквозь каждаго человѣка, съ которымъ ты встрѣчаешься, и что же, — ты съ первыхъ же словъ собираешься выкинуть въ окно, какъ ненужную тряпку, человѣка, могущаго быть тебѣ весьма полезнымъ, за котораго, если бы ты отдалъ всѣхъ твоихъ глухихъ нукеровъ, и то было бы мало!

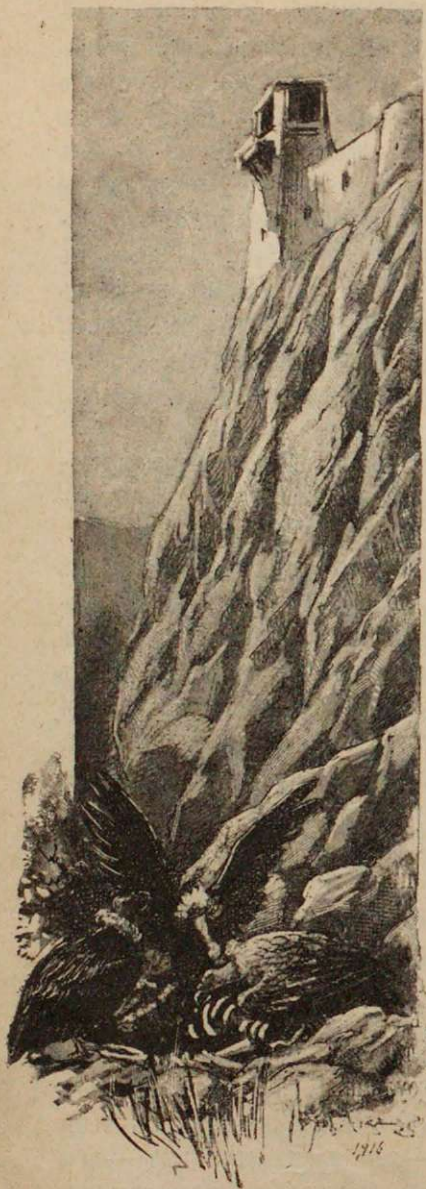
— Чѣмъ же ты можешь быть мнѣ уже такимъ полезнымъ? — съ ироніей въ голосъ, но тѣмъ не менѣе пораженный его смѣлостью, спросилъ Чингизъ-ханъ.

— Сдѣлай меня твоимъ тѣлохранителемъ и дай мнѣ команду человѣкъ сто, я тебѣ приготовлю такую лихую, хорошо обученную сотню, какой нѣтъ у самого шаха. Пусть тогда осмѣлится кто-нибудь взбунтоваться противъ тебя, съ одной этой сотней можно будетъ разнести тысячу человѣкъ!

Чингизъ-ханъ молча и пытливо глядѣлъ въ лицо Ивана, обдумывая про себя его предложеніе. Тотъ стоялъ, смѣло и гордо поднявъ голову, не опуская глазъ подъ тяжелымъ, недобрымъ взглядомъ сардара.

— Ты христіанинъ, — неопредѣленно произнесъ, наконецъ, Чингизъ-ханъ,—могу-ли я тебѣ вѣрить? Если хочешь заслужить мое довѣріе, сдѣлайся правовѣрнымъ, и тогда увидимъ; въ противномъ случаѣ, ступай съ моихъ глазъ и знай, если русскіе потребуютъ твоей выдачи, я прикажу тебя связать и отправить на ту сторону. Понялъ?

— Богъ одинъ, и у мусульманъ, и у христіанъ, — вѣра разная,—отвѣтилъ Иванъ,—если я пришелъ къ тебѣ ханъ, то отнынѣ твоя страна—моя страна, твоя вѣра—моя вѣра, твои обычаи—мои обычаи. Я ушелъ съ своей родины,



чтобы никогда не возвращаться назадъ, я порвалъ съ нею навсегда и окончательно. Если ты, ханъ, не примешь меня, я уйду въ Турцію!

Чингизъ-хану, очевидно, понравился отвѣтъ Ивана, хмурое лицо его на мгновение прояснилось.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — оставайся. Отрекись отъ гяуровъ, стань добрымъ мусульманиномъ, и я приближу тебя къ себѣ, я дамъ тебѣ домъ, землю, жену, ты не будешь нуждаться, но помни, — и въ голосѣ хана зазвучала зловѣщая нотка, — вся твоя жизнь, все твое дыханіе, голова и сердце — мои! Ты долженъ знать только меня, и только на меня должны устремляться твои очи! Чтобы я ни приказалъ тебѣ, ты долженъ исполнять, не колеблясь, какъ рука исполняетъ волю головы, иначе, — смерть, лютая, жестокая смерть! Запомни хорошо мои слова. А теперь иди къ моимъ нукерамъ, скажи, что я прислалъ тебя, и жди дальнѣйшихъ приказаній!



## VII.

### Черезъ много лѣтъ.

Большое селеніе Шахъ-Абадъ красиво раскинулось по склону высокаго холма, спускающагося отлогими террасами къ самой рѣкѣ Араксъ. Вблизи крайне безобразныя, слѣпленные изъ грязи \*) и кое-какъ побѣленные, съ земляными, всегда полуразрушенными крышами и черными дырами вмѣсто оконъ, жалкія лачуги селенія, издали, благодаря главнымъ образомъ густой зелени садовъ, выглядятъ очень живописно. Безчисленное множество ручейковъ, сверкая рѣзвыми струями, прихотливо бѣгутъ по выложенному камнемъ руслу и то пропадаютъ подъ землей, то снова вырываются наружу и, наконецъ, соединяются въ разбросанныхъ по разнымъ концамъ селенія водоемахъ. На самой вершинѣ холма, въ сторонѣ отъ прочихъ построекъ, расположенъ цѣлый рядъ домиковъ, по виѣшнему своему виду и архитектурѣ напоминающихъ европейскія строенія. Высокій каменный фундаментъ, гладкія кирпичныя стѣны подъ штукатурку, большія окна съ деревянными рамами, трубы на крышахъ и, наконецъ, просторныя, высокія входныя двери, съ мѣдными скобами и внутренними замками, а главное — общее строгое однообразіе всѣхъ построекъ лено говорили всякому, что въ этихъ зданіяхъ помѣщается

\*) На Закавказьи — дома поселянъ складываются или изъ сырцоваго кирпича, или просто изъ камней-булыжниковъ, но въ обоихъ случаяхъ стѣны толстымъ слоемъ внутри и снаружи обмазываются грязью, получаемой отъ смѣси глины, навоза и самана, растворенныхъ водой и тщательно перемѣшанныхъ. Для этой цѣли татары передъ началомъ постройки разводятъ около своихъ дворовъ цѣлыя участки невылазной грязи, стоящей мѣсяцами и заражающей воздухъ нестерпимымъ зловоніемъ.



какое-нибудь казенное учрежденіе. Высокая мачта съ развѣвающимся на ея верхушкѣ флагомъ окончательно подтверждала это предположеніе.

Дѣйствительно, зданія эти вмѣщали въ себѣ Шахъ-абадскую таможенную, съ пакгаузомъ, канцелярію, квартирами чиновниковъ и казармой таможенныхъ солдатъ. Передъ главнымъ домомъ, гдѣ помѣщались канцелярія и находящаяся рядомъ съ ней квартира управляющаго таможеней, былъ раскинутъ не особенно большой, но чрезвычайно густой и тѣнистый садъ, изрѣзанный по всѣмъ направленіямъ дорожками, вдоль которыхъ сплошной стѣной шли розовые и гранатовые кусты. Подъ стѣнами дома былъ разбитъ красивый палисадникъ, со множествомъ чрезвычайно разнообразныхъ цвѣтовъ, а въ противоположной сторонѣ у задней стѣны живой изгороди виднѣлся тщательно воздѣланный огорождъ. По серединѣ сада былъ устроенъ каменный бассейнъ, доставлявшій всему саду обильное орошеніе. Въ сторонѣ отъ бассейна, обращенная къ нему входомъ, возвышалась подъ стѣною двухъ густыхъ тутовыхъ деревьевъ круглая конусообразная парусиновая палатка, внутри которой стояли небольшой столъ, тахта, застланная ковромъ, и два-три вѣнскихъ стула. Бока палатки съ двухъ противоположныхъ сторонъ были откинуты, отчего получалась небольшая сквозная тяга воздуха, немного умѣрявшая зной: несмотря на конецъ августа и на то, что день склонялся къ вечеру—жара стояла нестерпимая. Въ палаткѣ, спиной къ входу, склонившись надъ столомъ, сидѣла молодая дѣвушка, лѣтъ 18—19, и писала. Простенькое, бѣлое кисейное платьѣ, съ открытымъ воротомъ, плотно облегало ея стройную, немного худощавую фигуру. Поглощенная всецѣло своимъ писаніемъ, дѣвушка не подымала головы и только изрѣдка досадливо отбрасывала рукой со лба волнистую прядь волосъ, упрямо лѣзшую ей прямо въ глаза. Она, очевидно, очень торопилась. Рука ея быстро и нервно мелькала, выводила мелкими буквами строчку за строчкой на страницѣ толстой переплетен-



ной тетради. Закончивъ страничку, она тщательно присушила ее листкомъ протечной бумаги и только хотѣла перевернуть, чтобы продолжать дальше, какъ изъ дома вышла молодая, полная дама безъ шляпы, но подъ зонтикомъ.

— Лидія, а я къ тебѣ!—крикнула молодая дама, сходя по ступенькамъ въ садъ,—въ комнатахъ просто нѣтъ возможности сидѣть, такъ душно. Въ палаткѣ навѣрно гораздо прохладнѣй.

— Милости просимъ,—отвѣтила дѣвушка,—здѣсь дѣйствительно еще сносно, съ грѣхомъ пополамъ сидѣть можно, не рискуя быть совершенно испеченной.

— Господи, — искренно изумилась молодая женщина, входя въ палатку,—ты въ такую адскую жару находишь возможнымъ еще писать, не понимаю... я такъ просто пальцемъ не могу шевельнуть. Повѣришь, мнѣ даже думать жарко.

Лидія весело расхохоталась.

— Положимъ, Оля, ты всегда была немного Обломовымъ, даже барышней, а теперь, сдѣлавшись madame Щербо-Рожновской, совершенно обабилась.

— Фу! «обабилась», кѣль выражансь,—шутливо поморщилась Щербо-Рожновская,—а еще институтка! Ну, чего сказать, изящному *façon de parler* учать въ институтахъ нынѣшняго времени!

— Ахъ, Боже мой, — институтка нынѣшняго времени: подумашь, сама давно кончила! У насъ навѣрно еще и парту-то, на которой ты сидѣла въ выпускномъ классѣ, перекрасить не успѣли.

— Нѣтъ, другъ мой, — слегка вздохнула Ольга,—навѣрно перекрасили и не одинъ разъ. Это только такъ кажется, будто бы недавно, а подчитай-ка:—почти пять лѣтъ прошло, какъ я замужемъ и живу на Закавказьи, да дома въ дѣвушкахъ около года, и выходитъ безъ малаго 6 лѣтъ со дня моего выхода изъ института. Время летить, какъ птица; не замѣтишь, какъ начнешь стариться, особенно при такой однообразной, монотонной жизни и въ такомъ убій-

ственномъ климатѣ. Обиднѣй всего то, что состаришься, не видавши молодости, среди пошлости и скуки провинціального прозябанія. Впрочемъ, нашу трущобу даже и провинціей нельзя назвать, просто-на-просто безлюдная глушь, дикая пустыня и ничего больше!

— Ну, полно, что за мрачныя мысли! По моему здѣсь жизнь вовсе не такъ уже однообразна, какъ ты говоришь; что касается меня, то, признаюсь, я съ большимъ интересомъ приглядываюсь ко всему окружающему и нахожу какъ людей, такъ и мѣстный бытъ заслуживающими большаго вниманія. Каждый день мнѣ приноситъ массу новыхъ, оригинальныхъ впечатлѣній; одни здѣшніе типы чего стоятъ!

— Ахъ, полно, — съ досадою перебила Лидію Ольга, — всѣхъ этихъ впечатлѣній хватить не болѣе, какъ на одинъ годъ, потомъ все это такъ надоѣсть, что глаза не глядѣли бы. Ты думаешь, я, когда въ первый разъ пріѣхала на Закавказье, не испытала того же? Испытала въ лучшемъ видѣ, — при взглядѣ на верблюда въ умиленіе приходила, а на всякаго пройдоху въ черкескѣ смотрѣла, какъ на какого-нибудь Бей-Булата и Хаджи-Абрека; духанщиковъ, армяшекъ лживыхъ, трусливыхъ, ничтожныхъ, принимала за черкесовъ... Ахъ, да всего и не вспомнишь! Это общая болѣзнь всѣхъ русскихъ, пріѣзжающихъ изъ центральныхъ губерній, поэтизировать Кавказъ и глядѣть на него сквозь Лермонтовскія очки; но, при дальнѣйшемъ знакомствѣ, эта блажь скоро соскакиваетъ, глаза проясняются, и начинаешь видѣть все въ настоящемъ его свѣтѣ. Не знаю, каковъ былъ Кавказъ во времена Лермонтова, но теперь, въ рукахъ армянъ, онъ превратился въ очень малопривлекательную страну; что же касается Закавказья, то я всегда удивляюсь, какъ правительству не пришло до сихъ поръ въ голову замѣнить ссылку въ Сибирь ссылкой на Закавказье. Судя по описаніямъ, Сибирь — рай въ сравненіи съ этой проклятою самимъ Богомъ страной.





„...Господи, — изумилась молодая женщина, входя въ палатку, — ты въ такую жару находишь еще возможнымъ писать!“...

— Ну, ужъ ты черезчуръ! — укоризненно покачала головой Лидія.—Тебѣ просто захотѣлось пожить въ большомъ городѣ съ его увеселеніями и суетолокой, оттого тебѣ и кажется все гадкимъ. Ты озлобилась и на природу, и на людей, бранишь армянъ, бранишь татаръ; даже здѣшними русскими молоканами, и тѣми недовольна, а я скажу, что армяне далеко уже не такъ худы, какъ про нихъ говорятъ; въ нихъ много природнаго радушія, гостепріимства, веселости, они чрезвычайно трудолюбивы и способны; что же касается татаръ,—миѣ въ нихъ нравится религіозность, безропотная покорность судьбѣ, величая важность во всѣхъ движеніяхъ и ихъ беззаботность о завтрашнемъ днѣ, они истые философы, чуждые европейской меркантильности...

— Довольно, довольно, будетъ, уши вянутъ, — съ явнымъ раздраженіемъ замахала руками Ольга,—такую чепуху можно говорить только на пятый день по пріѣздѣ на Закавказье, а ты уже, слава Богу, три мѣсяца живешь здѣсь! Вотъ никакъ не ожидала видѣть въ тебѣ такую институтскую восторженность. Впрочемъ, у тебя это отцовская черта. Нашъ отецъ въ восторгъ приходилъ отъ Финляндіи и находилъ ее самой живописной, самой лучшей страной въ мірѣ. Я только одно лѣто прожила тамъ, и миѣ она вовсе не понравилась. Угрюмое, сѣрое небо, тусклое солнце, голыя скалы, люди точно пещернаго періода, хмурые, молчаливые, обросшіе мохомъ, съ вонючими трубками въ зубахъ... Брр...

— А гдѣ же хорошо по твоему? Мабудь подь Полтавой?—лукаво подмигнула Лидія.

— А то-жъ и взаправду, — оживилась Ольга,—развѣ же можно сравнить нашу чудную Украину съ какой-нибудь Чухляндіей или тѣмъ болѣе съ этимъ басурманскимъ Закавказьемъ. Что ни возьми—климатъ-ли,—превосходный; природу-ли,—богатѣйшая; людей-ли, и люди прекраснѣйшіе! Такъ вотъ и вижу передъ собой нашего хохла: широкоплечій, богатырски сложенный, неповоротливый съ виду, чудаковатый, а въ сущности большая умница, природный



юмористъ и комикъ, съ поэтической, отзывчивой душой и желѣзнымъ характеромъ, благодаря которому онъ вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ татарскіе набѣги, турецкіе погромы, гнетъ пановъ-ляховъ и всякія правды и неправды московскихъ бояръ, вынесъ и остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, не измѣнивъ себѣ, своей самобытности. Ну, скажи сама, это-ли не народъ-богатырь?

Ольга говорила съ увлеченіемъ. Лицо ея покраснѣлось, а большіе, томные глаза разгорѣлись.

Лидія не выдержала и громко и весело расхохоталась.

— Чему ты?—удивилась Ольга.

— Ну, и курьезная же наша семья—какъ подумаешь,—отвѣчала сквозь смѣхъ Лидія,—во всемъ крайности и несообразности! Ты истая хохлушка и душой, и наружностью, тебѣ бы быть какой-нибудь Ганьзей Перерепенко, а ты урожденная Норденъ-Штраль, Ольга Оскаровна; я твоя родная сестра, ни капли на тебя не похожая, лицомъ и характеромъ настоящая шведка. Отецъ нашъ, живя въ Малороссіи, грезилъ далекой, холодной Финляндіей, а мать, когда ей пришлось на нѣсколько лѣтъ переѣхать въ Финляндію, чуть не умерла съ тоски по родной Украинѣ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго,—задумчиво произнесла Ольга,—это такъ бываетъ почти всегда при смѣшанныхъ бракахъ!

— У отца жена должна была быть шведкой, и жить имъ слѣдовало въ Финляндіи; матери нашей нужно было выйти замужъ за какого-нибудь Тараса Ковтуна и не покидать своей Украины. Я вотъ поступила разумнѣй, сама хохлушка, и мой Осипъ Петровичъ—тоже заправдашній хохоль. Когда-нибудь подъ старость какъ заслужимъ пенсію, уѣдемъ въ Кіевскую, Полтавскую или Черниговскую губернію, купимъ хуторокъ, да и будемъ пануваты!

— А я здѣсь останусь, на Закавказьи, мнѣ здѣсь нравится, влюблюсь въ какого-нибудь черкесскаго армянина или татарскаго хана, и прекрасно!

— Смѣйся, смѣйся, а я, признаться, очень недовольна твоей дружбой со всѣми здѣшними беками и ханками; мусульмане вовсе не компанія намъ, русскимъ; между ними есть, конечно, хорошіе люди, хотя бы, напримѣръ, нашъ комиссіонеръ Али-бекъ, но большинство изъ нихъ настоящіе дикари.

— Это-то въ нихъ и интересно. На цивилизованныхъ кавалеровъ я уже въ Москвѣ наглядѣлась и мнѣ право гораздо больше нравятся сыны природы, какъ, напримѣръ, хотя бы сыновья мѣстнаго хана Тимуръ и Джаагиръ шахъ-абадскіе.

— Ты все шутишь, — уже съ нѣкоторой досадою произнесла Ольга, — а я вовсе не шучу, напротивъ, серьезно и убѣдительно прошу тебя, держи себя подалеже вотъ отъ этихъ-то самыхъ Джаагира и Тимура. Оба они порядочные негодяи и головорѣзы.

— Что же, ты боишься, какъ бы меня не похитили? — усмѣхнулась Лидія.

— Похитить не похитятъ, а отъ cadaго мѣстнаго татарина всегда можно ожидать всякой пакости. Къ тому же, твое вольное обращеніе съ ними вызываетъ сплетни и пересуды между чиновниками. Что за охота компрометировать себя изъ-за какихъ-то оболтусовъ!

— Недоставало, чтобы я стала обращать вниманіе на пересуды вашихъ чиновниковъ и чиновницъ, — капризно топнула ногой Лидія, — подумаешь, какой grand monde!

— А взаправду добріи люди кажутся, гди соберутся двѣ бабы, тамъ вже и ярманка; що таке тутотка раскудахтались?

Съ этими словами въ палатку вошелъ высокій, плотный мужчина, лѣтъ сорока, бритый, съ длинными казацкими усами, одѣтый въ чечунчовую тужурку таможеннаго вѣдомства. Это былъ самъ Осипъ Петровичъ Щербо-Рожновскій, мужъ Ольги Оскаровны и управляющій Шахъ-абадской таможей. Онъ только что окончилъ занятія и вышелъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ долгаго, утомительнаго сидѣнія въ канцеляріи.



## VIII.

### С о с ъ д ъ.

Да вотъ, Остапъ,—пожаловалась Ольга мужу,—все съ Лидіей спорю. Ну, скажи, не права я? Развѣ хорошо она дѣлаетъ, выказывая такъ явно свои симпатіи мѣстнымъ татарамъ и армянамъ; особенно этимъ двумъ ханкамъ Тимуру и Джаангиру шахъ-абадскимъ?! Она постоянно съ ними гуляетъ, ѣздитъ съ ними верхомъ, точно съ какими-то своими пажами; въ концѣ концовъ, люди Богъ знаетъ, что могутъ выдумать.

— Ну, и пусть ихъ, на здоровье,—съ капризной настойчивостью качнула головой Лидія,—очень меня это интересуешь!

Осипъ Петровичъ добродушно ухмыльнулся.

— Ничего, жинка, брось, дай срокъ, Лидіи Оскаровнѣ самой всѣ эти господа азіаты скоро хуже горькой рѣдьки обрыдлятъ. Теперь, пока вновь, ее все интересуешь и въ иномъ лучшемъ свѣтѣ кажется, а приглядитесь—какъ и мы, грѣшные, всю эту басурманщину возненавидить.

Лидія хотѣла что-то возразить, но въ эту минуту около калитки раздался топотъ лошади и чей-то симпатичный голосъ громко и весело крикнулъ:

— Можно?

— А, это вы, Аркадій Владиміровичъ!—радно откликнулся Щербо-Рожновскій.—Разумѣется, можно; что за спросы, развѣ не знаете, какой вы для насъ всегда дорогой гость?

Говоря такимъ образомъ, Осипъ Петровичъ торопливо пошелъ навстрѣчу высокому, бѣлокурому пограничному офицеру въ китель и бѣлой фуражкѣ. Встрѣтясь съ нимъ, онъ

крѣпко пожалъ ему руку, на что офицеръ съ ласковой улыбкой отвѣтилъ тѣмъ же, а затѣмъ подошелъ къ дамамъ и вѣжливо поздоровался съ ними. Въ ту минуту, когда онъ слегка сжалъ пальчики Лидіи, въ лицѣ его на мгновеніе промелькнуло выраженіе затаеннаго, худо скрытаго восхищенія.

— Какъ кстати вы пріѣхали, Аркадій Владиміровичъ, — ласково улыбнулась Ольга Оскаровна, — мы сейчасъ будемъ чай пить, и вы — за компанію.

— Не откажусь. Признаться, я дома не пилъ!

— Ну, что новаго? — спросилъ Щербо-Рожновскій, садясь рядомъ и дружелюбно похлопывая Аркадія Владиміровича по колѣну. Тотъ добродушно усмѣхнулся.

— Новаго? — переспросилъ онъ, — да какія новости могутъ быть у насъ здѣсь, въ этой трущобѣ. Все то же, что и вчера, и десять-двадцать дней тому назадъ. Всталъ утромъ, пилъ чай, писалъ разныя входящія и исходящія, завтракалъ, послѣ завтрака ѣздилъ въ разъѣздъ, вернулся къ обѣду, отобѣдалъ, послѣ обѣда, простите, поспалъ немножко, затѣмъ приказалъ осѣдлатъ Руслана и пріѣхалъ къ вамъ. Вотъ весь мой день. А у васъ какъ?

— То же самое, съ тою только разницею, что вмѣсто разъѣзда хожу въ пакгаузъ или на паромъ. Да, батенька, жизнь какъ веретено вертится, а все на одномъ мѣстѣ. Однообразіе полнѣйшее. Въ прошломъ году, васъ еще не было, проѣзжалъ тутъ въ Персію одинъ миссіонеръ-англичанинъ, заболѣлъ лихорадкой и прожилъ у меня дня 3—4, недурно говорилъ по-нѣмецки, разспрашивалъ, какъ мы живемъ, что дѣлаемъ, какъ время проводимъ и когда я ему подробно разсказалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, знаете, что онъ мнѣ отчубучилъ? — «Вотъ, — говоритъ, — вы русскіе обижаетесь, когда мы, — понимай, западная Европа, — не считаемъ васъ за европейцевъ. Ну, согласитесь сами, если бы вы были дѣйствительно европейецъ, могли-ли бы вы жить при такихъ условіяхъ, внѣ всякой культуры и культурныхъ потребностей?»



— Ну, а вы что ему на это?—заинтересовался Аркадій Владиміровичъ.

— А что я могъ ему отвѣтить? Онъ же безусловно правъ. Вообразите себѣ англичанина безъ какого-нибудь, хоть маленькаго клуба, безъ ежедневной почты, безъ церкви, безъ всякаго развлечения, хотя бы лаунъ-тенниса или футбола, и при томъ не въ теченіе извѣстнаго какого-нибудь, заранѣе опредѣленнаго времени, а на всю жизнь, безъ надежды когда-либо очутиться въ лучшихъ, болѣе человѣчныхъ условіяхъ; къ довершенію всего, получающаго за все за это гроши, которыхъ едва-едва хватаетъ на предметы первой необходимости. Согласитесь, что это даже и вообразить себѣ невозможно. Ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ—ни за что бы не согласились на подобную жизнь; мы живемъ и хлѣбъ жуемъ и даже не находимъ нужнымъ вліять на окружающихъ насъ полудикарей въ смыслѣ ихъ цивилизаціи. Въмѣсто того, чтобы ихъ заставить усвоить наши привычки и обычаи, мы сами снисходимъ до нихъ, примѣняемся къ ихъ вкусамъ, обычаямъ, понятіямъ. Англичане въ Индіи, французы — въ Алжирѣ, нѣмцы — въ Камерунѣ продолжаютъ жить, какъ жили въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, пріучая туземцевъ къ своимъ привычкамъ, а мы, русскіе, какъ только пріѣзжаемъ сюда, хватаемся за паныръ, лавашъ, тархунъ, день распредѣляемъ по муллѣ и объ одномъ только и заботимся, чтобы какъ-нибудь не нарушить привычекъ туземцевъ, не оскорбить ихъ религіозныхъ взглядовъ, не задѣть ихъ обычая. Какой же всему этому результатъ? Самый печальный и для насъ самихъ, и для пошавшихъ намъ въ руки дикарей. Вотъ мы Закавказьемъ владѣемъ болѣе полувѣка, но если бы какимъ-нибудь чудомъ насъ выбросили отсюда, то черезъ годъ не осталось бы и слѣда нашего полувѣкового владычества, ни въ чемъ рѣшительно. Никто бы и не повѣрилъ даже, будто бы эта страна находилась 50 лѣтъ подъ управленіемъ европейскаго цивилизованнаго государства, точно насъ

и не бывало никогда. Да, батюшка, плохіе мы, русскіе, цивилизаторы и не знаю, будемъ-ли когда-нибудь лучшими. Вотъ возьмите, далеко не ходить, мою прелестную *belle soeur*, Лидію Оскаровну; москвичка, хохлушка, все, что хотите, пріѣхала на Закавказье и въ восторгѣ отъ всего здѣшняго, — ишаки — прелесть, ханки полуграмотные — душки, въ грязномъ, полоумномъ дервишѣ видить что-то библейское, чуть-ли не чадру готова надѣть и мусульманкой едѣлаться... Ну, скажите, пожалуйста, мыслимъ-ли среди англичанокъ такой типъ?

— Ну, вы, кажется, уже черезчуръ нападаете на Лидію Оскаровну, — улыбнулся Аркадій Владиміровичъ, — я вовсе не замѣчаю въ нихъ такого стремленія къ ренегатству.

— А вы прочтите ея дневникъ, который она ведетъ со дня пріѣзда на Закавказье, тогда и узнаете.

— А вы читали?—немного задѣтая за живое, спросила Лидія.

— Самъ не читаль, Оля говорила. Она читала.

— А со стороны Оли это очень нехорошо: если я ей довѣрилась и дала ей прочесть свой дневникъ, то она должна была держать это въ секретѣ.

— Да я ничего особеннаго и не рассказывала, — начала оправдываться Ольга Оскаровна, — просто къ слову сказала, что у тебя во всемъ проглядываетъ какая-то особая страсть и приверженность къ туземному, да ты этого и сама не скрываешь.

— Ну, и что же изъ этого!—горячо воскликнула молодая дѣвушка, — не скрываю и не нахожу надобности скрывать. Да, мнѣ здѣсь нравится и знаете-ли, главнымъ образомъ, что именно нравится? Несложность и простота жизненныхъ условій! Вы вотъ все, господа, взапуски браните туземцевъ и готовы чуть-ли не подъ угрозой смерти навязать имъ европейскую культуру, а между тѣмъ отсутствіе этой самой культуры и есть величайшее благо. Туземецъ



ближе къ природѣ и черезъ то правдивѣе и прямолинейнѣе, чѣмъ мы—европейцы.

Здѣсь еще не создалась та чудовищная разница въ положеніяхъ людей, какую мы видимъ въ нашихъ городахъ, ну, хотя бы, напримѣръ, въ Москвѣ. Здѣшній бѣднякъ муша несравненно ближе и по своему образу жизни, и по своимъ требованіямъ къ самому богатѣйшему и знатнѣйшему хану, чѣмъ босякъ съ Хитрова рынка—къ князю Трубецкому или даже какому-нибудь первогильдейскому купчинѣ, утопающимъ въ самой изысканной роскоши. Здѣсь вамъ не случается наталкиваться на такіе контрасты: въ подвалѣ, у какой-нибудь несчастной прачки умираетъ отъ истощенія единственное дитя. Умираетъ потому лишь, что у бѣдной матери не только нѣтъ средствъ покупать ему каждый день молоко, мясо, булку, но она не въ состояніи даже пригласить доктора, чтобы тотъ хотя бы чѣмъ-нибудь облегчилъ страданія малютки,—а въ томъ же домѣ, но въ бель-этажѣ, избалованная, раскормленная до пресыщенія болонка или мосьба, любимица какой-нибудь знатной барыни-милліонерши, безглаголиво отворачиваетъ мордочку отъ чудеснѣйшихъ, густыхъ сливокъ, съ намоченными въ нихъ бисквитами—по восемь гривенъ фунтъ. Встревоженная отсутствіемъ аппетита своей любимицы, самодурка-хозяйка немедленно посылаетъ горничную въ каретѣ за моднымъ ветеринаромъ; тотъ пріѣзжаетъ, глубокомысленно осматриваетъ обѣзвѣщенное животное, прописываетъ ему золоченныя пилюли по три рубля коробка и важно удаляется, небрежно пряча въ жилетный карманъ 5—10 руб. за визитъ. На негодную, дряхлую, полуслѣпую собаченку, долженствующую все равно не сегодня—завтра умереть отъ старости, тратится сумма, могущая спасти ребенка, въ которомъ, можетъ быть, таится зародышъ генія! Ну, скажите, развѣ же это не чудовищно?! Развѣ можно желать торжества такой цивилизаціи!?

— Ба, ба, ба, да вы, Лидія Оскаровна, совсѣмъ толстовка,—весело засмѣялся Воиновъ,—такую намъ картинку нарисовали, хоть въ Крейцерову сонату включай!

Молодая дѣвушка сдѣлала презрительную гримасу.

— Какъ немного надо, чтобы прослыть толстовкой, — небрежно уронила она, — достаточно въ извѣстномъ случаѣ про бѣлое сказать, что оно бѣло, не сѣро и не желто!

— Положимъ, не совсѣмъ такъ, — возразилъ Воиновъ, слегка задѣтый небрежностью ея тона, — на вашъ примѣръ я бы могъ многое отвѣтить, хотя бы уже и то, что рядомъ съ барыней-собачницей, приводимой вами, какъ примѣръ, есть сотня другихъ барынь, на средства и хлопотами которыхъ существуютъ въ той же Москвѣ бесплатныя лечебницы, пріюты для сиротъ, богадѣльни для старцевъ и калѣкъ, о чемъ ваши, стоящіе близко къ природѣ полудикари, понятія не имѣютъ. Въ Персіи сумасшедшіе ходятъ по волѣ, и когда ими овладѣваютъ припадки буйства, ихъ бьютъ палками и камнями, въ концѣ концовъ забиваютъ на смерть; далѣе, я лично, своими глазами, видѣлъ заболѣвшихъ бѣдняковъ или дряхлыхъ старцевъ, беспомощно умиравшихъ, подобно собакамъ, въ кустахъ у большой дороги, если только они не имѣли своего дома или хотя бы имущихъ родственниковъ, такъ какъ ни больницъ, ни какихъ бы то ни было общественныхъ призрѣній тамъ нѣтъ и не водится. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло и не объ этомъ рѣчь, а въ томъ, что вы, Лидія Оскаровна, дѣйствительно, черезчуръ до вѣрчиво относитесь къ туземцамъ, не зная ихъ вовсе...

— Хотя бы, напримѣръ, къ двумъ здѣшнимъ ханкамъ шахъ-абадскимъ, — перебилъ Осипъ Петровичъ, — ну, скажите сами, Аркадій Владиміровичъ, — отнесся онъ къ Воинову, — развѣ же я не правъ, утверждая, что они страшная дрянь?! Лѣнныя, праздныя, лживыя и даже вороватыя, а вотъ Лидія Оскаровна не хочетъ этому вѣрить и видитъ въ нихъ какихъ-то героевъ изъ романовъ Марлинскаго.

— Ну, ужъ на героевъ-то въ духѣ Марлинскаго они меньше всего похожи, — засмѣялся Воиновъ, — хотя бы уже въ виду ихъ позорнѣйшей трусости. Вы, Лидія Оскаровна, не дивитесь, что у нихъ кинжалы по аршину длиной и



всѣ въ серебрѣ, револьверы на боку и папахи на затылкѣ, не смотрите и на ихъ удалое гарцованіе, гарцовать-то они мастера; поглядѣть, какъ они галопируютъ и джигитуютъ на своихъ красивыхъ коняхъ, подумасшь, центавры да и только, джигиты,—но пусть-ка любая баба съ коромысломъ поэнергичиѣ напустится на нихъ — живо, какъ пѣтухи индѣйскіе, подберутъ крылья и дерка зададутъ. Знаете, что мнѣ здѣсь на Закавказьи всегда казалось курьезнымъ,— обратился Воиновъ къ Осипу Петровичу,—взаимное отношеніе мѣстныхъ жителей къ мѣстнымъ разбойникамъ. Между ними точно разъ навсегда уговоръ заключенъ: такъ какъ вы, моль, разбойники, то мы васъ обязуемся бояться. Просто смѣха достойно,—пять, шесть мерзавцевъ являются въ селеніе, гдѣ сотни полторы однихъ мужчинъ, поголовно вооруженныхъ кинжалами, а у многихъ даже и ружья есть, и безцеремонно грабятъ ихъ, а тѣ или проявляютъ баранью покорность, или, что, впрочемъ, рѣдко, оказываютъ какое-то опереточное сопротивленіе, издали потрясаютъ оружіемъ, кружатся на своихъ клячахъ и не безъ эффекта стрѣляютъ въ небо. Добро бы, и разбойники-то были головорѣзы, а то такіе же трусы. Въ прошломъ году, въ Албаджѣ, мой развѣздъ изъ трехъ человекъ случайно наткнулся на цѣлую шайку кочаковъ\*); солдаты ружей изъ-за плечъ снимать не успѣли, какъ вся шайка разбѣжалась во всѣ стороны, побросавъ лошадей, навьюченныхъ разной награбленной рухлядью. Нѣкоторые изъ разбойниковъ даже оружіе сбросали съ себя: кинжалы, винтовки и пояса съ патронами. Къ довершенію всего, всѣ они, какъ бараны, кинулись, въ паническомъ страхѣ, очертя голову, въ рѣку, не разобравъ брода, при чемъ трое изъ нихъ утонуло, а было ихъ человекъ пятнадцать, по крайней мѣрѣ. Ужасная дрянь; мирные же татары даже такихъ боятся. Повѣрьте, если въ то время, когда вы ѣздите кататься въ сопровожденіи

\*) Кочакъ — разбойникъ.

этихъ самыхъ ханковъ шахъ-абадскихъ, вамъ встрѣтится одинъ хотя бы самый замухристый кочакъ, даже безъ оружія, при одной дубинѣ, ваши кавалеры, какъ зайцы, дадутъ стрелка, забудутъ и о своихъ серебряныхъ кинжалахъ, и о револьверахъ, бросятъ васъ на произволь судьбы, а сами ускачутъ.

— Вотъ ли я то же говорю, — вмѣшалась молчаливая до того Ольга Оскаровна, — но Лидія не хочетъ вѣрить.

— Не не хочу, а не могу повѣрить, чтобы весь народъ поголовно былъ одинаковъ; конечно, есть и трусы, но навѣрно есть же и храбрецы! — горячо возразила Лидія.

— Между персидскими татарами нѣтъ храбрецовъ, повѣрите мнѣ, — увѣренно произнесъ Воиновъ, — вотъ курды, тѣ еще ничего, да и ихъ храбрость скорѣе сравнительная. Наряду съ персами, они, конечно, храбрецы, но сами по себѣ тоже трусы порядочные. Впрочемъ, я знаю одного человѣка въ Персіи, нѣкоего Муртузъ-агу, этотъ, пожалуй, будетъ храбрецъ недоужинный.

— Вотъ видите-ли, значить, есть между персами храбрые люди! — воскликнула Лидія.

— Въ томъ-то и штука, что неизвѣстно, кто онъ такой; только едва-ли персъ. Про него разныя рассказываютъ: одни говорятъ, будто бы онъ бѣглый русскій, другіе подозрѣваютъ въ немъ обасурманившагося турецкаго армянина или даже грека; самъ же онъ выдаетъ себя за перса, долго жившаго въ Россіи. По-русски говоритъ прекрасно. Увѣряетъ, будто бы выучился за бытность свою въ Россіи. Словомъ, Богъ его вѣдаетъ, кто онъ такой. Я познакомился съ нимъ недавно и признаюсь, онъ на меня произвелъ сильное впечатлѣніе; субъектъ весьма интересный. Вотъ бы вамъ, Лидія Оскаровна, познакомиться съ нимъ. Про него, пожалуй, и я скажу, что онъ личность вполне романическая, рѣшительно непохожая ни на кого изъ здѣшнихъ.

— Да кто онъ такой и какъ вы съ нимъ познакомились?



## М у р т у з ь - а г а .

Кто онъ такой—я не знаю, а познакомился я съ нимъ слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько дней тому назадъ, на разсвѣтѣ, я былъ разбуженъ выстрѣлами. Сначала мнѣ представилось, что это идетъ перестрѣлка на ближайшемъ участкѣ моего отряда, но оказалось, стрѣльба шла на персидской сторонѣ. Я живо одѣлся и бросился на крышу своего поста; но раньше чѣмъ продолжать, позвольте познакомить васъ немного съ мѣстностью. Мой постъ, съ офицерской, квартирой, гдѣ я живу—Урюкъ-Дагъ,—какъ вамъ извѣстно отсюда вереть на пять съ небольшимъ, и построены на высокомъ, крутомъ холмѣ, мысомъ вдающемся въ рѣку Араксъ. Противоположная, персидская сторона представляетъ изъ себя равнину, ограниченную съ одной стороны цѣпью горъ, удаленныхъ отъ рѣки вереть на 5 на 6, не больше. Долина эта лишена всякой растительности и усѣяна камнями и мѣстами солончаками, издали похожими на пласты только-что выпавшаго снѣга. На всемъ пространствѣ, куда только достигаешь глазъ, вы не замѣтите ни одного дерева, ни одного кустика, ни одной зеленѣющейся полянки; песокъ, камни и небо и больше ничего. Только по самому берегу рѣки, вереты на двѣ въ глубь, идутъ сплошныя, густыя, непролазныя заросли камыша. Камышъ такъ высокъ, что въ немъ легко можетъ спрятаться всадникъ на лошади, а о густотѣ его можно судить, только побывавши тамъ, просто стѣна сплошная да и только. Мѣстность, на которой камышъ растетъ, вся изрыта глубокими канавами, оврагами, рывтинами,

изобилуетъ небольшими болотцами, излюбленнымъ мѣстомъ дикихъ кабановъ, во множествѣ водящихся въ этихъ камышахъ. Когда я съ биноклемъ въ рукахъ вышелъ на крышу, то увидѣлъ толпу всадниковъ, человѣкъ 30 по крайней мѣрѣ, одѣтыхъ въ одинаковые темносиніе кафтаны и бараньи шапки. Разбившись на небольшія группы, они носились по полю, какъ угорѣлые, оглашая воздухъ крикомъ и визгомъ. Время отъ времени они поодиночкѣ или небольшими группами, человѣка по 2—3, сломя голову, неслись къ камышамъ, но, не доскакавъ до нихъ шаговъ 200—300, останавливались и принимались стрѣлять; въ отвѣтъ на эту стрѣльбу изъ камышей тоже гремѣли выстрѣлы, послѣ чего всадники поворачивали лошадей и мчались обратно. Смотрѣть со стороны было очень красиво. Снующія взадъ и впередъ темныя фигуры на разномастныхъ лошадяхъ, блескъ оружія, бляхъ и пуговицъ, взвивающіеся то тамъ, то здѣсь бѣлые дымки выстрѣловъ—и надъ всеѣмъ надъ этимъ ясно-голубое, безоблачное небо. Солнечные лучи ярко освѣщали всю эту картину и придавали ей какой-то праздничный видъ. Точно театръ марионетокъ.

Я долго не понималъ, что за штука происходитъ передо мной—и сначала былъ склоненъ принять все это за какую-нибудь военную игру—родъ нашей казачьей джигитовки, но скоро долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что присутствую далеко не при мирной забавѣ. Я увидѣлъ, какъ одинъ изъ всадниковъ, вынесшійся далеко впереди другихъ, осадил на всемъ скаку своего коня и молодцовато прицѣлился, но не успѣлъ онъ спустить курокъ, какъ изъ зарослей грянулъ дружный залпъ, зловѣщимъ эхомъ прокатившійся по долину. На одно мгновеніе я видѣлъ, какъ лошадь всадника взвилась на дыбы и затѣмъ тяжело опрокинулась навзничъ, вмѣстѣ съ фздомъ. Упавъ на землю, оба остались неподвижны, очевидно, убитые наповаль. Признаюсь, при видѣ этихъ двухъ труповъ, распростертыхъ на горячихъ камняхъ, еще за минуту передъ тѣмъ полныхъ такой жизненной энергіи и увлече-



нія, мнѣ стало жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ безотчетно жалко убитаго перса. На остальныхъ всадниковъ гибель товарища подѣйствовала поджигающе, я думалъ, они разсыплются во все стороны, какъ воробы, но ошибся. Какъ только ѣздокъ и лошадь упали, все остальные всадники издали пронзительный визгъ и, какъ одинъ, со всехъ сторонъ понеслись къ камышамъ, откуда навстрѣчу имъ, не переставая, трещала частая, но, очевидно, безтолковая ружейная пальба.

Впереди атакующихъ скакалъ человѣкъ на бѣломъ росломъ конѣ. Издали онъ не отличался отъ остальныхъ, такой-же темный кафтанъ съ блестящими пуговицами, такая-же конусообразная папаха съ горѣвшимъ на солнцѣ мѣднымъ гербомъ, но по тому, какъ онъ энергично размахивалъ кривой пашкой и, оборачиваясь назадъ, громко и повелительно кричалъ на посѣшавшихъ за нимъ другихъ всадниковъ, я угадалъ въ немъ предводителя. Сзади всадника на бѣлой лошади скакалъ другой съ чѣмъ-то вроде знамени въ рукахъ: недлинная палка съ развѣвающимся на ея концѣ густымъ конекимъ хвостомъ и какими-то пестрыми лентами.

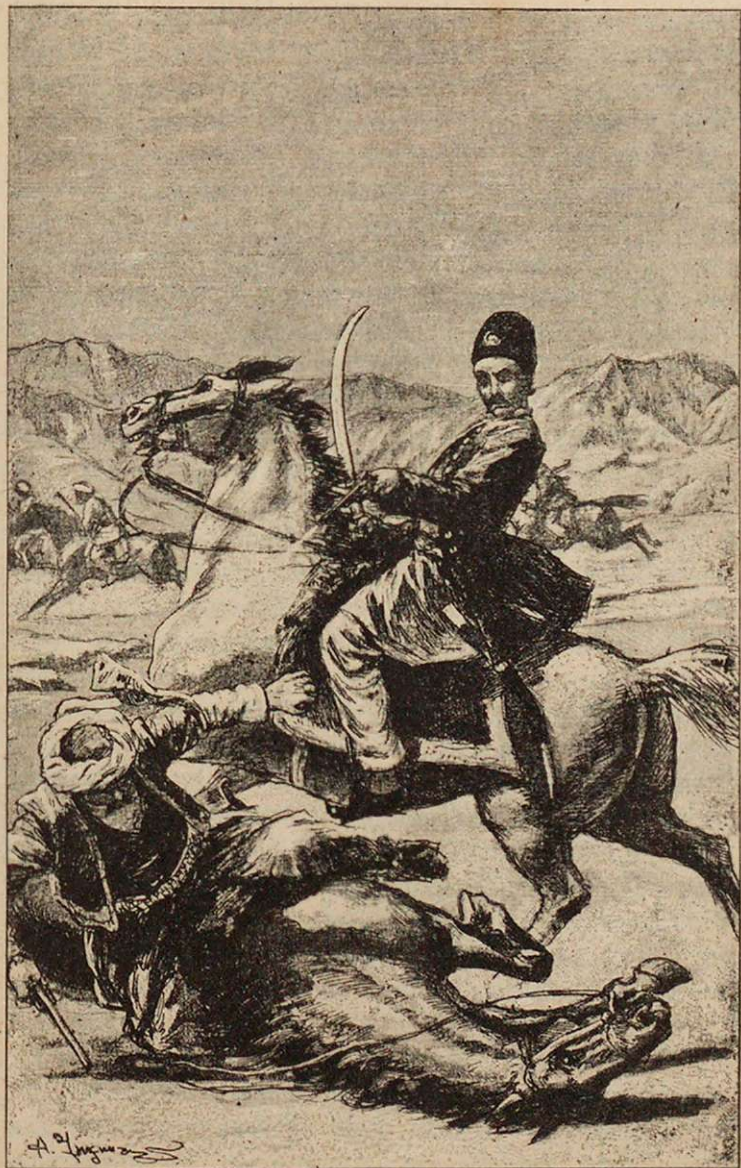
Въ ту минуту, когда всадники были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ камышей, двое изъ нихъ вдругъ закачались на сѣлахъ и кубаремъ покатались внизъ подъ копыта коней, которые, почувявъ свободу, шарахнулись въ сторону и понеслись по полю, испуганно поднявъ головы и разметавъ по вѣтру длинные хвосты.

Ближайшіе къ убитымъ всадники не выдержали и, круто повернувъ лошадей, ударились въ постыдное бѣгство, но остальные наѣзники, съ своимъ предводителемъ во главѣ, лихо ворвались въ камыши и почти одновременно съ этимъ оттуда, какъ зайцы, во все стороны посыпались спасающіеся бѣгствомъ пѣшіе и ковные курды. Нѣсколько человѣкъ кинулось въ степь, другіе пустились вдоль берега по камышамъ, точно преслѣдуемые охотниками кабаны, но большинство рѣшилось пробиваться къ горамъ. Съ пронзительнымъ воемъ, стрѣляя на скаку изъ ружей, набросились курды на

ближайшихъ всадниковъ и въ мгновеніе ока прорвавши ихъ не густую цѣпь, помчались къ горамъ, гдѣ они могли считать себя внѣ опасности. Двое со страху, какъ слѣпые, кинулись въ Араксъ, очень быстрый и глубокій въ этомъ мѣстѣ, но ихъ тотчасъ-же захлестнуло волнами, стремительно сорвало съ лошадей, закрутило, завертѣло какъ щепки и потащило внизъ на острые выступы подводныхъ скаль. Нѣсколько минутъ утопающіе отчаянно боролись съ яростнымъ теченіемъ, но скоро выбились изъ силъ и скрылись подъ водой. Я видѣлъ, какъ раза два высунулись надъ водой ихъ искаженные страхомъ лица, какъ мелькнули въ воздухѣ ослабѣвшія руки и затѣмъ все исчезло. Рѣка поглотила свои жертвы. Тѣмъ временемъ лошади всадниковъ, освободившись отъ тяжести, благополучно, хотя и съ трудомъ приближались къ нашему берегу. Ихъ сильно сносило теченіемъ, по крайней мѣрѣ версты на три ниже поста. Я приказалъ вахмистру послать нѣсколько человекъ конныхъ перенять ихъ, что и было исполнено.

Тѣмъ временемъ прорвавшаяся кучка курдовъ бѣшенымъ галопомъ неслась по горамъ, преслѣдуемая по пятамъ всадниками. Вотъ тутъ-то во время этого преслѣдованія я и убѣдился въ томъ, насколько начальствовавшій надъ персами въ синихъ кафтанахъ предводитель былъ истый герой и молодецъ. Не обращая вниманія на то, слѣдуютъ-ли за нимъ, въ какомъ числѣ и на какомъ разстояніи его люди, онъ, съ беззавѣтной храбростью, какъ коршунъ, бросился въ самую середину враговъ. Я видѣлъ, какъ онъ наскочилъ на одного огромнаго курда, сваливъ его съ лошади сильнымъ ударомъ шашки по головѣ, не останавливаясь, ринулся на другого; завидя его, курдь, какъ кошка, перекинулся на другую сторону сѣдла и направилъ въ предводителя дуло своего пистолета, но тотъ грудью своей массивной лошади опрокинулъ жалкую курдскую клячку и въ то время, какъ лошадь и всадникъ кубаремъ летѣли на землю, онъ выстрѣломъ изъ револьвера разможилъ голову послѣд-





„Муртузь, опрокинувъ грудью коня, жалкую курдскую клячку, разможилъ голову всаднику выстрѣломъ изъ револьвера“...

нему. Покончивъ и съ этимъ, онъ пустился за остальными и въ мигъ догналъ ихъ, но курды потеряли уже совѣсъмъ головы. Паника всецѣло охватила ихъ, и все они, какъ по командѣ, неожиданно побросали ружья и повалились съ лошадей на землю. Уткнувшись лицомъ въ землю, стояли они на колѣняхъ, жалобно вопя о пощадѣ. Персы мигомъ окружили ихъ и съ крикомъ и гвалтомъ принялись крутить ими руки. Теперь, когда уже курды покорились, преслѣдователи ихъ показывали большую энергію и храбрость, но я увѣренъ, не будь предводителя, они-бы ни за что не дерзнули задержать отчаянныхъ разбойниковъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что начальникъ одной своей беззавѣтной храбростью и умѣньемъ лихо рубиться принудилъ человѣкъ пятнадцать отчаяннѣйшихъ головорѣзовъ положить оружіе и отдаться въ руки его людямъ.

Предводитель этотъ, проявившій такое мужество, удалъ и находчивость, и есть тотъ самый Муртузь-ага, о которомъ я упоминалъ, какъ о единственномъ храбромъ персѣ, встрѣтившемся мнѣ въ жизни. Я въ тотъ-же день познакомился съ нимъ и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Когда курды были все перевязаны, начальникъ распорядился отправить ихъ подъ сильнымъ конвоемъ большей половины своихъ людей куда-то внутрь страны, очевидно, въ Суджу, а самъ съ остальными вернулся назадъ къ рѣкѣ распорядиться захватить мертвыхъ и раненыхъ. Я не могъ преодолѣть своего любопытства узнать въ точности, что это было за происшествіе, которому я былъ свидѣтель. Я приказалъ приготовить лодку и, взявъ съ собой вахмистра и трехъ рядовыхъ, поѣхалъ на ту сторону. Когда мы подѣхали, то увидѣли всадниковъ уже выстроенныхъ въ одну шеренгу шагахъ въ двадцати отъ берега; предводитель на сѣрой лошади стоялъ впереди, и только мы вышли изъ лодки, онъ что-то крикнулъ своимъ, похожее на команду. По этому окрику всадники выхватили свои шашки и поднявъ ихъ высоко надъ головой взяли ими на плечо, на подобіе того, какъ мужики и бабы носятъ серпы.



Послѣ этого предводитель повернулъ на меня свою лошадь и, подсакавъ, на всемъ карьерѣ осадилъ ее передъ самымъ моимъ носомъ.

— Имѣю честь представиться, — прикладывая руку ко лбу, произнесъ онъ на чистомъ русскомъ языкѣ, — Муртузь-ага, сарбазъ-султанъ \*) Сардаря Хайларъ-хана Суджинскаго.

Мы поздоровались, послѣ чего онъ соскочилъ съ лошади, приказалъ принести коверъ и пригласилъ меня сѣсть. Откуда ни взялся изящный кальянъ, — и между нами завязалась бесѣда. На мой вопросъ о только что видѣнномъ онъ далъ мнѣ слѣдующее объясненіе. Нѣсколько дней тому назадъ партія турецкихъ курдовъ, прорвавшись черезъ персидскую границу, напала на приграничныхъ жителей, ограбила ихъ, послѣ чего часть партіи съ награбленнымъ добромъ поспѣшно вернулась во свояси, а часть направилась вдоль рѣки, въ расчетѣ, вѣроятно, сдѣлать набѣгъ еще на какія-нибудь селенія или даже попытаться переправиться на русскую сторону и, свершивъ тамъ рядъ грабежей, уйти обратно въ Турцію.

Узнавъ о произведенныхъ курдами безчинствахъ, Хайларъ-ханъ, Сардаръ Суджинскій, приказалъ Муртузь-агѣ, исправляющему должность командира единственной въ Суджѣ и имъ самимъ сформированной полурегулярной сотни тѣлохранителей Сардаря, идти въ погоню за оставшейся въ предѣлахъ шайкой и уничтожить ее. Три дня Муртузь-ага шелъ по слѣдамъ курдовъ, которые, замѣтивъ погоню, рѣшили, ради своего спасенія, переброситься на русскую сторону и скрыться въ непроходимыхъ, дѣвственныхъ горахъ Адарбаха. Для переправы они выбрали густые камыши, на нѣсколько верстъ тянущіеся вдоль границы въ глухой, безлюдной пустынѣ Беюкъ-Дага, противъ дистанціи моего отряда. Приди они немного раньше, еще ночью, имъ-бы, пожалуй, удалось

\*) Сарбазъ-султанъ — офицеръ.

благополучно прорваться, благодаря малочисленности солдат, особенно въ настоящее время, въ періодъ повальной маляріи, когда большая половина людей въ безпамятствѣ валяется на постахъ. Но, на ихъ несчастіе, они запоздали и, когда достигли берега, то уже ночь подходила къ концу; разбойники не рѣшились начать переправу, твердо убѣжденные въ невозможности проскользнуть на разсвѣтѣ незамѣченными пикетами пограничной стражи. Зная трусливую медлительность персовъ, курды были увѣрены, что посланные въ погоню за ними сарбазы Сардаря, въ свою очередь, днемъ не посмѣютъ атаковать ихъ открытой силой, а дождутся ночи, когда и откроютъ безцѣльную перестрѣлку, подъ прикрытіемъ которой преслѣдуемымъ легко будетъ уйти въ какую угодно сторону. Такъ-бы оно и вышло, если-бы сарбазами командовалъ не Муртузъ-ага. Отчасти личнымъ примѣромъ мужества, а главнымъ образомъ — общаніемъ подвергнуть тѣхъ, кто выкажетъ трусость, жестокимъ наказаніямъ, онъ сумѣлъ возбудить въ своихъ людяхъ приливъ мало свойственной имъ отваги, результатомъ чего и былъ полнѣйшій разгромъ шайки.

Слушая Муртузъ-агу, я внимательно приглядывался къ нему, и, признаться, онъ мнѣ въ высшей степени понравился и заинтересовалъ меня. Это былъ человекъ средняго роста, лѣтъ 38, съ красивымъ лицомъ, украшеннымъ небольшою черной бородкой и пушистыми усами, большеглазый, худощавый, нервно подвижный, съ изящными жестами.

— Гдѣ вы выучились такъ хорошо говорить по-русски?— спросилъ я его.

Онъ лукаво улыбнулся и не сразу отвѣтилъ.

— Мой дядя былъ тифлисскимъ торговцемъ, и я долго жилъ съ нимъ въ Тифлисѣ, а разъ даже ѣздилъ въ Москву,— произнесъ онъ, наконецъ, и затѣмъ уже больше къ этому вопросу не возвращался. Мы просидѣли часа три—и растались друзьями, по крайней мѣрѣ я положительно отъ него въ восторгѣ. Затѣмъ я спрашивалъ его, почему онъ не ѣздитъ на нашу сторону.



— Ханъ не любить, когда его приближенные безъ особенной нужды посѣщаютъ Россію!—отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Почему-же?—задалъ я вопросъ.

— Боятся измѣны, — улыбулся Муртузь-ага, — онъ, говоря между нами, страшно опасается, чтобы русскіе не вздумали захватить Суджу. На шаха надежда плохая; мы достовѣрно знаемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ тайно предлагалъ русскому правительству уступить Суджу за извѣстную сумму, но русскіе не согласились.

— При разставаніи онъ взялъ съ меня слово пріѣхать на кабанью охоту. Я уже написалъ нашему командиру отдѣла, онъ давно собирается на кабановъ; вы, Осипъ Петровичъ, тоже навѣрно не откажетесь?!

— Отчего-же, я съ удовольствіемъ!—согласился Щербо-Рожновскій.

— А намъ съ Олей можно будетъ поѣхать?—спросила Лидія.

— Это зависитъ отъ командира отдѣла,—сказалъ Воиновъ,—если онъ ничего не будетъ имѣть противъ присутствія дамъ на охотѣ, то почему-же бы вамъ и не ѣхать. Мы вамъ выберемъ безопасное мѣсто, съ котораго вы все прекрасно увидите!

— Ну, за нашего милаго Павла Павловича я впередъ увѣрена, — засмѣялась Ольга, — онъ такой любезный дамскій кавалеръ, что навѣрно не откажетъ. А какъ-же мы поѣдемъ?

До моего поста можно въ экипажахъ, тутъ недалеко, всего вереть пять, а тамъ черезъ Араксъ на лодкахъ, лошадей-же нашихъ солдаты переправятъ вбродъ!

— Вотъ отлично-то, — захопала въ ладоши Лидія, — ахъ, какъ будетъ весело! О, — обрадовалась она, — мы увидимъ кабановъ?!

— Если только они будутъ, то, разумѣется, увидите. Мы поставимъ васъ гдѣ-нибудь на возвышеніи на линіи стрѣлковъ, такъ, чтобы загонъ прошелъ мимо васъ!

## Н а о х о т у.

На посту Урюкъ-Дагъ съ ранняго утра идетъ суматоха.

Еще съ вечера къ Воинову, въ его холостецкую квартиру, собралась цѣлая компанія. Изъ г. Нацваллы прѣхалъ командиръ отдѣла Павелъ Павловичъ Ожоговъ съ военнымъ врачомъ Ладожинскимъ, а изъ Шахъ-Абада—Осипъ Петровичъ съ женой и Лидіей. Вечеръ прошелъ очень оживленно. Смѣху и шуткамъ не было конца.

Павелъ Павловичъ, бывшій лейбъ-уланъ, спустившій въ свое время большое состояніе, имѣлъ даръ оживлять всякое общество, что-же касается дамъ, то съ ними онъ былъ изысканно любезенъ и своимъ обращеніемъ, веселыми шутками, умѣньемъ ухаживать тонко и деликатно, заставлялъ забывать и свою большую лысину, и сѣдину пятидесятилѣтняго старика, впрочемъ, еще весьма хорошо сохранившагося.

Для ночлега Воиновъ уступилъ дамамъ свой кабинетъ, мужчины-же спали на крышѣ. Въ Закавказьѣ лѣтомъ рѣдко кто изъ мужчинъ спитъ въ комнатахъ, гдѣ изъ-за мошканы нельзя спать иначе, какъ подъ густымъ пологомъ; поэтому многіе предпочитаютъ сонъ на свѣжемъ воздухѣ, на крышахъ или на особенно устроенныхъ высокихъ вышкахъ, откуда мошку сдуваетъ вѣтромъ. Какъ обыкновенно бываетъ, когда соберется компанія мужчинъ, половина ночи прошла въ рассказываніи анекдотовъ, на которые былъ особенно мастеромъ Павелъ Павловичъ; а съ появленіемъ разсвѣта на посту поднялась такая суета, что заснуть не было никакой возможности.

Первымъ дѣломъ, пока еще барыни не встали, надо было переправить лошадей. Человѣкъ десять солдатъ, искуснѣй-



шихъ пловцовъ, раздѣвшись до-нага, подъ наблюдениемъ вахмистра Терлецкаго, сидя на неосѣданныхъ лошадяхъ, собрались на берегу. Дня за два передъ этимъ въ горахъ выпали сильные дожди, отчего уровень Аракса значительно повысился, что въ соединеніи съ быстротой теченія и измѣнчивостію дна дѣлало переправу не совсѣмъ безопасной, но для закаленныхъ боевой обстановкой ихъ жизни пограничныхъ солдатъ это казалось сущимъ пустякомъ. Весело смѣясь и перекликаясь между собой, смѣло двинулись они длинной вереницей одинъ за другимъ въ рѣку. Ихъ голыя мускулистыя тѣла, съ мѣдными тѣльниками на шеяхъ, обрызганныя летящими изъ-подъ конскихъ ногъ каплями воды блестя въ яркихъ лучахъ величественно восходящаго солнца, и громкіе, удалые возгласы задорно неслись надъ широкой поверхностью рѣки. Потемнѣвшія отъ воды лошади громко фыркали и храпѣли, косясь на бурлящія у ихъ ногъ мутныя волны.

На серединѣ рѣки, когда вода начала уже заливать крушъ лошади, передній всадникъ ловко соскользнулъ съ ея спины въ рѣку и поплылъ рядомъ, держаеъ правой рукой за гриву, а лѣвой брызгая коню въ морду, чтобы этимъ заставить его плыть прямо.

Остальные по мѣрѣ того, какъ доѣзжали до того мѣста, гдѣ передовой соскочилъ съ лошади, слѣдовали его примѣру. Красиво было смотрѣть со стороны на эти торчащія изъ воды конскія морды съ широко раздутыми ноздрями и тревожно вытаращенными глазами, на правильномъ разстояніи слѣдовавшія другъ за другомъ, а подлѣ нихъ—русые, черныя, бѣлокурыя гладко остриженные человѣческія головы, съ разгорѣвшимися лицами, съ спокойной отвагой въ глазахъ. Теченіе было сильное, и лошадей сносило далеко ниже того мѣста, куда сначала было предположено высадиться. Двѣ лодки, по четыре гребца каждая, слѣдовали за переправлявшимися. На кормѣ каждой изъ нихъ стоялъ солдатъ со спасательнымъ кругомъ въ рукахъ, зорко и внимательно слѣдя за плывущими, готовый каждую минуту придти на

помощь, въ случаѣ если-бы кто-либо изъ нихъ, оторвавшись отъ лошади, началъ тонуть.

Пока шла переправа, на противоположномъ берегу собралась большая толпа курдовъ и татаръ, внимательно и одобрительно слѣдившихъ за русскими пловцами. Это были все люди, приведенные Муртузь-агой, для исполненія роли загонщиковъ въ предстоящей охотѣ. Самъ Муртузь-ага тѣмъ временемъ хлопоталъ около-раскинутого на скорую руку полущатра, особаго устройства, состоявшаго изъ одной холщевой стѣны и такой-же покато поставленной покрывки; шатеръ этотъ, будучи съ трехъ сторонъ открытымъ, въ то-же время служилъ прекрасной защитой отъ палящихъ лучей солнца.

Два мальчика курда быстро и ловко разводили самоваръ, разставляли маленькіе разрисованные цвѣтами стаканчики, грубаго стекла сахарницы съ колотымъ сахаромъ и вареньемъ, которое они доставали изъ пузатыхъ оплетенныхъ камышомъ банокъ. Угрюмый высокій курдъ въ пестрой чалмѣ и малиновой бархатной курткѣ, сидя въ сторонѣ на корточкахъ, сосредоточенно заготавливалъ все нужное для шашлыка. Передъ нимъ на большомъ совершенно кругломъ мѣдномъ подносѣ лежала цѣлая гора мелко наръзанныхъ кусочковъ жирной баранины, помидоръ, краснаго перца и бадражанъ \*). Онъ медленно бралъ эти кусочки двумя пальцами, едва когда-нибудь имѣвшими хоть какое-нибудь знакомство съ мыломъ, и нанизывалъ ихъ въ перемѣшку на длинные желѣзные прутья—шампура. Тутъ-же возвышалась цѣлая груда тонкаго, бѣлаго, выпеченнаго на молокѣ лаваша, а подлѣ него охапка съѣдобныхъ травокъ. Нѣсколько бутылокъ отличнаго англійскаго коньяку, къ которому богатые и знатные персы, несмотря на запрещеніе корана, питаютъ трогательную нѣжность, скромно прятались подъ холщевой, намоченной въ водѣ въ цѣляхъ охлажденія, тряпкой. Очевидно, Муртузь-ага собирался принять своихъ русскихъ гостей на славу; онъ еще съ

\*) Бадражаны—баклажаны.



вечера присылалъ своего нукера на постъ Урюкъ-Дагъ, прося Воинова и всю собравшуюся у него компанію утренній чай пить у него, Муртузь-аги. Ему охотно обѣщали, и теперь онъ снѣшилъ поскорѣе все приготовить къ встрѣчѣ.

Сначала на ту сторону было переправлено десять казенныхъ лошадей, предназначавшихся для командира отдѣла, доктора, вахмистра и семи расторопнѣйшихъ нижнихъ чиновъ, на обязанности которыхъ лежало руководить загонщиками; послѣ казенныхъ были переправлены такимъ же порядкомъ и собственныя лошади Воинова, Рожцовскаго и его двухъ дамъ. Когда переправа окончилась, лошадей послѣшно заѣдлали привезенными на лодкахъ сѣдлами. Тѣмъ временемъ господа уже собрались на берегу въ ожиданіи лодокъ, чтобы ѣхать на персидскую сторону.

— А знаете ли, мнѣ жутко дѣлается,—говорила Лидія Оскаровна своему кавалеру Ожогову, садясь съ нимъ рядомъ въ лодку.—Я вѣдь первый разъ въ жизни переѣзжаю границу. Какъ-то странно сознавать, что вотъ этотъ берегъ нашъ, а черезъ какихъ нибудь 20—30 саженой начнется территорія чужого государства съ совершенно инымъ строемъ жизни!

— Ну, тутъ, по крайней мѣрѣ, хотя рѣка, все-таки же нѣкоторая преграда—отвѣчалъ Ожоговъ,—а вотъ на западной границѣ мѣстами черта, отдѣляющая Россію отъ сосѣдняго государства, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ неглубокую канавку. Я самъ, когда поступилъ въ стражу и въ качествѣ отряднаго офицера пріѣхалъ на границу, долго не могъ привыкнуть къ мысли, что вотъ, молъ, эта сторона канавки Россія, а эта—на вершокъ дальше,—Пруссія. Ничтожная, едва замѣтная бороздка, черезъ которую воробей перепрыгнетъ, а подумайте, какое громадное значеніе играетъ она въ жизни двухъ государствъ! Господствующая религія, законы, порядки, міровоззрѣніе, законецъ, языкъ, исторія, идеалы, обычаи—все разное, во многомъ даже враждебно-противоположное. Что на одной сторонѣ канавки разрѣшено, то на другой ея сторонѣ—за-

прещается, — и наоборот. Этой ничтожной чертой проведена грань владычеству Монарховъ. По сю сторону онъ всемогущий, какъ Богъ, повелѣвающій миллионами, для которыхъ каждое его слово — законъ, могущій однимъ почеркомъ пера измѣнить судьбы своего государства, тамъ, за этой канавкой, является только почетнымъ гостемъ, юридически не имѣющимъ права отдавать кому бы то ни было и какое бы то ни было приказаніе, и это еще не все. Самое главное, что за рубежемъ этой канавки стоятъ лицомъ къ лицу много-милліонные народы, готовые биться до послѣдней капли крови, принести огромныя жертвы, чтобы только эта канавка не передвинулась вправо или влѣво, на болѣе или менѣе значительное разстояніе!

— Вы совершенно правы, но, могу себѣ представить, какое особенное значеніе получаетъ эта, какъ вы называете ее, канавка, въ глазахъ тѣхъ, кто по той или другой причинѣ принужденъ бѣжать изъ своего отечества и искать за ней спасенія, — задумчиво произнесла Лидія, — подумать только, какая страшная разница въ положеніи: на одной сторонѣ преступникъ, котораго могутъ каждую минуту схватить, посадить въ тюрьму, казнить, лишить всѣхъ чловѣческихъ правъ, на другой — свободный гражданинъ, никого и ничего не боящійся, могущій начать свою жизнь сызнова...

— Но навсегда потерявшій свою личность, свое — я! — перебилъ Ожоговъ. — Мнѣ случалось встрѣчаться съ подобными личностями, и всѣ они были глубоко несчастны. Для чловѣка полный разрывъ съ родиной чрезвычайно тяжелая вещь, особенно для простолюдина; въ концѣ концовъ, рѣдко кто выдерживаетъ это испытаніе и рано или поздно возвращается въ свое отечество, готовый принять какое угодно наказаніе!

Увидя приближающіяся лодки, Муртузь-ага, не торопясь, съ сознаниемъ собственного достоинства, подошелъ къ берегу и остановился, пристально разглядывая сидящихъ въ нихъ. Кромѣ Воинова, остальныхъ гостей онъ видѣлъ въ первый разъ; не зная напередъ, кто именно долженъ былъ пріѣхать, онъ безошибочно угадалъ всѣхъ, только относи-



тельно дамъ онъ не былъ увѣренъ, которая изъ нихъ жена Шахъ-Абадскаго султана \*), а которая сестра; обѣ были молоды, обѣ красавицы, хотя совершенно разныя лицомъ. Одна брюнетка, слегка смуглая, черноглазая, съ густыми бровями, высокая и стройная, съ пышно развитымъ бюстомъ, другая — роскошная блондинка, съ блѣдно-розовымъ лицомъ, изящнымъ очертаніемъ губъ и большими голубыми глазами, смѣло и задумчиво глядящими изъ-подъ тонко очерченныхъ бровей. Цѣлый каскадъ свѣтло-пепельныхъ, отъ природы вьющихся, волосъ красивыми прядями ниспадалъ на высокій, блѣдно-мраморный лобъ, изъ-подъ кокетливо сдвинутой на-бекрень жокейской шапочки съ большимъ прямымъ козырькомъ. Въ одномъ обѣ сестры были похожи другъ на друга: обѣ были высокаго роста и прекрасно сложены. Одѣты онѣ были тоже одинаково въ темносинія амазонки изъ легкой шерстяной матеріи, перетянутыя простыми кожаными англійскими поясами, на головахъ жокейскія шапочки, у брюнетки бѣлая съ краснымъ, а у блондинки — бѣлая съ голубымъ.

Когда лодки причалили къ берегу, первый выскочилъ Ожоговъ; онъ никому не хотѣлъ уступить лестнаго, но его выраженію, права помочь дамамъ сойти на землю. Съ ловкостью опытнаго дамскаго кавалера онъ осторожно, чуть не на рукахъ вынесъ ихъ изъ лодки и съ полупоклономъ поставилъ на сухое мѣсто.

— Вы, Павелъ Павловичъ, просто прелестны! — не утерпѣлъ, чтобы не сошкольничать, Лидія. — Настоящій *cavalier galant*! Воображаю какой вы были въ молодости!

— А развѣ теперь я старъ? — съ шутливой гримасой спросилъ Павелъ Павловичъ, въ глубинѣ души слегка задѣтый за живое словами Лидіи.

Когда все общество вышло на берегъ, Войновъ представилъ имъ Муртузь-агу, который, почтительно приложивъ руку къ сердцу, отвѣсилъ веѣмъ изысканно-вѣжливый поклонъ и поспѣшилъ пригласить въ шатеръ, откуда уже несся приятно-раздражающій запахъ поджариваемой баранины.

\*) Татары иногда управляющихъ таможами величаютъ султанами.

— Милости прошу, господа!— вѣжливо приглашалъ Муртузь, жестомъ руки указывая на разостланные на землѣ ковры, на которыхъ уже были разставлены тарелки съ разными закусками.— Передъ охотой надо хорошенько закусить!

Лидія, уже раньше, со словъ Воинова, чрезвычайно заинтересованная Муртузь-агой, нарочно сѣла такъ, чтобы, не будучи самой у него на глазахъ, имѣть возможность наблюдать за нимъ. Съ первой же минуты онъ произвелъ на нее весьма выгодное впечатлѣніе. Оставаясь все время крайне предупредительнымъ, въ высшей степени учтивымъ и любезнымъ, онъ въ то же время ни на минуту не терялъ сознанія своего достоинства, держалъ себя спокойно, просто, говорилъ мало, больше слушая другихъ. Лидіи особенно нравился тонъ, какимъ Муртузь-ага отдавалъ приказанія прислуживавшимъ нукерамъ; въ его голосѣ, въ манерѣ произносить фразы коротко, отчетливо слышалась непреклонная воля, привычка повелѣвать. Невольно чувствовалось, что ослушаться этого человѣка, повидимому, такого мягкаго и любезнаго, крайне опасно. Когда одинъ изъ нукеровъ нечаянно опрокинулъ на землю налитый чаемъ стаканъ, брови Муртузь-аги слегка дрогнули, а глаза на мгновенье сверкнули холоднымъ, стальнымъ блескомъ; впрочемъ, онъ успѣшилъ замаскировать свой гнѣвъ самой непридуманной улыбкой и тѣмъ же спокойнымъ голосомъ продолжалъ сообщать Ожогову планъ предстоящей охоты.





## О б л а в а.

Солнце стояло довольно высоко, когда, окончивъ чаепитіе, компанія тронулась въ путь. Проѣхавъ версты 3—4 на рысяхъ, до небольшой группы холмовъ, охотники слѣзли съ лошадей и поспѣшно разошлись по своимъ мѣстамъ. Каждый сталъ, какъ ему казалось удобнѣе, у подошвы холмовъ, слегка замаскировавшись кустиками гребенчука. Барынь помѣстили на вершину крайняго крутого холма, гдѣ лежалъ огромный камень. Предупредительный Муртузь-ага распорядился постлатъ на него коверъ, и образовался родъ дивана, сидя на которомъ, Лидія и Ольга могли отлично видѣть все происходящее внизу, будучи въ то же время вполне въ безопасности. Лошадей поставили за холмомъ, совершенно въ сторонѣ, чтобы онѣ не могли испугаться выбѣгающаго звѣря. Загонщиковъ отправили заранѣе. Они должны были съ трехъ сторонъ окружить камыши и, суживая постепенно кругъ, гнать звѣря къ холмамъ на ожидавшихъ его тамъ охотниковъ.

Ближе всѣхъ къ дамамъ сталъ Муртузь-ага, и Лидія невольно залюбовалась на его высокую, стройную фигуру, блѣдное выразительное лицо, большіе черные глаза, въ которыхъ теперь загорѣлся огонекъ охотничьей страсти, на то, какъ онъ спокойно и свободно стоялъ, съ ружьемъ наготовѣ, отставивъ впередъ лѣвую ногу и пристально глядя въ камыши. Слѣдующимъ за Муртузь-агой былъ Воиновъ. Лидія неожиданно для себя сдѣлала между ними сравненіе. Воиновъ, тоже красивый, рослый и крупный, казался какимъ-то слишкомъ ординарнымъ, обыкновеннымъ. Офицеръ,

какихъ сотни,—опредѣлила Лидія,—добрый, симпатичный, честный, навѣрно не трусь, но безъ всякой оригинальности. Теперь онъ думаетъ о скорѣйшемъ производствѣ въ поручики; лѣтъ черезъ двадцать будетъ мечтать о чинѣ подполковника. Въ жизни его нѣтъ ничего таинственнаго, все ясно, просто, буднично-сѣро и однообразно, какъ однообразенъ обѣдъ, который ему готовить его денщикъ. Незатѣйливо, какъ незатѣйливы его привычки, давно до тонкости изученныя его Иваномъ. Словомъ, онъ весь на лицо: здоровый, сильный, слегка неряшливый, добродушно-веселый и самодовольный,—тогда какъ Муртузь-ага весь одна сплошная загадка. Прежде всего, кто онъ такой, откуда родомъ? Что онъ не природный персъ, было несомнѣнно, въ немъ не было ничего рабски лукаваго, ничего приниженаго, какъ у настоящихъ персовъ, а вмѣстѣ съ этимъ не замѣчалось и присущей азіатамъ холодной, безсознательной жестокости, стихійно проявляющейся у нихъ во всемъ рѣшительно. Но если онъ не былъ персомъ, то и за рускаго принять его было нельзя, несмотря на его умѣнье въ совершенствѣ говорить по-русски. Типъ у него былъ не русскій, и въ произношеніи слышался явно замѣтный акцентъ. Такъ-же трудно, какъ опредѣлить народность Муртузь-аги, было не легко угадать и его социальное положеніе. Онъ не былъ человѣкомъ изъ низшаго сословія, но и къ настоящимъ интеллигентамъ причислить его тоже было нельзя. Во всякомъ случаѣ, онъ не былъ европеецъ; что-то дикое, непосредственное, наивно-патріархальное то и дѣло проскальзывало въ его словахъ, въ манерахъ, въ жестахъ; иногда онъ самъ замѣчалъ это за собой и епѣшилъ поправиться, но чаще самъ не видѣлъ угловатости своихъ манеръ.

Протяжный, жалобный аккордъ охотничьяго рожка, пронесшійся въ мертвой тишинѣ пустыни, вывелъ Лидію изъ ея задумчивости. Она подняла голову и насторожилась. По тому, какъ встрепенулись охотники, какъ торопливо скинули ружья и сосредоточили все свое вниманіе на



разстилающееся передъ ними необозримое море камыша, слегка колеблемое пробѣгающими по немъ порывами вѣтра, Лидія поняла, что загонъ начался. Дѣйствительно, минуты двѣ спустя, ея напряженный слухъ началъ улавливать отдаленный не то вой, не то стонъ. То тутъ, то тамъ стали вырваться отдѣльные возгласы, взвизгиванья, свистки... гдѣ-то громко трещали и звенѣли деревянные и желѣзные колотушки. Съ каждой минутой шумъ и гамъ, производимый сотней голосовъ, становился все слышнѣе и скоро слился въ одну невообразимую какофонію звуковъ. Можно было подумать, что цѣлая свора бѣсовъ спущена въ камыши и неистовствуетъ тамъ, наводя ужасъ на ихъ чуткихъ обывателей. Лидія Оскаровна почувствовала, какъ знакомое охотникамъ увлеченіе охватило и ее. Она стояла, насторожась, вперивъ свой пристальный, внимательный взглядъ въ чашу зарослей; сердце ее усиленно билось, щеки разгорѣлись, она дышала быстро и нервно. Вдругъ она почувствовала на себѣ чей-то пристальный, тяжелый взглядъ; она невольно оглянулась, — и глаза ея встрѣтились съ парой другихъ глазъ, черныхъ и глубокихъ, какъ бездонная пропасть.

Отъ волненія лицо дѣвушки еще болѣе похорошѣло; она стояла на холмѣ, стройная и прекрасная, съ слегка раскраснѣвшимся лицомъ и сіяющими глазами, какъ какое-то неземное существо, подобно гуріи рая, созданной пылкой восточной фантазіей. Муртузь поднялъ глаза, былъ пораженъ и стоялъ, забывъ все на свѣтѣ, будучи не въ силахъ оторвать своего горящаго восхищеннаго взора отъ обаятельной фигуры дѣвушки.

Только строгій взглядъ, брошенный на него Лидіей, заставилъ его опомниться; онъ быстро опустил глаза и вперилъ ихъ въ камышъ.

Лидія, хотя немного и раздосадованная, тѣмъ не менѣе не безъ нѣкотораго удовольствія подумала о томъ чувствѣ ошеломленнаго восторга, какое она подмѣтила въ глазахъ

Муртуза. При этомъ, помимо ся воли, въ ней шевельнулась мысль, что только одинъ Муртузъ обратилъ вниманіе на ея волненіе, остальные-же стояли всецѣло погруженные въ созерцаніе камышей, съ минуты на минуту выжидая появленія кабановъ.

Третьимъ стоялъ Ожоговъ; между нимъ и докторомъ, выбравшимъ себѣ крайній номеръ, помѣщался Осипъ Петровичъ. Ему и доктору, какъ сравнительно плохимъ стрѣлкамъ и мало опытнымъ въ кабаньей облавѣ охотникамъ, на всякій случай было назначено по одному пограничному солдату съ примкнутымъ къ ружью штыкомъ. Это на тотъ случай, если-бы раненый кабанъ бросился на охотника. Ожогову тоже совѣтовали поставить рядомъ съ собой вахмистра Терлецкаго, прекраснаго стрѣлка и, какъ человѣка, очень смѣлаго и расторопнаго, но онъ не захотѣлъ, главнымъ образомъ совѣстясь дамъ, и теперь стоялъ, колеблемый противоположными чувствами. Какъ охотнику — ему очень хотѣлось, чтобы кабаны, во всякомъ случаѣ самые крупные изъ нихъ, вышли-бы на него, чувство-же самосохраненія, противъ воли, нашептывало: «Э, Богъ съ ними и съ кабанями, пусть выходятъ на тѣхъ, кто лучше меня стрѣляетъ».

Ожоговъ не былъ трусомъ, но его смущала неувѣренность въ своей мѣткости и ловкости, столь необходимой въ этой опасной охотѣ, гдѣ промахъ или неловкое движеніе стоитъ иногда жизни.

За то Воиновъ былъ совершенно спокоенъ, словно дѣло шло о какихъ-нибудь зайцахъ. Онъ внимательно глядѣлъ передъ собой, готовый каждую минуту къ выстрѣлу. Что-же касается Муртуза, то послѣ того, какъ онъ отвел свои глаза отъ Лидіи, онъ, очевидно, впалъ въ состояніе разсѣянности, опустилъ ружье и стоялъ, не видя ничего передъ собой, кромѣ запечатлѣвшагося въ его мозгу образа дѣвушки. Лидія инстинктомъ угадала странное состояніе его души и готова была ему крикнуть, чтобы онъ былъ внимательнѣе, но въ это мгновенье изъ камыша, какъ два





„Она стояла на холмѣ, стройная и прекрасная“...

сѣрыхъ пушистыхъ комочка, выкатилась пара зайцевъ. Приложивъ уши за спину, выпуча глаза, неслись они, не видя ничего передъ собой, и съ разбѣга чуть не наскочили на Муртуза. Ошеломленные неожиданной встрѣчей, они разомъ присѣли, недоумѣло пошевелили ушами, повели носомъ и вдругъ, какъ-бы собравшись съ новыми силами, ринулись со всѣхъ ногъ между Муртузомъ и Воиновымъ.

Въ ожиданіи болѣе интересной добычи тѣ безпрепятственно пропустили ихъ, и бѣдные испуганные звѣрки, не вѣря своему благополучію, стрѣлой пролетѣли черезъ прогалину и скрылись въ гребенчукъ по ту сторону холмовъ.

Появленіе зайцевъ заставило Муртузъ-агу очнуться; онъ какъ-бы весь встряхнулся и поспѣшилъ сосредоточить свое вниманіе.

— Джановаръ, джановаръ \*)! — раздалось вдругъ на одномъ концѣ загона, и почти тотчасъ-же изъ другого конца дикими воплями донеслись: — Дунгузъ, дунгузъ \*\*)!

Въ камышахъ очевидно были и кабаны, и волки.

Охота обѣщала быть интересной.

Вопреки зайцамъ, продолжавшимъ то въ одиночку, то по два и по три стремительно вылетать изъ камышей и, пропускаемымъ охотниками, безпрепятственно скрываться за холмами, — крупные звѣри не торопились покидать густую чащу и медленно и осторожно подвигались впередъ, пугливо прислушиваясь въ одно и то-же время и къ раздававшемуся зади нихъ шуму, и къ предательской тишинѣ впереди.

Съ своего мѣста Лидія и Ольга видѣли; какъ шевелился камышъ, слышали трескъ ломаемыхъ сухихъ стеблей, но звѣря пока еще видно не было. Наконецъ, то тамъ, то сямъ замелькали среди камыша фигуры загонщиковъ. Они ѣхали длинной цѣпью, равняясь между собой и зорко поглядывая по сторонамъ, чтобы не допустить животныхъ повернуть назадъ. На фонѣ золотисто-желтаго камыша

\*) Джановаръ — волкъ.

\*\*) Дунгузъ — кабанъ.



яркими пятнами пестрѣли красныя куртки курдовъ, сѣрые халаты персовъ и бѣлыя рубахи солдатъ, которые въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, размѣстившись вдоль всей цѣпи, руководили ея движеніемъ. Разномастные лошади, крошечныя, тощія, суетливыя у курдовъ, и рослыя, раскормленныя и нѣсколько лѣнныя подъ солдатами, придавали еще большее оживленіе этой характерной картинѣ. Всадники ѣхали медленно, шагъ за шагомъ, мѣстами съ трудомъ продираясь сквозь густыя заросли, то сжимая, то расширяя свой кругъ. Время отъ времени они останавливались, подравнивались и затѣмъ снова двигались дальше.

Вдругъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ, прямо передъ собой, въ густой чащѣ камыша, Лидія увидѣла какую-то, показавшуюся ей въ первое мгновеніе огромной, сѣрую массу. Не успѣла она еще сообразить, что за звѣрь могъ это быть, какъ на прогалину выскочилъ большой сѣро-бурый волкъ. Высоко поднявъ голову, настороживъ уши, онъ шелъ широкоимъ, размашистымъ галопомъ, легко и мягко перепрыгивая, точно перелетая, черезъ низкій кустарникъ. Очевидно, умный звѣрь еще не могъ уяснить себѣ, откуда, съ какой стороны ждать главную опасность, а потому и не торопился, шелъ въ поль-маха, съ оглядкой, готовый каждую минуту метнуться въ любую сторону. Къ большому изумленію Лидіи, за волкомъ слѣдомъ, чуть не касаясь носомъ его хвоста, катилъ заяцъ. Глухой звѣрекъ былъ такъ напуганъ несшимся за нимъ по пятамъ шумомъ и гамомъ, производимыми загонщиками, что, по всей вѣроятности, не видѣлъ и не сознавалъ, въ какомъ опасномъ сосѣдствѣ находится.

Онъ скакалъ за волкомъ, какъ скачетъ на маневрахъ лихой корнетъ-адъютантъ за сердитымъ командиромъ полка, не предчувствуя, что сегодня-же вечеромъ будетъ сидѣть на гауптвахтѣ.

Съ своего мѣста Лидіи прекрасно было видно, какъ Муртузъ-ага медленно, не торопясь, поднялъ ружье и при-

ложился. Волкъ былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ и шелъ прямо на Муртуза, но въ ту минуту, когда тотъ готовился нажать на спускъ, хитрый звѣрь, какъ-бы угадавъ близость врага, сразу остановился, далъ огромный прыжокъ въ сторону и, расправивъ ноги, съ быстротой летящей птицы помчался вдоль камышей, не выскакивая въ то-же время весь на прогалину. Лидія видѣла, какъ мелькала между камышомъ его сѣрая туша, то скрываясь, то снова показываясь. Муртузъ, не рискуя выпустить пулю даромъ, опустилъ ружье. Первымъ выстрѣлилъ Воиновъ, за нимъ Ожоговъ. Оба выстрѣла очевидно задѣли волка—онъ пошелъ гораздо медленнѣе, на скаку судорожно низко кивая головой. Послѣ третьяго выстрѣла, сдѣланнаго Осипомъ Петровичемъ, волкъ вдругъ присѣлъ на заднія ноги и злобно зашелкалъ зубами. Онъ не въ силахъ былъ бѣжать дальше и только оскалится, глядя на охотниковъ глазами, полными страха и ненависти. Стоявшій подлѣ Рожновскаго солдатъ спокойно и смѣло подошелъ къ огрызающемуся звѣрю и со всего размаха вогналъ ему штыкъ между реберъ, послѣ чего волкъ бездыханный свалился на бокъ.

Не успѣли покончить съ волкомъ, какъ гдѣ-то близко-близко раздалось негромкое, но зловѣще-грозное шуршанье,— и изъ камыша поспѣшно выбѣжала огромная, неуклюжая, косматая черно-бурая масса, съ огромной головой, блестящими длинными клыками и маленькими, налитыми кровью, горящими какъ уголь глазами. Это была большая дикая свинья, съ цѣлымъ десяткомъ маленькихъ, полосатыхъ и миловидно-забавныхъ поросятъ, суетливо, съ громкимъ визгомъ, метавшихся вокругъ матери. Низко наклонивъ голову, хрюкаломъ до самой земли, и раскрывъ чудовищную пасть съ блестящими острыми, длинными зубами, свинья неуклюжимъ скокомъ направилась прямо на Муртуза-агу. Тотъ стоялъ, не спуская съ нея глазъ, держа ружье на прицѣлѣ. Когда свинья приблизилась шаговъ на пятнадцать, Муртузъ, не торопясь, плавно и осторожно надавилъ



пальцемъ спускъ курка. Грянулъ выстрѣль, и свинья, какъ подкошенная, свалилась на бокъ, оглашая воздухъ пронзительнымъ, злобно-болѣзненнымъ визгомъ. Она билась и металась по землѣ, всѣми четырьмя ногами взрывая цѣлыя тучи черной пыли.

Ошеломленные выстрѣломъ и паденіемъ матери поросята въ первую минуту пріостановились, а затѣмъ съ пронзительнымъ визгомъ начали суетиться вокругъ нея, безтолково тыкаясь во всѣ стороны, толкаясь и прячась одинъ сзади другого. Нѣсколько разъ они разбѣгались было во всѣ стороны, но тотчасъ же такъ-же стремительно возвращались назадъ, издавая жалобное хрюканье. Наконецъ, видя, что мать ихъ лежитъ неподвижно и больше уже не бьется, они, словно сообразивъ что-то, всѣ разомъ, цѣлой гурьбой, жалобно хрюкая, побѣжали по прогалинѣ въ сторону. Тотчасъ же загремѣла частая, торопливая стрѣльба,—и поросята, одинъ за другимъ, начали падать подъ пулями охотниковъ до тѣхъ поръ, пока не были перебиты всѣ, до послѣдняго.



## ХІІ.

### К а б а н ъ.

Прошло нѣсколько минутъ; загонъ подошелъ настолько близко, что уже являлось сомнѣніе, есть ли въ камышахъ еще какая дичь, или она успѣла какъ-нибудь проскользнуть назадъ, какъ вдругъ почти одновременно въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга выскочило два огромныхъ сѣкача. Отъ облѣпившаго ихъ ила они казались еще больше, еще чудовищнѣе... Съ громкимъ хрюканьемъ, выставивъ впередъ огромные клыки, они стремительно кинулись, — одинъ между Ожоговымъ и Воиновымъ, а другой—вправо отъ Муртузь-аги, какъ разъ вдоль подошвы холма, на которомъ сидѣли Лидія и Ольга.

Въ ту минуту, когда кабанъ находился всего въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ, Муртузь, все время державшій ружье на прицѣлѣ, спустилъ курокъ. Грянулъ выстрѣлъ, и животное, какъ подкошенное, сразу повалилось на бокъ, въ предсмертныхъ судорогахъ отчаянно дрыгая ногами. Пуля попала ему прямо въ сердце.

Тѣмъ временемъ съ кабаномъ, выскочившимъ на Ожогова и Воинова, вышло далеко не такъ удачно. Растерявшись отъ неожиданности, Ожоговъ упустилъ удобный моментъ и выстрѣлилъ тогда, когда кабанъ уже далеко прескочилъ мимо него. Воиновъ, изъ любезности желавшій предоставить первый выстрѣлъ своему гостю и начальнику, выстрѣлилъ послѣ него. Обѣ пули впились кабану справа и слѣва въ его широкіе, мускулистые окорока; животное завизжало отъ боли, сразу пріостановилось и вдругъ, круто повернувъ кругомъ, ринулось назадъ, въ слѣпой ярости,



готовое броситься на перваго, кто подвернется ему навстрѣчу. Такъ какъ кабанъ бѣжалъ наискось, то ближе всѣхъ къ нему очутился теперь Муртузь-ага, на котораго онъ и устремился, свирѣпо скрипя челюстями и сверкая маленькими, кровью налитыми глазами. Муртузь быстро вложилъ патронъ и, не имѣя времени прицѣлиться, какъ слѣдуетъ, торопливо выстрѣлилъ. Пуля ударила кабана въ морду и хотя сильно ранила его, но не остановила. Второй разъ стрѣлять было некогда. Лидія съ своего мѣста видѣла, какъ Муртузь отбросилъ ружье въ сторону, быстро выхватилъ кинжалъ и опустился на одно колѣно. Въ это мгновеніе окровавленная, полная пѣны пасть чудовища почти коснулась его груди. Лидія невольно вскрикнула и зажмурилась... Она не сомнѣвалась, что Муртузь-ага погибъ, но когда, мгновеніе спустя, она боязливо открыла глаза, ей представилась слѣдующая картина. Муртузь-ага стоялъ во весь ростъ, совершенно спокойный, а у его ногъ слабо трепетала распростертая на залитой кровью землѣ, огромная кабанья туша, съ торчащей въ лѣвомъ боку рукояткой кинжала.

Въ ту минуту, когда кабанъ готовился полоснуть его своими страшными клыками, Муртузь стремительно отшатнулся вправо и, размахнувшись изо всей силы, глубоко всадилъ широкій и острый клинокъ кинжала прямо въ сердце животнаго, которое тутъ же и свалилось со всѣхъ четырехъ ногъ, убитое наповалъ мѣткимъ ударомъ.

Все это произошло съ быстротой нѣсколькихъ секундъ. Остальные охотники пришли въ себя только тогда, когда кабанъ уже уналь. Всѣ съ любопытствомъ бросились къ мѣсту происшествія.

— Ура! Муртузь-ага, ура! — закричалъ Воиновъ, искренно привѣтствуя Муртуза и крѣпко пожимая ему руку. — Ну, вы настоящій герой, право слово, герой!

Другіе тоже поспѣшили позжать руку Муртуза, и каждый торопился высказать свое искреннее удивленіе его хладнокровію и смѣлости, а также силѣ и мѣткости нанесеннаго

имъ удара. Муртузь съ вѣжливой улыбкой отвѣчалъ на рукопожатія, лицо его было совершенно спокойно, и на немъ нельзя было подмѣтить ни малѣйшаго волненія, только въ глубинѣ его черныхъ глазъ сіяло скрытое торжество.

Послѣ всѣхъ подошла къ нему Лидія.

— Поздравляю васъ, Муртузь-ага,—произнесла она, дружески пожимая ему руку,—я очень рада, что вы остались цѣлы и невредимы. Признаться, я за васъ очень испугалась!

— Благодарю васъ,—низко поклонился Муртузь, загорѣвшимся взглядомъ смотря въ лицо дѣвушки, при чемъ блѣдныя щеки его слегка зарумянились отъ сдерживаемаго волненія,—вы слишкомъ добры; мнѣ даже совѣстно; такіе пустяки случаются почти при каждой охотѣ на кабановъ!

— Хороши пустяки!—воскликнулъ докторъ.—Слава Богу, что это случилось не со мной!—добавилъ онъ такъ искренно, что всѣ невольно разсмѣялись.

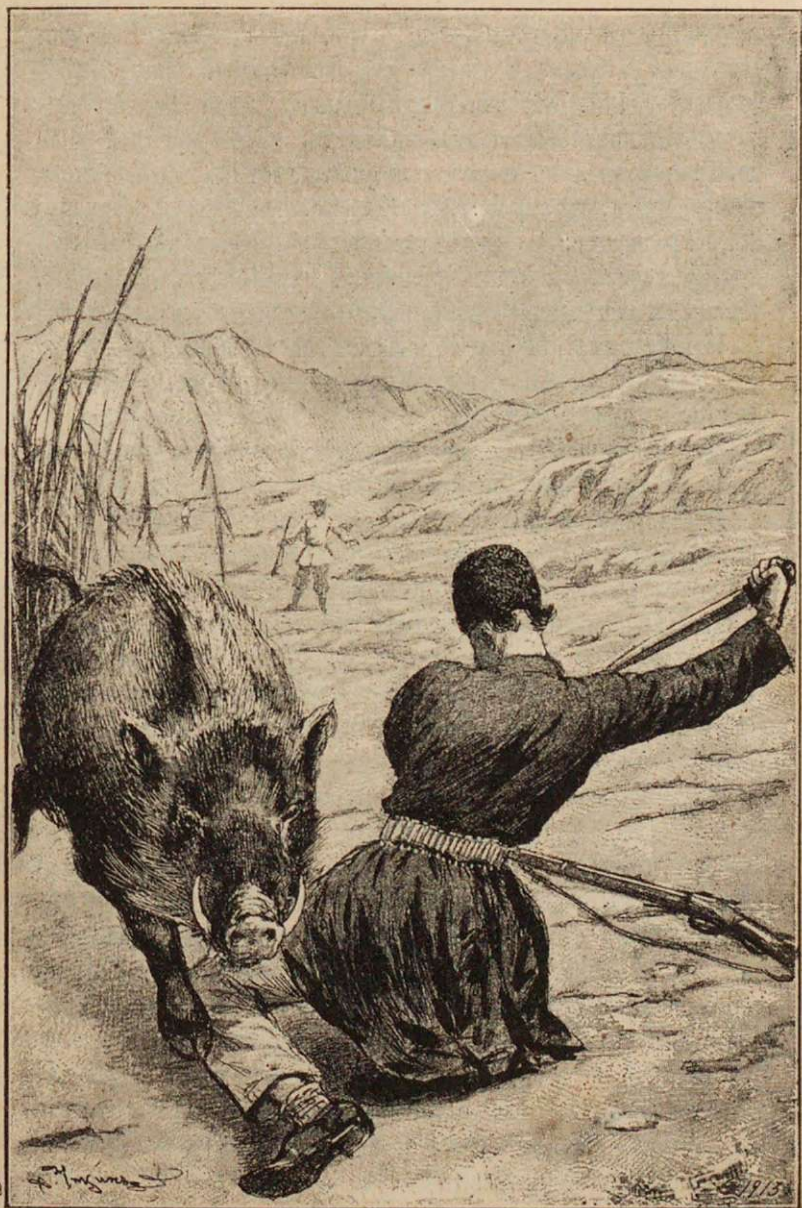
Тѣмъ временемъ загонщики выѣхали изъ камышей и расположились живописными группами на прогалинѣ. Нѣкоторые слѣзли съ лошадей и начали поправлять сѣдловку, другіе—сѣхавшіеся вмѣстѣ, оживленно передавали другъ другу свои впечатлѣнія только что оконченнаго загона. Нѣсколько человекъ приблизились къ убитому Муртузомъ кабану и молча его разглядывали, изрѣдка перебрасываясь между собою отрывистыми замѣчаніями.

— Господа, а откуда теперь будемъ гнать и гдѣ становиться?—спросилъ Ожоговъ.

— Если хотите,—предложилъ Муртузь,—перейдемте на ту сторону холмовъ, загонъ пошлемъ со стороны рѣки, онъ захватитъ оставшійся въ сторонѣ камышъ и всю правую сторону. Тамъ теперь спрятались выгнанные съ той стороны зайцы; кабановъ и волковъ уже не будетъ, они разбѣжались, а лисицы, пожалуй, есть. Онѣ далеко не бѣгутъ!

— А можетъ быть, кабаны не убѣжали и притаились гдѣ-нибудь поблизости?—спросилъ докторъ, не безъ чувства тайнаго безпокойства.





„Когда кабанъ готовился полоснуть его своими страшными клыками, Мүртувъ, отшатнувшись вправо, всадил свой кинжалъ прямо въ сердце животнаго“...

— О, нѣтъ,—улыбнулся Муртузь,—кабаны и волки, разъ ихъ спугнуть, скоро не останются. Они бѣгутъ безостановочно часа два-три и только, когда очень устанутъ, останавливаются гдѣ-нибудь въ глухой чащѣ и то не надолго; отдохнуть немного и опять бѣгутъ дальше, пока не заберутся въ такое глухое мѣсто, гдѣ ихъ уже ничто не потревожитъ. Я много охотился на своемъ вѣку и прекрасно изучилъ всѣ ихъ привычки и сноровки. Повѣрьте, теперь кромѣ зайцевъ да лисицъ мы никого не увидимъ!

Говоря такъ, Муртузь передалъ свою винтовку одному изъ курдовъ, а въ руки взялъ двухствольное охотничье ружье.

Другіе послѣдовали его примѣру и замѣнили картечные патроны патронами, снаряженными дробью.

Бросили жребій, кому гдѣ стоять, послѣ чего всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, и охота началась снова.

Опять раздались протяжные крики и гиканье загонщиковъ, замелькали въ камышахъ ихъ яркія одежды, и векорѣ на прогалину, какъ изъ мѣшка, посыпались шустрые зайцы. Заложивъ уши за спину, подобно сѣрымъ шарамъ, кубаремъ катились испуганные звѣрьки, суетливо шмыгая между охотниками. Распустивъ пушистые хвосты, вытянувшись въ струнку и мелькая красноватыми спинами, низко прижавъ къ землѣ, молніей промелькнули двѣ-три лисицы; онѣ быстро и часто дышали, оскаливъ зубы и высунувъ острый и тонкій языкъ. Вопреки глупымъ зайцамъ, несшимся впередъ, очертя голову, и съ разбѣга натыкавшимся на охотниковъ, лисицы все время внимательно осматривались по сторонамъ, зорко выглядывая опасность, готовые во всякую минуту вильнуть въ сторону передъ направленнымъ на нихъ дуломъ ружья. Это ясное пониманіе опасности, это напряженіе всѣхъ физическихъ и умственныхъ силъ въ борьбѣ за жизнь и сознательный ужасъ передъ смертью, дѣлали положеніе лисицъ болѣе трагичнымъ и невольно возбуждали къ нимъ, несмотря на ихъ хищность, большую



жалость, чѣмъ къ зайцамъ. Съ появленіемъ первыхъ животныхъ по всей линіи стрѣлковъ поднялась учащенная пальба. Поминутно гремѣли отрывистые выстрѣлы, взвивались и медленно расплзались въ воздухѣ бѣловатые клубы дыма; подстрѣленные зайцы на всемъ скаку перекувыркивались черезъ голову или оставались неподвижно лежать распластанные на землѣ, или, вскочивъ снова на ноги, пытались бѣжать дальше, но это имъ не удавалось, и они беспомощно, торопливо ползли впередъ, волоча за собой по землѣ раздробленные заднія ноги. Нѣкоторые, тяжело раненные и не будучи въ силахъ подняться на ноги, судорожно бились головой и всемъ тѣломъ о землю, издавая отчаянные вопли, чрезвычайно похожіе на крикъ младенца. Лисицы умирали молча; только когда охотники приближались къ нимъ, чтобы добить ихъ, онѣ издавали что-то похожее на шипѣніе и въ безсильной злобѣ и страхѣ щелкали зубами.

Лидію Оскаровну, сидѣвшую попрежнему на холмѣ, въ первую минуту вся эта суматоха живо заинтересовала. Она съ восторгомъ слѣдила за проворными и суетливыми движеніями перепуганныхъ звѣрьковъ, любуясь ихъ прыжками и быстротой бѣга, но съ первымъ-же выстрѣломъ вся иллюзія исчезла, чувство удовольствія смѣнилось чувствомъ глубокой жалости и омерзѣнія передъ этой беспощадной бойней беззащитныхъ звѣрьковъ. Особенно жалко ей было тѣхъ зайцевъ, которые, будучи легко ранены, успѣвали проскочить сквозь линію стрѣлковъ на трехъ лапахъ, съ болтающейся перешибленной четвертой, или съ прострѣленнымъ бокомъ. Съ своего возвышенія Лидія видѣла, какъ за каждымъ такимъ истекающимъ кровью животнымъ съ жаднымъ зловѣщимъ крикомъ бросалось нѣсколько воронъ, кружившихъ цѣлыми стаями тутъ-же неподалеку; растопыривъ когти, широко распластавъ крылья, летѣли онѣ низко-низко надъ землей, готовя ежеминутно спуститься на спину обезумѣвшаго отъ страха и боли животного.

Пронзительные, жалобные заячьи крики, раздававшиеся поминутно то тамъ, то здѣсь, рѣзали ухо, а выстрѣлы гремѣли все чаще и чаще. Лидіи казалось, что конца не будетъ этому избіенію.

«Господи!—думала она,—и это называется удовольствіемъ!»

Въ эту минуту неподалеку отъ холма, на которомъ она сидѣла, упалъ сраженный кѣмъ-то большой, жирный заяцъ. Онъ лежалъ неподвижно, какъ мертвый, до тѣхъ поръ, пока не стали подходить загонщики. Почувывъ возлѣ себя людей, заяцъ забился и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ; махая лапками, онъ тщетно силился подняться и, почувствовавъ свою безпомощность, разразился вдругъ отчаяннымъ, душу леденящимъ воплемъ. По мѣрѣ того, какъ люди подходили ближе, крикъ зайца дѣлался все протяжнѣе и трусливѣе; казалось, вся его заячья душа разрывалась отъ тоски и ужаса передъ неизбежной смертью... Лидія заткнула уши, закрыла лицо руками и отвернулась... Она была близка къ обмороку.

Съ этого момента она поклялась сама себѣ никогда не участвовать ни въ какой охотѣ.

Большого труда стоило всей компаніи уговорить Лидію не ѣхать сейчасъ-же домой. Она согласилась остаться только при одномъ условіи, что больше охотиться не будутъ.

— Ну, позвольте хотя еще одинъ загонъ сдѣлать!—получу, полу-досадуя приставалъ къ ней Воиновъ, страстный охотникъ въ душѣ.—Если уже не хотите, чтобы мы стрѣляли зайцевъ, мы будемъ только лисицъ стрѣлять; вѣдь лисицъ жалѣть нечего, онѣ разоряютъ гнѣзда птицъ и логовища зайцевъ. Каждая лисица въ годъ не меньше восьмидесяти зайцевъ задушить, а сколько птицъ—счета нѣтъ! Подумайте, сколько зла онѣ принесутъ!

Но Лидія упорно стояла на своемъ, и охоту пришлось прекратить, тѣмъ болѣе, что приближалось время вечера, и всѣ охотники порядкомъ устали. Рѣшено было возвратиться назадъ, на то мѣсто, гдѣ утромъ пили чай, и гдѣ, по словамъ Муртузъ-аги, ихъ ждалъ обѣдъ.



Такъ какъ всё успѣли порядочно проголодаться, то предложеніе Муртузь-аги было принято съ удовольствіемъ.

На обратномъ пути Муртузь ѣхалъ рядомъ съ Лидіей.

— У васъ очень доброе сердце,—замѣтилъ онъ ей,—вамъ даже зайцевъ жалко!

— Я вообще не признаю никакого убійства, — произнесла дѣвушка,—и всякій убійца внушаетъ мнѣ ужасъ и отвращеніе!

— Даже убійца зайцевъ?—усмѣхнулся Муртузь.

— Даже зайцевъ. Они тоже имѣютъ право на жизнь и лишать ихъ жизни ради удовольствія—очень дурно!

— Бываютъ случаи, когда приходится убивать не только зайцевъ, но и людей!—угрюмо произнесъ Муртузь-ага.

— Я такихъ случаевъ не признаю. Кромѣ, впрочемъ, войны!—поспѣшила она поправиться.—Война дѣло очень нехорошее, но, говорятъ, неизбѣжное. Не знаю, насколько это правда; я гляжу на это дѣло, какъ принято глядѣть всѣми: пока война существуетъ — ее поневолѣ приходится признавать. Но уже помимо войны, никакихъ убійствъ не должно быть, ни казней, ни дуэлей, ни ради мщенія... Словомъ, никогда и ни подъ какимъ видомъ человѣческая кровь не должна быть пролита, ибо нѣтъ такого преступленія на свѣтѣ, которое могло-бы заслуживать лишенія человѣка жизни...

— Да, но если убійство совершено, то что дѣлать, по вашему, убійцѣ? Чѣмъ и какъ искупить убійство?

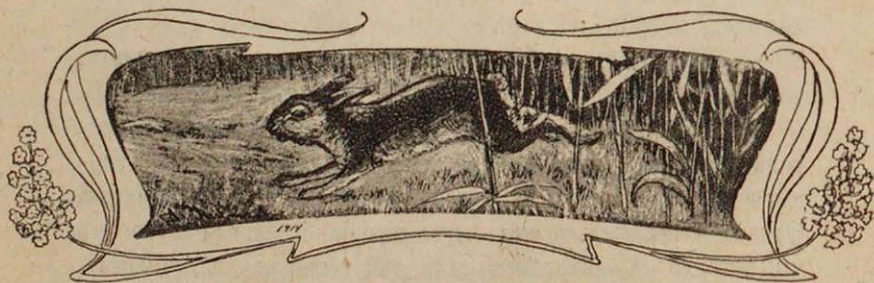
— Убійство не искупается ничѣмъ, ибо никакое раскаяніе убійцы, никакія душевныя страданія его—не вернуть жизни убитому. Въ этомъ-то и весь ужасъ убійства! Однако,—засмѣялась она,—что это за страшный разговоръ мы затѣяли съ вами; отъ зайцевъ перешли къ убійству. Давайте-ка лучше проскачемте немного!

— У васъ хорошая лошадь!—замѣтилъ Муртузь, взглядомъ знатока оглядывая невысокую, но крѣпкую и красивую лошадку Лидіи.—Это делибось?

— Неправда-ли? — радостно воскликнула Лидія. — Я очень рада, что мой Копчикъ понравился вамъ. Онъ дѣйствительно прекрасный конь, и я его очень люблю. Вы знаете, я вѣдь, только пріѣхавъ на Закавказье, начала учиться ѣздить верхомъ. Мнѣ говорили, что это трудно и потребуетъ много времени, а я въ три мѣсяца выучилась и ѣзжу, не хвастаясь говоря, недурно. Правда, я ѣзжу почти каждый день. Воиновъ говорить, что у меня талантъ къ верховой ѣздѣ!

— Вы, Лидія Оскаровна, природная амазонка! — весело крикнулъ Воиновъ, равняясь съ ними. — Даю вамъ слово, я въ жизни не встрѣчалъ ни у кого такой способности къ верховой ѣздѣ, какъ у васъ!

— Ну, да, рассказывайте, «комплиментщикъ»! — расхохоталась Лидія и, вдругъ съ легкимъ гикомъ поднявъ хлысть и слегка пригнувшись къ лукъ, отдала поводья. Почувявъ свободу повода, Копчикъ горячо рванулся впередъ и понесся стрѣлой по степи, увлекая свою лихую наѣздицу. Воиновъ и Муртузь-ага помчались слѣдомъ, съ трудомъ поспѣвая за рѣзвымъ Копчикомъ. Остальная компанія продолжала идти тѣмъ-же аллюромъ, издали любяясь на эту импровизированную скачку.





### ХІІІ.

#### „Мраваль-Джаміеръ“.

Обѣдъ подѣ тѣнью шатра прошелъ очень весело и затянулся до вечера. У Муртузь-аги оказался превосходный поваръ; по крайней мѣрѣ, все присутствовавшіе въ одинъ голосъ рѣшили, что такой превосходной чахартмы \*), люликэбаба \*\*) и плова \*\*\*) — никому изъ нихъ еще не удавалось ѣсть нигдѣ. Послѣ обѣда былъ поданъ крѣпкій, душистый кофе, разнаго сорта варенье, сушеные фрукты и имбирныя конфекты, персидскаго издѣлія, отъ которыхъ страшно жгло во рту. Въ коньякѣ и винѣ недостатка тоже не было. Для дамъ былъ заготовленъ лимонадъ и особый персидскій напитокъ изъ воды и уксуса, съ разными пряностями и духами.

Когда первый голодъ былъ утоленъ, кто-то предложилъ сѣсть, по кавказскому обычаю, «Мраваль-джаміеръ».

Кромѣ доктора, все оказались изъ поющихъ, даже и Ожоговъ, голосъ котораго, хотя уже и разбитый, былъ еще довольно сносенъ. Въ молодости онъ считался прекраснымъ пѣвцомъ.

Воиновъ и Рожновскій пѣли очень недурно, особенно первый, но лучше всехъ голосъ былъ у Лиди. Въ институтѣ она считалась лучшей пѣвицей, ей даже совѣтовали идти въ консерваторію, но артистическая карьера нисколько не соблазняла ее.

\*) Супъ изъ курицы и риса.

\*\*) Жареное на вертелѣ рубленое мясо.

\*\*\*) Рисъ съ бараниной.

Муртузь-ага не принималъ участія въ пѣніи, — онъ сидѣлъ, потупя голову, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и опущенными рѣсницами. Несмотря на его кажущееся спокойствіе, Лидія инстинктивно чувствовала, что онъ сильно волнуется, но не могла хорошенько понять истинной причины этого волненія.

— Славная пѣсня! — задумчиво произнесъ Ожоговъ. — Она мнѣ напоминаетъ наши застольныя гусарскія пѣсни. Я понимаю, что грузины такъ любятъ ее.

— Да, пѣсня хорошая, — согласился Муртузь. — Если вамъ, господа, не надобно — спойте еще разъ.

Всѣ охотно изъявили согласіе, и Воиновъ задушевымъ голосомъ началъ:

Мраваль джаміерь...

Остальные дружики подхватили, и въ вечернемъ воздухѣ широкой волной полился стройный, за душу берущій мотивъ:

Мраваль джаміерь...

Мертва и небось  
Мертва и небось  
Квени ццоццле  
Мадлобели варъ  
Мадлобели варъ

Лидія во все время пѣнія пристально смотрѣла въ лицо Муртузу-Агѣ, и вдругъ ей показалось, что лицо его дрогнуло, и въ глазахъ отразилось глубокое затаенное горе.

Нико Нико-разбойника  
Шѣни чире мѣ,  
Шѣни чире мѣ,  
Гули чире мѣ.

Запѣлъ вдругъ Воиновъ, когда всѣ смолкли, извѣстную шутивую пѣсенку тифлисскихъ кинто.

Шѣни чире мѣ  
Гули чире мѣ.

Выводилъ онъ, старательно подражая грузинскому жаргону, что выходило у него очень забавно.

Всѣ весело разсмѣялись. Даже Муртузь-Ага усмѣхнулся, но затѣмъ нахмурился, положилъ щеку на руку, вздох-



нулъ и вдругъ изъ его груди вырвался дребезжащій, какъ бы рыдающій звукъ; звукъ этотъ повторился, но еще печальнѣй, еще болѣе унылый и протяжный. Всѣ насторожили уши. Муртузь-Ага пѣлъ старинную переидскую пѣсню, пѣлъ, какъ поютъ персы—въ одномъ тонѣ, то повышая, то понижая голосъ, по нѣсколько разъ повторяя одно и то-же слово. Пѣніе это, похожее скорѣе на стонъ, производило какое-то особенное странное впечатлѣніе. Въ первую минуту оно непріятно поражало своею дикостью, хотѣлось заткнуть уши и бѣжать, какъ отъ чего-то безобразнаго и нестройнаго, но вслушавшись внимательнѣй, ухо начинало улавливать своеобразный, не лишенный музыкальности мотивъ, весь проникнутый безысходной, душу надрывающей тоской. Только многовѣковое, тяжелое, безпросвѣтное рабство могло создать такую пѣсню. Лидія въ первый разъ въ жизни слышала такое пѣніе, и оно вызвало въ ней странное двойственное ощущеніе. Оно и раздражало, и увлекло ее... Она сидѣла, устремивъ пристальный взглядъ на поблѣднѣвшее лицо Муртуза-Аги, съ полузакрытыми глазами и какой-то особенной скорбной складкой около губъ.

Ей очень хотѣлось проникнуть мысленнымъ взоромъ въ душу этого человѣка и угадать, что онъ думаетъ и чувствуетъ въ эту минуту. Чѣмъ больше она присматривалась къ нему, тѣмъ онъ казался ей загадочнѣе и непонятнѣе.

— Кто онъ такой?—ломала она голову.—Во всякомъ случаѣ, не простой персъ. Надо сказать Воинову, чтобы онъ, во что бы то ни стало, разузналъ о немъ все, что можно.

— Вы можете сказать намъ содержаніе этой пѣсни?—спросила Ольга Оскаровна, когда Муртузь-Ага наконецъ, умолкъ.— О чемъ она?

— Это изъ Гафиза, — отвѣчалъ Муртузь, — молодой воинъ увидѣлъ случайно жену своего владыки и шлетъ ей свое привѣтствіе, обѣщаетъ вѣрно служить ея мужу и умереть за него на полѣ битвы, и за это проситъ, чтобы она дала ему изъ своихъ рукъ розу, которая растетъ подъ ея окномъ.

— Вот не думалъ, — воскликнулъ Ожоговъ, — чтобы персы были такъ сентиментальны. Въдъ у нихъ женщина обращена въ выучное животное!

— Теперь — да, но во времена Гафиза и въ началѣ появленія мусульманства женщина была совершенно свободна. Она нерѣдко являлась даже правительницей и не только одного какого-нибудь племени, но цѣлаго народа; въ основѣ своей коранъ относится къ женщинѣ съ большимъ уваженіемъ и предоставляетъ ей большую свободу. Въ началѣ такъ оно и было, но впоследствии мурты создали шаріатъ и адаты, нерѣдко являющіеся прямымъ противорѣчіемъ ученію корана!

— Вы убѣжденный мусульманинъ?—какъ-бы невзначай спросила Лидія.

— Я очень уважаю и люблю коранъ, въ этой книгѣ скрыта великая мудрость!—уклончиво отвѣтилъ тотъ.

— Жаль, что вы не знакомы съ нашимъ евангеліемъ; вотъ-бы гдѣ вы могли почерпнуть великія истины!

Муртузъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но удержался и промолчалъ.

Тѣмъ временемъ солнце уже успѣло скрыться за горы, и наступила ночь. На Закавказьи сумерекъ не бываетъ. Свѣтлый день почти моментально смѣняется ночной темнотой. Яркая луна выплыла на горизонтъ и освѣтила фосфорическимъ свѣтомъ темныя волны рѣки, застывшей въ мертвенномъ покоѣ, и пустынную, выжженную солнцемъ степь.

Надо было ѣхать домой.

Лошади и солдаты давно уже были на той сторонѣ.

У берега тихо покачивались на волнахъ двѣ лодки съ дремлющими въ нихъ гребцами.

— Господа,—предложилъ Ожоговъ,—не сѣлать-ли намъ такъ? Мнѣ съ докторомъ надо ѣхать разѣздомъ на сосѣдній постъ. Поѣдемте всѣ вмѣстѣ на лодкѣ; мы съ Аркадіемъ Владиміровичемъ и докторомъ подвеземъ васъ къ Шах-Абаду, а сами поѣдемъ дальше. Внизъ по теченію лодка



идеть хорошо, ночь лунная, свѣтлая, на рѣкѣ прохладно, не замѣтимъ какъ доѣдемъ. Неправда-ли?

— А назадъ какъ-же?—спросилъ Воиновъ.—Противъ такого быстрого теченія на нашихъ тяжелыхъ лодкахъ не выгрести!

— Назадъ поѣдемъ верхами на «очередныхъ», а лодку отправимъ «бичевой». Я уже не первый разъ такъ дѣлалъ!

— А солдатамъ не будетъ трудно тащить назадъ лодку? — освѣдомилась Лидія.

— Пустую-то? Пустяки, все равно, что такъ идти, — успокоилъ ее Ожоговъ, — да къ тому-же, это вѣдь та-же служба. Тѣхъ, кто потащатъ лодки, другого не заставятъ дѣлать и наоборотъ. Нашъ пограничный солдатъ все равно сложа руки никогда не сидитъ!

Предложеніе Ожогова всѣмъ пришлось по сердцу. Перспектива проѣхать 5—6 верстъ на лодкѣ была несравненно пріятнѣе, чѣмъ, усталыми и сонными, тащиться верхомъ по пыльной дорогѣ.

Муртузь-Ага, у котораго въ персидскомъ селеніи Анадырь, расположенномъ противъ Шахъ-Абада, жилъ одинъ знакомый, захотѣлъ тоже ѣхать со всѣми съ тѣмъ, чтобы, не доѣзжая Шахъ-Абада, ему позволили-бы выйти на персидскій берегъ.

Такимъ образомъ вся компанія, размѣстившись въ двухъ лодкахъ, весело поплыла внизъ по рѣкѣ, оглашая пустынные ея берега громкими криками и смѣхомъ.

На одной лодкѣ сѣли: Лидія, Воиновъ, Муртузь и Рожновскій, на другой—Ольга, Ожоговъ и докторъ. Кромѣ того въ каждой лодкѣ находилось по четыре гребца-солдата, а въ лодкѣ, гдѣ сидѣли Ожоговъ и докторъ, еще рулевой.

## Встрѣча съ разбойникомъ.

Въ ту минуту, когда лодки тронулись въ путь, параллельно имъ по персидскому берегу потянулась вереница всадниковъ. Это были Муртузовы курды, которымъ было приказано ихъ начальникомъ сопровождать лодки, ограждая ихъ отъ могущихъ послѣдовать съ персидскаго берега выстрѣловъ.

Какъ черныя тѣни, двигались курды одинъ за другимъ, то исчезая въ густыхъ камышахъ, то снова появляясь на открытой мѣстности. Ихъ оружіе ярко поблескивало въ голубоватыхъ лучахъ мѣсяца, придававшихъ неяснымъ силуэтамъ всадниковъ причудливыя формы. Что-то фантастическое было во всей этой картинѣ.

Лодки, увлекаемыя быстрымъ теченіемъ и дружными усиліями гребцовъ, плавно и ходко скользили по глухо рокочущимъ волнамъ; чтобы поспѣть за ними, курдамъ приходилось мѣстами подгонять лошадей. Въ этихъ случаяхъ не приученныя къ рыси куртинскія клячи переходили въ галопъ и скакали короткими и неуклюжими прыжками, отчего сидѣвшіе на нихъ всадники раскачивались, какъ маятники.

Лидія сидѣла на кормѣ и задумчиво смотрѣла передъ собой. Вся эта своеобразная, дикая картина сильно дѣйствовала на ея нервы и возбуждала въ ней какія-то неясныя, неуловимыя ощущенія. Минутами ей казалось, что она участвуетъ въ фантастической фееріи, подобной тѣмъ, какія она видѣла въ дѣтствѣ: «Въ восемьдесятъ дней вокругъ свѣта», «Путешествіе по Африкѣ» и т. п. Въ то-же время,



она невольно проводила параллель между теперешней своею жизнью и тою, какую она жила еще въ прошломъ году. Прошлое лѣто она проводила на дачѣ въ Сокольникахъ у своей тетки, ѣздила на музыку, въ лѣтніе театры, участвовала въ пикникахъ или проводила вечера съ подругами. Какъ все это было не похоже на то, что окружаетъ ее теперь; и природа, и обстановка, и люди! Главное дѣло — люди. Она вспоминала своихъ дачныхъ кавалеровъ, и какими жалкими казались они ей по сравненію не только съ Воиновымъ и Муртузъ-Агой, — но даже Ожоговымъ и ея зятемъ. Въ лѣтнихъ модныхъ костюмахъ, въ изящно-небрежно повязанныхъ галстучкахъ, въ перчаткахъ и уродливо модныхъ башмакахъ-лыжами, въ которыхъ и ходить-то было неудобно, — они, вооруженные толстыми модными дубинками и поигрывая моноклями и брелоками, ломались около своихъ дамъ, какъ пѣтушки, соперничая между собой изящными манерами и остроуміемъ. Лидіи пришелъ на память одинъ случай, когда встрѣтившійся на аллеѣ догъ произвелъ страшный переполохъ во всей этой компаніи. Кто-то почему-то крикнулъ: «бѣшеная!» — и всѣ кавалеры, забывъ о своихъ модныхъ дубинкахъ, растерялись до того, что начали прятаться за дамъ, одинъ полѣзъ на дерево, а двое шмыгнули въ первый попавшійся палисадникъ.

Собака, опустивъ голову и поджавъ хвостъ, пробѣжала мимо, не взглянувъ даже на людей, и только, когда она исчезла изъ виду, растерявшіеся кавалеры начали приходить въ себя и на посыпавшіеся на нихъ упреки со стороны дамъ принялись мило отшучиваться, стараясь каламбурами замаскировать свое душевное убожество.

Подъ впечатлѣніемъ этого воспоминанія Лидія взглянула въ загорѣлое, открытое лицо Воинова, въ его сѣрые, честные глаза, окинула взглядомъ всю его могучую фигуру. «Этотъ-бы не побѣжалъ не только отъ собаки, а отъ звѣря», — подумала она, и ей невольно припоминались рассказы о нѣсколькихъ удалыхъ выходкахъ Воинова, про ко-

торыя ей сообщилъ Рожновскій. Какъ однажды онъ съ четырьмя человѣками, подъ выстрѣлами отступавшихъ разбойниковъ, кинулся въ рѣку, переправился по глубокому броду и бросился въ шашки на втрое сильнѣйшаго врага. Другой разъ, обходя секреты и наткнувшись на вооруженнаго контрабандиста, онъ лично задержалъ его, вырвалъ у него изъ рукъ заряженное ружье въ ту минуту, когда тотъ готовъ былъ уже спустить курокъ, и привелъ на постъ, держа одной рукой за шиворотъ, а другой угрожая послать ему въ голову пулю изъ револьвера. Въ началѣ знакомства съ Воиновымъ, Лидіа, начитавшейся романовъ, онъ показался просто героемъ, но теперь, послѣ встрѣчи съ Муртузъ-Агой, образъ Воинова значительно потускнѣлъ въ ея глазахъ. По сравненію съ Муртузомъ, онъ казался ей теперь ординарнымъ. «Здѣсь, на границѣ, много такихъ молодцовъ офицеровъ, — думала она, — въ Муртузъ-же есть что-то загадочное; въ немъ, подъ наружнымъ спокойствіемъ, таится неполнѣ укрощенный звѣрь, могучая, страстная натура, съ прошлымъ, исполненнымъ всякихъ приключеній. Много испытавшій на своемъ вѣку человѣкъ, съ сильнымъ характеромъ и непреклонной волей!» охарактеризовала она его мысленно. Лидія украдкой взглядывала въ спокойное, блѣдное лицо Муртуза, сидѣвшаго напротивъ нея на скамейкѣ, тщетно стараясь прочесть таившіяся въ немъ мысли, но лицо это было непроницаемо, какъ маска, и только въ его большихъ черныхъ глазахъ свѣтилась задумчивая грусть.

Лодки, между тѣмъ, быстро подвигались впередъ. Гребцы солдаты дружно и сильно наваливались на весла. Воиновъ вначалѣ тоже гребъ нѣкоторое время, вмѣсто одного изъ солдатъ, но потомъ ему надоѣло, и онъ пересѣлъ на руль.

— Господа! — крикнула вдругъ Лидія шедшей сзади нихъ лодкѣ. — Давайте устроимъ гонку. Вонъ до того острова, чья лодка раньше къ нему причалить!

— Отлично! — отозвался Ожоговъ, девизомъ котораго было: «угоддай дамамъ». — Соломенко, — обратился онъ къ



рулевому своей лодки, — обгонишь ихнюю лодку — два рубля гребцамъ на чай!

— Слушаю, ваше в-діе! — весело крикнулъ Соломенко, удадо тряхнувъ головой и вызывающе поглядывая на лодку соперниковъ.

— Ну, ребята, не зѣвайте! — предупредилъ своихъ гребцовъ Воиновъ, — обойдемъ лодку полковника, отъ меня два рубля!

— И отъ меня тоже! — добавила Лидія.

— Надо подровняться, а то вы впереди! — крикнула Ольга Оскаровна. — Подождите насъ!

— Ждемъ. — Ну, разъ, два, три!..

Восемь паръ веселъ дружно и съ размаха упали въ воду. Началась гонка.

Лодки, на видъ очень тяжелыя и неуклюжія, въ дѣйствительности оказались довольно ходкими. Солдаты выбивались изъ силъ, всею грудью наваливаясь на весла. Они высоко поднимали ихъ надъ водой и широкими взмахами далеко отводили назадъ.

По мѣрѣ того, какъ разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ острова, сокращалось, всѣмъ овладѣло лихорадочное волненіе. Даже дремавшій все время докторъ оживился и время отъ времени поощрительно покрикивалъ на гребцовъ. Одинъ только Муртузь-Ага, повидимому, оставался совершенно спокойнымъ, но когда лодка противника начала вдругъ опережать ихъ, даже и онъ не выдержалъ и съ загорѣвшимся взглядомъ собирался что-то крикнуть, но сдержался, усмѣхнулся и медленно провелъ рукой по лицу, какъ-бы сглаживая этимъ жестомъ проступившее сквозь него волненіе.

Лидія-же волновалась больше всѣхъ.

— Что-жъ это такое! — повторяла она, чуть не плача, — Они насъ обходятъ!

— Не безпокойтесь, барышня! — успокаивалъ ее одинъ изъ гребцовъ. — Пушай ихъ идти передомъ, повымотаются малость, мы ихъ подъ самымъ обрывомъ обчикуримъ. Ре-

бятя, — обратился онъ къ остальнымъ гребцамъ, — смотри, не зѣвай; какъ поровняемся вонъ съ тѣмъ камышемъ, ложись дружиѣй на весла, а главное сразу и дальше заводи, а вы, ваше б-діе, — обернулся онъ къ сидѣвшему у руля Воинову, — когда пойдемъ мимо, сильнѣе руль направо кладите, мы ихъ тогда вразъ съ фарватера-то ихняго собьемъ, имъ ужъ тогда за нами не потрафить!

— Ты, Олейниковъ, до службы матросомъ кажется, былъ?

— Такъ точно, на добровольномъ, не то чтобы настоящимъ матросомъ, а такъ себѣ, на пароходѣ состоялъ при отцѣ! — усмѣхнулся Олейниковъ и тутъ-же, строго глянувъ на товарищей, добавилъ, — Ну, ребята, изготovyся, сейчасъ будетъ пора!

— Au revoir! — дразня волнующуюся Лидію, приподнял фуражку Ожоговъ, — Будьте здоровы!

Его лодка шла почти на цѣлый корпусъ впереди, и оттуда неслись веселыя подтруниванія по адресу оставшихъ, но тѣ хранили упорное молчаніе, искоса взглядывая на быстро приближающійся, заросшій густымъ камышомъ берегъ.

— Ну, съ Богомъ, — тихо, но отчетливо произнесъ Олейниковъ, — навались, ребята!

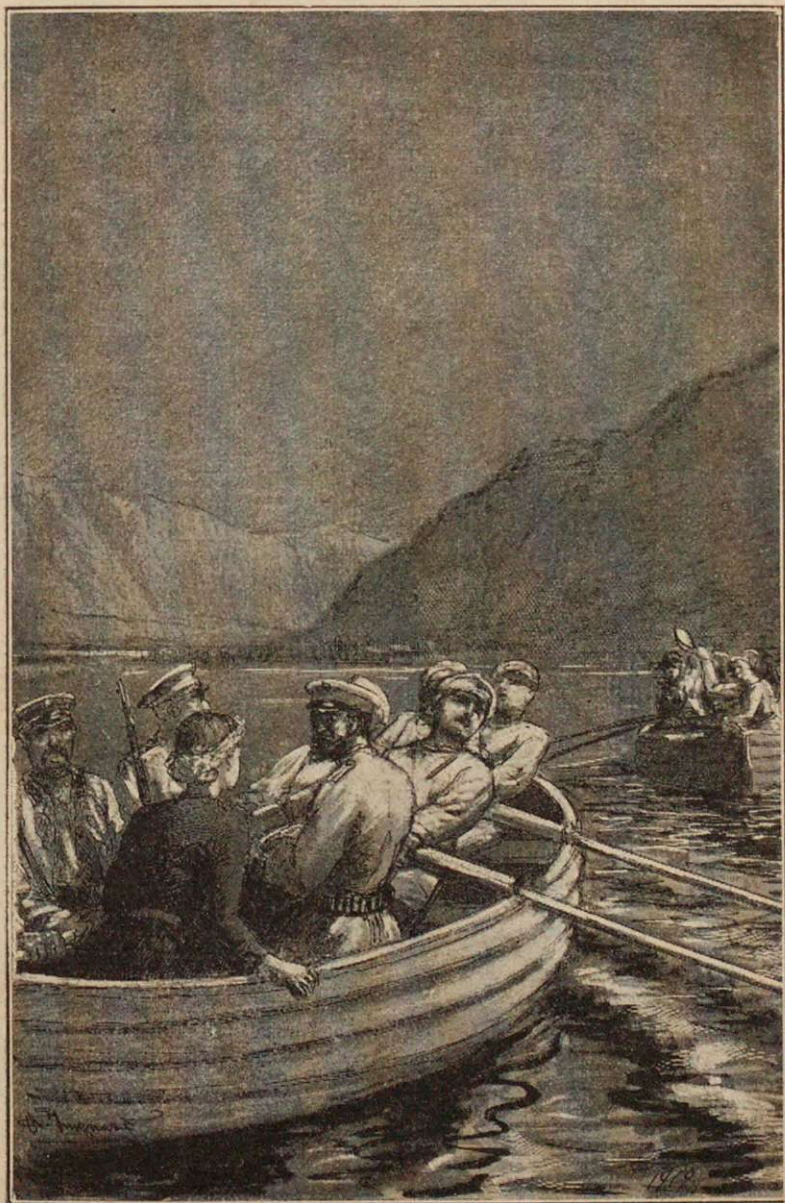
Двѣ пары веселъ, какъ крылья чайки, дружно взмахнули въ воздухъ, лодка дрогнула и, какъ пришпоренная лошадь, рванулась впередъ.

— Разъ... разъ... разъ, — громко отсчитывалъ Олейниковъ, — ну, ребята навались, навались, такъ!..

Съ третьяго взмаха лодки выровняли свои борта. Торжествовавшіе уже было побѣду противники растерялись.

Послышались торопливыя понуканія. Засуетившіеся гребцы изо всѣхъ силъ налегли на весла, но второпяхъ сбились, весла легли вразбродъ, отчего лодка, вмѣсто того, чтобы рвануться впередъ, словно-бы затопталась на мѣстѣ. Этой неудачей какъ нельзя лучше воспользовался Воиновъ и, круто положивъ руль вправо, прорѣзалъ по самому борту противника... Еще два-три могучихъ взмаха веслами, — и





„— Что-жъ это такое? — повторяла Лидія, чуть не плача. — Они насъ обгоняютъ“..

лодка съ разбѣга ударилаеь кормой въ песчаную отмель острова.

— Ура, наша взяла... Ура!—искренно торжествуя, закричала Лидія, махая платкомъ, какъ флагомъ... но въ эту минуту произошло нѣчто неожиданное. Шагахъ въ пятнадцати отъ мѣста, гдѣ причалила лодка, въ самой чащѣ камыша что-то зашумѣло, мелькнула какая-то тѣнь и мгновенно скрылась, почти одновременно съ этимъ грянулъ эхомъ прокатившійся надъ рѣкой выстрѣлъ. Лидія услышала надъ самой своей головой жалобно-протяжный свистъ, точно жужжащая муха пролетѣла, и въ ту-же почти минуту на соседней лодкѣ раздаеь громкій, испуганный крикъ. Одинъ изъ гребцовъ - солдатъ выпустилъ изъ рукъ весло, схватился обѣими руками за грудь и медленно повалился на дно лодки.

Несмотря на всю неожиданность такого происшествія, привычные солдаты и офицеры не растерялись, и въ то время, когда Ожоговъ и докторъ наклонились къ раненому, Вонновъ съ своими гребцами уже былъ на берегу. Съ ружьями въ рукахъ всѣ пятеро смѣло бросились въ камыши, на розыски дерзкаго убійцы.

Лидія была такъ поражена всѣмъ случившимся, что сидѣла въ лодкѣ, не зная, что ей дѣлать, и только растерянно озиралась кругомъ. Въ двухъ шагахъ отъ нея на берегу Рожновскій успокоивалъ плачущую Ольгу.

— Гдѣ-же Муртузь-Ага?—мелькнуло въ головѣ Лидіи, и она начала искать его глазами, но его нигдѣ поблизости не было.

Никто не замѣтилъ, какъ въ ту минуту, когда въ камышахъ мелькнула подозрительная фигура, еще до выстрѣла, Муртузь однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ лодки и бросился вдоль берега, на перерѣзъ убѣгавшему.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ... На островѣ все было тихо, только изрѣдка трещали кусты, и шуршаль камышъ подъ ногами солдатъ.

Раненаго вынесли на берегъ, посадили, сняли съ него рубаху и осмотрѣли. Къ счастью, рана оказалась пустяшною,



пуля скользнула вдоль груди, слегка опаравъ кожу. Это даже была не рана, а скорѣе контузія. Очевидно, на солдата, оказавшагося нѣсколько слабонервнымъ, подѣйствовала не боль, а неожиданность полученнаго удара. Убѣдясь, что никакой опасности нѣтъ, Ожоговъ принялся сердито укорять его.

— Баба ты, братецъ! — сердито басилъ онъ. — Пуля тебя почти и не задѣла, а ты валишься, какъ снопъ, перепугалъ всѣхъ!

Солдатики стояли, виновато потупивъ глаза. Въ эту минуту онъ, кажется, жалѣлъ, что такъ счастливо отдѣлался.

Товарищи, помогавшіе ему выйти изъ лодки, добродушно и лукаво ухмылялись, глядя на его переконфуженное лицо.

Докторъ, разорвавъ носовой платокъ, дѣлалъ перевязку.

— Ваше в-дѣе, — крикнулъ одинъ изъ солдатъ, рукой указывая на рѣку, — извольте глядѣть, вонъ онъ плыветъ!

Всѣ устремили глаза туда, куда показывалъ солдатъ, и увидѣли по срединѣ рѣки двѣ головы, одну человѣческую а другую конскую. Человѣкъ плылъ подлѣ лошади, держась руками за ея гриву и направляя ее къ русскому берегу. Въ обманчивомъ лунномъ свѣтѣ съ трудомъ можно было разглядѣть косматую папаху пловца и торчащее изъ-за его головы дуло ружья.

— Садись въ лодку! — крикнулъ Ожоговъ, — Можетъ быть догонимъ!

Солдаты энергично схватились за весла, и черезъ минуту лодка уже неслась въ погоню за бѣглецомъ. Почти въ то же время на берегъ острова изъ камышей выбѣжалъ Воиновъ съ своими солдатами. Первымъ ихъ движеніемъ было схватиться за ружья, чтобы послать въ пловца нѣсколько пуль, но, увидя спѣшившую въ погоню лодку, Воиновъ изъ боязни, какъ-бы своими выстрѣлами не задѣтъ сидящихъ въ лодкѣ людей, приказалъ своимъ солдатамъ опустить ружья.

— Теперь онъ уйдетъ! — съ досадою произнесъ Олейниковъ, стоя рядомъ съ Воиновымъ и слѣдя за движеніями

лодки. — Тамъ сейчасъ будетъ отмель, они какъ разъ на нее напорятся, особливо съ разбѣга, а онъ тѣмъ временемъ къ берегу подплыветъ, сядетъ на коня и ускачетъ!

Предсказанія Олейникова не замедлили сбыться. Не успѣлъ онъ замолкнуть, какъ вдругъ лодка остановилась въ своемъ стремительномъ бѣгѣ и закачалась, наскочивъ всѣмъ дномъ на песчаный перекалъ, которыми такъ изобилуетъ Араксъ.

Воиновъ видѣлъ, какъ двое солдатъ выскочили изъ лодки и, стоя по поясъ въ водѣ, изо всѣхъ силъ старались спихнуть ее съ мѣста, третій солдатъ и самъ Ожоговъ помогали имъ, упираясь въ дно отмели веслами.

— Я такъ и зналъ! — проговорилъ недовольнымъ тономъ Олейниковъ. — Было-бы лучше изъ ружей въ него вдарить, можетъ быть, какая пуля и зацѣпила-бы, а теперь онъ слабно уйдетъ. Вонъ онъ уже къ берегу прибивается... Съль... Ну, теперь шабашъ, ушелъ!

Татаринъ, приблизившись къ берегу, гдѣ вода была настолько мелка, что лошадь уже могла идти, быстро вскочилъ въ сѣдло и погналъ лошадь въ прибрежные кусты; не успѣлъ онъ, однако, проѣхать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ на дальнемъ концѣ острова сверкнуло яркое пламя, и грянулъ выстрѣлъ. Бѣглець закачался въ сѣдлѣ, запрокинулся навзничъ и медленно и тяжело, какъ кулъ, свалился въ воду. Волны жадно подхватили его тѣло, подбросили раза два на своихъ пѣнистыхъ гребняхъ, закружили и повлекли внизъ... Освободившаяся лошадь вскачь вынеслась на крутой берегъ и быстро исчезла въ кустахъ.

— Кончена комедія! — сказалъ Воиновъ, возвращаясь съ своими солдатами къ лодкамъ. — Молодецъ Муртузь; это въдъ онъ подстрѣлилъ татарина. Я-то стрѣлять не могъ, съ моего мѣста опасно было, чтобы не попасть въ лодку, а онъ забѣжалъ впередъ и съ того конца выстрѣлилъ... Мѣтко бьетъ, безъ промаха. А вотъ и онъ идетъ!

Муртузь шелъ, не торопясь, неся ружье въ рукахъ; лицо его, по обыкновенію, было спокойно.



— Знаете, кто этот татаринъ? — спросилъ Муртузъ, подходя къ Воинову. — Кербалай - Аскеръ, каторжникъ. Онъ года два тому назадъ бѣжалъ у васъ съ каторги, поселился въ Персїи и началъ разбойничать и контрабандировать. Мнѣ сердаръ давно приказывалъ его поймать, да все какъ-то не удавалось, а сегодня, какъ нарочно, самъ подвернулся. Онъ, должно быть, хотѣлъ контрабанду къ вамъ провезти.

— Чего онъ, дуракъ, стрѣлялъ! Притаился-бы въ камышахъ, мы-бы его и не замѣтили!

— А ужъ это такая натура разбойничья! Не утерпѣлъ, чтобы не выстрѣлить:



„Вѣглець закачался на сѣдлѣ и тяжело, какъ куль, свалился въ воду“...

соблазнъ великъ. Къ тому-же онъ понадѣялся на лошадь, думаль, успееть усекаать!

— Чуть-чуть и не усекааль! Если-бы не вы—ушелъ-бы навѣрняка!

Весь этотъ неожиданный переполохъ испортилъ всеѣмъ настроеніе. Муртузъ-ага сталъ проситься перевезти его на персидскую сторону, что и было исполнено. Когда лодка причалила къ берегу, онъ наскоро простился со всеѣми и выскочилъ на песчаную отмель, гдѣ его ожидалъ высокій, мрачнаго вида курдь, держа подъ уздцы лошадь.

Муртузъ ловко вскочилъ въ сѣдло, пріосанился и поскакаль отъ берега, сопровождаемый всеѣмъ своимъ отрядомъ.

— Какой молодець! — невольнo вырвалось у Воинова, съ удовольствіемъ слѣдившаго за всеѣми движеніями Муртуза.

Лидія промолчала. Она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ разыгравшейся передъ ней драмы.

«Убили человекъ, точно куропатку, подстрѣлили; ничего, какъ будто-бы такъ и быть должно!»—думала она съ за-таеннымъ ужасомъ.

Всю остальную дорогу она сидѣла молча, подавленная нахлынувшими мыслями, тревожно роившимися въ головѣ. Она думала о Муртузѣ, произведшемъ на нее сегодня такое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ разностороннее впечатлѣніе. Онъ очень нравился ей, возбуждалъ любопытство, но въ то-же время вселялъ ужась, смѣшанный съ отвращеніемъ.

— Сколько людей убилъ этотъ человекъ на своемъ вѣку?—спрашивала себя Лидія.

«Во всякомъ случаѣ не одного и не двухъ!»— давала она сама себѣ отвѣтъ, и при этомъ жуткая дрожь пробѣгала по ея тѣлу.





## XV.

### У таможеннаго парома.

Селеніе Шахъ-Абадъ, гдѣ стояла шахъ-абадская таможня, соединялось съ персидскимъ селеніемъ Акадырь посредствомъ двухъ паромовъ, русскаго и персидскаго, ходившихъ по рѣкѣ на толстомъ желѣзномъ канатѣ. Персидскій паромъ былъ не великъ и постоянно былъ въ неисправности, на немъ переправлялись только разные персидскіе беки, ханы и богатые купцы, простой-же народъ и товары возились исключительно на русскомъ паромѣ, отличавшемся своими большими размѣрами и чрезвычайно прочной конструкціей.

Для верблюжьихъ каравановъ версты на полторы ниже паромовъ былъ бродъ, черезъ который, для выигрыша времени и удобства, купцамъ было разрѣшено возить товары на верблюдахъ, не разгружая ихъ, но подъ наблюденіемъ солдатъ пограничной стражи.

Переправа на паромахъ начиналась съ 9 часовъ утра и продолжалась до заката солнца, подъ непосредственнымъ надзоромъ таможенныхъ солдатъ. Съ заходомъ-же солнца русскій паромъ запирался цѣпью на замокъ, поверхъ котораго прицѣплялась еще свинцовая плomba, и къ нему ставился часовой отъ пограничной стражи, на обязанности котораго лежало—не допускать никого къ парому, а также слѣдить, чтобы персидскій паромъ, оставшійся на ночи у персидскаго берега, не причаливалъ къ русскому.

Наблюденіе за порядкомъ при переправахъ на паромахъ лежало на старшемъ таможенномъ досмотрщикѣ, но въ исключительныхъ случаяхъ, при сильномъ наплывѣ пассажировъ \*) и товаровъ на берегъ, командировался иногда канцелярскій чиновникъ.

Старшимъ досмотрщикомъ при шахъ-абадской таможнѣ былъ отставной фельдфебель Илья Ильичъ Сударчиковъ.

Это былъ старикъ, лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, широкоплечій, съ длинными сѣдыми бакенбардами и суровымъ лицомъ.

Несмотря на легкую сутуловатость и нѣкоторое колебаніе въ походкѣ, приобрѣтенныя имъ на долгодѣтней службѣ, старикъ выглядѣлъ еще молодцомъ, чему способствовала широкая грудь, увѣшанная крестами и медалями. Большая серебряная медаль на шеѣ внушительно выглядывала изъ-за бакенбардъ и вселяла глубокое почтеніе толпящимся у парома мушамъ \*\*).

Стоя на берегу, съ цѣлой пачкой тэскэре \*\*\*)) въ рукахъ, Сударчиковъ неторопливо и степенно совалъ ихъ въ протянутыя руки грязныхъ, оборванныхъ персовъ рабочихъ, робко тѣнившихся вокругъ него.

— Кэрбалай-Аласкэръ!—выкрикивалъ онъ, строго глядя въ надвинувшіяся со всѣхъ сторонъ, торопливо дышашія, обожженные солнцемъ лица. — Машады-Измайлъ! Абудуль-Мамедъ-оглы! Кэрбалай-Зэйналъ. Ну, что-же вы? Подходи, что-ли!

Вызываемые приближались, брали изъ рукъ «старшаго» свои замасленные, пропитанные потомъ тэскэре и засунувъ ихъ за пазуху, трюсцой бѣжали къ парому, гдѣ шла невообразимая суматоха. Здѣсь цѣлый табунъ вьючныхъ ословъ сбился въ одну кучу и меланхолично потряхиваетъ ушами, подъ крикъ и брань о чемъ-то отчаянно спорящихъ между собой погонщиковъ. Тамъ, дальше, огромный облѣзлый

\*) Пассажирами называются всѣ лица, переправляющіяся на паромѣ черезъ границу.

\*\*\*) Муша—чернорабочіе персы.

\*\*\*)) Тэскэре—персидскій паспортъ.



верблюдь, издавая жалобный [ревъ, осторожно и неохотно опускается на колѣни, подлѣ груди какихъ-то ящиковъ, другой уже лежитъ, и два оборванныхъ, невообразимо грязныхъ татарина въ косматыхъ папахъ, съ громкими криками, торопливо навьючиваютъ на его израненную подъ сѣдломъ спину неуклюжіе деревянные ящики. Верблюдь, закинувъ голову, испускаетъ пронзительные стоны, точно апеллируя ко всему свѣту на жестокое обращеніе съ нимъ людей.

Время отъ времени онъ умолкалъ и принимался злобно скрежетать огромными, длинными желтыми зубами, которыми могъ-бы, при желаніи, легко оторвать голову своему жожаку. Тутъ-же, неподалеку, жалось другъ къ другу десятка четыре овецъ, около которыхъ суетилось нѣсколько татаръ, для чего-то разбивая ихъ на два стада. Овцы пугливо блеяли, перебѣгали съ мѣста на мѣсто; отбитыя въ сторону, всѣми силами старались вновь соединиться съ товарками, запыхавшіеся татары отчаянно голосили и махали палками, увеличивая и безъ того царящій кругомъ шумъ и гамъ. Сѣдобородый мулла въ бѣлой чалмѣ и въ такомъ-же поясѣ, угрюмо насупясь, сосредоточенно тянулъ за поводъ тощую, рыженькую, бѣломордую кляченку, осѣдланную высокимъ, неуклюжимъ куртинскимъ сѣдломъ, съ притороченными къ нему туго набитыми хурджинами\*). Лошаденка, вытянувъ тощую шею, едва передвигала ноги, уныло пешевеливая хвостомъ, настолько длиннымъ и пушистымъ, что, казалось, не хвостъ служилъ принадлежностью лошаденки, а напротивъ—лошадь была дана въ придачу къ своему не по росту пышному хвосту.

Нѣсколько курдовъ, въ живописныхъ костюмахъ, увѣшанные цѣлымъ арсеналомъ оружія, лѣниво облокотясь на сѣдла своихъ крошечныхъ лошадокъ, съ терпѣливымъ достоинствомъ выжидали очереди, презрительно поглядывая на снующихъ мимо нихъ персовъ. Когда паромъ нагружался

\*) Хурджины—переметныя сумы.

людьми, товаромъ и животными до положенной нормы, Сударчиковъ махалъ рукой паромщику, канать натягивался, и паромъ, тяжело отваливъ отъ берега, начиналъ медленно пересѣкать рѣку. Черезъ нѣкоторое время онъ возвращался обратно, привозя новую толпу людей, лошадей, ишаковъ\*), овецъ, которые, какъ только бортъ парома касался схода, стремительно, точно спѣша спастись отъ погони, бросались на берегъ, толкая и обгоняя другъ друга.

Прибывшіе изъ Персіи «пассажиры» собирались въ одну толпу и подъ конвоемъ двухъ солдатъ пограничной стражи слѣдовали на таможенную для визированія своихъ паспортовъ и предъявленія къ осмотру привезенныхъ съ собой вещей. Для тѣхъ, кто былъ хорошо одѣтъ и ѣхалъ на хорошихъ собственныхъ лошадяхъ, дѣлалась небольшая поблажка:—ихъ не заставляли ждать, пока партія соберется, а отправляли въ таможенную немедленно.

— Илья Ильичъ,—почтительно доложилъ младшій до-смотрщикъ, состоявшій у Сударчикова въ помощникахъ,—извольте взглянуть, никакъ ханъ Акадырскій ѣдетъ!

Онъ указалъ пальцемъ на приближающійся персидскій паромъ, на платформѣ котораго стояло нѣсколько цестро одѣтыхъ всадниковъ. Впереди всѣхъ на росломъ сѣромъ, блестящемъ, какъ серебро, жеребцѣ сидѣлъ мужчина, одѣтый въ персидскій полу-кафтанъ и папаху съ гербомъ. Сзади его, держа лошадей въ поводу, стояло двое курдовъ въ ярко-красныхъ бархатныхъ курткахъ и цестрыхъ поясахъ. На головѣ у нихъ были черныя чалмы изъ шелковыхъ платковъ, съ выпущенной на глаза бахромой. Сѣдла и чепраки ихъ рослыхъ и статныхъ коней были расшиты шелкомъ.

— Нѣтъ, это не ханъ,—пристально вглядываясь въ лицо всадника, произнесъ Сударчиковъ,—ханъ много старше, ростомъ ниже и изъ себя плотнѣе, это — какой-то незнакомый, я его впервой вижу. Должно, какой бекъ знатный или чиновникъ ихній!

\*) Ишакъ—осель.



Паромъ, тѣмъ временемъ, подошелъ къ берегу; стоявшіи до того спокойно, лошади заволновались, особенно сѣрый жеребецъ находившагося впереди всѣхъ всадника. Не успѣли паромщики настлатъ кое-какъ доски сходень, какъ онъ уже горячо рванулся впередъ, но почувствовавъ подъ ногами пляшущія, какъ клавиши фортепіано, доски, испугался, взвился на дыбы и однимъ огромнымъ скачкомъ, птицей перелетѣлъ на берегъ, не касаясь предательскихъ сходень копытами. Сопровождавшіе всадника курды осторожно провели лошадей въ поводу.

— Кимъ-адамъ \*)?—спросилъ Сударчиковъ, подходя къ всаднику, съ трудомъ сдерживавшему на строгомъ мундштукѣ разгорячившуюся, нервно танцующую лошадь.

— Муртузь-ага, секретарь Суджинскаго сардаря,—отвѣчалъ тотъ по-русски,—я къ управляющему таможней!

— Пожалуйте!—повелъ рукой Сударчиковъ.

Муртузь-ага толкнулъ лошадь широкими стремянами и короткимъ азіатскимъ галопомъ поскакалъ къ таможнѣ, отстоявшей отъ берега менѣе чѣмъ въ верстѣ разстоянія.

Сударчиковъ проводилъ его глазами и задумался.

— Лицо какъ будто-бы знакомое; гдѣ я его видѣлъ? Сюда, въ таможню, онъ никогда не пріѣзжалъ, а между тѣмъ мнѣ ясно помнится, словно бы я съ нимъ гдѣ-то встрѣчался. Или, быть можетъ, похожій на него; они, басурмане, всѣ на одно лицо, немудрено, что и смѣшаешь!

Въ это время подошелъ русскій паромъ; цѣлая толпа «пассажировъ» съ крикомъ и гамомъ повалила мимо Сударчикова и отвлекла его вниманіе.

Лидія Оскаровна сидѣла въ своей комнатѣ у окна, когда увидѣла проскакавшаго мимо сада Муртузь-агу. Хотя на охотѣ Рожновскій и звалъ Муртуза къ себѣ въ гости, но тотъ отвѣчалъ такъ уклончиво и неопредѣленно, что Лидія вывела заключеніе о нежеланіи, по извѣстнымъ ему одному причинамъ, пріѣхать въ Россію, а потому внезапное по-

\*) Кто такой? Что за человѣкъ? Адамъ—человѣкъ.

явленіе Муртуза явилось для нея крайней неожиданностью, немного даже взволновавшею ее.

— Ольга, Муртузь-ага пріѣхалъ! — сказала Лидія, торопливо входя въ столовую, гдѣ сестра ея что-то шила. — Должно быть, къ намъ въ гости!

— Ну, что-жъ, — спокойно произнесла Ольга Оскаровна, — милости просимъ. Я думаю, онъ согласится съ нами пообѣдать; онъ, кажется, не фанатикъ!

— Разумѣется! — подтвердила Лидія и поспѣшила къ себѣ въ комнату, привести въ порядокъ свой домашній, нѣсколько небрежный костюмъ.

— Mesdames, — весело произнесъ Рожновскій, входя въ гостиную, куда Ольга и Лидія успѣли уже выйти, — угадайте, кого я вамъ привелъ?

— Муртузь-агу! — весело крикнула Лидія. — Не стройте секрета, я сама видѣла изъ окна, какъ онъ подѣхалъ къ таможнѣ!

— Глазки дамъ — за орлиные не отдамъ! — по своей привычкѣ говорить иногда дустишіями, произнесъ Рожновскій. — Отъ васъ ничего не скроется. Угадали, Муртузь-агу! Онъ пока еще въ таможнѣ, но сейчасъ придетъ. Кстати, Олечка, — обратился Рожновскій къ женѣ, — имѣй въ виду, я его пригласилъ обѣдать!

— Ну, такъ что же? Небось, хватить веѣмъ, только не знаю, понравится-ли?

— Понравится. Ты вѣдь у меня хозяйшка первый сортъ... А вотъ кстати и онъ! — дверь отворилась, и въ комнату, неслышно ступая по разостланному ковру, вошелъ Муртузь. Увидя дамъ, онъ учтиво поклонился и поспѣшилъ дружелюбно пожать протянутыя руки.

— Милости просимъ, — радушно привѣтствовала его Ольга Оскаровна, — прошу, садитесь. Мы васъ давно поджидали. Думали, что вы уже и не пріѣдете!



## XVI.

### Неожиданный гость.

— Дѣла были; къ тому же, сардаръ не любитъ отпускать своихъ приближенныхъ въ Россію. Надо было выбрать удобную минуту, чтобы получить разрѣшеніе!

— Почему же?—спросила Лидія.

— Аллахъ его вѣдаетъ!—разсмѣялся Муртузь.—Можетъ быть, боится измѣны. Надо вамъ знать, онъ у насъ очень болѣзненный и черезъ это чрезвычайно мнительный и подозрительный. Чуть что, сейчасъ въ измѣнѣ обвинить; ему и такъ все мерещится, будто бы Россія хочетъ завладѣть Суджинскимъ ханствомъ!

— Но разъ уже вы вырвались, — засмѣялась Ольга Оскаровна, — то надѣюсь, вы къ намъ на цѣлый день, будемъ обѣдать вмѣстѣ. Неправда-ли?

Муртузь, вмѣсто отвѣта, низко склонилъ голову.

Лидія, сидя у окна такъ, чтобы не быть прямо у него на глазахъ, съ любопытствомъ разглядывала его. На этотъ разъ Муртузь показался ей нѣсколько инымъ, чѣмъ тамъ, на охотѣ, но она долго не могла рѣшить, былъ-ли онъ сегодня лучше, или хуже.

— Онъ сегодня болѣе европейецъ, — рѣшила она, наконецъ, — и это, пожалуй, идетъ къ нему!

Дѣйствительно, и въ одеждѣ, и въ манерахъ Муртузъ-ага была большая разница. Мундирный кафтанъ изъ тонкаго темно-синяго сукна былъ, вопреки персидскому обычаю, застегнутъ на всѣ пуговицы, изъ-подъ ворота выглядывали крахмальные воротнички, а изъ рукавовъ бѣлоснѣжныя

манжеты, по борту шла золотая цѣпочка. Войдя въ комнату, онъ снялъ свою папаху, чего персы тоже не дѣлаютъ, оставаясь всегда въ головномъ уборѣ. Обычай не снимать шапокъ настолько прочно вкоренился у персовъ, что русское правительство сочло возможнымъ, какъ своимъ подданнымъ мусульманамъ, такъ и персидскимъ—разрѣшить оставаться въ шапкахъ даже и тамъ, гдѣ для всѣхъ прочихъ сниманіе головного убора признается обязательнымъ, какъ, на примѣръ, въ судѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ и т. п.

Въ городѣ Эривани, во время богослуженія въ царскіе дни, въ каедральномъ соборѣ персидскій консулъ присутствовалъ съ надѣтой на головѣ папашой.

Держалъ себя Муртузь-ага тоже нѣсколько иначе. Не прикладывалъ такъ часто руку къ сердцу и не отвѣшивалъ низкихъ, подобострастныхъ поклоновъ.

— А вы знаете, я къ вамъ съ просьбой, — началъ Муртузь-ага, послѣ первыхъ незначительныхъ фразъ, обращаясь къ Рожновскому, — не согласитесь-ли вы, съ вашими дамами и тѣмъ офицеромъ, что былъ съ нами на охотѣ, пожаловать къ намъ въ Суджу? Тамъ много интереснаго: увидите, какъ живутъ наши ханы, посмотрите ихъ дворцы, наконецъ, сама мѣстность очень интересна. Суджа напоминаетъ немного сѣверный Кавказъ. Я увѣренъ, если вы согласитесь пріѣхать, то не раскаетесь!

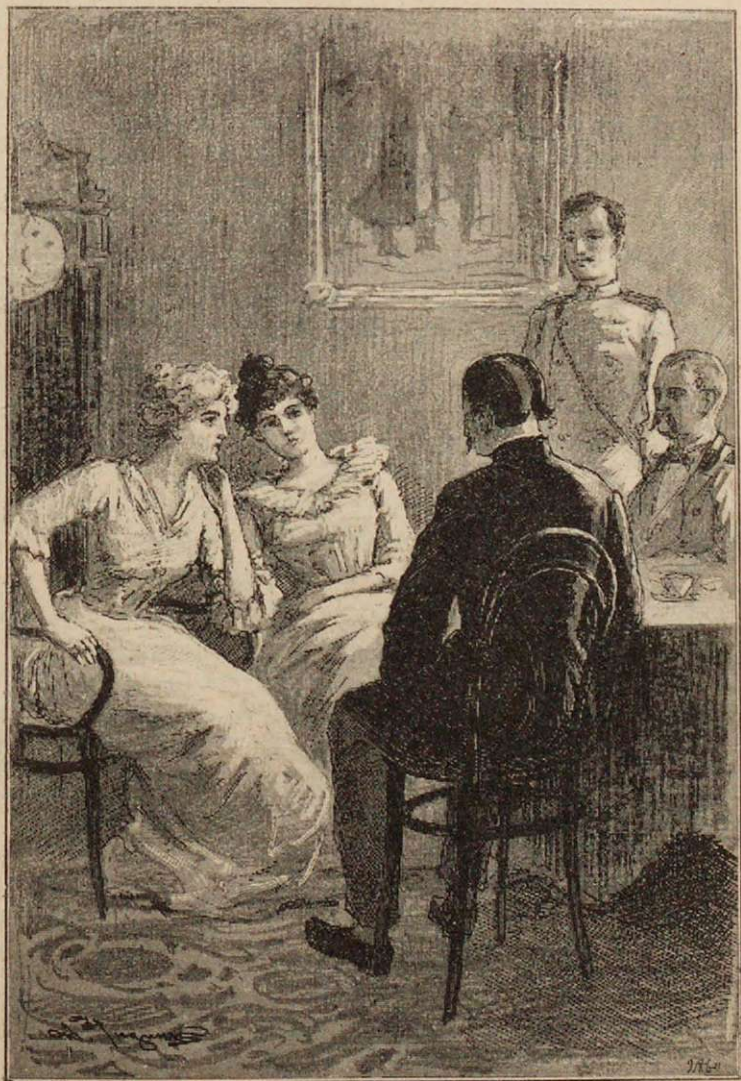
— А какъ далеко до Суджей? — освѣдомился Осипъ Петровичъ. — И какъ туда проѣхать?

— Я думаю—и пятидесяти не будетъ, а ѣхать можно сначала, до селенія Тунъ, въ экипажѣ, а оттуда уже верхомъ, такъ какъ за Туномъ дорога пойдетъ ущельемъ, и на колесахъ ѣхать почти невозможно; до Туна же дорога очень порядочная!

— А до Туна сколько верстъ?

— Больше половины, такъ что верхомъ вамъ придется проѣхать не особенно много, верстъ 18—20. За то дорога чрезвычайно интересная. Все время ущельемъ, по склонамъ





„Лидя, сидя противъ Муртуза, съ любопытствомъ разглядывала его“...

горъ; виды восхитительны, вы просто залюбуетесь. Къ тому же, тамъ горы не такія, какъ здѣсь, совершенно обнаженныя, безъ всякой растительности;—наши горы покрыты лѣсомъ и кустарниками, въ которыхъ водится очень много дичи, горные козлы и даже медвѣди. Медвѣдей мы, разумѣется, не встрѣтимъ, но козловъ можемъ увидѣть, правда, издали, какъ они прыгаютъ со скалы на скалу!

— Что-же, я, пожалуй, не прочь, вотъ только какъ дамы!—согласился Рожновскій.—Мнѣ, признаться, самому давно хочется побывать въ Персеи, подальше отъ границы, а то я за четыре года, что живу здѣсь, бывалъ только въ приграничныхъ селеніяхъ, да и то на какой-нибудь часъ, не больше!

— Ну, а объ насъ и толковать нечего!—воскликнула Лидія.—Мы разумѣется ѣдемъ съ восторгомъ, неправда-ли, Ольга?

— Конечно, такая поѣздка очень интересная вещь, и я охотно поѣду. Воиновъ тоже навѣрное поѣдетъ!

— Разумѣется, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, мы ему просто-на-просто прикажемъ. Теперь только надо выработать планъ поѣздки. Экипажи мы гдѣ достанемъ?

— Надо будетъ нанять фаэтонщиковъ изъ Нацавли. Они часто ѣздятъ въ Суджу; изъ Нацавли туда есть даже прямая колесная дорога. Неправда-ли?

— Есть,—кивнуль головой Муртузь,—но эта дорога крайне непріятная, очень пустынная, каменистая и скучная. Мы поѣдемъ прямо отсюда!

— А какъ же съ верховыми лошадьми?—поинтересовалась Лидія.

— Верховыхъ лошадей я вамъ доставлю, сколько угодно!

— О, нѣтъ!—замахала руками Лидія.—Я если поѣду, то только на своемъ Копчикѣ; на другую лошадь я не сяду ни подъ какимъ видомъ!

— Если желаете,—то это легко устроить: наканунѣ поѣздки, я пришлю за вашей лошадью двухъ своихъ надеж-



ныхъ курдовъ, они доведутъ ее до Туна и тамъ заночуютъ. Что касается меня, то я съ своими людьми встрѣчу васъ у самага парома на персидской сторонѣ и буду провожать до Суджей. Въ Тунѣ мы устроимъ приваль, слегка закусимъ, вы сядете на вашихъ лошадей, и къ вечеру мы уже будемъ въ Суджѣ!

— Великолѣбно; ахъ, какъ я рада!—захлопала Лидія въ ладоши.—Вы, Муртузъ-ага, право премилый!

Муртузъ слегка вспыхнулъ и опустилъ глаза.

— Помилуйте,—произнесъ онъ,—ваше посѣщеніе намъ, суджинцамъ, будетъ большая честь и радость. Сардаръ, самъ хотя и боленъ, но будетъ искренно счастливъ васъ видѣть!

— Когда же мы поѣдемъ?

— Я думаю, лучше всего въ началѣ будущаго мѣсяца. Теперь еще чрезчуръ жарко, а въ первыхъ числахъ сентября будетъ прекрасно!—замѣтилъ Рожновскій.—Въ сентябрѣ по утрамъ и къ вечеру становится уже прохладно, а потому и дорога не такъ утомительна. Неправда-ли, Муртузъ-ага?

— Хотя для меня, чѣмъ скорѣе вы прѣдете, тѣмъ пріятнѣе, но, говоря откровенно, вы правы. Теперь, дѣйствительно, еще жарко, но въ первыхъ же числахъ сентября будетъ какъ разъ впору. Надо вамъ знать, что въ самыхъ Суджахъ климатъ суровѣе, нежели въ долинѣ, а потому позднѣе начала сентября тамъ уже значительно холодно, особенно по ночамъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же позднѣе!—возразилъ Рожновскій.— Я надѣюсь, мы соберемся числа 5—6; надо только съ Воиновымъ условиться. Можетъ быть, онъ сегодня вечеромъ подѣдетъ. Мы вмѣстѣ все и обсудимъ, что и какъ, а теперь не пора ли обѣдать? Ты какъ, жинка, думаешь?

— Сейчасъ прикажу накрывать!—отвѣтила Ольга Оскаровна и вышла распорядиться по хозяйству.

— Вы что же, Лидія Оскаровна,—обернулся Рожновскій къ дѣвушкѣ,—такъ далеко сѣли? Садитесь поближе и будемъ балакать, пока жинка намъ обѣдъ справляетъ.

Лидія пересѣла на диванъ противъ Муртуза.

Она была одѣта въ свѣтлую голубую кефточку, съ вырѣзаннымъ воротомъ и широкими рукавами. Серебряный кавказскій поясъ на галунной тесьмѣ туго перетягивалъ ея стройную талию. Густые, пепельно-бѣлокурые волосы были высоко подобраны и укрѣплены на маковкѣ длинной булавкой въ видѣ стрѣлы. Цѣлый каскадъ мелкихъ завитковъ ниспадалъ на ея высокій, бѣлый лобъ.

Муртузь-ага съ нескрываемымъ восхищеніемъ любовался молодой дѣвушкой. Въ этомъ костюмѣ она казалась ему еще лучше, чѣмъ въ амазонкѣ.

Если бы была его воля, онъ, кажется, сидѣлъ бы и только смотрѣлъ ей въ лицо, молча, ничѣмъ не развлекаясь, никакими разговорами. Требовалось большое усиліе воли съ его стороны, чтобы заставить себя не смотрѣть ей прямо и пристально въ глаза, въ эти чудные, темно-темно голубые глаза, казавшіеся по временамъ черными, съ изящными, словно кистью художника, нарисованными бровями.

Слушая мелодичный голосъ дѣвушки, Муртузь-ага съ трудомъ улавливалъ смыслъ словъ и только глядѣлъ, какъ шевелятся ея красивыя, пунцовыя губы, какъ задорно сверкаютъ за ними ея бѣлыя, ровныя, изящныя зубки.

«Если бы рай Магомета не былъ выдумкой мусульманской фантазіи, и въ немъ дѣйствительно жили бы гуріи, онѣ не могли бы быть лучше»,—думалъ Муртузь, любуясь Лидіей.

Лидія не ошиблась. Только что успѣли встать отъ стола и съ чашками турецкаго кофе перейти въ гостиную, какъ пріѣхалъ Воиновъ. Онъ очень часто посѣщалъ Рожновскихъ. Если служба и занятія не позволяли ему пробывать весь вечеръ, онъ довольствовался тѣмъ, что, справившись о здоровьѣ, сидѣлъ минутъ пятнадцать-двадцать, послѣ чего уѣзжалъ назадъ, къ себѣ.

Ни для Осипа Петровича, ни для Ольги Оскаровны не было тайной, что Воиновъ безъ ума влюбленъ въ Лидію,



и такъ какъ онъ былъ имъ обоимъ весьма симпатиченъ, то они и не находили нужнымъ мѣшать дружескому сближенію между молодыми людьми. Вначалѣ, съ первыхъ дней знакомства, отношенія Лидіи къ Владиміру Аркадьевичу были весьма дружественныя: онъ замѣтно ей нравился, и она находила большое удовольствіе въ его обществѣ, но за послѣднее время въ обращеніи Лидіи съ Воиновымъ была замѣтна какая-то нервность; иногда она бывала съ нимъ особенно любезна, даже ласкова. Иногда-же, ни съ того, ни съ сего, или принималась зло надъ нимъ подтрунивать, или совершенно игнорировала его присутствіе. Въ такіе дни на Воинова было жалко смотрѣть; онъ какъ-то весь съеживался, робѣлъ, не зналъ, что и какъ говорить, чтобы не усилить дурного расположенія дѣвушки, старался угождать ей и благодаря всему этому становился, дѣйствительно, немного смѣшнымъ.

— Лидія, — пробовала Ольга Оскаровна урезонивать сестру, — ты просто невозможна въ своемъ обращеніи съ Воиновымъ, ты на каждомъ шагѣ обижаешь его!

— Ахъ, онъ настоящій теленокъ. Знаешь такіе бывають породистые, полтора-годовалые бычки, очень сильные и, пожалуй, страшные, когда разозлятся, но въ обычномъ своемъ состояніи добродушно-туповатые... Понимаешь, что я хочу сказать?

Ольга Оскаровна пожимала плечами и недовольно отворачивалась отъ сестры.

На этотъ разъ Лидія была въ очень хорошемъ расположеніи духа и встрѣтила Воинова весьма любезно.

— Васъ только недоставало! — воскликнула она, протягивая ему руку. — Мы проектируемъ поѣздку въ Суджу, и я впередъ дала за васъ согласіе!

— Отлично сдѣлали, — влюбленными глазами глядя на дѣвушку, произнесъ Воиновъ, — разъ вы ѣдете, я, разумѣется, буду счастливъ сопровождать васъ!

— Муртузъ-Ага обѣщаль пріѣхать съ своими курдами намъ на встрѣчу, такъ что опасности никакой быть не

можетъ!—добавила дѣвушка съ какой-то неуловимой, особенной интонаціей въ голосѣ, которую различить могло только ухо влюбленнаго.

— Если вы, Лидія Оскаровна, — вспыхнулъ Воиновъ, — сообщеніемъ объ отсутствіи опасности хотите успокоить меня, то, увѣряю васъ, что я о ней не думалъ!

— Какое же можетъ быть сомнѣніе! — задорно воскликнула дѣвушка. — Развѣ мы не знаемъ, что вы извѣстный рыцарь Баярдъ, безъ страха и упрека!

Оно понятно  
И для дѣтей, и для дѣтей,  
Что жизнь пріятна,  
Но смерть честивѣй..

шаловливо пропѣла она и вдругъ скороговоркой добавила, какъ бы про себя: «но только зачѣмъ всѣмъ и каждому въ носъ тыкать своей храбростью!»

Воиновъ покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но удержался и отошелъ къ Ольгѣ Оскаровнѣ. Онъ чуть не плакалъ отъ обиды и огорченія.

«Вотъ и всегда такъ — думалъ онъ про себя съ мучительной тоской, — сначала любезна, мила, а черезъ минуту начинаетъ язвить, — и за что?»

Муртузь-Ага, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены, сдѣлалъ видъ, будто ничего не замѣтилъ, и поспѣшилъ заговорить о лошадяхъ.

— Я понимаю, — началъ онъ, — что вы, Лидія Оскаровна, любите вашего Копчика, это, дѣйствительно, прекрасный конь, но когда вы пріѣдете въ Суджу, вотъ тамъ вы увидите лошадей... Наши ханы развели собственную породу, прекрасныя лошади, рослыя, статныя, красивыя, по виду — настоящіе арабы!

— Вы, кажется, опять пикировались съ Лидіей? — спросила Ольга Оскаровна подевшаго къ ней Воинова.

Тотъ принужденно улыбнулся.

— Лидія Оскаровна все надо мной подтруниваетъ! — сказалъ онъ, дѣланно-веселомъ тономъ.



— У ней уже такой характер!—постаралась успокоить его Ольга.—Она и на нашъ съ мужемъ счетъ не прочь пройтись, только бы случай представился!

Лидія между тѣмъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивала Муртузъ-Агу объ обычаяхъ его страны. Ее очень интересовали свадебные и похоронные обряды персовъ, взаимныя отношенія членовъ семьи между собой, государственный строй ханства и бытъ его жителей.

Муртузъ рассказывалъ охотно и настолько интересно, что, мало-по-малу, и остальные члены компаніи подошли ближе, желая послушать его рассказы.

— Положеніе женщины у насъ,—говорилъ Муртузъ,—дѣйствительно ужасное. Особенно въ простомъ сословіи она не имѣетъ никакихъ правъ, и жизнь ея совсѣмъ не обезпечена. Еще здѣсь, у русскихъ, благодаря строгости законовъ и судебнo медицинскому слѣдствію, женщины, хоть немного, да ограждены отъ насилія; у насъ же, въ Персіи, убить жену такъ-же легко, какъ всякое домашнее животное, если только у нее нѣтъ могущественныхъ родственниковъ, которые пожелали бы заступиться за нее. Впрочемъ, послѣднее случается очень рѣдко, ибо по нашимъ адатамъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ семейныя дѣла другого, хотя бы ближайшаго родственника. Если позволите, я расскажу вамъ два случая, изъ которыхъ вы увидите, въ какомъ беззащитномъ положеніи находится наша женщина.

## ХVII.

### Людская злоба.

Года три тому назадъ, — началъ Муртузь свой разсказъ, — въ одномъ селеніи проживалъ молодой бекъ \*), человѣкъ не богатый, но и не бѣдный. Отецъ у него умеръ, а всѣмъ домою заправляла мать-старуха. У бека были двѣ сестры, одна вдова, другая еще дѣвушка. Молодой бекъ, — звали его Кербалай - Мустафа - Машади - Аласкерь-оглы \*\*), занимался, какъ и большинство нашихъ бекъ, скушкой и перепродажей пшеницы и хлопка. По роду своихъ занятій ему приходилось часто отлучаться отъ дому и разъѣзжать по разнымъ селеніямъ и мѣстностямъ. Вотъ въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ случайно увидѣлъ въ одномъ селеніи молодую дѣвушку, произведшую на него сильное впечатлѣніе. Онъ тутъ же познакомился съ отцомъ дѣвушки и сталъ ее сватать себѣ въ жены. Старикъ-отецъ согласился, но заломилъ слишкомъ большой кѣбинъ. Кѣбинъ это — плата отцу невѣсты. Долго спорили, торговались, наконецъ, условились такъ, чтобы Мустафа уплатилъ половину выкупа и

\*) Дворянинъ.

\*\*\*) У персовъ въ прозвище входитъ и имя отца. Такъ, напримѣръ, если сына зовутъ Мустафа, а отца звали Аласкерь, то имя сына составляетъ такъ: Мустафа-Аласкерь-оглы. Оглы значить сынъ, а также голова. Если персъ имѣетъ титулъ кербалая, машади и гаджи, то титулъ ставится впереди имени, равно какъ и титулъ отца. Напримѣръ, если Мустафа былъ Кербалай, а отецъ его Аласкерь-машади, то выйдетъ—Кербалай-Машади-Аласкерь-оглы. Титулъ Кербалая получаютъ тѣ, кто побывалъ въ паломничествѣ въ гор. Кербалаѣ, титулъ Машади присваивается посѣтившимъ Мешедъ, а титуломъ Гаджи, самымъ почетнымъ, награждается съѣздившій на поклоненіе гробу Магомета—въ Мекку.



бралъ себѣ въ домъ невѣсту, но съ тѣмъ, чтобы окончательно свадьба была совершена только послѣ того, когда женихъ уплатитъ и вторую половину кѣбина. Это было необходимо еще и потому, что невѣста была слишкомъ молода, ей не было 12-ти лѣтъ. Раньше этого возраста браковъ не заключаютъ, дѣлаютъ только нѣчто вродѣ вашего обрученія. Такъ поступилъ и Мустафа, обручился съ своей невѣстой, уплатилъ тестю половину кѣбина и повезъ дѣвушку домой, но тутъ его ожидала большая неприятность. Старуха-мать страшно разсердилась, узнавъ о поступкѣ сына. Съ одной стороны она нашла, что кѣбинъ слишкомъ великъ, и невѣста его не стоитъ, съ другой, а—это главное, она рассчитывала женить своего сына на сестрѣ покойнаго мужа своей дочери-вдовы. Благодаря такому браку, по нашимъ адатамъ, все имущество переходило въ родъ Мустафы. Однако, дѣлать было нечего. Расторгнуть обрученіе не представлялось возможнымъ:—Мустафа, искренно полюбившій свою дѣвочку-невѣсту, слышать не хотѣлъ объ этомъ, да къ тому же подобное расторженіе представлялось и крайне невыгоднымъ, такъ какъ въ случаѣ отказа жениха отъ невѣсты, уплаченная половина кѣбина не возвращалась. Такимъ образомъ отецъ невѣсты получалъ и дѣвушку назадъ, которую онъ могъ снова отдать другому за такой же кѣбинъ, и порядочную сумму денегъ, полученную съ Мустафы.

Надо было предпринять что нибудь другое, и старуха, не долго думая, рѣшила убить дѣвочку. Это было тѣмъ выгоднѣй, что, по условію, если невѣста умретъ раньше совершенія брака, отецъ долженъ былъ возвратить полученную съ жениха часть кѣбина. Однако, рѣшившись отдѣлаться отъ невѣсты, старуха должна была дѣйствовать крайне осмотрительно, ибо въ случаѣ открытія преступленія ей, съ одной стороны, угрожалъ гнѣвъ сына, а съ другой,—судебное преслѣдованіе отца невѣсты, который, если не изъ любви къ дочери, то изъ нежеланія возвратить полученную часть

кабина и, стремясь дополучить остальную, не позволить замять дѣла и вывести убійство на чистую воду, а въ этомъ случаѣ у насъ, въ Суджѣ, расправа короткая,—банка керосина на голову и кусокъ горячей ваты за пазуху. Сознавая, что одной ей не привести въ исполненіе свой планъ, старуха открылась старшей дочери-вдовѣ, которая, будучи заинтересована въ смерти дѣвочки, охотно взялась помогать матери. Много плановъ перебрали онѣ обѣ, но не одинъ не оказывался подходящимъ. Тонкихъ, медленно дѣйствующихъ ядовъ у насъ не знаютъ, а смерть отъ грубой отравы сейчасъ же возбудила-бы подозрѣніе.

Задушить, спихнуть въ пропасть, утопить тоже было неудобно, принимая во вниманіе отца невѣсты. Надо было изобрѣсти что-нибудь потоньше, позамысловатѣй. Пока женщины изобрѣтали планъ убійства, время себѣ шло да шло. Подходилъ срокъ совершенія свадьбы. Мустафа скопилъ требуемую сумму и уже назначилъ день, когда онъ рѣшилъ поѣхать къ отцу невѣсты отвезти ему вторую половину кабина, какъ вдругъ въ домъ его случилось несчастье. Въ одно утро старуха велѣла своей будущей невѣсткѣ, принести ей горсть муки. Мука находилась въ мѣшкѣ помѣщавшемся въ задней комнатѣ, служившей кладовой. Не успѣла молодая дѣвушка скрыться за дверью кладовки, какъ раздался отчаянный пронзительный вопль, и черезъ минуту она выбѣжала назадъ, блѣднѣе полотна, съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ.

Держа высоко надъ головой правую руку, изъ которой капала кровь, она отчаяннымъ голосомъ вопила:

— Юрза, юрза!

— Что случилось, что такое?—съ напускной тревогой въ голосѣ начала разспрашивать старуха-мать Мустафы,—Отчего у тебя кровь?

— Меня ужалила юрза!—трагическимъ голосомъ закричала молодая дѣвушка.—Только я открыла мѣшокъ и сунула въ него руку, какъ почувствовала, что меня что-то



сильно укололо, я взглянула, а въ мѣшкѣ—юрза \*). Пошлите скорѣй за хакимомъ \*\*).

Старуха, продолжая разыгрывать роль испуганной и страшно огорченной, сама побѣжала къ проживавшему въ томъ селеніи знахарю, но по дорогѣ, какъ на зло, ей то и дѣло встрѣчались сосѣдки, которымъ она не могла не рассказать о поразившемъ ее несчастіи. Благодаря этимъ остановкамъ, а отчасти и тому, что глухой хакимъ долго не могъ взять въ толкъ, о чемъ ему рассказываетъ такъ подробно и обстоятельно почтенная мать Мустафы,—прошло слишкомъ много времени, настолько много, что когда уразумѣвшій, наконецъ, хакимъ съ быстротой, на которую только были способны его старыя ноги, прибѣжалъ въ домъ Мустафы, дѣвушка находилась въ агоніи. Она билась на землѣ отъ нестерпимой муки и оглашала воздухъ отчаянными, душу надрывающими воплями. Черезъ нѣсколько минутъ несчастная скончалась, а часа два спустя прискакалъ самъ Мустафа, бывший по дѣламъ въ сосѣднемъ селеніи.

Вѣсть о смерти невѣсты поразила его, какъ громомъ, онъ громко рыдалъ, забывъ свое мужское достоинство. Старуха мать и сестра-вдова рыдали еще громче. Глядя на ихъ-печаль, никому бы не могло придти въ голову, что смерть дѣвушки была дѣломъ ихъ рукъ. Онѣ умудрились какъ-то изловить юрзу и сунуть въ мучной мѣшокъ въ надеждѣ на то, что когда невѣстка пойдетъ за мукой, змѣя, потревоженная въ своемъ покоѣ, непременно ужалитъ ее. Разсчитать ихъ удался какъ нельзя лучше, ни подозрѣній, ни сомнѣній ни у кого не могло быть никакихъ. Появленіе змѣй въ домахъ, при чемъ онѣ забираются не только въ мѣшки съ провизіей, но даже въ постели и кувшины для воды,—у насъ явленіе обыкновенное. Смерть отъ ихъ страшныхъ укусовъ, тоже не рѣдкость. Особенно часто гибнуть дѣти

\*) Юрза—чрезвычайно ядовитая змѣя, во множествѣ водящаяся на Закавказьи и въ Персіи.

\*\*) Хакимъ—докторъ, врачъ-знахарь.

и женщины. Тѣмъ бы такъ все и кончилось, если бы не замѣшался вопросъ о возвращеніи отцомъ невѣсты кѣбинныхъ денегъ. Старикъ былъ прижимистъ и, какъ все пересы, страшно жаденъ. Отдать назадъ то, что онъ уже считалъ своимъ, ему казалось прямо невозможнымъ. Подъ разными предлогами отъ сталъ откладывать расчетъ съ Мустафой, а тѣмъ временемъ началъ разнохивать о всѣхъ подробностяхъ жизни своей дочери въ домѣ жениха и ея смерти.

По нѣкоторымъ даннымъ онъ скоро убѣдился, что мать Мустафы ненавидѣла свою будущую невѣстку и прочила своему сыну въ жены другую женщину. Это извѣстіе усилило подозрѣніе старика, и онъ съ большой настойчивостью отдался своему слѣдствію и вотъ, совершенно неожиданно, онъ наталкивается на мальчишку-пастушка, который сообщаетъ ему, что видѣлъ своими глазами, какъ рано на зарѣ мать Мустафы съ своею старшею дочерью ловили въ глиняный кувшинъ юрзу: «это случилось какъ разъ въ тотъ день, когда умерла дѣвушка, жившая у Мустафы», — окончили свой рассказъ мальчикъ.

Получивъ такое важное свѣдѣніе, отецъ пошелъ къ Мустафѣ и высказалъ ему свои подозрѣнія. Надо отдать справедливость молодому человѣку, онъ поступилъ въ этомъ случаѣ вполне благородно. Внимательно выслушавъ старика, Мустафа позвалъ къ себѣ младшую сестру и подвергъ ее строгому допросу. Молодая дѣвушка сама ничего не знала, она могла только повторить нѣсколько фразъ, случайно подслушанныхъ ею изъ разговоровъ ея матери со старшей сестрой; но для Мустафы эти фразы не оставляли никакого сомнѣнія въ преступленіи, совершенномъ его матерью. Онъ былъ страшно пораженъ, и бѣшенству его не было границъ; но, въ то же время, не могъ же онъ выдать судьямъ свою родную мать и сестру. Надо было уладить дѣло. Отецъ невѣсты оказался сговорчивѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ охотно согласился помириться на условіяхъ не возвращать жениху полученной части



кабинныхъ денегъ и уплаты симъ послѣднимъ еще ста рублей. Единственнымъ послѣдствіемъ всей этой исторіи было то, что Мустафа, оставивъ мать и сестеръ въ томъ домѣ, гдѣ онѣ жили, самъ уѣхалъ отъ нихъ и поселился въ одномъ селеніи. Теперь онъ уже женатъ и едва-ли вспоминать свою погубленную невѣсту.



## XVIII.

## Загубленная жизнь.

Другой случай, если хотите, еще трагичнѣй. Было это лѣтъ 10 — 12 тому назадъ. Жилъ въ нашемъ краю богатый и знатный бекъ \*) Гаджи-вали; было ему лѣтъ за 60, это былъ человѣкъ крайне свирѣпый и властный. Семья у него была большая, такъ какъ онъ имѣлъ много женъ, но кромѣ женской половины, въ мужской жилъ съ нимъ только младшій сынъ Бюекъ-бекъ. Остальные сыновья, не желая подчиняться суровому деспотизму отца, жили сами по себѣ. Если сыновья имѣли основаніе жаловаться на суровость Гаджи-вали, то дочери его и жены просто изнывали отъ его грубаго, подчасъ звѣрскаго обращенія. Двое изъ сыновей Гаджи-вали жили здѣсь, въ Россіи, откуда родомъ были ихъ жены, и вотъ однажды по какому-то дѣлу Гаджи-вали послалъ къ одному изъ нихъ Бюекъ-агу.

Живя у брата, Бюекъ-ага познакомился съ сестрой его жены, молоденькой 12-лѣтней Гюзейль-ханумъ \*\*) и пожелалъ взять ее въ жены. Вернувшись домой, онъ сообщилъ объ этомъ старику, причемъ не преминулъ въ восторженныхъ выраженіяхъ описать красоту своей возлюбленной. Гаджи-вали, противъ обыкновенія, выслушалъ слова сына весьма снисходительно, и согласившись на его просьбу, лично отправился въ Россію \*\*\*) къ родителямъ Гюзейль-ханумъ, просить ее въ жены сыну.

\*) Бекъ—дворянинъ.

\*\*) Ханумъ—госпожа, барыня.

\*\*\*) Тутъ говорится о прибрежной полосѣ Закавказья, населенной персами русско-подданными.



Хотя слава о дурномъ характерѣ Гаджи-вали была хорошо извѣстна роднымъ дѣвушки и ей самой, но она не сочла нужнымъ отказывать ему въ его сватовствѣ, разсчитывая, что женившись, Бейюкъ-ага по примѣру прочихъ братьевъ заживетъ самостоятельно.

Заклучивъ кѣбинныя условія и совершивъ обрученіе, которое у насъ можетъ быть заочное, Гаджи-вали повезъ молодую невѣсту къ себѣ въ селеніе, гдѣ должна была быть окончательная свадьба.

Бейюкъ-ага, ожидавшій съ нетерпѣніемъ возвращенія отца, выѣхалъ ему навстрѣчу. Онъ радостно поздоровался съ нимъ и успѣлъ переглянуться съ красавицей-невѣстой, ѣхавшей сзади на бѣломъ катерѣ \*). Въ дорогѣ, по мусульманскимъ обычаямъ, женихъ не имѣлъ права говорить съ невѣстой, но, пріѣхавъ домой, Бейюкъ уловилъ удобную минуту и, пробравшись на женскую половину, успѣлъ переговорить съ Гюзейль-ханумъ. Счастливые и довольные стояли они въ темномъ уголку и шопотомъ говорили о своей скорой свадьбѣ и будущей жизни. Тутъ-же въ первый разъ Гюзейль-ханумъ высказала непремѣнное желаніе свое, чтобы послѣ свадьбы Бейюкъ-ага ушелъ отъ отца, который ей очень не нравился и вселялъ въ нее страхъ. Бейюкъ-ага, увлеченный красотой своей невѣсты, съ неопытностью 15-лѣтняго юноши общалъ сдѣлать такъ, какъ она пожелаетъ, и влюбленные заключили свой союзъ жаркими поцѣлуями. Въ своемъ увлеченіи они не замѣтили что давно служатъ предметомъ ехиднаго наблюденія со стороны старшей дочери Гаджи-вали, старой и злой вѣдьмы, пережившей двухъ мужей и поселившейся въ домѣ Гаджи-вали въ качествѣ домоправительницы и смотрительницы его гарема. Будучи дочерью первой, давно уже умершей жены Гаджи-вали, Фатъма—такъ звали эту женщину,—была гораздо старше не только всѣхъ своихъ сестеръ и братьевъ отъ другихъ женъ своего отца, но и двѣ

\*) Катеръ—муль.

последнихъ жены старика были дѣвочками по сравненію съ ней и всецѣло находились въ рабскомъ у нея подчиненіи.

Въ тотъ-же день весь разговоръ Гюзейль-ханумъ съ Бейюкъ-агой, значительно извращенный и дополненный, сталъ извѣстенъ Гаджи-вали. Противъ ожиданія Фатьмы, старикъ, внимательно выслушавъ ея докладъ, только усмѣхнулся, но ничего не сказалъ и махнулъ рукой, чтобы она уходила.

Прошло дня два-три, въ теченіе которыхъ шли торопливыя приготовленія къ свадьбѣ. Бейюкъ-ага и Гюзейль каждый день украдкой встрѣчались гдѣ-нибудь и торопливо обмѣнивались нѣсколькими, полными нѣжной ласки словами.

Ихъ молодая страсть, вспыхнувшая при первой встрѣчѣ, разгоралась все сильнѣй и сильнѣй. До свадьбы оставалось какихъ-нибудь два дня, какъ вдругъ Гаджи-вали позвалъ къ себѣ Бейюкъ-агу и, вручивъ ему порядочную сумму, приказалъ немедленно ѣхать въ Тавризь, отвезти эти деньги одному купцу, съ которымъ Гаджи-вали велъ дѣла.

— Отецъ,—осмѣлился возразить Бейюкъ-ага—до Тавриза два дня ѣзды, я не вернусь раньше 4—5 дней, а черезъ два дня моя свадьба!

— Дѣлай, что тебѣ приказываютъ!—грозно прикрикнулъ старикъ.—О свадьбѣ не твоя забота!

Огорченный до глубины души, вышелъ Бейюкъ-ага изъ отцовской комнаты, но ослушаться его воли онъ не могъ, а потому, не теряя времени, пошелъ въ конюшню, засѣдлалъ рѣзваго иноходца и поспѣшилъ выѣхать изъ дому. Передъ отъѣздомъ онъ на минутку забѣжалъ въ женскую половину и, встрѣтивъ Гюзейль-ханумъ, сообщилъ ей неприятную новость.

Выслушавъ своего жениха, Гюзейль-ханумъ страшно перепугалась и съ плачемъ упала къ нему на грудь.

— Не уѣзжай, мой соколъ, до свадьбы, —жалобно шептала она, прижимаясь къ жениху,—я чувствую намъ грозить бѣда, я боюсь, боюсь! Сердце у меня замираетъ, какъ птичка въ когтяхъ у кошки; не оставляй меня одну, умоляю тебя!



— Нельзя, моя козочка, — успокоивалъ ее не менѣе встревоженный женихъ, — какъ можно не слушаться приказанія отца? И чего тебѣ бояться? — Я скоро вернусь, справимъ свадьбу, и тогда ты не будешь знать никого, кромѣ меня!

— Но почему твоему отцу вздумалось вдругъ такъ неожиданно усылать тебя. Неужели нельзя подождать съ отправкой этихъ денегъ послѣ нашей свадьбы? Вѣдь всего только два дня!

— Въ торговыхъ дѣлахъ иногда два часа имѣютъ большое значеніе; должно быть, случилось что-нибудь очень важное, не терпящее отлагательства!

— Пусть кто-нибудь другой везетъ деньги, а ты останься!

— Некому! Отецъ не довѣряетъ своимъ слугамъ. Сумма слишкомъ велика. Ты не плачь, я вернусь гораздо скорѣе, чѣмъ ты думаешь. На половинѣ пути у меня есть хорошій пріятель, я возьму у него лошадь, а свою поставлю къ нему въ конюшню отдыхать, такимъ образомъ я буду ѣхать день и ночь безъ отдыха и послѣ завтра къ вечеру вернусь. За это время, повѣрь, ничего не случится съ тобой!

Беюкъ-ага такъ и сдѣлалъ. Проѣхавъ полъ-пути, съ быстротой, какую только можно было требовать отъ лошади, онъ смѣнилъ ее у своего пріятеля на свѣжую и, не отдыхая, погналъ дальше. Къ полдню другого дня онъ былъ въ Тавризѣ, отдалъ купцу деньги, взялъ росписку, выпилъ нѣсколько стакановъ чаю и поскакалъ назадъ. Всю дорогу его мучило какое-то тяжелое предчувствіе, и онъ нещадно торопилъ свою лошадь. Голодный, измученный двухъ-суточной безостановочной ѣздой, едва держась на сѣдлѣ, въѣзжалъ въ свое селеніе Беюкъ-ага. Еще издали услышалъ онъ шумъ, крики, звуки зурны \*) и гулъ голосовъ большой толпы. Онъ ударилъ плетью усталого коня и рысью подъѣхалъ къ своему дому. Странное зрѣлище поразило его. На большомъ широкомъ дворѣ толпилось много народу вокругъ

\*) Зурна — музыкальный инструментъ, мало гармоничный, напоминающій волынку.

чановъ съ пловомъ. Дымились огромные самовары, мальчики въ чистыхъ рубахахъ разносили чай.

Въ углу сидѣли зурначи \*) и старательно наигрывали на своихъ инструментахъ. Передъ ними, на широкой, утоптанной площадкѣ, выплясывало нѣсколько человѣкъ. Далѣе сквозь открытыя двери дома видѣлась толпа гостей почище, въ богатыхъ одеждахъ, съ почетными бородами, оттуда тоже неслись звуки зурны и бубна.

Въ первую минуту Бекюкъ-ага былъ совершенно ошеломленъ. Онъ стоялъ, уставивъ глаза, ничего не понимая. Ему казалось, что онъ бредитъ на яву, но вдругъ страшное подозрѣніе молніей озарило его мозгъ. Онъ быстро слетѣлъ съ сѣдла и бѣгомъ бросился въ домъ. Тамъ онъ увидѣлъ своего отца-старика, на почетномъ мѣстѣ, окруженнаго сѣдобородыми муллами и старшинами селенія. Старикъ былъ одѣтъ во все бѣлое, папаха его была украшена цвѣтнымъ платкомъ, передъ нимъ стоялъ кальянъ и блюдо изюма. Увидя входящаго сына, Гаджи-вали слегка смутился; онъ никакъ не ожидалъ такого ранняго возвращенія, однако сейчасъ-же оправился и, нахмутивъ брови, строго спросилъ:

— Что это значить, почему ты не побѣхалъ въ Тавризь, какъ я тебѣ приказывалъ?

— Я былъ тамъ, отдалъ деньги и привезъ росписку, вотъ она!—отвѣчалъ Бекюкъ-ага прерывающимся голосомъ.— Теперь позволь и мнѣ въ свою очередь спросить тебя, что значить вся эта тамаша \*\*)?

— Развѣ-же ты, Бекюкъ-ага,—вмѣшался сидѣвшій ближе всѣхъ сѣдой кадій \*\*\*),—забылъ, сегодня вѣдь свадьба твоего достопочтеннаго отца Гаджи-вали-машади Зюльфагоръ, ты хорошо сдѣлалъ, что поторопился пріѣхать и тѣмъ доставить твоему отцу и всѣмъ намъ радость видѣть тебя на этомъ славномъ праздникѣ!

\*) Зурначи—музыканты.

\*\*\*) Тамаша—праздникъ, сборище.

\*\*\*) Кадій—судья, лицо въ Перси духовное.



— Отецъ, на комъ ты женишься?—впиваясь горящимъ взглядомъ въ лицо отца, задыхающимся голосомъ спросилъ Бекюкъ-ага.

Старикъ смущенно опустилъ очи, избѣгая взгляда сына и молчалъ; вмѣсто него отвѣчалъ хитрый кадій.

— Что съ тобой, Бекюкъ-ага?—изумленнымъ голосомъ воскликнулъ онъ.—Можно подумать, что ты съ луны свалился, если задаешь такіе вопросы. Всему селенію извѣстно, что Гаджи-вали женится на несравненной, прекраснѣйшей дочери Алаваръ-хана Гюзейль-ханумъ!..

Не успѣвъ старый кадій произнести это имя, какъ Бекюкъ-ага съ дикимъ воплемъ выхватилъ кинжалъ изъ ноженъ и бросился на отца. Къ счастью, старикъ, очевидно, ожидалъ нѣчто подобное отъ своего сына, а потому успѣвъ во время отшатнуться и этимъ движеніемъ избѣжалъ удара. Тѣмъ временемъ гости успѣли схватить безумнаго юношу и оттащить его отъ отца.

Прибѣжали нукеры и, по приказанію Гаджи-вали, отвели его въ отдѣльную комнату и тамъ заперли.

На другой день рано утромъ Гаджи-вали приказалъ привести къ себѣ Бекюкъ-агу и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Знаешь-ли ты, что вчера надѣлалъ?—сурово спросилъ Гаджи-вали.—За твой проступокъ я имѣю право убить тебя или, по меньшей мѣрѣ, отрубить тебѣ правую руку, но ты мнѣ сынъ, и я жалѣю тебя, а потому предлагаю тебѣ слѣдующее: ты сегодня-же, не повидавшись ни съ кѣмъ изъ домашнихъ, уѣдешь изъ нашего селенія въ Россію къ брату; твои вещи я пришлю тебѣ послѣ, а также и письмо къ старшему сыну, въ которомъ прикажу ему выдать тебѣ двѣ тысячи тумановъ изъ моихъ денегъ, находящихся у него въ дѣлѣ... На эти деньги начинай какое-нибудь свое дѣло; когда узнаю, что ты умно распоряжаешься даннымъ тебѣ капиталомъ, я помогу тебѣ еще, сколько будетъ нужно. Живи и богатѣй, но ко мнѣ сюда не смѣй являться до тѣхъ поръ,

пока я тебя не позову. Ни съ кѣмъ изъ моихъ домашнихъ, помимо меня, не смѣй имѣть какихъ-бы то ни было сношеній, никакихъ извѣстій о себѣ, никакихъ порученій. Для нихъ—ты умерь. Поняль?

— Поняль!—тихо отвѣтилъ Беоукъ-ага, у котораго усталость, голодъ и душевныя волненія отняли всякую энергію.

— Согласенъ?

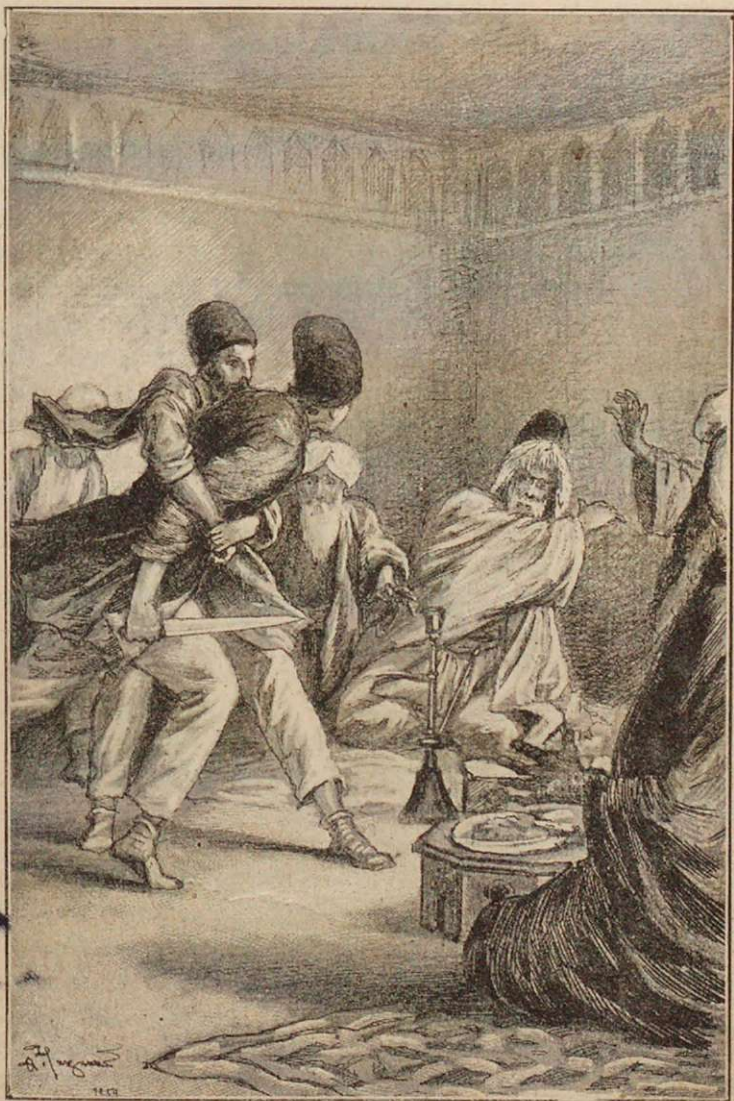
Вмѣсто отвѣта Беоукъ-ага почтительно склонилъ голову и смиренно прижалъ ладони къ сердцу. Впрочемъ, ничего иного ему и не оставалось дѣлать. Гюзейль-ханумъ была утрачена имъ навсегда. Ставъ женой другого, она теряла для него всякое значеніе.

Ко всему этому надо прибавить, что въ глазахъ мусульманъ женщина стоитъ слишкомъ низко, чтобы изъ-за нея, какъ-бы она ни была хороша и мила сердцу, стоило возставать противъ отца и всей семьи, лишаться денегъ и выгодъ. «Я молодъ,— подумалъ Беоукъ-ага,—а красавицъ на свѣтѣ много, успѣю жениться. Во всемъ воля Аллаха!»

Въ тотъ-же день онъ уѣхалъ изъ родительскаго дома. Выѣзжая за ворота, онъ даже не оглянулся, а потому и не видѣлъ, какъ изъ-за маленькаго узенькаго окошечка, пробитаго въ сѣрой стѣнѣ, глядѣла ему вслѣдъ пара прекрасныхъ, заплаканныхъ черныхъ глазъ... Не видѣлъ искаженнаго отчаяніемъ блѣднаго личика, не слышалъ подавленнаго стога, вырвавшагося изъ груди несчастной, покидаемой имъ навсегда женщины.

Тяжелая жизнь наступила для Гюзейль-ханумъ. Несмотря на всю рабскую приниженность мусульманской женщины, она не въ силахъ была скрывать своего отвращенія къ Гадживали и безотчетнаго ужаса передъ нимъ. Старика это чрезвычайно злило, и онъ вымещалъ свою злобу на остальныхъ женщинахъ своего гарема, которыя въ свою очередь, понимая истинную причину его недовольства, безжалостно преслѣдовали несчастную Гюзейль-ханумъ. Но самымъ непримиримымъ, самымъ лютымъ врагомъ ея была Фатма; эта





„Бююк-ага съ дикимъ воплемъ выхватилъ кинжалъ и бросился на отца“...

вѣдьма прямо истязала молодую женщину и довела ее до того, что та, наконецъ, не выдержала и бросилась въ колодезь, гдѣ и утонула. Главной причиной, побудившей ее на самоубійство, было извѣстіе о женитбѣ Бекюкъ-аги. Извѣстіе это ей сообщилъ самъ Гаджи-вали, успѣвшій къ тому времени сильно возненавидѣть ее за ея холодность и отвращеніе къ нему. Терпѣливо выслушавъ злобныя насмѣшки старика, Гюзейль-ханумъ выждала, когда онъ удалился, наконецъ, изъ комнаты, молча встала, накинула чадру и вышла на дворъ. Дѣло было вечеромъ, и на дворѣ никого не было, никто не видѣлъ, какъ молодая женщина, завернувшись плотнѣе въ свою чадру, не проронивъ слова, безъ крика, безъ стона кинулась внизъ, въ черную зіяющую пасть колодца, какъ зубами, усѣянную по бокамъ острыми камнями.

Такъ погибла красавица Гюзейль-ханумъ, погибла подобно тысячѣ мусульманскихъ женщинъ, являющихся безправной, безгласной игрушкой въ рукахъ ихъ отцовъ, жениховъ, братьевъ и мужей!



## Р а з м о л в к а.

А вы, Муртузь-ага, женаты?—спросила Лидія, когда онъ кончилъ свой разсказъ.

— Былъ, давно,—неохотно отвѣчалъ тотъ,—но и то не долго. Моя жена умерла черезъ годъ послѣ нашей женитьбы и съ тѣхъ поръ я не женюсь!

— Развѣ это у васъ, у мусульманъ, возможно?—удивился Рожновскій.—Я слышалъ, что всѣ богатые и состоятельные персы должны быть неизбѣжно женаты.

— О, далеко не всѣ,—улыбнулся Муртузь,—при дворѣ нашего хана есть много молодыхъ людей хорошихъ фамилій и не женатыхъ. Я хотя не молодой, но тоже не женатъ и не собираюсь жениться. Однако, мнѣ пора!—добавилъ онъ, торопливо подымаясь.—Скоро, я думаю, паромъ перестанетъ ходить!

— Ну, для васъ, какъ для дорогого гостя, — улыбнулся Осипъ Петровичъ,—мы сдѣлаемъ исключеніе, пустимъ паромъ и послѣ заката солнца!

Муртузь учтиво поклонился.—Сердечно благодарю за любезность, тѣмъ не менѣе, мнѣ надо торопиться!

Сказавъ это, онъ началъ со всѣми прощаться.

— Итакъ, вы пріѣдете къ намъ въ Суджу?—переспросилъ онъ еще разъ.

— Всенепремѣннѣйше—отвѣтила за всѣхъ Лидія—а пока мы пойдемъ провожать васъ до парома. Вечеръ чудеснѣйшій, и мнѣ хочется пройтись немного.

Муртузь-ага въ знакъ глубокой признательности за такую любезность низко склонилъ голову.

Когда они подошли къ парому, тамъ уже стояли курды Муртуза-аги съ его лошадыю.

— Чудный у васъ конь!—неудержался Воиновъ, искренно имъ любуясь.

— Бэшкэшь \*)!—произнесъ Муртузь и протянулъ Воинову поводъ уздечки.

— Что вы, что вы! — испугался тотъ и даже руками замахалъ.— Я вѣдь это такъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ-же, такой обычай!—настаивалъ Муртузь.

— Ну, я этого обычая не признаю!—нѣсколько рѣзко произнесъ Воиновъ. — Я — рускій, да и вы не персь, чтобы намъ строго придерживаться всѣхъ персидскихъ обычаевъ!

— Нѣтъ, я персь! — холодно произнесъ Муртузь-ага.— И если вамъ кто-нибудь наболталъ про меня о томъ, что будто-бы я не природный персь, то прошу васъ этому не вѣрять. Глупыя сплетни, основанныя на моемъ хорошемъ знаніи русскаго языка!

Сказавъ это, Муртузь-ага еще разъ поклонился всѣмъ, вспрыгнувъ на лошадь и, толкнувъ ее стременами, смѣло поѣхалъ на паромъ, по дребезжающимъ и подсакивающимъ доскамъ настилки.

— Почему вы не взяли лошадь? — невиннымъ тономъ спросила Лидія у Воинова, когда они остались одни.—Вѣдь она куда лучше вашей!

— Потому-то я ее и не взялъ, — сухо отвѣтилъ Воиновъ,—хотя о томъ, какая лошадь лучше, можно рѣшить, только испытавъ ихъ быстроту и выносливость. Это также, какъ и съ людьми,—добавилъ онъ,—чтобы рѣшить, кто изъ нихъ болѣе достоинъ вниманія и дружбы, надо ихъ испытать. Иногда подъ краснорѣчіемъ и вкрадчивыми манерами таится дурная душа, которой слѣдуетъ остерегаться!

\*) Бэшкэшь—дарю. У персовъ обычай—если кто похвалитъ какую-нибудь его вещь, то владѣлецъ этой вещи обязанъ подарить ее похвалившему.



— Надѣюсь, вы намекаете не на Муртузь-агу, — рѣзко перебила дѣвушка, — по совѣсти сказать, изъ васъ обоихъ, по моему, вы краснорѣчивѣй!

Сказавъ это, Лидія отвернулась и пошла къ дому, не обращая болѣе никакого вниманія на Воинова, который едва нашелся, чтобы позвать руку Ольгѣ Оскаровнѣ и ея мужу, послѣ чего быстрыми шагами направился къ площади, гдѣ его ожидалъ конвойный объѣздчикъ съ лошадьми.

## Лидія Норденштраль.

Грустный и печальный сидѣль Аркадій Владиміровичъ въ кабинетѣ своей небольшой квартиры на посту Урюкъ-Дагъ и машинально глядѣлъ въ окно, на унылый дворъ, съ выходившими на него окнами и дверями казармы, конюшни, пейхгауза, кладовки, кухни и прочихъ служебныхъ и хозяйственныхъ построекъ.

Небольшая каменистая площадка дворика представляла изъ себя звѣринецъ въ миниатюрѣ. Нѣсколько собакъ разнаго возраста и масти лежали по вѣсѣмъ угламъ дворика, откинувъ хвосты и вытянувъ лапы; между ними съ озабоченнымъ хрюканьемъ прогуливалась большая бурая свинья, всюду суя свое любознательное рыло. За ней, повизгивая и ежеминутно ссорясь между собой, сѣменило нѣсколько штукъ бѣлыхъ, черныхъ и пестренкиихъ поросятъ.

Туть-же стоялъ, съ глупо-сосредоточеннымъ выраженіемъ горбоносой морды, большой бѣлый баранъ; около него, какъ нѣжно любящія другъ друга подруги, жались одна къ другой двѣ лопухія овцы, козель съ длинными рогами прохаживался съ угла на уголъ и при встрѣчѣ со свиньей представлялъ ей лобъ, какъ-бы вызывая на единоборство. Маленькій, хорошенькій, молочно-бѣлый ишачекъ, съ черными веселыми глазками, шаловливо потряхивая ушками, кружился вокругъ старой губастой ослицы, которая, опустивъ уши и разставивъ ноги, флегматично дремала подъ тѣнью навѣса. Туть-же кокетливо грѣлась на солнцѣ цѣлая семья кошекъ, свѣтло рыжей масти и съ пятнами, какъ у кугуара. Къ



довершенію всего, въ дальнемъ углу, прикованная цѣпью къ будочкѣ, въ скромной позѣ незаинтересованнаго наблюдателя, сидѣла молодая лисичка. Повидимому, она относилась совершенно равнодушно къ прогуливающимся по двору курамъ, гусямъ, уткамъ, индюшкамъ, пестаркамъ и ручнымъ красноперымъ гагарамъ. Только тогда, когда какая-нибудь изъ этихъ глухихъ птицъ проходила мимо будки, лисица мгновенно настораживала остренькія ушки; ея дотолѣ прищуренные глаза широко раскрывались, — и въ нихъ загорался жадный огонекъ. Она вся собиралась въ комочекъ и дрожала, какъ въ лихорадкѣ, готова была ежеминутно прыгнуть и хватить за горло зазѣвавшуюся жертву. Однако, птица была, очевидно, достаточно опытна, чтобы черезчуръ близко подходить къ будкѣ, и хитрый звѣрекъ осужденъ былъ на муки Тантала.

Воиновъ былъ большой любитель всѣхъ вообще животныхъ. Когда лѣтомъ онъ обѣдалъ на крылечкѣ, то вокругъ его стола собирались всѣ четвероногіе и пернатые обитатели двора, и каждый изъ нихъ получалъ свою подачку.

Грустный и задумчивый сидѣлъ Воиновъ, перебирая въ умѣ подробности вчерашняго дня. Что Лидія къ нему относится враждебно — для него было ясно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительно не могъ понять, чѣмъ могло быть вызвано такое недоброжелательство.

Вначалѣ, какъ только Лидія пріѣхала въ Шахъ-Абадъ, и они познакомились, она относилась къ нему съ большой симпатіей. Почти дня не проходило, чтобы Аркадій Владиміровичъ не посѣщалъ Рожновскихъ. Онъ пріѣзжалъ къ нимъ подъ вечеръ, и какіе чудные вечера проводили они вдвоємъ, сидя въ саду на скамейкѣ, подъ густымъ пшатомъ \*). Во время своихъ долгихъ бесѣдъ, онъ, съ откровенностью молодости, разсказалъ о себѣ все, что сколько-нибудь могло заинтересовать ее; въ свою очередь она сообщила ему о своей жизни въ институтѣ и о своемъ отцѣ, который, по ея сло-

\*) Пшати — фруктовое дерево, на подобіе финиковъ.

вамъ, представлялся личностью далеко незаурядной. Онъ былъ шведъ по происхожденію и въ Россію попалъ пятилѣтнимъ мальчикомъ, привезенный своими родителями. Отецъ его—дѣдъ Лидіи—былъ управляющимъ на какомъ-то заводѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Когда молодой Оскаръ подростъ, его отдали въ гимназію, откуда онъ впоследствии перешелъ въ технологическій институтъ. Тѣмъ временемъ отецъ его принялъ русское подданство, благодаря чему сынъ его, весьма успѣшно окончивъ курсъ наукъ, могъ легко найти себѣ подходящую должность. Судьба забросила его въ Украину, гдѣ онъ встрѣтился съ своей будущей женой, типичной хохлушкой, съ перваго-же дня знакомства заолонившей его холодное, сѣверное сердце. Онъ сдѣлалъ предложеніе, женился и надолго поселился въ Малороссіи. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ очутился уже въ Финляндіи совладѣтелемъ, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, большой пшенично-мажнющей фабрики. Дѣла компаніи шли недурно, фабрика была поставлена удачно и давала хорошій дивидендъ. Съ тѣхъ поръ Норденштралы жили зиму въ Финляндіи, а лѣто въ Кіевской губерніи, гдѣ у матери Лидіи и Ольги былъ небольшой, но благоустроенный хуторъ, доставшійся ей по наслѣдству отъ тетки. Впрочемъ, самъ Норденштраль, не имѣя возможности покидать заводъ на болѣе или менѣе продолжительное время, пріѣзжалъ въ Хатенково,—такъ звали имѣніе его жены,—не болѣе какъ на пять-шесть недѣль. Дѣти,—ихъ было трое: старшая Ольга, второй—сынъ Петръ и младшая Лидія,—очень любили, когда отецъ пріѣзжалъ къ нимъ на хуторъ.

Съ его появленіемъ они получали полную свободу.

Организовались далекія экскурсіи пѣшкомъ, предпринимались поѣздки на лодкахъ, появлялись 4 верховыхъ лошади; правда, эти лошади только потому могли претендовать на названіе верховыхъ, что на ихъ спинахъ красовались два старыхъ дамскихъ сѣдла, одно англійское и одно казачье. Въ дѣйствительности-же это были обыкновенные, крестьян-



скіе коняки, весьма смиренные, кроткіе и твердо усвоившіе себѣ мудрое китайское правило, что идти шагомъ лучше, чѣмъ бѣгать, стоять лучше, чѣмъ идти, а самое лучшее, — лежать на мягкой соломѣ, поджавъ подъ себя косматыя ноги съ безобразными подковами.

Во всѣхъ этихъ прогулкахъ, — верхами, пѣшкомъ и на лодкахъ — Норденштраль-отецъ являлся первымъ и самымъ неутомимымъ затѣйщикомъ.

Его эти прогулки интересовали и веселили не меньше, если даже не больше, чѣмъ дѣтей; въ немъ было какое-то неудержимое стремленіе къ движенію, онъ дня не могъ просидѣть дома и на всѣ упреки жены отвѣчалъ, добродушно усмѣхаясь:

— Сидящимъ меня можешь видѣть только въ Финляндіи на заводѣ; тамъ я сижу иногда по 18 часовъ въ сутки. Здѣсь-же я хочу бѣгать, ходить, ѣздить, словомъ, приводить въ движеніе весь свой мышечный аппаратъ, а такъ какъ одному продѣлывать все это очень скучно, то пусть дѣти сопровождаютъ меня, имъ это полезно; пусть запасаются силами и здоровьемъ на будущее время, а главное энергіей. Энергія въ жизни — все. Энергія — это тотъ рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ повернуть вселенную!

Образованіе свое Ольга и Лидія получили въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Причина, почему была избрана именно Москва, заключалась въ томъ, — что въ Москвѣ жила ихъ тетка, двоюродная сестра матери, которой и было поручено наблюденіе за дѣвочками. Предоставивъ дочерей на волю матери и почти не вмѣшиваясь въ ихъ воспитаніе, Норденштраль относительно сына держался иного взгляда и всецѣло подчинилъ его исключительно своему контролю. Не желая выпускать его изъ виду, онъ рѣшилъ дать ему образованіе въ Финляндіи, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи онъ окончилъ его въ Стокгольмѣ.

Однако судьба распорядилась иначе. Семнадцати лѣтъ молодой Норденштраль, страстный морякъ въ душѣ, погибъ, катаясь въ морѣ на парусной яхтѣ.

На старика Норденштраля внезапная, трагическая смерть сына подѣйствовала, какъ ударъ грома. Жизнь въ его глазахъ потеряла всякій смыслъ, онъ ликвидировалъ дѣла и поѣхалъ съ женой въ Москву, гдѣ рѣшилъ поселиться до окончанія Лидіей курса наукъ, а затѣмъ ѣхать на хуторъ, чтобы навсегда остаться жить тамъ. Старшая Ольга, была уже замужемъ за чиновникомъ Щербо-Рожновскимъ, который вскорѣ перешелъ въ Таможенное вѣдомство и былъ назначенъ на Закавказье. Въ Москвѣ Норденштрали прожили всего два года, въ теченіе которыхъ старикъ Норденштраль, отстранивъ отъ себя всякую работу, чрезвычайно тосковалъ и хандрилъ. Его неутомимая, кипучая натура не могла примириться съ бездѣятельностью и монотонностью прозябанія на какой-то Плющихѣ; это дурно отзывалось на его здоровьѣ. Никогда ничѣмъ прежде не болѣвшій, крѣпкій, какъ финляндскій кедръ, старикъ вдругъ ни съ того, ни съ сего получилъ воспаленіе легкихъ и послѣ непродолжительной болѣзни, совершенно неожиданно для всѣхъ его знакомыхъ, померъ.

Потерявъ въ короткое время сына и мужа, старуха Норденштраль переселилась изъ Москвы въ свой хуторъ, гдѣ окружила себя богомолками, странницами и приживалками. Попавъ въ такую жизнь, по выходѣ изъ института, Лидія затосковала и потому съ удовольствіемъ поѣхала гостить къ сестрѣ, въ Закавказье.

---



## XXI.

## Мечты.

Все эти подробности Воиновъ узналъ отъ Лидіи, бесѣдовавшей съ нимъ съ дружеской откровенностью.

Если у Лидіи по отношенію къ Воинову было чувство дружеской симпатіи, то у него это чувство очень скоро перешло въ сильнѣйшую любовь. За какія нибудь двѣ-три недѣли знакомства Аркадій Владиміровичъ окончательно влюбился въ молодую дѣвушку. Не будь онъ такъ застѣнчивъ и робокъ съ женщинами, онъ давно-бы сдѣлалъ предложеніе, но страхъ получить отказъ парализовалъ всю его рѣшимость. Нѣсколько разъ прѣзжалъ онъ въ Шахъ-Абадъ, съ твердымъ намѣреніемъ порѣшить этотъ мучительный для него вопросъ, но всякій разъ, въ самую послѣднюю минуту, имъ овладѣвали сомнѣнія, боязнь получить вмѣсто страстно желаемого согласія, насмѣшку надъ своимъ чувствомъ. Будучи отъ природы очень скромнымъ и мало испушеннымъ жизнью, онъ искренно считалъ себя недостойнымъ такой дѣвушки, какъ Лидія Оскаровна, казавшейся ему собраніемъ всевозможныхъ достоинствъ. Ко всему этому Аркадія Владиміровича удерживалъ и немного злой язычекъ Лидіи Оскаровны; веселая и насмѣшливая, она иногда такъ безпощадно вышучивала его, что онъ терялъ всякій апломбъ и не только не рѣшался высказать ей волновавшихъ его чувствъ, но напротивъ, только о томъ и думалъ, какъ-бы она ихъ не замѣтила.

За то, оставаясь одинъ, онъ часто и подолгу мечталъ, какое было-бы счастье, если-бы Лидія сдѣлалась его женой.

Какъ-бы прекрасно зажили они! Какъ-бы мило, уютно устроили свою квартиру. Въ первое-же лѣто, послѣ свадьбы, онъ взялъ-бы отпускъ на три мѣсяца; поѣхали-бы сначала къ его матери въ имѣніе, пожили - бы тамъ недѣли двѣ - три, а оттуда-бы на минеральныя воды въ Кисловодскъ, Желѣзноводскъ, Эссентуки, а еще лучше въ Абастъ-Туманъ. Сколько поэзіи было-бы въ этомъ путешествіи съ глазу на глазъ, какъ заманчиво улыбается одиночество вдвоемъ среди большой толпы незнакомаго люда, снующаго взадъ и впередъ по улицамъ и бульварамъ. Въ мечтахъ своихъ Воиновъ рисоваль себѣ картину, какъ гуляютъ они подъ руку гдѣ нибудь на музыкѣ, по аллеямъ парка или моднаго бульвара. Лидія такая стройная, изящная, со вкусомъ одѣтая; всѣ, невольно преклоняясь предъ ея красотой, почтительно даютъ имъ дорогу. «Кто эта красавица? Какъ фамилія? Откуда?»—раздаются кругомъ торопливые вопросы.

— Ахъ, какъ хороша; какая дивная красота!—слышатся произносимыя полупропотомъ восклицанія неудержимаго восторга, а они идутъ, не обращая ни на кого вниманія, полные взаимной любви, чувствуя близость одинъ другого, радостные и довольные, богатые молодостью, здоровьемъ и той жизнерадостностью, которая окрыляетъ человѣка и окрашиваетъ для него весь окружающій міръ яркими, сіяющими красками.

Всѣ любятъ и завидуютъ имъ, а они никому; они счастливы, счастливы безъ границъ, вся душа ихъ проникнута этимъ счастьемъ, какъ лучами солнца... Сознаніе, что эта красавица, гипнотизирующая толпу, возбуждающая восторгъ, удивленіе и любопытство—его, всецѣло его, и душой и тѣломъ, любить его, жить съ нимъ одной жизнью, думать его мыслями, интересуется его интересами—вселяетъ въ него чувство неизреченной гордости. Онъ—владелецъ этого сокровища, онъ и только онъ!

При одной мысли кружится голова, духъ захватываетъ въ груди, а внутри все поетъ, все ликуетъ и сливается



въ одинъ неудержимый крикъ восторга: «Ахъ, какъ хороша, какъ дивно хороша жизнь!»

— Господи, неужели это только мечты, которымъ не суждено никогда осуществиться?—въ порывѣ отчаянія восклицалъ Аркадій Владиміровичъ, хватаясь руками за голову и въ волненіи принимаясь шагать по комнатѣ.

Иногда ему казалось, что все это такъ просто, такъ легко достижимо. Стоитъ поѣхать въ Шахъ-Абадъ, переговорить съ Лидіей. Она-же вѣдь относится къ нему хорошо, даже больше чѣмъ хорошо, да, наконецъ, и Рожновскій, и Ольга Оскаровна, хотя ничего не говорятъ, но, очевидно, всецѣло на его сторонѣ, охотно будутъ его союзниками...

О чемъ-же думать? Съѣсть на коня и поѣхать! Смѣлость города беретъ! Аркадій Владиміровичъ торопливо приказываетъ сѣдлать коня, въ нетерпѣніи самъ выбѣгаетъ на дворъ, торопитъ, помогаетъ подтянуть подпруги. Всакиваетъ въ сѣдло и съ мѣста отъ воротъ кордона пускаетъ лошадь въ галопъ, но чѣмъ ближе подъѣзжаетъ онъ къ Шахъ-Абаду, тѣмъ больше ослабѣваетъ въ немъ его рѣшимость.

«Нѣтъ, никогда она не согласится выйти за меня замужъ. Такая красавица, такая образованная, развѣ захочетъ она похоронить себя на всю жизнь въ какой-нибудь пограничной труппѣ, вродѣ моего поста Урюкъ-Дага? Безуміе мечтать даже объ этомъ! Ея мѣсто въ столицѣ, среди избраннаго общества, на балахъ, гдѣ она будетъ царицей, въ театрахъ, на торжественныхъ сѣздахъ. Развѣ я, простой армейскій поручикъ, пара ей? Она легко найдетъ себѣ мужа среди московскихъ тузовъ, ей стоитъ только вернуться къ свой теткѣ, у которой собирается все лучшее московское общество, чтобы безъ труда выбрать себѣ мужа, который положить къ ея восхитительнымъ ножкамъ огромные капиталы и положеніе въ свѣтѣ»...

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей къ Шахъ-Абаду Воиновъ подъѣзжалъ въ совершенно другомъ настроеніи. Отъ прежней рѣшимости и самоувѣренности не оставалось и слѣда,

ему казалось прямо чудовищнымъ безуміемъ предложить Лидіи раздѣлить его скромное существованіе, на глухомъ, забытомъ Богомъ и людьми посту, гдѣ-то на границѣ съ Персіей, гдѣ нѣтъ никакихъ развлеченій, никакой пищи уму и сердцу, и гдѣ вся жизнь исчерпывается ѣдой и сномъ.

Если въ то время, когда отношенія Лидіи къ Аркадію Владиміровичу были вполнѣ дружественныя, онъ не находилъ въ себѣ достаточной смѣлости сдѣлать ей предложеніе, заранѣе увѣренный въ отказѣ, то въ послѣднее время, когда она стала относиться къ нему явно враждебно, онъ уже давно потерялъ всякую надежду, а между тѣмъ неутомное воображеніе, какъ на зло, рисовало ему радужными красками картинки счастья. Бѣдняга просто мѣста себѣ не находилъ и по сто разъ задавалъ себѣ одинъ и тотъ-же вопросъ:

— За что, за что? Что я такое сдѣлалъ?

Онъ усиленно копался и рылся въ своей памяти, но ничего не могъ оттуда выудить, кромѣ того, что рѣзкая переменна, происшедшая въ обращеніи съ нимъ Лидіи, началась со времени кабаньей охоты тамъ, въ Персіи, и знакомства съ Муртузь-агой.

— Неужели Лидіи Оскаровиѣ понравился этотъ татаринъ?—болѣзненно стучало въ головѣ Войнова.—Быть не можетъ!

«Положимъ, онъ молодецъ, къ тому-же человекъ, безспорно замѣчательный и выдающійся среди остальныхъ татаръ, но все-же онъ татаринъ, кербалай и больше ничего, а если онъ и въ самомъ дѣлѣ не татаринъ, какъ про него говорятъ, то это еще хуже, стало быть, онъ какойнибудь бѣглый, можетъ быть даже, изъ тюрьмы или поселенія... Нѣтъ, нѣтъ! Такой человекъ никакъ не можетъ возбудить къ себѣ чувства любви, да еще въ такой барышнѣ, какъ Лидія Оскаровна! Онъ ее интересуется, какъ невиданный ею доселѣ звѣрекъ, никакъ не больше, но если такъ, то почему-же такая рѣзкая переменна въ обращеніи съ нимъ, Воиновымъ? Отъ прежней дружбы, интимности



не осталось и слѣда, все это замѣнило едва скрываемое раздраженіе и насмѣшка... За что, за что? Въ чемъ тутъ причина и корень? Особенно вчерашнее обращеніе было невыносимо оскорбительно; при воспоминаніи объ этомъ, щеки Воинова невольно вспыхивали, а сердце болѣзненно замирало. Онъ не зналъ, что ему теперь дѣлать. Продолжать ѣздить къ Рожновскимъ, это значитъ спрятать въ карманъ всякое самолюбіе, перестать бывать у нихъ, — не видѣть Лидіи — лишеніе, превосходившее его силы. Развѣ переговорить съ Рожновскимъ, онъ съ нимъ искренно друженъ, можетъ быть, тотъ знаетъ что-нибудь и дастъ какой-нибудь благой совѣтъ?»

Эта мысль такъ понравилась Аркадію Владиміровичу, что онъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ привести ее въ исполненіе и на этомъ немного успокоился.

— Что будетъ, то будетъ! — произнесъ онъ и тяжело вздохнулъ. — Если станеть невтерпѣжъ, выхлопочу переводъ въ другой отдѣлъ, подальше отсюда, а то и совсѣмъ въ другую бригаду. Разлука, говорятъ, исецбляетъ!

---

## По тому-же поводу.

— Знаешь, твоя сестра послѣднее время совершенно невозможна въ своемъ обращеніи съ Воиновымъ, — говорилъ какъ-то вечеромъ Осипъ Петровичъ, оставшись съ глазу на глазъ съ женой. — Она третируетъ его, оскорбляетъ ни за что, ни про что. Бѣдняга такъ ее любитъ, готовъ жизнь за нее отдать, а она держится съ нимъ, какъ съ врагомъ!

— Я тоже это замѣчаю, — задумчиво произнесла Ольга Оскаровна, — и никакъ не могу доискаться причины. Въ началѣ они были такъ дружны, постоянно вмѣстѣ, Лидія была съ нимъ такъ любезна; я со дня на день ждала, что вотъ-вотъ онъ сдѣлаетъ предложеніе и, признаюсь, радовалась за сестру. Аркадій Владиміровичъ человѣкъ вполне прекрасный, скромный, не кутить, въ карты не играетъ. Правда, погрести себя на вѣки вѣчные въ какомъ-нибудь Урюкъ-Дагѣ — невеселая перспектива, но вѣдь никто не мѣшаетъ Воинову, женившись, хлопотать о переводѣ на другую границу, куда-нибудь на западъ, гдѣ жизнь несравненно веселѣе и лучше. У него, я знаю, есть вліятельные родственники въ Петербургѣ. Средства у него есть, помимо жалованья, прекрасно могли-бы жить! Не правда-ли?

— Совершенно съ тобой согласенъ. Я тоже нахожу Аркадія Владиміровича вполне приличнымъ мужемъ для Лидіи!

— Да, и вотъ, однако, кажется, все разстраивается. Лидія не только совершенно охладѣла къ Воинову, но на-



чинаеть относиться къ нему прямо враждебно, и я просто не понимаю, съ чего-бы это?

— А ты не замѣтила, съ какого времени началось это охлажденіе?—спросилъ Рожновскій, съ хитрой улыбкой глядя въ глаза женѣ.

— Не замѣтила, но кажется, чуть-ли не съ нашей поѣздки въ Персію, на кабанью охоту!

— Совершенно вѣрно, съ того самаго дня, и ты не понимаешь почему? А еще сама женщина! Подумай-ка хорошенько!

— Не понимаю! — недоумѣвающе покачала головой Ольга Оскаровна.

— А, между тѣмъ, дѣло ясно, какъ день. Твоя сестра просто-на-просто чрезвычайно заинтересовалась Муртузгагой; интересъ этотъ перешелъ мало по малу въ нѣчто болѣе существенное, не въ любовь еще, конечно, но все-же въ довольно сильное увлеченіе. Инстинктивно она, разумѣется, какъ дѣвушка умная, сама понимаетъ всю нелѣпость подобнаго чувства, но тѣмъ не менѣе стряхнуть его съ себя не можетъ. Это ее раздражаетъ, портитъ настроеніе духа, и, какъ всѣ женщины, она спѣшитъ выместить волнующую ее досаду на другомъ. Кто-же можетъ быть этотъ другой? Разумѣется тотъ, кого легче можно уязвить, кто болѣзненно будетъ чувствовать удары,—въ данномъ случаѣ Воиновъ. Лидія прекрасно знаетъ, что ни я, ни ты неспособны такъ огорчаться и страдать отъ ея выходокъ, какъ Аркадій Владиміровичъ, а потому именно его-то она и избрала жертвой, на которой вымещаетъ накапливающееся у нея въ душѣ недовольство. Вы, женщины, въ этомъ одинаковы, ни съ кѣмъ такъ не безжалостны, какъ съ тѣми, кто васъ любитъ. На этомъ построено большинство драмъ, происходящихъ между влюбленными. Для васъ особое наслажденіе бить по самому больному мѣсту любящаго васъ человѣка, вы въ этомъ видите своеобразное удовольствіе, и чѣмъ ударъ мѣтче, чѣмъ глубже рана, чѣмъ болѣзненнѣе,

тѣмъ вамъ пріятнѣе. Въ этомъ есть, конечно, свое историческое начало, это — мѣсть вѣчнаго раба своему господину, мѣсть жестокая и безпощадная!

— Ты такъ краснорѣчиво объ этомъ говоришь, что можно подумать, будто и самъ былъ много и часто раненъ! — полущутливо, полудосадливо прервала мужа Ольга. — Но дѣло не въ этомъ. Для меня, признаться, едѣланное тобой открытіе относительно Лидіи является неожиданностью и чрезвычайно удивляетъ!

— Не понимаю, что ты видишь тутъ удивительнаго! — пожалъ плечами Рожновскій. — Ты, значить, совершенно забыла, что Лидія всего полгода, какъ вышла изъ института, а отличительная черта институтокъ — предаваться всевозможнымъ фантазіямъ, ихъ любимое занятіе извращать факты дѣйствительной жизни и подмѣнивать чѣмъ-то несуществующимъ и даже неправдоподобнымъ!

— Какая-нибудь классная дама, Матильда Феодоровна, глупая, злая, старая дѣва, отравляющая существованіе всѣмъ, кто такъ или иначе приходитъ въ соприкосновеніе съ нею, старается увѣрить всѣхъ и сама искренно вѣрить, что она ниспосланный на землю ангель; всѣми обижаемый, всѣми гонимый за ея кротость и незлобіе. Воспитанница старшаго класса м-ше Булкина, съѣдающая за одинъ присѣтъ пятнадцать слоеныхъ пирожковъ и цѣлый фунтъ шоколадныхъ конфетъ и бѣгающая по залѣ, какъ шотландскій пони, вдругъ начинаетъ воображать, будто она жертва рокового недуга, кандидатка на холодную сѣнь могилы. Она заказываетъ себѣ специальную тетрадь съ траурной каймой и чернымъ образомъ, на первой страничкѣ пишетъ: «Послѣ моей смерти милымъ подругамъ» и начинаетъ изливать въ этой тетради, уснащая ее кляксами и капающими слезинками, «души непонятой признанья».

— Тутъ и завѣты подругамъ, и философскія мысли, и укоры по адресу учителей и классныхъ дамъ, и воззваніе къ «тапан» проявлять болѣе сердца въ своихъ отношеніяхъ



къ воспитанницамъ, жаждущимъ ее обожать, но близоруко ея отталкиваемымъ..

— Кончается все это такъ же неожиданно, какъ началось. Булкина убѣждается въ своемъ здоровьѣ, о могилѣ нѣтъ уже и помину, слоеные пирожки поѣдаются въ утроенномъ количествѣ, и кандидатка на гробовую сѣнь начинаетъ носиться по залѣ, какъ молодой гиппопотамъ, приводя въ ужасъ кроткую Матильду Θεодоровну, съ змѣинымъ шипѣніемъ посылающую ей велѣдъ неслестный эпитетъ «тумбы».

— Какой-нибудь учитель географіи, курносый и прыщеватый, всецѣло поглощаемый заботами о 20-мъ числѣ и пріобрѣтеніемъ частныхъ уроковъ, обладатель полдюжины ребячь, старообразной жены, съ никогда неисчезающими флюсами, тайный поклонникъ смазливыхъ горничныхъ и веселой компаніи за графинчикомъ водки гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ недорогого трактирчика, — почему-то дѣлается въ воображеніи его учениць похожимъ на разочарованнаго Чайльдъ-Гарольда, убѣжденнаго человѣконенавистника, демонической натурой.

— Юнкеръ Прыщъ, старшій братъ m-Ne Прыщъ, приходящій по воскресеньямъ навѣстить сестру и похожій на неуклюжаго большого лягаваго щенка, обладающій волчьимъ аппетитомъ и способный послѣ шоколада переходить къ борщу, а воздушный пирогъ закусывать сосисками, ни съ того, ни съ сего начинаетъ возбуждать въ сердцахъ многихъ дѣвиць трагическое участіе. Они начинаютъ видѣть въ немъ: одна — Печорина, другая — Ленскаго и хоромъ предсказываютъ ему или великое будущее, или гибель во цвѣтѣ лѣтъ.

«Онъ будетъ убитъ на дуэли!» — съ сокрушеніемъ говоритъ одна.

«Ахъ, нѣтъ, онъ влюбится въ коварную кокетку, она разобьетъ его сердце, и онъ кончитъ самоубійствомъ!»

«А я увѣрена, изъ него выйдетъ великій полководецъ, вродѣ Скобелева, — авторитетно утверждаетъ третья, — посмотрите, какое у него смѣлое, энергичное лицо!»

— Ну, теперь скажи сама, что же удивительного в томъ, что даже неглупая дѣвушка, какою я считаю Лидію, но возросшая в такой атмосферѣ, надышавшаяся и напитавшаяся ею, при встрѣчѣ съ субъектомъ, подобнымъ Муртузь-агѣ, по крайней мѣрѣ, на первое время утрачиваетъ нѣкоторую логичность мышленія? Необычайная обстановка и условія этой встрѣчи, дикая страна, дикіе обычаи, столь непохожіе на все, до сихъ поръ ею видѣнное, только усиливаютъ впечатлѣніе. Наконецъ, и съ этимъ надо согласиться: Муртузь-ага, дѣйствительно, лицо очень оригинальное, человѣкъ съ темнымъ, загадочнымъ прошлымъ, съ таинственнымъ настоящимъ, окруженный легендой, съ сильной волей и печатью какого-то затаеннаго горя на душѣ—онъ въ состояніи заинтересовать даже и не институтку!

— Но, въ такомъ случаѣ, если все, что ты говоришь— правда, то я очень безпокоюсь!—Что же намъ дѣлать, чтобы предотвратить опасность?

— Не вижу никакой опасности и предотвращать что-либо, по моему, рѣшительно не предстоить надобности. Пусть все идетъ по прежнему, а время свое возьметъ. Пройдетъ первая острота интереса, уляжется возбужденное имъ волненіе, и все кончится. Необходимо лишь дать понять Войнову, чтобы онъ не приходилъ въ отчаяніе, а то бѣднякъ совѣмъ повѣсилъ носъ и ходить, какъ въ воду опущенный!

— Что касается меня,—возразила Ольга Оскаровна,— я смотрю далеко не такъ просто, какъ ты, на это дѣло. Лидія—дѣвушка съ особеннымъ темпераментомъ, и если она, чего не дай Богъ, увлечется серьезно, то можетъ выйти цѣлая драма!

— Ну, это, матушка, въ тебѣ еще институтъ не выходя, и ты до сихъ поръ способна въ пятицудовой m-Ше Булкиной видѣть жертву неумолимой чахотки. Лидія гораздо умнѣе, чѣмъ ты, стало быть; о ней думаешь; въ свое время она отлично пойметъ, что мусульманинъ-персъ, полудикарь,



полубродяга—не пара ей; русской интеллигентной, образованной дѣвушкѣ—увлекаться въ серьезъ такой фигурой! Не быть въ этомъ убѣжденнымъ—это значить не уважать совѣмъ Лидію или придавать Муртузь-агѣ то значеніе, какого онъ вовсе не имѣеть!

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не знаешь Лидіи,—упрямо покачала головой Ольга Оскаровна, — а я съ этой минуты не буду имѣть покоя. Нужно что-нибудь предпринять, а прежде всего отказаться отъ этой поѣздки въ Суджу!

— Ну, это уже совѣмъ будетъ глупо. Всякое насиліе, всякія неумѣло поставленныя преграды только увеличатъ интересъ и желаніе болѣе тѣснаго сближенія. Повторяю, оставь все, какъ есть, и повѣрь, что вся эта исторія уляжется скорѣе, чѣмъ ты даже предполагаешь!

— А если Муртузь-ага...—нерѣшительно начала Ольга Оскаровна и остановилась, ища подходящаго выраженія своей мысли.

— Что Муртузь-ага? — съ нетерпѣливой досадой переспросилъ Рожновскій. — За Муртузь-агу я тебѣ поручусь, онъ всецѣло зависитъ отъ Хайларь-хана Суджинскаго, а потому и въ мысляхъ не поемѣеть сдѣлать что-либо, могущее вызвать непріятный инцидентъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что ханъ ни на минуту не задумается выдать его головой русскимъ, а эта перспектива едва-ли можетъ улыбаться Муртузь-агѣ, у котораго съ русскими властями, очевидно, есть свои особые счеты, далеко имъ не уплаченные!

Въ то время, когда между супругами Рожновскими велся вышеприведенный разговоръ, предметъ и причина его, Лидія, сидѣла задумчивая и печальная въ своей комнатѣ, съ тревожной внимательностью прислушиваясь къ тому, что творилось въ ея внутреннемъ «я». Последнее время она чувствовала въ себѣ странную, гнетущую ее двойственность; она была всею и всею недовольна, а больше всего сама собой. Припоминая рѣзкія выходки, которыя она позволяла себѣ по отношенію къ Воинову, она не могла не чувство-

вать укоровъ совѣсти, она понимала, какъ несправедливо, нетактично, даже неблаговоспитанно она поступала, и сознание это еще больше раздражало ее противъ Аркадія Владиміровича.

Но еще большее недовольство чувствовала она, когда мысль ея останавливалась на Муртузь-агѣ. Тайнственность, которою былъ окруженъ этотъ человекъ, завлекала и вмѣстѣ съ тѣмъ сердила ее. Кто онъ такой? Герой-ли какой-нибудь драмы, или ловко ускользнувшій отъ тюрьмы мошенникъ? Въ послѣднее какъ-то не хотѣлось вѣрить, также не хотѣлось вѣрить и въ то, что онъ, дѣйствительно, только обыкновенный персъ, жившій долго въ Россіи у дяди-торговца восточными товарами. Противъ этого предположенія говорила его благородная осанка, гордая, презирающая всякую опасность, смѣлость и неуловимая грусть, какъ-бы разлитая во всемъ его существѣ, сквозящая въ гордыхъ, жгучихъ глазахъ, слагающая въ печальную улыбку его характерныя губы, подъ мягкими шелковистыми усами.

Если - бы кто - нибудь сказалъ Лидіи, что она не равнодушна къ Муртузь-агѣ и чувствуетъ къ нему сердечное влеченіе, она или разсмѣялась-бы, или бы разсердилась, смотря по тому, въ какомъ настроеніи духа была-бы въ ту минуту, но во всякомъ случаѣ никогда-бы не придала серьезнаго значенія такому заявленію.

— Влюбилась, вотъ вздоръ какой!—искренно воскликнула-бы она.—Просто онъ заинтересовалъ меня, какъ человекъ крайне оригинальный, непохожій на остальныхъ здѣшнихъ людей. Мнѣ хочется приглядѣться къ нему поближе, разгадать, что онъ такое, изучить этотъ новый невиданный мной типъ.

Такъ она думала, но не такъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Сердце и душа дѣвчья—инструментъ весьма сложный, настолько сложный, что нерѣдко дѣвушка сама себя не понимаетъ.



## По дорогѣ въ Суджу.

Самое лучшее время года на Закавказьи—конецъ сентября и начало октября. Убийственная жара, свирѣпствовавшая въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, значительно спадаетъ, такъ что по утрамъ и по вечерамъ бываетъ порядочно прохладно. Благодаря этому, исчезаетъ самый жестокой, беспощадный бичъ страны—мошка; ложась спать, уже не нужно завѣшивать кровать густымъ пологомъ, подъ которымъ всю ночь томишься отъ нестерпимой духоты. Дни стоятъ свѣтлые, небо безоблачно; періодъ осеннихъ дождей еще далекъ, и для всякихъ путешествій это время самое благопріятное. Все, кому нужно совершать дальнія поѣздки по торговымъ или инымъ дѣламъ, приурочиваютъ ихъ именно къ этимъ мѣсяцамъ, когда даже малоподвижные, лѣнливые сыны востока начинаютъ ощущать въ себѣ пробужденіе нѣкоторой энергіи.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ-то погожихъ дней по каменистой, разбитой дорогѣ, изрѣзанной водопроводными канавами, быстро катилась четырехмѣстная, допотопная коляска, или, какъ говорятъ на Закавказьи—«фаэтонъ». На козлахъ этого расхлябаннаго, развинченнаго, жалобно дребезжащаго экипажа сидѣлъ совершенно коричневый, обожженный солнцемъ татаринъ-извозчикъ въ огромной папахѣ и бѣлой холщевой черкескѣ, съ кинжаломъ на поясѣ.

Четыре тощихъ клячи, въ которыхъ, между тѣмъ, знатокъ сейчасъ же бы призналъ присутствіе благородной ко-рабахской крови, бѣжали въ припрыжку, потряхивая длинными, острыми, породистыми ушами.

Въ коляскѣ сидѣли Лидія и Ольга, а противъ нихъ, на передней скамеечкѣ, помѣщались Осипъ Петровичъ и Воиновъ.

Съ лѣвой стороны коляски, гдѣ сидѣла Лидія, на разкормленномъ, довольно безобразномъ, но ходкомъ иноходцѣ, ѣхалъ Муртузь-ага. За коляской, въ значительномъ отъ нея разстояніи, чтобы не поднимать пыли, скакало чело-вѣкъ десять курдовъ, по обыкновенію вооруженныхъ съ ногъ до головы.

— Далеко до того селенія, откуда мы поѣдемъ вер-хомъ? — спросила Лидія Муртуза-агу, — Миѣ уже надоѣло тратиться въ экипажѣ и хочется поскорѣе пересѣсть на сво-его Копчика!

— Черезъ полчаса доѣдемъ, — отвѣтилъ Муртузь-ага. — Видите впереди гору, похожую на лежащаго верблюда, сейчасъ же за ней расположено и селеніе Тунъ. Тамъ ждутъ насъ лошади и другой конвой!

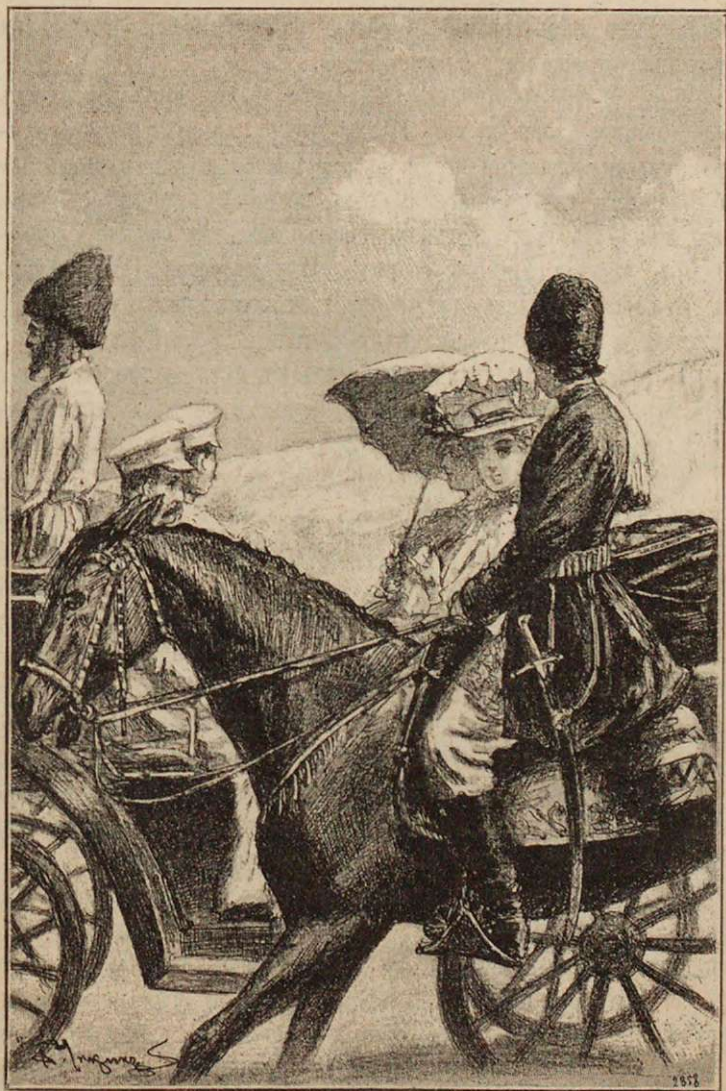
При вѣздѣ въ селеніе Тунъ, коляску встрѣтила неболь-шая толпа народа; впереди стояло нѣсколько сѣдородыхъ стариковъ, «почетныхъ» селенія, съ старшиной во главѣ.

Низко кланяясь и прижимая руки къ груди, они настоя-тельно приглашали дорогихъ путешественниковъ не отка-заться выпить стаканъ чаю и закусить. Пренебречь такимъ ра-душнымъ приглашеніемъ было невозможно, не нанося хозяе-вамъ жестокаго оскорбленія, пришлось — согласиться. Угоще-ніе было приготовлено въ домѣ старшины и состояло, по обыкновенію, изъ чая, кислаго молока, паныра, шашлыка и разной сѣдобной травки.

Послѣ закуски подали лошадей.

Муртузь-ага помогъ Лидіи вскочить въ сѣдло, а самъ сѣлъ на подведеннаго ему бѣлаго, какъ снѣгъ, жеребца, подъ богатымъ малиноваго бархата сѣдломъ, сплошь рас-шитымъ разноцвѣтными шелками и украшеннымъ серебряной вызолоченной насѣчкой. На шеѣ лошади звенѣли и свер-кали на солнцѣ вызолоченныя цѣпочки, на которыхъ были





„Съ лѣвой стороны коляски, гдѣ сидѣла Лидія, ѣхалъ верхомъ  
Мургузь-ага“...

привѣшены, величиной въ маленькое блюдечко, круглыя бляхи изъ низкосортной бирюзы, употребляемой только на ковскія украшенія.

Для Ольги Оскаровны и Лидіи были приведены ихъ собственныя лошади изъ Шахъ-Абада, специально командированными для этой цѣли Муртузь-агой курдами подъ наблюденіемъ таможеннаго солдата, который, прибывъ съ ними наканунѣ въ сел. Тунъ, почевалъ тамъ въ саклѣ у старшины, ожидая пріѣзда господъ. Что касается Рожновскаго и Воинова, то для нихъ были приготовлены куртинскіе иноходцы изъ конюшни Муртузь-аги.

Когда вся кавалькада тронулась въ путь, сопровождавшіе ее курды рассыпались во все стороны, и началась дикая, но не лишенная лихости и своеобразной красоты—джигитовка.

Высокіе, рослые, худощавые курды, въ красныхъ курткахъ и черныхъ чалмахъ, сидя на своихъ маленькихъ, но чрезвычайно шустрыхъ и сильныхъ лошадакахъ, старались перещеголять одинъ другого своею лихостью и ловкостью. По одиночкѣ и маленькими группами, по два и по три человекъ, выскакивали они впередъ, дѣлая видъ, что гоняются одинъ за другимъ, замахивались другъ на друга кривыми ятаганами, прицѣливаясь изъ ружей и пистолетовъ. При этомъ они, съ удивительной увертливостью, бросались то вправо, то влѣво, или вдругъ, мгновенно остановившись на всемъ скаку, поворачивались налѣво кругомъ и мчались назадъ, быстро кружа надъ головой винтовками.

Нѣкоторые перевертывались на сѣдлахъ и неслись, чуть не волочасъ спинами по землѣ и вдругъ, мгновенно поднявшись, прицѣливались въ ближайшаго товарища.

Многіе, отскакавъ въ сторону, круто и сразу останавливали варварскими мундштуками лошадей, и скинувъ винтовку, стрѣляли вверхъ, послѣ чего неслись, сломя голову, назадъ.

Долго гарцовали курды и, только измучивъ въ конецъ своихъ лошадей, успокоились и сбившись въ беспоряд-



дочную кучу, потрусили сзади всѣхъ, оставляя за собой облака густой пыли.

— Мнѣ очень нравятся ваши курды,—сказала Лидія ѣхавшему рядомъ съ ней Муртузь-агѣ,—такіе они бравые на видъ и навѣрно очень храбрый народъ?

— Да, сравнительно съ персами,—отвѣчалъ Муртузь,—но настоящими храбрецами я ихъ не назову. Во всякомъ случаѣ, народъ малонадежный. Мнѣ случалось предводительствовать ими въ стычкахъ съ разбойниками, турецкими курдами; наконецъ, въ междуусобицахъ, столь частыхъ въ Суджинскомъ ханствѣ—и я всякій разъ убѣждался, насколько опасно довѣряться ихъ кажущемуся молодечеству. Они храбры, когда вдесятеромъ нападаютъ на одного, но при малѣйшемъ энергичномъ отпорѣ бѣгутъ безъ оглядки, оставляя своихъ вождей на произволь судьбы. Лѣтъ десять тому назадъ у насъ произошло маленькое приграничное столкновеіе съ турками; они неправильно заняли наше селеніе и не хотѣли добровольно уйти. Я съ двумя сотнями курдовъ хотѣлъ выбить ихъ оттуда и ничего не могъ подѣлать, хотя турокъ не было и пятидесяти человекъ. Рассыпавшись въ виноградникахъ, турки встрѣтили насъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ; они стрѣляли, не торопясь, съ выдержкой, и этого было достаточно, чтобы удержать курдовъ на почтительномъ разстояніи, никакія мои усилія не могли заставить ихъ идти впередъ. Какъ полоумные, носились курды по степи, оглашая окрестность гикомъ, воемъ, визгомъ; безцѣльно и торопливо стрѣляли, не заботясь вовсе, куда летятъ ихъ пули, но на виноградники не шли. Къ вечеру, утомясь этимъ безцѣльнымъ и безтолковымъ маячаніемъ, я отвелъ своихъ курдовъ отъ селенія и расположился бивуакомъ, рѣшивъ произвести на турокъ ночное нападеніе; затѣя не удалась; среди ночи приближали пастухи и сообщили, что турки сами ушли обратно въ Турцію.

— Тѣмъ тогда и кончилась наша война.

— Другой разъ, я уже вмѣстѣ съ турками преслѣдовалъ большую шайку разбойниковъ. Турокъ было человекъ двадцать, у меня же больше пятидесяти, и я съ грустью долженъ былъ убѣдиться, насколько мои курды хуже турокъ. Турецкіе солдаты шли впередъ спокойно, увѣренно, не выходя изъ повиновенія своему офицеру. По командѣ останавливались, по командѣ стрѣляли, старательно прицѣливаясь и сберегая патроны. На сыпавшіяся на нихъ пули они не обращали вниманія, и когда разбойники были окружены на высокой скалѣ—они, какъ одинъ человекъ, по командѣ офицера, дружно полѣзли вверхъ и бросились въ штыки. Слѣдомъ за ними устремились и мои курды, которые до этого времени больше визжали и метались во все стороны, чѣмъ дѣло дѣлали... Нѣтъ, плохіе изъ нихъ выходятъ воины, хвалить нельзя!

— Вамъ на своемъ вѣку, какъ видно, много воевать приходилось?—сказала Лидія.—Непріятное занятіе!

— Не скажите! Война—вещь хорошая!—съ одушевленіемъ возражалъ Муртузъ.—Сознаніе, что вотъ-вотъ каждую минуту ты можешь быть убитымъ, и что жизнь твоя зависитъ отъ судьбы, отъ малѣйшей случайности, наполняетъ душу какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Сердце начинаетъ биться сильнѣе, и во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то особая легкость; голодь, усталость, жажда, жаръ, холодъ—все забыто, ни на что не обращаешь вниманія, все мысли сосредоточены на одномъ,—уничтожить врага. Когда кто-нибудь изъ своихъ падаетъ около убитымъ или раненымъ, то это возбуждаетъ не чувство жалости, а непримиримую ненависть къ врагу и страстное желаніе въ свою очередь убивать, убивать безъ конца!

— Не понимаю я этого!—пожала плечами Лидія.—Помоему—это звѣрство, проявленіе самыхъ низкихъ животныхъ инстинктовъ. Убивать своего ближняго и находить въ этомъ наслажденіе! Это просто чудовищно!

Она съ содроганіемъ повела плечами и замолчала. Нѣсколько минутъ они вѣхали молча.



— Послушайте, — нерѣшительнымъ тономъ заговорила дѣвушка, — не примите это за праздное любопытство; я все не любопытна, и если спрашиваю, то имѣю на это свои причины; скажите, вы вѣдь не персіянинъ?

Муртузь-ага нахмурился, хотѣлъ отвѣчать, но замялся.

— Не все ли вамъ равно? — спросилъ онъ въ свою очередь, помолчавъ.

— Если спрашиваю, то значить, не все равно; впрочемъ, если не хотите, не отвѣчайте! — холодно произнесла дѣвушка и отвернулась.

— За что же вы сердитесь? — улыбнулся Муртузь-ага. — Если васъ это такъ интересуеть, и вы общаете оставить нашъ разговоръ между нами, то я, такъ и быть, сознаюсъ вамъ: да, я дѣйствительно не персіянинъ родомъ!

— Вы русскій, не правда-ли? — живо обернулась къ нему Лидія, пытливо заглядывая ему въ глаза.

— И да, и нѣтъ. Я, дѣйствительно, русскій подданный, но не русскій!

— Армянинъ?

— Армянинъ?.. О, нѣтъ! — съ стремительною живостью воскликнулъ Муртузь. — Только не армянинъ, клянусь вамъ!

— Вѣрю! — улыбнулась Лидія его порыву. — Впрочемъ, это и такъ сейчасъ-же видно. Въ васъ нѣтъ ничего армянскаго. Но какія причины заставили васъ уйти изъ Россіи?

— Этого я не могу вамъ сказать, — глухо произнесъ Муртузь, — не могу ни подъ какимъ видомъ. Что хотите, но только не это, и наконецъ, скажите, для чего вамъ знать о томъ, о чемъ вотъ уже около двадцати лѣтъ я самъ стараюсъ забыть, о томъ, что гложеть мою душу, дѣлаеть меня глубоко несчастнымъ? Впрочемъ, я отчасти понимаю; васъ интересуеть вопросъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Вы вправѣ подозрѣвать во мнѣ бѣлаго каторжника, вора изъ тюрьмы или мошенника. Клянусь вамъ, я ни то, ни другое, ни третье. Я человѣкъ честный, и никакого темнаго, грязнаго дѣла на моей совѣсти нѣтъ; я не воръ, не

фальшивый монетчикъ, подлоговъ не совершалъ, словомъ, не дѣлалъ ничего такого, что люди называютъ безчестнымъ... Вотъ все, что я могу вамъ сказать, а тамъ вѣрьте мнѣ или не вѣрьте—ваше дѣло!

Лидія внимательно поглядѣла въ его взволнованное, слегка покраснѣвшееся лицо и протянула ему свою затянутую въ перчатку изящную ручку.

— Вѣрю!—твердо и искренно произнесла она, крѣпко пожимая его руку.

Воиновъ ѣхалъ подлѣ Ольги Оскаровны, въ нѣсколькихъ саженьяхъ сзади Лидіи и Муртуза, и по временамъ бросалъ на нихъ тревожные взгляды.

«О чемъ они такъ жарко и оживленно бесѣдуютъ?—мучительно вертѣлось у него въ головѣ. За топотомъ копытъ по каменистой почвѣ ему не было слышно ни одного слова, и онъ видѣлъ только жесты, сопровождавшіе разговоръ. Отъ ревниваго вниманія Аркадія Владиміровича не ускользнуло мимолетное пожатіе руки, которымъ обмѣнялись Лидія и Муртузь-ага. Онъ вспыхнулъ до корня волосъ и будучи не въ силахъ совладать съ собой, далъ шпоры коню и въ одинъ мигъ очутился подлѣ Лидіи. Безцеремонно оттолкнувъ грудь своего коня лошадь Муртузь-аги, Воиновъ смѣло втиснулся между нимъ и Лидіей. Въ этомъ мѣстѣ дорога была узка и шла по крутому обрыву, надъ глубокой пропастью; Муртузь-ага, ѣхавшій съ края и рисковавшій ежеминутно сорваться внизъ, принужденъ былъ, наконецъ, осадить своего жеребца и слѣдовать сзади.

Ольга Оскаровна, видѣвшая всю эту сцену, поспѣшила придти на выручку; она рысью подѣхала къ Муртузь-агѣ и ласково дотронувшись ручкой хлыстика до его руки, заговорила:

— Какой чудный видъ отсюда на долину! Точно папорاما! Какъ красиво выглядитъ этотъ хребетъ горъ тамъ вправо, не правда-ли? А какъ хорошъ Араксъ, словно се-



ребряный пояс, или, еще вѣрнѣе, огромная серебристая змѣя. Удивительно красиво!

— Дальше будетъ еще лучше!—поспѣшилъ любезно отвѣтить Муртузь-ага.—Видите ту вершинку? Когда мы подымемя на нее, я вамъ совѣтую остановиться, оттуда вы увидите всю окрестность, какъ на ладони. Въ свѣтлые дни, а сегодня какъ разъ такой день,—съ этой вершины видна не только вся Араксинская долина, но и Араратская. Отсюда Араратъ еще не виденъ, но съ вершины вы увидите его во всей красѣ, съ его турецкой стороны!





## XXIV.

### Хотя бы на дно пропасти.

— Вы, кажется, съ луны соскочили?—недовольнымъ тономъ бросила Лидія, едва взглянувъ на поровнявшагося съ ней Воинова.—Такъ стремительно подъѣхали, чуть обоихъ насъ въ пропасть не столкнули!

— Вы были далеко отъ края,—отвѣчалъ Воиновъ,—моей лошадыю я могъ скорѣе отодвинуть васъ ближе къ скалѣ, чѣмъ къ пропасти, но я даже не дотронулся до вашей амазонки!

— Вы чуть-чуть не сшибли туда Муртузь-агу!—съ возрастающимъ раздраженіемъ произнесла дѣвушка.

— Муртузь-агу, это дѣло другое!—спокойно согласился Воиновъ.—Но и тутъ вы напрасно беспокоитесь, дорога достаточно широкая, чтобы ѣхать втроемъ. Впрочемъ, Муртузь хорошій наѣздникъ и никогда бы не свалился въ пропасть, если бы даже дорога и была уже!

— Не понимаю, причемъ тутъ наѣздничество,—пожала плечами Лидія,—самаго лучшаго ѣздока можно столкнуть, наскочивъ на него такъ неожиданно, какъ это сдѣлали вы!

— Удивляюсь, изъ за чего вы такъ сильно волнуетесь? Увѣренъ, если бы такую шутку продѣлалъ Муртузь со



мной, вы бы не обратили вниманія, а теперь вы столько беспокоитесь, точно случилось и не вѣсть Богъ что!

Лидія досадливо передернула плечами, но ничего не сказала.

Нѣкоторое время они фхали молча.

— Лидія Оскаровна, — заговорилъ снова Воиновъ, переходя изъ дѣлanno-спокойнаго тона въ мягко-задушевный, — перестаньте сердиться! Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело видѣть васъ такой недовольной, нахмуренной и сознавать, что это недовольство вызываю я своей особой. Я, — который готовъ за васъ хоть на смерть. Видите эту пропасть? Скажите слово — и я, какъ есть, съ конемъ брошусь внизъ, ни на минуту не задумавшись!

При этихъ словахъ голосъ Воинова дрогнулъ. Онъ былъ сильно взволнованъ. Лидія мелькомъ взглянула ему въ лицо и почувствовала нѣчто, похожее на раскаяніе.

— Ну, полноте, — заговорила она дружескимъ тономъ, и обворожительная улыбка мелькнула у ней на губахъ, — вы, кажется, начинаете нервничать. Такой большой и такой капризный! — добавила она шутливо, обводя его ласковымъ взглядомъ своихъ красивыхъ выразительныхъ глазъ.

При этомъ чарующемъ взглядѣ Воиновъ совершенно расцвѣлъ. Онъ забылъ всѣ обиды и непріятности, сыпавшіяся на него послѣднее время, и съ благодарностью и обожаніемъ взглянулъ въ лицо Лидіи.

— Вы, Лидія Оскаровна, ангель, ангель и ничто больше! — восторженнымъ тономъ и съ глубокимъ уваженіемъ произнесъ онъ.

— Ну, ужъ и ангель! — искренно разсмѣялась Лидія.

Когда всѣ пятеро поднялись на крутую и высокую вершинку, о которой говорилъ Ольгъ Оскаровнѣ Муртузь-ага, глазамъ ихъ представилась роскошная, величественная картина. Прямо передъ ними, на десятки верстъ, раскинулась необъятная Аракенская долина, съ прихотливо извивающей по ней, сверкающей, какъ серебро на солнцѣ, рѣкой. Без-

численное множество озеръ, прудковъ и водоемовъ, подобно разсыпаннымъ осколкамъ зеркала, блестяли въ яркихъ лучахъ солнца, окруженные, какъ бархатной рамой, темной зеленою деревьею. Утопая въ яркой зелени садовъ, видѣлись живописно разбросанныя селенія, съ бѣлыми домиками, издали похожими на дѣтскіе кубики. Темной громадой, понижаясь по мѣрѣ своего удаленія и постепенно закручиваясь въ прозрачно-розовую дымку тумана, какъ чешуйчатый хребетъ дракона, тянулся каменистый кряжъ обнаженныхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ. По нимъ, глубокими морщинами, чернѣли трещины, овраги и пропасти, принимавшіе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе причудливыя формы.

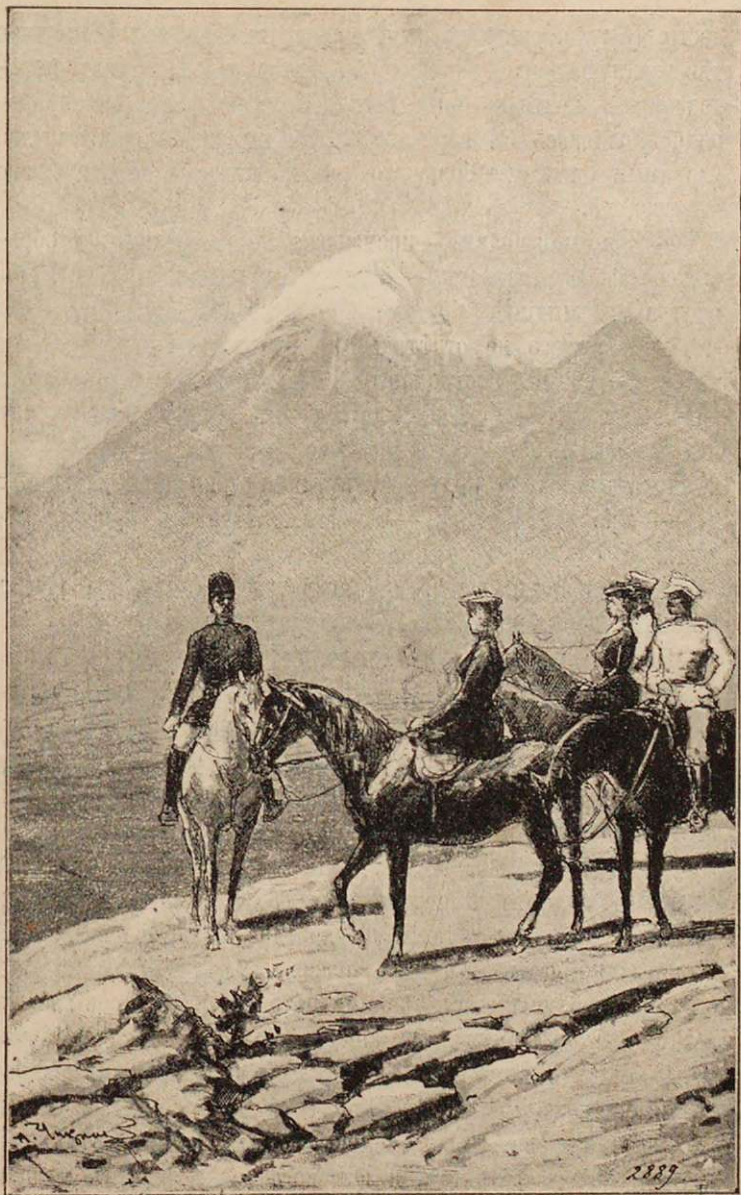
Налюбовавшись видомъ Араксинской долины, Лидія повернула лошадь, и глазамъ ея представилась еще болѣе величественная картина. Прямо передъ ней, подавляя своей громадой и прямыми очертаніями контуровъ, сверкала снѣговой вершиной чудовищно-огромный Араратъ.

Его снѣговая шапка сіяла въ лучахъ солнца, искрилась и переливалась, какъ усыпанная брилліантами. Малый Араратъ, съ котораго давно уже сбѣжалъ послѣдній снѣгъ, покорно прижимался курчавой головой къ плечу своего старшаго, могучаго брата; ниже снѣговой полосы, отъ которой, казалось, такъ и вѣяло холодомъ безсмертія и несокрушимой вѣчностью, начиналась зелень, сначала темная, слабая, прерываемая мѣстами цѣлыми площадями сплошныхъ камней, но чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе яркая, веселая, какъ бы улыбающаяся. Подошва же и вся долина, примыкающая къ горѣ, на десятки верстъ представляла одинъ сплошной зеленый коверъ, съ бѣгущими по немъ, по вѣсѣмъ направленіямъ, искусственными ручьями и разсѣянными куртинскими чадрами \*).

Безчисленное множество скота, лошадей и овецъ, отдѣльными табунами и стадами, ползало глубоко внизу, какъ

\*) Чадры—войлочные палатки курдовъ.





„Прямо передь ними сверкаль снѣговой вершиной чудовищно-огромный  
Араратъ“...

пестрыя мухи, оживляя своимъ присутвіемъ величественно-дѣвственную картину природы. Далѣ зеленая степь переходила въ желто-красные пески, которые мало-по-малу терялись, сливаясь съ горизонтомъ. Въ сторонѣ видѣлись едва уловимыя очертанія большого города, какъ бы повиснувшего въ воздухѣ.

— Вы были правы, — произнесла Ольга Оскаровна, обращаясь къ Муртузь-агѣ, — виды дѣйствительно чудесны! Не правда-ли, Лидія?

Лидія ничего не отвѣтила, но бросила на Муртузь-агу такой ласковый, благодарный взглядъ, какъ будто этотъ видъ былъ его собственностью, и онъ преподнесъ его имъ въ подарокъ.

Постоявъ около получаса, путники двинулись дальше.

— Скоро стемнѣетъ, — замѣтилъ Муртузь, — надо спѣшить!

Всѣ прибавили шагу, но несмотря на это, въ Суджу пріѣхали довольно поздно.

Все селеніе давно уже спало, и Муртузь-ага повелъ ихъ прямо къ приготовленному для ихъ приѣма дому. Домъ этотъ, архитектурой своей напоминавшій большую шкатулку, съ куполообразной башней посрединѣ, примыкалъ къ дворцу сардаря и окнами своими выходилъ въ паркъ, окружавшій этотъ дворецъ съ трехъ сторонъ.

На порогѣ пріѣхавшихъ встрѣтило нѣсколько человѣкъ слугъ, очевидно, ихъ поджидавшихъ. Съ низкими поклонами они провели ихъ въ домъ и указали приготовленные для ночлега комнаты. Комнатъ оказалось нѣсколько, но всѣ онѣ были маленькія, съ низкими потолками, и лишены почти всякой обстановки. Кромѣ ковровъ на полу, да грубой работы стульевъ подъ красное дерево и нѣсколькихъ маленькихъ круглыхъ столиковъ, ничего другого не было. Стѣны украшали повѣшенныя въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга разныхъ величинъ и фасоновъ зеркальца въ мѣдной оправѣ и какія-то дощечки изъ разноцвѣтнаго стекла съ



написанными на нихъ черной жирной краской изреченіями изъ корана. Въ одной комнатѣ, побольше другихъ, съ потолка спускалась стеклянная люстра, а въ стѣну было вѣдлано большое зеркало, съ вызолоченной деревянной рамой. По бокамъ зеркала красовались двѣ бронзовыхъ лампы, одна подѣ краснымъ, а другая подѣ голубымъ шаромъ. Одна изъ этихъ лампъ—съ голубымъ колпакомъ была зажжена и бросала мягкій, лунный свѣтъ на всю комнату. Посерединѣ комнаты, какъ разѣ противъ зеркала, въ аршинномъ другъ отъ друга разстояніи, стояли двѣ низкихъ желѣзныхъ кровати, самаго простого, больничнаго фасона. На каждой изъ этихъ кроватей лежало по два обтянутыхъ шелковой матеріей матрасика изъ верблюжьей шерсти и по одной длинной, книшкообразной, тоже шелковой подушкѣ. Застланы кровати были шелковыми джеджимами \*). Ни наволочекъ, ни простынь не было.

— Эта комната для васъ и Ольги Оскаровны,—сказалъ Муртузъ-ага, обращаясь къ Лидіи,—сейчасъ принесутъ сюда ваши вещи. Здѣсь, я надѣюсь, вамъ будетъ хорошо!

— А двери запираются?—не безъ нѣкоторой боязливости въ голосѣ спросила Ольга.

Муртузъ-ага чуть замѣтно улыбнулся.

— Если желаете—заприте, но только это напрасно. Сюда никто не войдетъ. У дверей дома сторожа, которые никого не пропускаютъ!

«Да, но кто будетъ сторожить насъ отъ самихъ сторожей?—подумала Ольга.—Нѣтъ, запереться покрѣпче—будетъ дѣло надежнѣе».

— Теперь, господа, когда дамы устроены, я поведу васъ въ ваши комнаты,—обратился Муртузъ къ Воинову и Рожновскому,—пожалуйте за мной, прошу васъ!

---

\*) Джеджимъ—ткется или изъ шерсти, или изъ шелка,—последніе значительно дороже—и представляетъ изъ себя узкую, въ нѣсколько аршинъ длиной, матерію пестраго изящнаго рисунка, которую затѣмъ рѣжутъ и спиваютъ изъ нея одѣяла или занавѣски на окна и двери.

— Надѣюсь, вы насъ устроите обоихъ въ одной комнатѣ,—сказалъ Рожновскій, идя за Муртузь-агой,—а то по одиночкѣ спать въ чужомъ мѣстѣ скучно! Не правда ли, Аркадій Владиміровичъ?

— Разумѣется,—подтвердилъ Воиновъ,—насъ, пожалуйста ста, вмѣстѣ!

— Это какъ вамъ будетъ угодно!—любезно согласился Муртузь-ага. — Хотя для каждаго изъ васъ приготовлено по отдѣльной комнатѣ, но разъ вы не желаете разставаться, то я сейчасъ прикажу снести обѣ кровати въ одну!

— Да, ужъ если можно, то пожалуйста распорядитесь не разлучать насъ!

Когда мужчины вышли, Ольга Оскаровна первымъ долгомъ осмотрѣла дверь и осталась ею очень недовольна. Большой мѣдный замокъ, со стеклянной ручкой, не дѣйствовалъ, ключъ, хотя и торчалъ въ скважинѣ, но былъ, очевидно, сломанъ и безъ пользы вертѣлся во все стороны. Приходилось довольствоваться маленькой мѣдной задвижкой.

— Да полно тебѣ,—прервала Лидія сѣтованія сестры по поводу неисправности замка,—вотъ трусиха, кто тебя здѣсь тронетъ, подумай только! Подъ бокомъ у хана и подъ охраной Муртузь-аги, ты можешь спать такъ-же спокойно, какъ на нашемъ хуторѣ, подъ крылышкомъ у маменьки. Помогни лучше достать мнѣ изъ хурджинъ простыни, да ляжемъ скорѣй. Смерть спать хочется! Шутка сказать, больше тридцати верстъ въ фазтонѣ и около двадцати верстъ верхомъ и все въ одинъ день. Можно устать, я думаю...

Когда обѣ сестры легли и успѣли уже задремать, вдругъ къ нимъ въ двери кто-то осторожно стукнулъ.

— Что такое, что надо, что тамъ? — испуганно подняла голову Ольга Оскаровна. Въ отвѣтъ за дверями слышалось какое-то неясное бормотаніе. Долго ни Лидія, ни Ольга не могли понять, кто и о чемъ съ ними толкуеть.



— Да вѣдь это слуга принесъ намъ чай!—догадалась, наконецъ, Лидія и громко и весело расхохоталась, глядя на встревоженное, недоумѣвающее лицо сестры.

— Какой чай, зачѣмъ?—замахала та рукой.—Не надо, чохъ-саоль\*), гэтъ, гэтъ\*\*), не надо!—торопливо закрычала она, обращаясь къ продолжавшему параняться за дверью нукеру.—Чохъ-саоль!

Лидія продолжала хохотать, приведенная въ восторгъ неожиданно, со страху, открывшимися у ея сестры познаниями въ татарскомъ языкѣ.

— Экъ тебя!—укоризненно покачала головой Ольга, опуская голову на подушку.—Вотъ ты говорила, никто не войдетъ—никто не войдетъ, а не запри я дверей, онъ-бы еъ своимъ чаемъ такъ-таки прямо и прилѣзь-бы къ намъ сюда, къ самымъ постелямъ!

— Воображаю, какъ-бы ты переполошилась!

— Воображай, сколько хочешь, а я спать буду—поздно!

---

\*) Чохъ-саоль—спасибо.

\*\*) Гэтъ, гэтъ—уходи.

## В ъ С у д ж ѣ.

На другой день, едва Лидія и Ольга успѣли одѣться и умыться изъ мѣднаго, висеребренного затѣйливаго кунгана \*), стоявшаго въ углу на низкомъ табуретѣ, какъ въ комнату къ нимъ громко постучали.

— Татары!—трагическимъ голосомъ произнесла Лидія, дѣлая шутливо-испуганное лицо.

— Mesdames,—послышался голосъ Осипа Петровича,— вы спите?

— Нѣтъ, мы уже одѣты; что тебѣ?—спросила Ольга, отворяя дверь и подставляя мужу румяную щечку для поцѣлуня.

— Пожалуйте чай пить. Давно уже готово!

Комната, гдѣ сервированъ былъ чай, представляла изъ себя круглую башню, съ окнами наверху, пропускавшими сквозь свои матовыя стекла мягкій пріятный свѣтъ. По срединѣ ея, на разостланномъ коврѣ, оригинальнаго стариннаго рисунка, поверхъ полосатой скатерти стояло нѣсколько подносовъ съ закусками. Тутъ были: катыхъ \*\*), панырѣ \*\*\*), нарѣзанные ломтями арбузы и дыни, сотовый медъ въ чашкахъ, разнаго сорта варенье и цѣлая груда бѣлаго, какъ снѣгъ, испеченнаго по особому образцу, на цѣльномъ молокѣ, лаваша \*\*\*\*). Въ сторонѣ возвышался большой, никогда, должно быть, не чищенный самоваръ. Во-

\*) Кунганъ—металлическій кувшинъ съ тазомъ.

\*\*\*) Катыхъ—кислое молоко, родъ простокваши.

\*\*\*\*) Панырѣ—овечій сыръ.

\*\*\*\*\*) Лавашъ—хлѣбъ, ввидѣ тонкихъ, какъ бумага, очень большихъ лепешекъ, видомъ нѣсколько напоминаетъ еврейскую мацу.



кругъ него хлопотали два замѣчательно красивыхъ мальчика-подростка, съ томнымъ выраженіемъ влажныхъ черныхъ глазъ и легкимъ румянцемъ на нѣжныхъ, молочной бѣлизны лицахъ. Одѣты они были совершенно одинаково: въ темно-синіе суконные казакины съ красными кантами, такія-же шаровары, узкія на щиколоткѣ и широкія у пояса. Пуговицы на казакинахъ, съ гербомъ льва и солнца, были вызолочены; на головѣ у обоихъ красовались конусообразныя папахи изъ мелкаго блестящаго чернаго барашка. Одинъ изъ мальчиковъ—постарше—занимался разливаніемъ чая по маленькимъ разрисованнымъ золотомъ и красками стаканчикамъ, а другой разносилъ ихъ гостямъ, при чемъ каждый стаканчикъ помѣщался на отдѣльномъ подносикѣ, съ изображеніемъ шаха. Чай былъ душистый, сильно подслащенный и особаго терпкаго вкуса. Осипъ Петровичъ объяснилъ Лидіи, обратившей вниманіе на особенности подаваемого чая, что этотъ чай не китайскій, а индійскій, къ которому персы примѣшиваютъ какое-то наркотическое снадобье, кажется, опиумъ, отчего онъ въ большомъ количествѣ сильно дѣйствуетъ на нервы.

— Вообрази себѣ,—обратился Рожновскій къ женѣ, со смѣхомъ качая головой на Муртузь-агу, сидѣвшаго подлѣ него,—каковъ нашъ Муртузь-ага! Онъ вчера не пошелъ домой, а почевалъ въ первой комнатѣ, у входныхъ дверей. Тамъ ему приготовили постель, и онъ спалъ вооруженный, охраняя вашъ покой. Каковъ?

— Не знаемъ, какъ васъ и благодарить,—улыбнулась Ольга Оскаровна,—вы чрезвычайно любезны и предупредительны!

— Вашъ рабъ!—низко, по восточному склонилъ голову Муртузь-ага, бросая въ то-же время горячій взглядъ на сидѣвшую подлѣ сестры Лидію.—Моя жизнь и моя голова у ногъ вашихъ!—докончилъ онъ персидскимъ изреченіемъ.

Когда всѣ напились чаю и закусили, въ комнату вошелъ высокій, худощавый, молодой человекъ и низко поклонив-

шись присутствующимъ, произнесъ нѣсколько персидскихъ словъ.

— Ханъ спрашиваетъ, какъ дорогіе гости почивали, — перевелъ Муртузь-ага слова юноши, — и просить, если желаете его видѣть, пожаловать къ нему на его половину. Онъ извиняется, что самъ не въ состояніи придти; онъ боленъ и не выходитъ изъ своей комнаты. Впрочемъ, — уже отъ своего имени добавилъ Муртузь, — если дамы считаютъ для себя унизительнымъ идти первыми къ сардарю, то онъ могутъ подождать его въ сосѣдней комнатѣ; онъ самъ туда выйдетъ, хотя, по совѣсти говоря, ему это будетъ трудно. Отъ сильнаго ревматизма онъ почти безъ ногъ!

— Нѣтъ, почему-же, мы охотно сами пойдемъ къ нему! — воскликнула Лидія. — Зачѣмъ его утруждать, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, боленъ?! Къ тому-же, — добавила она, смѣясь, — какъ ни какъ, а все таки-же онъ владѣтельный князь. Прибѣгая къ нашимъ титуламъ «свѣтлость» — такъ вѣдь?

— Совершенно вѣрно! — кивнулъ головой Муртузь.

Пройдя крытой стеклянной галлереей изъ дома, гдѣ они ночевали, въ сосѣдній съ нимъ сардарскій дворецъ и миновавъ двѣ совершенно пустыхъ комнаты, съ выкрашенными гажею стѣнами и мутными окнами, гости вступили въ обширный залъ, со множествомъ колоннъ, поддерживавшихъ сводчатый, высокій потолокъ. Стѣны, потолокъ и колонны зала были зеркальные, при чемъ зеркала не были сплошными, а состояли ввидѣ замысловатаго узора, изъ безчисленнаго множества мелкихъ зеркальныхъ кусочковъ, всевозможныхъ формъ и величинъ, замѣчательно искусно скомбинированныхъ между собой. Каждая группа такихъ зеркалецъ изображала особый рисунокъ и была окружена бѣлымъ гипсовымъ барельефомъ. Поставленные подъ разными углами и уклонами, эти крошечные, безчисленные кусочки издали представлялись сверкающей чешуей, какъ-бы густо-густо унизанной брилліантами. Колонны, кромѣ зеркалецъ, были въ верхней своей части украшены еще и разноцвѣтными стеклышками.



Изъ такихъ-же стеклышекъ, въ соединеніи съ зеркальцами, были выведены замысловатые узоры на потолкѣ, посредникъ котораго красовался сложенный изъ тѣхъ-же цвѣтныхъ стеколь большихъ размѣровъ персидскій гербъ Льва и Солнца. Вокругъ большого герба было разбѣяно еще нѣсколько подобныхъ-же гербовъ, но несравненно меньшихъ размѣровъ.

Три огромныхъ окна, по формѣ своей похожихъ на венеціанскія, занимали одну стѣну. Окна эти представляли изъ себя искусной рѣзбы дубовыя рамы, въ которыя были вдѣланы посрединѣ бѣлыя, а по краямъ разноцвѣтныя стекла. Сочетаніе красокъ и узора, хотя и было нѣсколько смѣло и рѣзко, но въ общемъ носило печать своеобразной красоты.

Украшеніемъ этого фантастическаго зала служила прежде всего чудовищныхъ размѣровъ хрустальная люстра, съ безчисленнымъ множествомъ граненыхъ висюлекъ. Люстра эта была повѣшена посрединѣ, а справа и слѣва отъ нея переливались всеми цвѣтами радуги еще двѣ такія-же, но значительно меньше. Кромѣ этихъ люстръ, со вставленными въ нихъ свѣчами, соединенными моментально воспламеняющимся шнуркомъ, на всехъ трехъ стѣнахъ, не занятыхъ окнами, были прибиты хрустальныя бра на 5 свѣчей каждое. Отъ яркихъ солнечныхъ лучей, широкой волной проникавшихъ черезъ огромныя окна, вся эта тяжелая масса хрусталя горѣла и сверкала милліонами разноцвѣтныхъ искръ; искры эти, въ свою очередь отражаясь безчисленное множество разъ въ зеркальныхъ осколочкахъ потолка и стѣнъ, придавали всей комнатѣ сказочно-волшебный видъ. Полъ зала былъ застланъ коврами, причемъ средній коверъ былъ шелковый, удивительно изящнаго рисунка и огромной цѣнности.

Не малаго вниманія заслуживали также и двое дверей, расположенныхъ однѣ противъ другихъ. Очень высокія, двустворчатыя, онѣ были сдѣланы изъ темнаго дуба и украшены художественно исполненной рѣзбой и барельефами. Бронзовыя литыя вызолоченныя ручки, ввидѣ львиныхъ го-

ловъ, сами по себѣ могли быть причислены къ высокохудожественнымъ произведеніямъ. Какъ въ послѣдствіи узнала Лидія, двери эти были выписаны изъ Англіи, и стоимость ихъ равнялась цѣлому состоянію.

Пройдя зеркальный залъ, путники наши вступили въ сравнительно небольшую комнату, довольно изящно убранную. Ковры на полу, ковры на стѣнахъ и множество развѣшаннаго по стѣнамъ оружія—составляли богатство и украшеніе этой комнаты. При входѣ ихъ съ противоположнаго конца комнаты навстрѣчу имъ поднялся человекъ высокаго роста, болѣзненно-худой и мертвенно-блѣдный, съ глубоко провалившимися глазами, одѣтый въ темносиній кафтанъ съ брилліантовой звѣздой «Льва и Солнца» на груди и въ турецкой фескѣ на головѣ. На видъ ему было лѣтъ 35, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ гораздо моложе; но упорная, застарѣлая болѣзнь согнула его высокій станъ и сильно состарила его отъ природы красивое и выразительное лицо. Это былъ самъ сардаръ, ханъ Суджинскій, Хайларъ-ага.

Сдѣлавъ два-три шага, колеблящейся походкой, съ трудомъ волоча ноги, обтянутыя въ теплыя туфли, Хайларъ-ханъ съ любезной улыбкой пожалъ руки сначала дамамъ, а затѣмъ Воинову и Рожновскому.

— Милости просимъ!—произнесъ онъ глухимъ голосомъ по русски но съ сильнымъ акцентомъ, любезно показывая рукой на стоявшіе передъ нимъ стулья обитые зеленымъ бархатомъ.—Очень радъ васъ видѣть; хорошо-ли доѣхали?

Гости успѣшили поблагодарить любезнаго хозяина, и разговоръ мало-по-малу завязался. Впрочемъ, Хайларъ-ханъ самъ почти ничего не говорилъ, а только время отъ времени задавалъ короткіе, односложные вопросы, внимательно выслушивая отвѣты и время отъ времени одобрительно покачивая головой.

Ханъ сидѣлъ въ мягкихъ, широкихъ креслахъ, гости-же помѣщались противъ него на стульяхъ, которыя были низки, жестки и крайне неудобны. Кромѣ Хайларъ-хана въ ком-





„Ханъ сидѣлъ въ мягкихъ широкихъ креслахъ, гости-же помѣщались про-  
тивъ него на стульяхъ“...

\*

натѣ находилось еще нѣсколько человѣкъ: высокій, сухопарый старикъ, съ длинной бѣлой бородой и мрачнымъ взглядомъ изъ подъ нахмуренныхъ клочковатыхъ бровей, главный управитель и казначей хана, Халиль-бекъ, сидѣлъ у ногъ хана, уткнувъ бороду въ грудь и пыливо, исподлобья поглядывая на гостей. Молодой, краснощекій юноша, съ блестящими глазами и ярко пунцовыми губами, завѣдующій ханскимъ столомъ,—неподвижно помѣщался за кресломъ хана. На его безстрастномъ лицѣ не отражалось никакого внѣшняго впечатлѣнія.

Съ другой стороны ханскаго кресла сидѣлъ рыжебородый толстякъ, смотритель ханской челяди. Подальше у окна, на мягкихъ матрасякахъ, одинъ противъ другого, помѣщались еще двое: древній старецъ-кадїй, сѣдой, какъ лунь, съ мутнымъ потухшимъ взоромъ, одѣтый, поверхъ бѣлаго халата, въ бѣлую аббу и бѣлую чалму, съ четками въ рукахъ, которыя онъ медленно и методично перебиралъ длинными, сухими пальцами,—и небольшого роста, жилистый старичекъ, съ краснымъ, гладко выбритымъ лицомъ, украшеннымъ длинными, сивыми, закрученными внизъ усами.

Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый дешевой матерїи кафтанъ домашняго покроя и шитья, на которомъ какъ-то странно выдѣлялась небольшая бриллиантовая звѣзда на зеленой муаровой ленточкѣ. Человѣкъ этотъ сидѣлъ, слегка повернувъ голову и, очевидно, съ большимъ вниманіемъ прислушиваясь къ разговору хана съ его гостями. По временамъ онъ торопливо оглядывался своими выразительными, быстро бѣгающими и взглядчивыми глазами, но сейчасъ-же снова опускалъ ихъ внизъ и даже слегка прищуривался, какъ-бы желая совершенно скрыть свои пронизательные зрачки за занавѣскою густыхъ, длинныхъ рѣсницъ. Старикъ этотъ былъ замѣчательнѣйшій человѣкъ во всемъ ханствѣ и въ дѣйствительности настоящій его правитель, такъ какъ постоянно болѣющий Хайларъ-ханъ давно уже всецѣло отдался ему въ руки и безпрекословно слѣдовалъ всемъ его совѣ-



тамъ. Звали старика—Алакперъ-Бабэй-ханъ. Онъ занималъ постъ старшаго секретаря сардаря, исправляя при немъ роль какъ-бы министра иностранныхъ дѣлъ. Несмотря на всю слабость и мизерность Суджинскаго ханства, Алакперъ-Бабэй-хану было не мало работы, и его, по справедливости, можно было сравнить съ пловцомъ, принужденнымъ лавировать между острыми подводными камнями на утломъ челнокѣ.

Ему надо было умѣть ладить одновременно съ двумя могущественными сосѣдками—Турціей и Россіей, и въ то-же время угождать деспотичному, алчному переидскому правительству, постоянно покушавшемуся на независимость ханства. Ко всему этому приходилось то и дѣло подавлять внутреннія междоусобицы. Года не проходило, чтобы тотъ или другой изъ младшихъ хановъ не затѣвалъ ссоры съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, ссоры, кончавшейся кровопролитіемъ. Селеніе подымалось на селеніе, вассалы ханскіе жгли и убивали другъ друга, и правителю иногда приходилось самому собирать многочисленное войско, чтобы силою водворить спокойствіе среди своихъ строптивыхъ родичей. Но больше всего хлопотъ и непріятностей было съ курдами. Этотъ самовольный, дикій и воинственный народъ, видѣвшій главный источникъ добыванія средствъ къ жизни въ грабежахъ, рѣшительно не хотѣлъ признавать никакихъ границъ, безцеремонно врывается въ приграничныя владѣнія сосѣднихъ гсударствъ и нагло тамъ хозяйничалъ.

Въ свою очередь курды Россіи и Турціи, будучи одинаковаго міровоззрѣнія со своими братьями въ Персіи, поступали точно также по отношенію къ нимъ. Изъ-за этого между тѣми и другими возникали постоянные конфликты, возбуждавшіе дипломатическіе переговоры съ пограничными турецкими и русскими властями. Положеніе Алакпера-Бабэй-хана было тѣмъ труднѣе и щекотливѣе, что въ душѣ онъ не могъ не сознавать полной невозможности прекратить эти ненормальныя отношенія. Суджинскіе курды были слишкомъ бѣдны, слишкомъ безземельны, а въ то-же время

слишкомъ обременены поборами, чтобы имѣть возможность существовать исключительно трудами своихъ рукъ, не прибѣгая къ грабежу богатыхъ, сравнительно съ ними, сосѣдей.

Ввиду такихъ условій даже исправность поступленія податей зависела отъ удачи въ разбойничьихъ набѣгахъ.

Надо было много ума и хитрости, чтобы изворачиваться среди всѣхъ этихъ, повидимому, исключających одно другое, положеній; но Алакперъ-Бабэй-ханъ умудрялся какимъ-то ему одному извѣстнымъ способомъ устраивать такъ, что въ большинствѣ случаевъ и овцы были цѣлы, и волки сыты.



## Сардаръ Хайларъ-ханъ.

Скажи, — неожиданно спросилъ Хайларъ-ханъ Рожновскаго, въ срединѣ разговора, — гдѣ лучше доктора, въ Россіи или у ференговъ \*)? Я хочу ѣхать лѣчиться. Мнѣ совѣтуютъ ѣхать въ Парижъ. Тамъ самые лучшіе доктора. Не правда-ли?

— Гдѣ доктора лучше, я не берусь судить! — отвѣчалъ Осипъ Петровичъ. — Въ Петербургѣ и въ Москвѣ есть прекрасные, знающіе врачи!

— Знаю, но они сами не будутъ лѣчить, а пошлютъ лѣчиться во Францію или Германію, стало быть, для чего-же мнѣ ѣхать такъ далеко — въ Москву? Не проще-ли прямо обратиться къ ференгамъ?

Сказавъ это, Хайларъ-ханъ лукаво улыбнулся и хитро посмотрѣлъ на собесѣдника. Рожновскій долженъ былъ признать всю разумность приведеннаго ханомъ соображенія.

— Русскіе доктора, — подумавъ немного, сказалъ онъ, — могли-бы посовѣтовать вамъ отправиться въ Пятигорскъ, Кисловодскъ или Желѣзноводскъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ! — съ живостью перебилъ его ханъ. — Туда мой ѣхать не можно, никакъ не можно!

— Почему это? — удивился немного Рожновскій.

— Пятигорскъ, Кисловодскъ, Сентука, — всѣ мой знаютъ. Армянинъ есть, татаръ есть, персіянинъ есть, — бѣшкэшъ приносить будетъ, онъ давалъ бѣшкэшъ яманъ \*\*), а я ему

\*) Французовъ.

\*\*) Яманъ — плохой.

давай бэшкэшъ яхши \*). Для меня нехорошо будетъ, а другой придетъ—дэнъги дай,—третій—посмотрѣть желаетъ, гаварыть будетъ,—скажетъ знакомъ бывалъ. Улицамъ идэшъ—палиціюмъ знай, торговцемъ знай. Одинъ клянутся, другой клянутся—тому дай, и того купи, нашъ ханъ, говорятъ. Много безпокойствомъ будетъ!

Рожновскій не могъ не улыбнуться въ душѣ, слушая хана и сознавая справедливость его словъ и опасеній.

«А вѣдь ханъ правъ,—подумалъ онъ,—въ Пятигорскѣ или въ другомъ какомъ-нибудь кавказскомъ курортѣ, ему часу не дадутъ спокойно вздохнуть всякіе его соотечественники изъ русско-подданныхъ.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ и перекинувшись двумя-тремя незначительными фразами, гости поднялись и стали прощаться съ ханомъ, который, ослабѣвъ отъ продолжительнаго сидѣнья въ креслѣ и разговора, не сталъ очень сильно ихъ удерживать. На прощанье онъ предложилъ имъ осмотрѣть его дворецъ, для каковой цѣли назначилъ въ проводники, помимо Мургуза-аги, еще и Алакперъ-Бабэй-хана.

Прежде всего вышли въ садъ, чтобы оттуда осмотрѣть наружный фасадъ зданія.

Снаружи дворецъ сардаря представлялъ изъ себя двухъ-этажное, довольно неопредѣленной, смѣшанной архитектуры зданіе, на высококомъ фундаментѣ и съ башней наверху. Характерной особенностью этого зданія было множество маленькихъ висячихъ балкончиковъ, со стѣнами и потолкомъ изъ разноцвѣтнаго стекла. Балкончики эти, какъ гнѣзда стрижей, лѣпились въ безпорядкѣ одни выше другихъ, рѣзко выдѣляясь на ярко-бѣломъ фонѣ стѣнъ зданія. Возвышавшаяся посрединѣ дворца высокая башня съ куполообразной крышей изъ пестрыхъ изразцовъ, окружена была колоннадой съ блестящими на солнцѣ между колоннами металлическими, вызолоченными перилами. Колоннада эта, очевидно, была мѣ-

\*) Яхши — хорошій.



стомъ прогулокъ самого хана, гдѣ онъ могъ прохаживаться, наблюдая съ высоты жизнь всего селенія и оставаясь самъ въ то же время невидимымъ для посторонняго любопытнаго взгляда. На фронтонѣ зданія красовалось барельефное, грубо размалеванное изображеніе персидскаго герба: канареечнаго цвѣта левъ, съ бабимъ лицомъ и съ выглядывающимъ изъ-за его спины оранжево-золотистымъ солнцемъ, отъ котораго во все стороны расходились ярко-желтые, топорно-сдѣланные лучи. Надъ башней, на высококомъ шестѣ, развѣвалось, какъ повѣшенная для просушки простыня, темно-зеленое знамя.

Къ главному зданію справа и слева примыкали флигели, соединенные съ нимъ крытыми стеклянными галлереями на столбахъ. Въ общемъ дворецъ выглядѣлъ довольно неуклюжимъ, но его скрашивало то обстоятельство, что онъ былъ выстроенъ на вершинѣ крутого холма и окруженъ роскошнымъ садомъ. Оглядѣвъ зданіе снаружи, приступили къ внутреннему осмотру его безчисленныхъ комнатъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ походили на видѣнный уже зеркальный залъ, смежный съ комнатою сардаря. Такія-же зеркальныя стѣны, потолки и колонны, такія-же люстры и бра, такія-же разноцвѣтныя окна и паркетные, узорчатые полы. Только размѣромъ эти комнаты были меньше и въ высоту — ниже.

Другіе-же покои — выглядѣли совершенно ordinarily. Отштукатуренныя, выкрашенныя бѣлой масляной краской стѣны, газековые, обклеенные кирпичнаго цвѣта бумагой полы, и простыя двустворчатыя бѣлыя двери.

Мебель, которой было немного, состояла изъ разнокалиберныхъ стульевъ, круглыхъ столиковъ и нѣсколькихъ пузатыхъ, украшенныхъ инкрустаціей комодовъ на высокихъ, изогнутыхъ ножкахъ. Остальное убранство комнатъ заключалось въ разостланныхъ на полу коврахъ и небольшихъ матрасикахъ изъ шелка, бархата и сукна, разложенныхъ по угламъ и вдоль стѣнъ. Нѣкоторые изъ этихъ матрасиковъ представляли изъ себя огромную цѣнность, такъ какъ

были затканы золотомъ и унизаны жемчугомъ, бирюзой и другими самоцвѣтными камнями.

Сидѣть на такихъ матрасикахъ, разумѣется, было не мыслимо, и они, очевидно, играли роль только какъ украшеніе комнаты. Кромѣ матрасиковъ, повсюду грудами лежали бархатныя и суконныя, расшитыя шелками продолговатыя подушки—мутаки. Впрочемъ, самымъ оригинальнымъ въ убранствѣ этихъ комнатъ являлось изобиліе всевозможной стеклянной, фаянсовой и фарфоровой посуды, служившей не прямому своему назначенію, а являвшейся ввидѣ своеобразнаго украшенія. Почти въ каждой комнатѣ по срединѣ, или у одной изъ ея стѣнъ, стояло по одному, а гдѣ и по два небольшихъ стола, на которыхъ, какъ въ ламповомъ магазинѣ, тѣснилось съ десятокъ лампъ. Какихъ-какихъ только тутъ не было! Высокія, низкія, бронзовыя и фарфоровыя, чугуныя и разныхъ имитаций, вызолоченныя, высеребрянныя, цвѣта старой бронзы и просто-на-просто пестро раскрашенныя. На однихъ колпаки были красныя, на другихъ голубыя, на третьихъ бѣлыя матовыя, или бѣлыя блестяшія, наконецъ, темно-зеленыя; абажуры, тюльпаны, шары, простые колпаки пестрѣли въ глазахъ, какъ на выставкѣ. Большинство лампъ было безъ стеколъ, горѣлки безъ фитиля. Видъ этихъ горѣлокъ, совершенно чистыхъ и не закопченныхъ, ясно указывалъ, что всѣ эти лампы ни разу не зажигались. Другимъ украшеніемъ комнатъ служила фарфоровая и стеклянная посуда. Вдоль стѣнъ, въ два-три яруса шли стеклянныя полки, тѣсно заставленныя стаканами, рюмками, чашечками, вазочками, солонками и сахарницами. Даже аптечныя разноцвѣтныя шары нашли себѣ мѣсто и торжественно возвышались среди беспорядочной груды прочаго хлама, между которымъ попадались вещи большого изящества и цѣнности, какъ, напр., восхитительныя фарфоровыя подсвѣчники, подчасники, куколки и т. п. Всѣ эти вещи частью были выписаны изъ Англій, а частью куплены въ приграничныхъ армянскихъ лавченкахъ, и надо



было удивляться отсутствію вкуса и всякаго художественнаго пониманія, допускавшему такое безобразное смѣшеніе. Рядомъ съ художественно исполненной вазой изъ дорогаго тонкаго фарфора, стояла простая фаянсовая маслянка, изображающая бѣлаго барашка съ золотыми рогами, одна изъ тѣхъ, какими торгуютъ въ мелочныхъ лавочкахъ. Около стариннаго канделябра съ порхающей на немъ толпой крошечныхъ амуровъ, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, являлся верхомъ искусства, ютилась глиняная, голая, раскрашенная богиня съ зелеными волосами и ярко-пунцовыми щеками, поддерживающая размалеванный тюльпанъ-подевѣчникъ. Дорогіе, хрустальные бокалы, украшенные гравировкой, были перемѣшаны со стаканами изъ зеленовататаго стекла съ намазанными на нихъ яркой краской букетами, видами и портретами. Остальное убранство комнатъ было въ томъ-же родѣ; такъ, напр., въ одной изъ комнатъ о двухъ окнахъ, на первомъ окнѣ, спускаясь мягкими пышными складками отъ самаго потолка, висѣла тюлевая занавѣска, вся затканная золотой канителью. Рисунокъ былъ чрезвычайно сложенъ и замысловатъ. Глядя на него, даже трудно было представить себѣ, сколько терпѣливаго, упорнаго труда потребовала эта, дѣйствительно, роскошная вещь, а рядомъ съ такой драгоцѣнностью, на другомъ окнѣ висѣлъ кусокъ ситца съ какими-то нелѣпыми птицами и букетами.

— О, дикари, дикари!—невольно воскликнула Лидія, пораженная такимъ безвкусіемъ; но вспомнивъ, что сзади нея стоитъ Алакперъ-Бабѣй-ханъ, понимавшій по-русски, она смутилась и прикусила языкъ, но хитрый старикъ сдѣлалъ видъ, будто ничего не слышалъ и самымъ невиннымъ тономъ спросилъ ее, какое впечатлѣніе вынесла она изъ осмотра дворца.

— Дворецъ прекрасный!—поспѣшила любезно успокоить его Лидія.

Осмотрѣвъ дворецъ и спустившись по крутой лѣстницѣ внизъ, всѣ вышли на широкій, выложенный плитнякомъ и обнесенный высокой стѣной дворъ, посреди котораго

монотонно журчалъ и искрился небольшой фонтанчикъ. Муртузь-ага предложилъ пройти въ конюшню взглянуть на ханскихъ лошадей. Предложеніе было охотно принято, но впечатлѣніе отъ осмотра благородныхъ животныхъ оказалось далеко не такимъ, какое ожидалось. Всѣ лошади выглядѣли чрезвычайно раскормленными, и почти каждая имѣла какой-нибудь бросающійся прямо въ глаза порокъ. Одна была черезъ чуръ сѣдиста, у другой облѣзлый хвостъ, третья выглядѣла чрезмѣрно узкогрудой, четвертая имѣла неправильный поставъ ногъ; было двѣ-три лошади съ бѣльмомъ на глазу, а одна и совершенно слѣпая; по всему было замѣтно, что о правильномъ коневодствѣ здѣсь, въ Суджѣ, не имѣютъ никакого понятія. Ухода за лошадьми въ европейскомъ значеніи этого слова не было вовсе: лошади были не чищены, а конюшни грязны, душны и переполнены навозомъ. Чтобы не отгороженные ничѣмъ другъ отъ друга жеребцы не лягались, они были прикованы короткими цѣпями къ вбитымъ въ землю кольямъ. Отъ этихъ нелѣпныхъ цѣпей нижняя часть ногъ лошадей была покрыта никогда не заживающими струпами, переходящими въ концѣ концовъ въ бородавки и наросты.

Между лошадьми помѣщалось нѣсколько катеровъ\*),—великопшныя животныя, молочнаго цвѣта, съ черными глазами и умѣренной длины ушами. Головы ихъ были украшены разноцвѣтными ленточками, и они, очевидно, пользовались большимъ вниманіемъ, чѣмъ лошади.

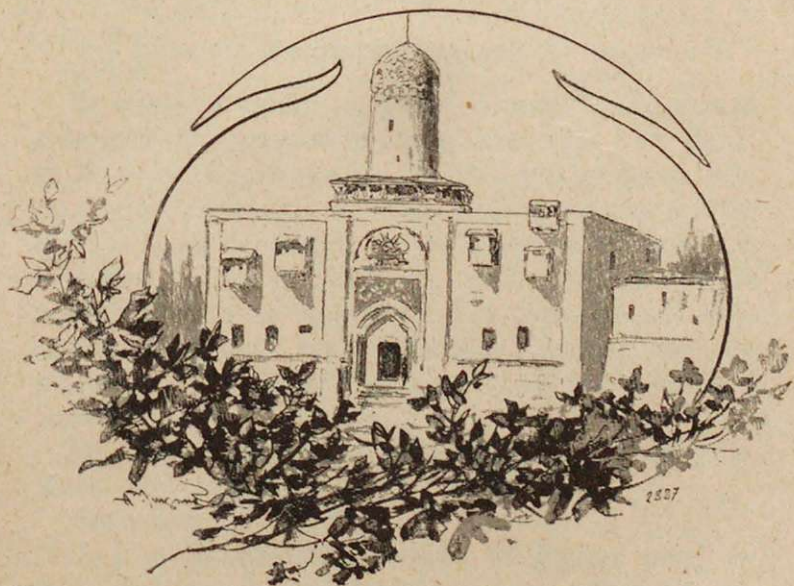
Воиновъ, большой любитель и знатокъ лошадей, ожидавшій увидѣть что-нибудь особенное, былъ сильно разочарованъ и не удержался, чтобы не высказать этого Муртузь-агѣ.

— Такъ вотъ это - то и есть знаменитыя суджинскія лошади, о которыхъ такъ много говорятъ. Признаюсь, не вижу въ нихъ ничего особеннаго, развѣ только одно то— что всѣ онѣ раскормлены, какъ кабаны!

\*) Катерь—мулъ.



— Суджинскихъ лошадей надо смотрѣть въ ѣздѣ, — спокойно возразилъ Муртузъ, — подъ сѣдломъ онѣ совершенно преобразуются. Въ конюшнѣ онѣ, дѣйствительно, выглядятъ немного вялыми, неуклюжими и не совсѣмъ хорошо сложенными, но когда на нихъ садится всадникъ, онѣ подбираются.



Дворецъ сардара.

шея дѣлается гибкой, и вся лошадь точно разгорается отъ скрытаго въ ней внутренняго огня. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ сардаръ началъ болѣть и совершенно пересталъ ѣздить верхомъ, а этому уже будетъ года три-четыре, въ его конюшнѣ перевелись хорошія лошади. Которыя подошли, которыхъ онъ раздарилъ или пустилъ въ табунъ. Во всей Суджѣ его лошади теперь считаются худшими. За то катера у него очень хороши.

— А для чего ему катера, онъ не можетъ ѣздить верхомъ?

— Нѣтъ, на катерахъ онъ ѣздить. Катерь гораздо спокойнѣе лошади, не горячится, не прыгаетъ, идетъ осторожно, плавно. Особенно у катеровъ этой породы—такъ называемыхъ египетскихъ—замѣчательно плавный ходъ; они несутъ своего всадника на своей спинѣ, какъ мать ребенка,—нигдѣ не трянуть, не толкнуть. У насъ на нихъ ѣздятъ дряхлые старики, больные и женщины, и пѣнятся они вдвое дороже лошади.



## Въ старомъ дворцѣ.

Не хотите-ли пройти въ другой дворецъ, принадлежащій дядѣ сардаря, Халиль-хану? Самого хана нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Мекку, но дворецъ стоитъ посмотриѣть. Онъ построенъ очень давно; это единственный старинный дворецъ, который уцѣлѣлъ въ Суджѣ, прочіе ханы давно уже перестроили свои дворцы по новому, и всѣ они, какъ двѣ капли воды, похожи на сардарскій: такія-же зеркальныя залы, такое-же множество стеклянной посуды, ввидѣ украшенія, словомъ, все одно и то-же, и только одинъ Халиль-ханъ не пожелалъ измѣнить старинѣ.

— Что-жъ, пойдѣте, — согласилась Лидія, — все равно дѣлать вѣдь намъ нечего!

Они пошли.

Дворецъ Халиль-хана находился на другомъ концѣ селенія. Всю дорогу, пока они шли, толпа ребятишекъ бѣжала за ними, съ испуганнымъ любопытствомъ глядя на невиданные костюмы «кяфировъ» \*). Попадавшіеся имъ навстрѣчу татары отвѣшивали низкіе поклоны и миновавъ, останавливались и смотрѣли имъ вѣлѣдъ. Женщины въ длинныхъ чадрахъ, завидя ихъ, торопливо выбѣгали изъ дворовъ и распахнувъ немного чадру, съ какимъ-то испугомъ и недоумѣніемъ глядѣли во всѣ глаза, слегка разинувъ ротъ и замирая отъ любопытства. Видно было, что ихъ

\*) Кяфиръ — невѣрный.

больше всего поражали амазонки Лидіи и Ольги. Одна даже не утерпѣла и въ то время, когда Лидія проходила мимо нея, слегка дотронулась пальцемъ до ея длинной замшевой перчатки съ твердыми крагами—раструбомъ.

Лидія остановилась и ласково улыбнулась; татарка въ свою очередь оскалила бѣлые, какъ молоко, зубы и весело разсмѣялась.

— Какая хорошенькая!—невольно воскликнула Лидія, любясь продолговатымъ оваломъ лица татарочки, ея миндалевидными, темными глазами и густыми—густыми, длинными рѣсницами. Бѣлая, съ желтоватымъ отливомъ, какъ старинная слоновая кость, кожа слегка румянилась на щекахъ, придавая татарочкѣ своеобразную прелесть.

— Да, хорошенькая!—согласился Рожновскій, въ свою очередь оглянувшись на татарку, которая, замѣтивъ на себѣ взглядъ мужчины, сконфузилась и пустилась бѣжать, звеня монистами и мелькая голыми пятками загорѣлыхъ ногъ.

Пройдя обширный дворъ, съ безпорядочно настроенными на немъ сараями и клѣтушками, путники, въ сопровожденіи нѣсколькихъ нукеровъ, выскочившихъ имъ навстрѣчу, вошли въ густой, запущенный, тѣнистый садъ. Въ этомъ саду, скрываясь за кустами темнозеленыхъ чинаръ и нарбандовъ, возвышалось длинное одноэтажное зданіе, облицованное красными, бѣлыми и темно-коричневыми кирпичами, уложенными такъ, что получался замысловатый рисунокъ. Широкія окна, изъ небольшихъ стеколъ въ частомъ перелетѣ рамы, были украшены ярко размаляванными барельефами. Часть передней стѣны занимала стеклянная веранда, надъ которой на фронтонѣ дома красовался, какъ и во дворцѣ Хайларъ-хана, лѣпной, раскрашенный гербъ Персіи; по всемъ четыремъ угламъ зданія возвышались круглыя башенки съ узкими бойницами вмѣсто оконъ.

Поднявшись по крутой лѣстницѣ на веранду, путники очутились въ низкой, полутемной комнатѣ, служившей передней, съ тремя одностворчатыми дверями, ведущими во внутренніе покои. Слѣдующая за передней комната была



значительно просторнѣе, длиннѣе и свѣтлѣе. Лидіи она живо напоминала старинные московскіе терема.

Толстыя массивныя стѣны съ глубокими нишами и окнами амбразурами были пестро расписаны отъ потолка до низу причудливыми узорами, такіе-же узоры покрывали низкіе сводчатые потолки. Ярко-зеленая, огненно-красная, голубая краски—мѣшались съ густой позолотой. Чудовищные цвѣты переплетались съ замысловатыми завитками и арабесками и рябили въ глазахъ своею яркою дикою пестротой. Полъ комнаты былъ устланъ коврами, съ набросанными въ беспорядкѣ по угламъ ворохами суконныхъ, шелковыхъ и бархатныхъ мутакъ и подушекъ. Низенькія, богато украшенные перламутровой инкрустаціей, восьмиугольные табуреты, замѣняющіе столики, стояли вдоль стѣнъ и посрединѣ комнаты. Въ правомъ углу было устроено нѣчто вродѣ трона: небольшая низкая отоманка, обтянутая золотистымъ бархатомъ и надъ ней балдахинъ изъ шелковыхъ джеджимовъ, украшенный по угламъ парчевыми золотыми кистями. По стѣнамъ въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи висѣли въ рядъ, небольшой величины, но разныя по своей формѣ зеркала, въ бронзовыхъ, золоченыхъ рамахъ; круглыя, овальныя, многоугольныя и квадратныя, на подобіе звѣзды и полулунія. Зеркала эти были единственнымъ украшеніемъ; ни лампъ, ни стеклянной посуды, какъ во дворцѣ сардаря,—здѣсь не было, что, конечно, могло только усилить пріятное впечатлѣніе, производимое своеобразнымъ видомъ комнатъ.

Пройдя эту комнату, компанія очутилась въ слѣдующей, гораздо меньшей по величинѣ, но еще болѣе оригинальной. Комната эта была овальной, на подобіе башенки, съ круглыми окнами, помѣщавшимися подъ куполообразнымъ потолкомъ. Потолокъ, ярко-бѣлаго цвѣта, былъ окаймленъ пестрымъ широкимъ бордюромъ.

Что-же касается стѣнъ, то разрисовка ихъ сразу привлекала всеобщее вниманіе. Не надобно было быть знатокомъ, чтобы понять, насколько работа была художественна. Ниж-

ная часть стѣны, отъ пола на вышину человѣческаго пояса, была искусно раскрашена подъ малахитъ, выше-же фонъ былъ блѣдно бирюзовый и по этому фону тянулись, прихотливо завиваясь и переплетаясь между собой, густыя гирлянды цвѣтовъ, перемѣшанныя съ виноградными гроздьями и разными другими фруктами. Приблизительно черезъ аршинъ разстоянія, гирлянды эти образовывали красивыя, овальной формы рамы, въ которыхъ была нарисована одна и та-же женская головка, хся и въ разныхъ видахъ, то прямо, то въ полуоборотѣ въ ту или другую сторону. Головка эта изображала красивую молодую женщину съ восточнымъ типомъ лица и густыми, распущенными по плечамъ волосами, которые только одни и служили ей одѣяніемъ. Впрочемъ, кромѣ глазъ, губъ и носа, остальное все было недодѣлано и какъ-бы слегка только намѣчено.

— Какой оригинальный и въ то-же время странный рисунокъ!—воскликнула Лидія, внимательно разглядывая изображеніе женской головки.

— А вы не обратили вниманія,—сказалъ Воиновъ,—что въ одномъ мѣстѣ стѣна осталась не разрисованной, и просто-на-просто грубо закрашена зеленой краской.

— Ахъ и въ самомъ дѣлѣ, смотрите, какое безобразіе!—возмутилась Лидія.—Точно здѣсь когда-то была дверь, ее въсплѣдствіи задѣлали и замазали зеленой краской. Удивительный народъ эти персы! Отсутствіе пониманія всякаго изящества. Ну, можно-ли оставлять подобное пятно, рядомъ съ такимъ художественнымъ рисункомъ?

— Это пятно, какъ вы называете, сдѣлано нарочно и имѣетъ свою исторію,—вмѣшался Муртузь-ага,—если хотите, я разскажу вамъ ее.

— Ахъ, пожалуйста! Мы очень рады будемъ послушать!



## Исторія одной стѣны.

Вы не смотрите, господа, — началъ Муртузъ, — на то, что краски на этихъ рисункахъ такъ живы и ярки; рисоваль ихъ хорошій мастеръ, потому они, должно быть, такъ и сохранились, несмотря на пятьдесятъ лѣтъ, пролетѣвшихъ съ той поры, какъ эта комната была отдѣлана.

Когда построень этотъ дворецъ — въ точности никто не знаетъ, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе ста лѣтъ; но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, бывшій владѣлецъ его, отецъ Халиль-хана, Юзуфъ-ханъ, вздумалъ капитально его отремонтировать. — На это у хана были свои причины, о которыхъ я сообщу вамъ послѣ, а теперь пока скажу нѣсколько словъ о Юзуфъ-ханѣ. Это былъ человѣкъ страшно жестокий и неумолимый. Когда кто-нибудь изъ подданныхъ Юзуфъ-хана имѣлъ несчастіе его разсердить, то не только самому провинившемуся но и всему его семейству не было пощады. Въ Суджѣ до сихъ поръ разсказываютъ, какъ Юзуфъ-ханъ приказывалъ сбрасывать со скалы въ пропасть ни въ чемъ неповинныхъ женъ и дѣтей осужденныхъ имъ на смерть нукеровъ, при чемъ грудныхъ младенцевъ привязывали на шею матерямъ, и въ такомъ видѣ сталкивали внизъ. Съ другими ханами своими родственниками, Юзуфъ-ханъ не знался, никогда ни къ кому изъ нихъ не ходилъ и къ себѣ не звалъ. Особенно ненавидѣлъ онъ своего родного брата, знаменитаго сардаря Чингизъ-хана, отца теперешняго сардаря

Хайларь-хана, но Чингизь-ханъ былъ самъ человекъ очень суровый и потому, ненавидя его всей душой, Юзуфь-ханъ, тѣмъ не менѣе, не смѣлъ явно высказывать своей вражды къ могущественному владыкѣ. Къ довершенію всего Юзуфь-ханъ, несмотря на свое огромное богатство, былъ чрезвычайно скупъ; скупость его не имѣла границъ, о ней со смѣхомъ рассказывали на базарахъ, а потому все были поражены, когда въ одинъ прекрасный день, Юзуфь-ханъ выказалъ при одномъ случаѣ небывалую щедрость.

Случай этотъ былъ слѣдующій.

Однажды курды, послѣ своего набѣга на русскую границу, привезли на базаръ, для продажи, въ числѣ прочаго награбленнаго добра, молодую дѣвушку поразительной красоты. Гдѣ и какъ они ее добыли, курды, по своему обыкновенію, никому не рассказывали, да по всей вѣроятности, никто ихъ объ этомъ и не разспрашивалъ, говорили только, что плѣнница по происхожденію своему была армянка.

Когда вѣсть о появленіи на базарѣ такого рѣдкостнаго товара облетѣла все населеніе, къ курдамъ явилось множество покупателей изъ числа хановъ и богатыхъ бековъ, но разбойники заломили такую баснословную цѣну, что никто не рѣшался заплатить столько, хотя многимъ плѣнница чрезвычайно нравилась. Она стояла, потупя голову, полуобнаженная, съ волосами, ниспадавшими ей почти до пятъ, съ стыдливымъ румянцемъ на щекахъ, и заплаканными грустными глазами. Красота ея была настолько ослѣпительна, что одинъ изъ хановъ уже готовъ былъ уплатить требуемую курдами сумму и пошелъ за деньгами, но въ это время на базарѣ появился Юзуфь-ханъ. Въ то время ему было больше шестидесяти лѣтъ, но онъ еще былъ бодрый и сильный, хотя уже и совсѣмъ сѣдой старикъ.

Увидя его, кто-то изъ присутствовавшихъ молодыхъ хановъ со смѣхомъ закричалъ ему:

— Юзуфь-ханъ, купи себѣ красавицу, Ты у насъ самый богатый, и то, что другимъ не по карману — для тебя пустяки!



Никто изъ насъ не въ состояніи заплатить курдамъ столько, сколько они хотятъ!

— А сколько ты за нее хочешь? — не взглянувъ на говорившаго ханка, спросилъ Юзуфъ-ханъ, обращаясь къ предводителю шайки. Тотъ сказалъ свою цѣну. Юзуфъ-ханъ нѣсколько минутъ молча въ раздумьи разглядывалъ замершую передъ нимъ отъ страха красавицу, и вдругъ глаза его вспыхнули, какъ у волка, и на лицѣ появилась легкая краска волненія. Онъ взялъ красавицу за руку и грубо дернулъ ее къ себѣ.

— Согласенъ! — угрюмо сказалъ онъ курду. — Хотя ты просишь черезчуръ дорого, но пусть будетъ по твоему. Веди ее ко мнѣ во дворецъ и тамъ получишь деньги!

Прошло около года. О купленной Юзуфъ-ханомъ плѣнницѣ давно всѣ забыли, и никто ею не интересовался. Она жила въ домѣ своего повелителя за толстыми стѣнами и дальше сада нигдѣ не появлялась. Что она испытывала, и какова была ея жизнь — никто не зналъ, и никому до этого не было дѣла, но, принимая во вниманіе злой характеръ Юзуфъ-хана, его старость и скупость, можно съ увѣренностью сказать, что житье бѣдной рабыни было нерадостное.

Вдругъ по селенію разнеслась удивившая всѣхъ новость: скупой и угрюмый Юзуфъ-ханъ, упорно не соглашавшійся дотолѣ перемѣнить подгнившей балки, подправить обвалившійся уголъ наружной стѣны, ни съ того, ни съ сего неожиданно пожелалъ приступить къ общей передѣлкѣ своего стараго, медленно разрушавшагося дворца. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить, но вскорѣ слухъ вполне оправдался. Появились вызванные изъ Россіи и Турціи мастера: печники, штукатуры, плотники; изъ принадлежащихъ хану селеній съгонялись простые рабочіе. Закипѣла лихорадочно-торопливая работа.

Старыя стѣны разламывались, и на ихъ мѣстѣ воздвигались новыя; маленькія и тѣсныя помѣщенія расширялись и надстраивались; гнилыя, ветхія рамы и двери замѣнялись

другими, — словомъ, весь дворець принималъ совершенно другою, болѣе роскошный видъ.

Между приглашенными изъ Россіи мастерами былъ одинъ, обязанность котораго была разукрасить стѣны дворца живописью. Это былъ молодой человекъ, армянинъ, державшій себя весьма независимо, не какъ какой-нибудь бѣднякъ мастеровой, а скорѣе, какъ настоящій господинъ. По мѣрѣ того какъ комнаты отдѣльвались, онъ принимался ихъ расписывать. Первой онъ разрисовалъ большую комнату, рядомъ съ прихожей, а затѣмъ приступилъ вотъ къ этой, гдѣ мы сейчасъ находимся. Ханъ оказался большимъ любителемъ живописи и цѣлыми часами просиживалъ на одномъ мѣстѣ, глядя на работу художника. Его занимало слѣдить, какъ на гладкой, загрунтованной стѣнѣ подъ ударами кисти, постепенно одинъ за другимъ рождались все новые и новые узоры, одинъ причудливѣе другого; какъ они ярко расцвѣтали, покрывались позолотой, получали живость и законченность. Раза два онъ самъ бралъ въ руки кисть и пробовалъ проводить ею по стѣнѣ, но разумѣется у него ничего не выходило, кромѣ грязныхъ, уродливыхъ пятенъ. При видѣ такихъ попытокъ со стороны старика, художникъ весело смѣялся и начиналъ рассказывать ему о томъ, какъ люди учатся искусству живописи. Какъ и все армяне, онъ хорошо говорилъ по татарски, и ханъ охотно слушалъ его болтовню. Въ первый разъ въ жизни въ суровомъ, свирѣпомъ старикѣ шевельнулось нѣчто похожее на расположеніе къ другому человеку; оставаясь съ глазу на глазъ съ молодымъ живописцемъ, онъ переставалъ хмуриться, лицо его прояснялось, и голосъ звучалъ не такъ строго. Въ одну изъ хорошихъ минутъ онъ, должно быть, рассказалъ своей плѣнницѣ о художникѣ, и та стала просить старика, дозволить и ей посмотрѣть, какъ онъ рисуетъ. Юзуфъ-ханъ по своему, очевидно, сильно любилъ молодую женщину, ради нея и дворець началъ перестраивать, а потому не могъ отказать ей въ ея просьбѣ.



Съ тѣхъ поръ каждый день, когда ханъ являлся въ комнату, гдѣ работалъ художникъ, вмѣстѣ съ нимъ приходила и плѣнница, закутанная съ ногъ до головы въ густую чадру. Она садилась подлѣ хана и сидѣла молча и неподвижно. Сначала ревнивый ханъ украдкой, подозрительно поглядывалъ то на того, то на другого, но убѣдившись, что ни его плѣнница, ни художникъ не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки завязать между собой знакомства, успокоился.

На первыхъ порахъ, художникъ дѣйствительно не обращалъ никакого вниманія на закутанную фигуру женщины, которую принялъ за одну изъ женъ хана, но однажды, провозжая глазами удалившагося хана и его спутницу, онъ увидѣлъ, какъ та незамѣтно бросила на полъ плотно скомканную бумажку, подкатившуюся ему подъ ноги. Развернувъ ее, онъ къ большому изумленію прочелъ:

«Я, какъ и ты, армянка; зовутъ меня Зара Унаньянцъ, курды похитили меня и продали въ Суджу здѣшнему хану. Мнѣ очень худо. Спаси меня. Отецъ мой очень богатъ, и если ты отвезешь меня къ нему, онъ озолотитъ тебя. Я уговорила хана перестроить дворецъ, въ надеждѣ, что между мастерами будутъ, навѣрно, армяне, и мнѣ удастся переговорить съ которымъ-нибудь изъ нихъ. Еще разъ умоляю—помоги!»

Прочитавъ эту записку, художникъ сильно взволновался. Хотя лично онъ не былъ знакомъ со старымъ Унаньянцемъ, но много слышалъ о дивной красотѣ его дочери и о таинственномъ ея исчезновеніи.

Она была похищена на большой дорогѣ, когда ѣхала съ своимъ дядей въ гости къ родственникамъ матери. Въ кругу родныхъ и знакомыхъ ее давно считали умершей.

Когда на другой день Юзуфъ-ханъ снова появился, въ сопровожденіи Зары, художникъ, рисуя замысловатую арабеску, написалъ на стѣнѣ:

«Я весь къ вашимъ услугамъ, надо только обдумать!»

Ханъ, разумѣется, по армянски не зналъ, а потому, не-



Армянинъ художникъ.

смотря на то, что глядѣль во всё глаза, не понялъ разрисованныхъ художникомъ завитушекъ и черточекъ, которыя были ничто иное, какъ слова, понятныя для его плѣнницы.

Въ ту минуту, когда старикъ особенно внимательно углубился въ разглядываніе рисунка, Зара быстрымъ движеніемъ на мгновенье распахнула чадру и глазамъ художника предстало дивное личико, съ большими грустными глазами. Когда молодой человекъ остался одинъ, онъ началъ въ волненіи прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ, вызывая въ своемъ умѣ образъ молодой женщины. Потомъ онъ снова взялся за кисти и осторожно сталъ набрасывать на память мгновенно промелькнувшія передъ нимъ черты красавицы. Тогда-то ему и пришла мысль помѣстить между гирляндами головку, которую вы видите. Это было очень смѣло и могло возбудить подозрѣніе хана, но молодой человекъ не могъ преодолѣть своего художественнаго увлеченія. Чтобы нѣсколько замаскировать сходство рисуемой имъ головки съ Зарой, онъ измѣнилъ ей прическу, и все лицо оставилъ недодѣланнымъ, закончивъ только глаза, губы и носъ. Юзуфъ-ханъ ничего не понялъ, но красавица сразу узнала себя. Сначала она страшно испугалась, но видя, что ханъ ничего не замѣчаетъ, успокоилась и при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшила распахнуть чадру и показать живо-



писцу свое красивое личико, чтобы онъ могъ лучше запечатлѣть его въ своей памяти.

Съ этого времени между молодыми людьми установилась правильная переписка. Приходя въ комнату, Зара всегда садилась на одно и то-же мѣсто и, опускаясь на коверъ, незамѣтно подымала одну изъ множества валявшихся повсюду бумажекъ, о которыя художникъ во время работы обтиралъ кисти. Надо ли прибавлять, что эти бумажки содержали въ себѣ посланіе художника плѣнницѣ, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о томъ, что онъ предпринимаетъ для достиженія успѣха въ намѣченной имъ цѣли, спасти ее изъ неволи Юзуфъ-хана. Въ свою очередь, когда молодая женщина удалялась, художникъ всякій разъ находилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла—скомканную въ комочекъ бумажку съ нѣсколькими нацарапанными на ней словами. Юзуфъ-ханъ по прежнему ничего не видѣлъ и не подозрѣвалъ. Выдумка художника изобразить на стѣнахъ медальоны съ женской головой ему чрезвычайно понравилась, онъ только пожелалъ, чтобы художникъ не довольствовался верхнимъ контуромъ плечъ, а рисовалъ и грудь, почти до пояса.

Чтобы его задобрить, художникъ охотно исполнилъ его желаніе, почему, какъ вы сами видите, нѣкоторыя фигуры не отличаются особой скромностью.

## З а м у р а в л е н н ы я .

Работа по разрисовкѣ комнаты подходила къ концу; подходила къ концу и другая работа—по подготовкѣ всего нужнаго къ побѣгу. Оставалось сдѣлать только послѣдній, главный и самый опасный шагъ—устранить старика и похитить плѣнницу. Задача эта казалась невыполнимой, но художникъ, очевидно, былъ человекъ смѣлый и рѣшительный, и вотъ, однажды, когда Юстуфъ-ханъ, въ сопровожденіи Зары, по обыкновенію пришелъ къ художнику, тотъ, низко кланяясь, поманилъ его къ себѣ, желая, очевидно, показать что-то интересное, но въ ту минуту, когда старый ханъ углубился въ разсматриваніе данной ему въ руки художникомъ картинки, послѣдній, сдѣлавъ шагъ назадъ, незамѣтно вытащилъ изъ-за рукава острый, кривой сбичакъ \*) и однимъ мѣткимъ и ловкимъ ударомъ перехватилъ ему глотку. Ударъ былъ такъ силенъ, что ханъ не успѣлъ даже вскрикнуть и, какъ прирѣзанный баранъ, повалился на землю. Наступивъ ему колѣномъ на грудь, художникъ другимъ ударомъ почти отдѣлилъ ему голову отъ туловища, послѣ чего, вытащивъ изъ угла мѣшокъ, бросилъ его Зарѣ. Въ этомъ мѣшкѣ были припасены старая армянская черкеска, шаровары, чуваки и огромная косматая папаха, длинная курчавая шерсть которой доходила чуть не до плечъ. Сбросивъ чадру и лишнюю одежду, Зара быстро пере-

\*) Сбичакъ—особенной формы ножъ, носимый армянами въ рукавъ черкески или въ голенищахъ сапогъ.



одѣлась, и оба вышли черезъ противоположныя двери на дворъ, предварительно заперевъ другія снутри на крючекъ. Промыгнувъ незамѣченными черезъ садъ, они перелѣзли стѣну и очутились въ глухомъ переулкѣ между садами. Здѣсь ихъ ждалъ сообщникъ, тоже армянинъ, изъ числа рабочихъ, съ двумя лошадьми въ поводу. Вскочивъ на сѣдла, бѣглецы осторожно спустились внизъ по крутому обрыву, переѣхали вбродъ протекавшую внизу горную быстрюю рѣчку и пустили лошадей вскачь. Такъ какъ русская граница была гораздо дальше, и дорога къ ней шла открытой степью, мимо многихъ селеній, то художникъ, составляя планъ побѣга, рѣшилъ направиться въ Турцію, путь въ которую лежалъ по горнымъ глухимъ тропинкамъ, гдѣ они легко могли избѣгнуть всякихъ встрѣчъ.

Попасть же изъ Турціи въ Россію не представляло никакого труда.

Давая время отъ времени лошадямъ перевести духъ, бѣглецы снова пускали ихъ вскачь, и съ каждой минутой турецкая граница, а за ней и спасеніе, становилась къ нимъ все ближе и ближе.

Тѣмъ временемъ наступила ночь. Все разсчитавъ, все предусмотрѣвъ смѣлый художникъ, обдумывая планъ побѣга, но не принявъ во вниманіе одного—это кромѣшной тьмы, которая наступаетъ въ горахъ ночью. Какъ бы ни была темна ночь на равнинѣ, но хоть что-нибудь да можно различить, въ горахъ же въ безлунную ночь темно, какъ въ могилѣ. Не видать ушей лошади, на которой сидишь, «не чувствуешь своихъ собственныхъ глазъ» какъ говорятъ татары. Самое лучшее было бы путникамъ укрыться гдѣ-нибудь въ пещерѣ и дождаться появленія луны; тогда бы они навѣрно спаслись, но страхъ погони помутилъ ихъ разумъ, и они сдѣлали непростительную ошибку, двинувшись дальше. Хотя художникъ, нарочно нѣсколько разъ съѣздившій передъ этимъ въ Турцію, для лучшаго ознакомленія съ мѣстностью, прекрасно изучилъ дорогу, но въ такую

темноту не сбиться съ пути можно было только благодаря счастливому случаю. На ихъ бѣду счастье отвернулось отъ нихъ. Проѣхавъ порядочное разстояніе, молодой армянинъ съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ заблудился. Открытіе это, должно быть, окончательно сбило ихъ съ толку, и они принялись безразсудно метаться по горамъ, то въ ту, то въ другую сторону. Это было самое худшее, что они могли сдѣлать. Въмѣсто того, чтобы беречь своихъ лошадей, они напрасно утомляли ихъ, и когда, наконецъ, взошла луна, то оба съ ужасомъ увидѣли себя въ болѣе далекомъ разстояніи отъ турецкой границы, чѣмъ то, гдѣ ихъ застала ночь; къ тому же лошади ихъ совершенно выбились изъ силъ и еле волочили ноги.

Давъ имъ немного отдохнуть, бѣглецы снова погнали ихъ впередъ, но поднявшись на одну изъ вершинъ и оглянувшись назадъ, съ отчаяніемъ увидѣли большую толпу курдовъ, подобно стаѣ борзыхъ собакъ, несшихся по ихъ слѣдамъ. Это была погоня. Къ счастью, до турецкой границы было уже недалеко теперь: все спасеніе зависѣло отъ того, насколько великъ запасъ силъ, остававшійся у ихъ лошадей.

Началась скачка на жизнь и смерть.

Вотъ и граница. Добѣжавъ изъ послѣднихъ силъ до вершины горы, лошади бѣглецовъ остановились, не будучи въ состояніи сдѣлать хотя-бы одинъ шагъ далѣе; впрочемъ, теперь онѣ уже были больше не нужны. Съ этого мѣста шелъ крутой спускъ внизъ, по которому гораздо удобнѣе было сбѣжать, чѣмъ съѣзжать верхомъ, а потому наши бѣглецы, не теряя времени, соскочили съ лошадей и пустились, сломя голову, внизъ. Курды тѣмъ временемъ только взбирались по противоположной крутизѣ, а потому бѣглецы успѣли значительно опередить ихъ. Сбѣгая внизъ, художникъ, къ большой своей радости, увидѣлъ издали небольшую глиняную караулку, а подлѣ нея нѣсколько человѣкъ турецкихъ аскеровъ\*), на покровительство которыхъ онъ могъ

\*) Аскеръ—регулярный солдатъ.



вполнѣ разсчитывать, разъ-бы объяснилъ имъ, съ при-  
свокупленіемъ хорошаго бѣшкеша, что состоитъ въ русскомъ  
подданствѣ и подлежитъ отправкѣ въ Россію.

Въ ту минуту, когда бѣглецы были недалеко отъ турокъ,  
курды, взобравшись на вершину, быстро въ разсыпную стали  
спускаться внизъ. Увидя это, турецкіе солдаты, которыхъ  
было человѣкъ десять, встрепенулись и по приказанію  
начальствовавшаго ими пожилого унтеръ-офицера, быстро  
стали заряжать ружья.

Увидя враждебное движеніе турокъ, очевидно, съ ору-  
жіемъ въ рукахъ готовившихся не допускать нарушенія  
своей границы, курды тотчасъ-же остановились, сблизь въ  
кучу и рысью отбѣхали назадъ.

Художникъ и Зара, наблюдавшіе за всеѣмъ происходя-  
щимъ изъ окна караулки, куда они пробѣжали, повинувъсь  
молчаливому указанію турецкаго унтеръ-офицера, вздохнули  
свободно. Всякая опасность миновала; хотя курдовъ было  
втрое больше, но они никогда-бы не осмѣлились напасть на  
солдатъ регулярныхъ турецкихъ войскъ, разтѣрѣвши серьезно  
защитать отдавшихъсь подъ ихъ покровительство бѣглецовъ.

Нѣсколько минутъ стояли оба отряда одинъ противъ  
другого, взаимно наблюдая другъ друга, какъ вдругъ со  
стороны курдовъ выдѣлился одинъ всадникъ,—это былъ  
старшій сынъ Юзуфъ-хана, нынѣшній владѣтель дворца,—  
Халиль-ханъ; тогда ему было двадцать лѣтъ, не больше.

Махая туркамъ рукой, чтобы они не стрѣляли, онъ смѣло  
подекакалъ къ стоявшему впереди всеѣхъ унтеръ-офицеру.

Стоя у окна, Зара и художникъ внимательно и съ возра-  
стающимъ безпокойствомъ глядѣли, какъ между туркомъ и  
молодымъ ханомъ завязалась оживленная бесѣда. Оба сильно  
жестикувировали, часто оборачиваясь лицомъ къ сторожкѣ  
и указывая на нее руками.

Страшное подозрѣніе закралось въ душу художника.

— Проклятые!—закричалъ онъ вдругъ, въ безсильномъ,  
яростномъ отчаяніи,—Они насъ, кажется, продаютъ!

Онъ не ошибся. Молодой ханъ, дѣйствительно, предложилъ турку порядочную сумму денегъ за выдачу бѣглецовъ. Хитрый старикъ сначала долго не соглашался, но когда ханъ удвоилъ предложенную въ началѣ сумму—онъ, наконецъ, согласился.

— Конечно, если-бы они не убили мусульманина,—я бы ихъ вамъ ни за что не выдалъ,—философствовалъ турокъ, пересчитывая полученные имъ деньги,—но разъ проклятые гяуры осмѣлились нечестивыми своими руками зарѣзать правовѣрнаго, хотя-бы и шита \*), они подлежатъ тяжелой карѣ. Берите ихъ и дѣлайте съ ними, что хотите, во славу Аллаха. Эй! — обратился онъ къ своимъ солдатамъ,—вытащите этихъ двухъ негодяевъ и отдайте молодому хану, который такъ милостивъ, что подарилъ намъ пѣлую горсть монеть. Да будетъ прославлено его имя!

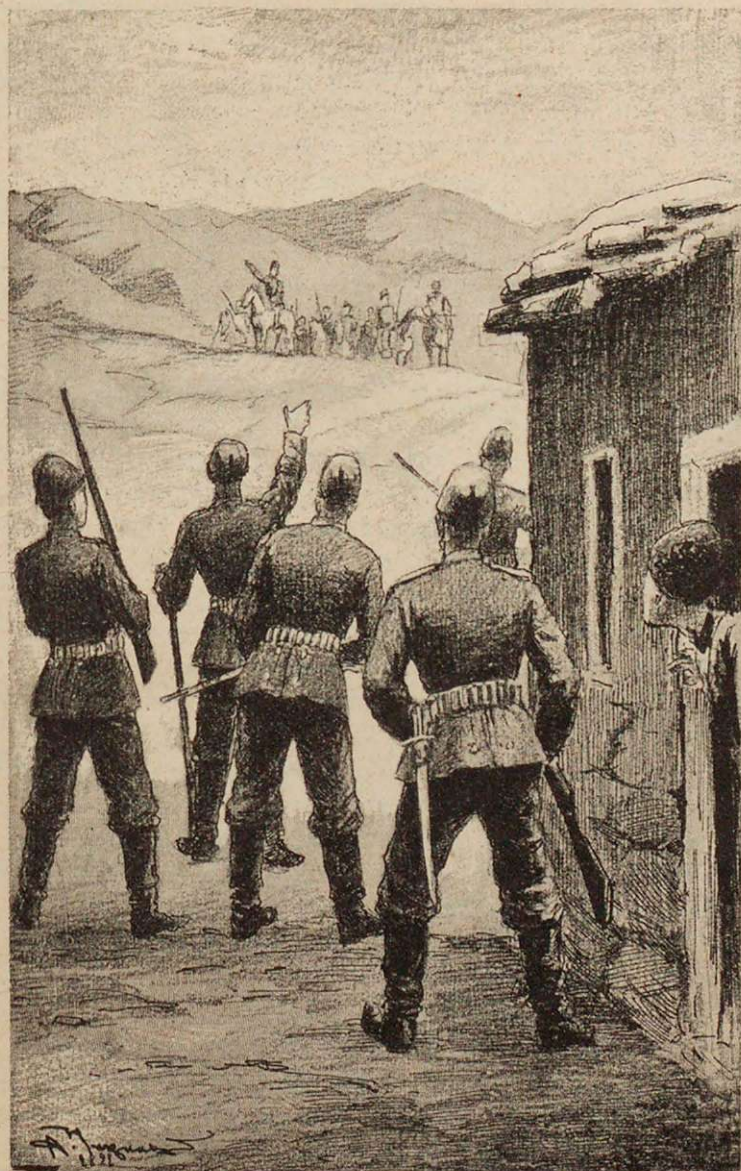
Турки не заставили повторять приказанія, и черезъ минуту художникъ и Зара уже бились въ сильныхъ рукахъ курдовъ. Напрасно молодой человекъ кричалъ, что онъ русскій подданный, и что за выдачу его они отвѣтятъ передъ русскимъ правительствомъ, турки оставались глухи къ его воплямъ, нисколько не опасаясь его угрозъ, отлично понимая, что персы его живого не выпустятъ, стало быть, и жаловаться онъ уже не будетъ.

Въ тотъ-же день къ вечеру художникъ и Зара снова очутились въ той самой комнатѣ, гдѣ они сговаривались совершить побѣгъ и откуда такъ неудачно бѣжали, обагривъ ее кровью стараго Юзуфъ-хана.

— Пусть эта комната, гдѣ ты замыслилъ свое злое дѣло,—сказалъ Халиль-ханъ художнику,—послужитъ тебѣ и ей,—онъ указалъ на Зару,—могилой. Смотри: одинъ кусокъ стѣны тобой еще не разрисованъ, пусть-же, вмѣсто твоего рисунка, ляжетъ туда твое тѣло!

\*) Персы—шиты, турки—сунниты. Въ обыкновенное время непримиримая ненависть шитовъ къ суннитамъ и обратно—такъ велика, что превосходитъ ненависть каждой изъ этихъ враждебныхъ другъ другу религіозныхъ сектъ къ христіанамъ.





„Юсуфъ-ханъ махнулъ рукой турецкимъ аскерамъ, чтобы тѣ не стрѣляли“...

По приказанію хана, пришедшіе рабочіе живо разобрали часть стѣны настолько, чтобы въ образовавшееся углубленіе можно было помѣстить стоящаго во весь ростъ человѣка. Когда все было готово, съ художника и Зары сняли всю одежду, скрутили ихъ веревками и вставивъ въ стѣну, заложили кирпичами, а сверху обмазали стѣну известью.

Такъ погибли эти двое несчастныхъ, и никто никогда не узналъ объ ихъ судьбѣ.

— Неужели они еще до сихъ поръ въ стѣнѣ? — прошептала Лидія, съ ужасомъ оглядываясь на зеленый четырехугольникъ.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ Муртузъ,—лѣтъ десять тому назадъ, когда Халиль-ханъ уступилъ эту половину дворца своему сыну Мехти-хану, тотъ приказалъ сломать стѣну, вынуть оттуда кости замурованныхъ и выбросить ихъ вонъ. Послѣ этого стѣну снова задѣлали и покрасили ее пока зеленой краской, а осенью обѣщавъ пріѣхать одинъ мастеръ, чтобы зарисовать это мѣсто, на подобіе прочихъ стѣнъ, такими-же гирляндами и цвѣтами. Не знаю только, удастся-ли этому художнику нарисовать такъ-же хорошо, какъ нарисовалъ его предшественникъ, нашедшій въ этой комнатѣ свою могилу!

— Откуда вы знаете всѣ эти подробности, точно сами присутствовали тамъ?—спросила Ольга Оскаровна.

— Мнѣ объ этой исторіи подробно рассказывалъ самъ Халиль-ханъ. Онъ тогда-же подвергъ допросу всѣхъ армянъ-рабочихъ, и тѣ сообщили ему все, что сами знали, а извѣстно имъ было многое, такъ какъ молодой художникъ рассказывалъ имъ обо всемъ самъ.

— А рабочимъ ничего не сдѣлали?

— Нѣтъ. Когда они окончили отдѣлку дворца, ихъ отпустили съ мпромъ; только одного, кто помогалъ бѣглецамъ, задержали во дворцѣ хана еще на годъ, но затѣмъ и тотъ былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны. Халиль-ханъ былъ не въ отца: тотъ-бы не пощадилъ никого!



— Ужасная исторія!—нервно потеревъ рукою лобъ, произнесла Лидія.—Ну, ужъ и страна-же; ваша Персія!—Тутъ каждый камень кажется свидѣтелемъ какого-нибудь убійства!.. Я уже устала ходить и хочу вернуться въ свою комнату отдохнуть немного!

— И я тоже!—поддержала сестру Ольга Оскаровна. Вся компанія двинулась обратно.

Однако, отдохнуть ни Лидіи, ни Ольгѣ не удалось. Только что онѣ вернулись, какъ явился посланецъ съ докладомъ, что мать и жена Хайларъ-хана очень желаютъ видѣть русскихъ барынь.

Отказаться было неловко и пришлось идти на женскую половину.

## Х а н ш и.

Въ противоположность своему болѣзненному, худощавому мужу, жена Хайларь-хана, Изаргаль-ханумъ—была высокая, тучная, дебелая молодая женщина, которая могла-бы назваться красивой, если-бы не дурной обычай знатныхъ мусульманокъ безобразно бѣлить и румянить щеки, разрисовывать брови и подводить глаза, отчего самое красивое женское лицо напоминаетъ маску клоуна.

Костюмъ Изаргаль-ханумъ былъ богатъ, но крайне безвкусенъ. Вокругъ бедеръ, обвисая спереди, было надѣто нѣсколько шелковыхъ, короткихъ до колѣнъ юбокъ, одна поверхъ другой, придававшихъ татаркѣ видъ балерины. Бѣлая кисейная рубаха, затканная мишурой, была такъ коротка, что едва доходила до талии, такъ что между подоломъ ея и поясомъ юбки обнажалось тѣло. Поверхъ рубахи была надѣта алая бархатная кофточка, вся расшитая золотомъ, съ прорѣзами на бокахъ и кармашками, гдѣ лежали зеркала, притирания и амулеты. Обнаженные ноги были обуты въ коротенькіе, доходящіе до щиколотки джурпки\*), связанные изъ шелковыхъ оческовъ. Волосы заплетены въ безчисленное множество косичекъ, висѣвшихъ со всѣхъ сторонъ, какъ черныя змѣи.

На головѣ красовалась небольшая круглешковая бархатная, расшитая золотомъ и украшенная бирюзой, шапочка, по-

\*) Чулки.



верхъ которой былъ укрѣпленъ, идущимъ отъ шеи по подбородку ожерельемъ, кусокъ кисей. На обнаженной груди, на шеѣ, на головѣ болтались и звенѣли повѣшенныя въ нѣсколько рядовъ золотыя монеты и жемчужныя нити. Въ ушахъ сверкали большія брилліантовыя серьги; руки почти отъ плеча были унизаны золотыми браслетами, а пальцы не сгибались отъ множества колець, покрывавшихъ ихъ сплошь до ногтей, выкрашенныхъ въ желтую краску.

Мать Хайларъ-хана, одѣтая такъ-же, какъ и ея невѣстка, была уже старуха лѣтъ за пятьдесятъ и выглядѣла совершенною дурочкой. Она безсмысленно таращила свои выпуклые сѣрые глаза и поводила головой, какъ механическая кукла. Ея раскрашенное, какъ у арлекина, лицо ничего не выражало кромѣ тупого пресыщенія и непоумѣрной чванности. Своимъ неподвижнымъ лицомъ, вщученными глазами и величественно расплывшейся фигурой она напоминала китайскаго божка. На учтивый поклонъ Лидіи и Ольги старуха не сочла нужнымъ отвѣтить хотя-бы кивкомъ головы и съ идиотическою безцеремонностью во всѣ глаза принялась ихъ разглядывать. За то Изаргель-ханумъ оказалась въ высшей степени любезной. Съ веселой улыбкой, жестомъ руки она пригласила ихъ занять мѣсто подлѣ себя, подсунула имъ подъ локоть мягкую мутаку и тутъ-же принялась быстро и весело что-то имъ сообщать, но вида, по ихъ недоумѣвающимъ лицамъ, что онѣ ее не понимаютъ, ханша добродушно разсмѣялась.

— Кэрошъ, кэрошъ, ха, кэрошъ!—нѣсколько разъ повторила она, вся такъ и колыхаясь отъ хохота.

Глядя на ея непринужденную веселость, Лидія и Ольга невольно тоже улыбнулись. Въ это время служанка, очень хорошенькая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, внесла на большомъ подносѣ крошечныя чашечки кофе и безчисленное множество хрустальныхъ блюдецекъ съ вареньемъ.

— Праашо!—нараспѣвъ произнесла Изаргель-ханумъ и снова неудержимо расхохоталась.

Лидіи положительно начинала нравиться эта веселая жизнерадостная толстуха, показавшаяся ей очень доброй, но случившееся вскорѣ происшествіе сразу вывело молодую дѣвушку изъ ея заблужденія, представивъ въ настоящемъ свѣтѣ кажущееся добродушіе ханши. Когда кофе былъ выпить, убрать пустую посуду вошла другая дѣвушка, постарше первой, съ блѣднымъ, грустнымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Молча составивъ чашки и блюдечки изъ подъ варенья на поднось, она направилась къ выходу; но, подстрекаемая любопытствомъ, уже у самыхъ дверей еще разъ оглянулась на странныхъ, невиданныхъ ею русскихъ женщинъ. Она такъ засмотрѣлась на нихъ, что не замѣтила подвернувшейся ей подъ ноги подушки, споткнулась на нее и чуть не упала, при чемъ одна изъ чашечекъ покатила на полъ и, ударившись о стѣнку, разбилась.

— Геть-бурда \*)! — самымъ спокойнымъ и добродушнымъ тономъ произнесла Изаргэль-ханумъ. Дѣвочка задрожала всѣмъ тѣломъ, но повиновалась. Продолжая любезно улыбаться и попрежнему что-то рассказывать своимъ гостямъ, Изаргэль-ханумъ, не оглядываясь, неторопливымъ жестомъ вытащила откуда-то длинную булавку съ бирюзовой головкой и, не смотря на дѣвочку, глубоко запустила остріе ей въ бокъ. Дѣвочка вздрогнула и слегка ахнула, но кричать и плакать не посмѣла. Стиснувъ зубы и смигивая наворачнувшися на глаза слезы, она поспѣшила подобрать черепки чашки и проворно шмыгнула изъ комнаты. На Лидію Оскаровну и ея сестру этотъ случай произвелъ непріятное впечатлѣніе, и онѣ поспѣшили распрощаться съ ханшами. Выходя изъ комнаты, Лидія невольно воскликнула:

— Какая мерзость и подлость! А вѣдь какія-нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ такіе-же ужасы творились и у насъ, при крѣпостномъ правѣ!

Когда онѣ вернулись отъ ханшъ къ себѣ въ комнату, онѣ застали тамъ Рожновскаго.

\*) Или сюда.



— Гдѣ вы пропадали?— встрѣтилъ онъ ихъ вопросомъ.— Обѣдать пора. Хайларъ-ханъ прислалъ сказать, что въ виду болѣзни не можетъ обѣдать съ нами за общимъ столомъ и просить простить его. Въмѣсто себя онъ прислалъ своего секретаря Алакперъ-хана и еще какого-то важнаго перса. Ну, идете скорѣе, смертельно ѣсть хочется.

Обѣдъ былъ приготовленъ въ той-же круглой залѣ, гдѣ утромъ пили чай, и состоялъ онъ изъ неизмѣннаго плова, чахартмы, люли-кэбаба, шашлыка, жареныхъ цыплятъ и сладостей, въ видѣ кишмиша, миндаля, леденцовъ, паточныхъ конфетъ и варенья. Всѣ кушанья были разложены по тарелкамъ и разставлены на нѣсколькихъ подносахъ. Гости раздѣлились на группы, и передъ каждой изъ нихъ стояло по подносу съ нѣсколькими сортами кушаній. Приборовъ было мало и то только для русскихъ; татары: Алакперъ-ханъ, Мургузъ и еще третій старикъ ѣли руками съ помощью кусочковъ лаваша, изъ котораго они устраивали родъ лодочекъ и этими лодочками захватывали не только мясо и рисъ, но и соусъ изъ поджареннаго масла съ поджареннымъ въ немъ изюмомъ и разными пряностями.

Лидію очень изумило, что при колоссальномъ богатствѣ Хайларъ-хана, обѣденные приборы были самаго дешеваго сорта: обыкновенныя мельхиоровыя ложки, желѣзные ножи и вилки, съ деревянными черенками. Къ тому-же все это было страшно запущено, изогнуто, измято и поломано. Она не утерпѣла и подѣлилась своими мыслями съ Рожновскимъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, — отвѣтилъ тотъ, — зачѣмъ хану приборы, когда онъ ѣсть руками?

Несмотря на довольно-таки неряшливое приготовленіе, обѣдъ оказался, противъ ожиданія, весьма вкуснымъ; особенно понравился всѣмъ пловъ, сваренный изъ какого-то особеннаго, продолговатаго, крупнаго, молочнаго вкуса, риса.

До обѣда и послѣ него всѣ присутствующіе свершили омовеніе рукъ. Для этой цѣли прислуживавшій у стола мальчикъ принесъ старинный серебряный, чеканный кунганъ

съ теплой душистой водой и богато расшитыя по краямъ золотомъ и шелкомъ полотенца. Послѣ обѣда, ближе къ вечеру, когда жара спала, Воиновъ и Рожновскій, по приглашенію Муртузь-аги, отправились съ визитами къ остальнымъ ханамъ, проживавшимъ въ Суджѣ. Такихъ, кромѣ Халиль-хана, дяди Хайларъ-хана, было четыре человѣка; трое — двоюродные братья Хайлара и одинъ — племянникъ его.

Лидія и Ольга, узнавъ о томъ что всѣ дворцы хановъ построены по одному шаблону, съ тою только разницею, что одни изъ нихъ были богаче, другіе — бѣднѣе, отказались идти «Христа славить», какъ выразилась Лидія, предпочитая остаться дома и отдохнуть. Муртузь-ага посовѣтовалъ имъ вечеромъ выйти въ сардарскій садъ, гдѣ, по его словамъ, бываетъ по вечерамъ очень хорошо.

Онѣ такъ и сдѣлали. Когда солнце начало склоняться къ закату, Лидія и Ольга незамѣтно вышли въ садъ и пошли по крайней густой аллеѣ, мимо высокаго каменнаго забора. Вечеръ былъ прекрасный. Слегка прохладный вѣтерокъ колебалъ чистый, прозрачный воздухъ, насыщенный ароматомъ цвѣтовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Тишина была мертвая; неугомонное пернатое царство, утомившееся дневной суетой, давно уже дремало среди вѣтвей. Только изрѣдка тревожно зачирикаетъ въ густой чащѣ испуганная чѣмъ-нибудь невѣдомая птичка, или завозятся драчливые, неспокойные воробьи, но тотчасъ-же и утихнутъ, и лишь легкой шелестъ листьевъ да унылый, неизвѣстно откуда доносящійся крикъ филина — нарушаютъ глубокую, чарующую тишину...

Ночь наступила, какъ всегда на югѣ, сразу, безъ сумерекъ. Солнце закатилось; на его мѣсто на темносинее, недостижимое, прозрачное небо всплыла яркая луна и озарила таинственно-матовымъ свѣтомъ вершины деревь, прогалины и полянки. Водоемъ посреди сада заблестѣлъ, какъ серебро, а въ струяхъ фонтана засверкали мириады голубо-



ватыхъ огоньковъ. Фантастическія тѣни легли вдоль дорожекъ, поползли по стѣнамъ, пересѣкая одна другую, свиваясь и сплетаясь въ причудливые, гигантскіе узоры. Цвѣты, издававшіе раньше тонкій, ароматическій запахъ, теперь благоухали со всею своею сладострастной мощью; они, казалось, ожили, зашептались между собой, открыли нѣдра своихъ чашечекъ, изъ которыхъ нѣжными, невиданными струйками полился въ природу неотразимый опьяняющій ядъ.

...E voi, o fiori,  
Dall' olezzo sottile,  
Vi faccia tutti aprire,  
La mia man maladetta  
Per voi l'opra d'averuo sia compita.  
Fruite di tendare  
S'il cordi Marghereta \*).

Сколько глубокаго пониманія тайны природы и человѣческой души, въ ихъ постоянномъ взаимодействіи, таится въ этихъ дивныхъ строкахъ.

Нагулявшись до усталости по тѣнистымъ аллеямъ уснувшаго сада, Лидія и Ольга сѣли на ступеньку дворцовой террасы и обѣ задумались. Имъ было какъ-то особенно хорошо, спокойно на душѣ и въ то-же время грустно. Рой неясныхъ воспоминаній, туманныхъ образовъ, обрывки мыслей, цѣлый хаосъ ощущеній всецѣло овладѣлъ ими, убаюкивая и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка раздражая; время утратило свое значеніе: прошлое, настоящее, будущее слилось въ одно представленіе чего-то неяснаго, чего-то когда-то пережитаго.

— Ольга, — прошептала Лидія, мечтательно склоняя свою головку на руку, — мнѣ кажется, будто-бы мы съ тобой когда-то уже переживали эту самую ночь въ такой-же самой обстановкѣ; такая-же свѣтлая, яркая луна, такой-же садъ, такія-же восточныя оригинальныя зданія... Словомъ — все то

\*) А вы, цвѣты съ тонкимъ благоуханіемъ, расцвѣтите пышнѣе подъ моею проклятой рукой, смутите окончательно сердце!..

же, все до мельчайшихъ подробностей. Даже аромать такой же, сладостно-раздражающій, смѣсь разныхъ неопредѣленныхъ запаховъ...

— Можешь себѣ представить—и я ощущаю нѣчто подобное. Глубоко-глубоко, гдѣ-то тамъ въ тайникахъ моей души, вопреки здравому смыслу, таится твердое убѣжденіе въ томъ, будто-бы я когда-то все это видѣла, пережила, почувствовала. Какъ и чѣмъ объяснить это странное ощущеніе?

— Не знаю... Я гдѣ-то читала объ этомъ, но теперь положительно не помню!

Обѣ замолчали и долго сидѣли, озаряемые серебристымъ свѣтомъ луны, убаюкиваемыя дыханіемъ теплой южной ночи.

— Ну, однако, и спать пора!—сказала Ольга.—Пойдемъ, Лидія. Я думаю, уже поздно!

— Иди...—съ отбѣнкомъ легкаго неудовольствія на то, что сестра своими словами нарушила ея созерцательный покой, отвѣтила Лидія.—Мнѣ спать еще не хочется и я посижу еще немного!

— Какъ хочешь, а я иду спать!—сладко зѣвнула Ольга и, поцѣловавъ Лидію въ лобъ, лѣнивымъ шагомъ направилась въ домъ.



## Въ сардарскомъ саду.

Оставшись одна, Лидія поднялась со ступеней террасы и медленнымъ шагомъ пошла по крайней, погруженной въ тѣнь аллеѣ, огибавшей весь садъ.

Отойдя довольно далеко отъ дома, она вдругъ услышала за стѣной легкій шорохъ,—и одновременно съ этимъ чья-то темная фигура проворно и мягко перескочила невысокую въ этомъ мѣстѣ ограду.

Лидія испуганно отшатнулась въ тѣнь кустовъ и замерла съ тревожно бьющимся сердцемъ.

— Простите, пожалуйста, — раздался подлѣ нея тихій знакомый голосъ,—я васъ, кажется, испугаль?

— Ахъ, это вы, Муртузь-ага, — обрадовалась дѣвушка, — а я уже думала, не разбойникъ-ли.

— Ну, разбойникъ сюда не посмѣетъ пробраться; кругомъ дворца стража и всякій, кто-бы вздумалъ прошмыгнуть черезъ ограду, былъ-бы немедленно убитъ.

— А вотъ вы-же перелѣзли и живы...—усмѣхнулась Лидія.

— Я—дѣло другое. Мой домъ рядомъ съ дворцомъ, я перескочилъ сюда изъ своего сада; за этимъ заборомъ въдъ моя земля.

— Ахъ, вотъ что!—произнесла дѣвушка и замолкла. Съ минуту оба хранили молчаніе.

— Страшная ваша страна!—заговорила Лидія, какъ-бы продолжая вслухъ прерванные мысли.—На каждомъ шагу

убійства, жизнь человѣческая нипочемъ, въ каждомъ встрѣчномъ можно предполагать убійцу. Я просто не понимаю, какъ можно жить въ такой странѣ!

При послѣднихъ словахъ молодой дѣвушки неувловимая скорбная тѣнь пробѣжала по лицу Муртузъ-аги.

— Вы насъ не любите...—уныло произнесъ онъ.

— Кого—насъ?—прищурилась Лидія.

— Персіянъ.

— А вы персіянинъ? Полноте, Муртузъ-ага, для чего мы будемъ морочить другъ друга? Вѣдь, вы-же сами сознались мнѣ, что вы не персіянинъ.

— А развѣ для васъ не все равно, кто я такой?—горько усмѣхнулся Муртузъ.

— Если хотите знать правду, не все равно! — горячо заговорила Лидія. — Узнавъ васъ ближе, я убѣдилась, что вы человѣкъ не вполне обыкновенный, въ васъ есть нѣчто, возбуждающее симпатію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вполне ясно вижу, какъ вы глубоко несчастны. Не спорьте, вы несчастны и несчастны давно, навѣрно съ того самаго дня, какъ вы покинули вашу родину, по которой вы тоскуете, хотя тщательно скрываете это. Я не знаю причинъ, заставившихъ васъ бѣжать въ эту дикую страну, но мнѣ почему-то кажется, что какъ-бы эти причины ни были серьезны, онѣ не исключаютъ для васъ возможности вернуться къ прежней жизни. Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь рокового недоразумѣнія, неосновательныхъ опасеній, которыя могли-бы разсѣяться подъ влияніемъ дружескаго участія... Изъ этого видите, что вопросъ идетъ не о простомъ любопытствѣ.

— Отъ всего сердца благодарю васъ!..—взволнованнымъ голосомъ отвѣтил Муртузъ-ага.— Не умѣю сказать, какъ цѣню я ваше участіе ко мнѣ... Да, вы правы, я глубоко, глубоко несчастенъ, съ того самаго дня, когда очутился въ роли безроднаго бродяги. Персія пріютила меня, дала мнѣ нѣкоторое положеніе, дала богатство, но счастья не могла дать. Двадцать лѣтъ я не имѣлъ ни одной счастли-





„Ахъ, это вы, Муртузь-ага,—обрадовалась Лидя,— а я думала не разбойникъ-ли!“...

вой минуты и только сегодня, услыхавъ отъ васъ слово участія, почувствовалъ, что невыразимо счастливъ... первый разъ въ двадцать лѣтъ!.. Къ сожалѣнію, вы ошибаетесь, предполагая, будто въ моей судьбѣ играютъ роль какія-нибудь неосновательныя опасенія. На мое горе—я не заблуждаюсь, говоря о невозможности для меня вернуться на родину... Если-бы мнѣ угрожала только смерть, я-бы, пожалуй, не испугался; бывають минуты, когда мнѣ жизнь въ тягость, и я охотно-бы рискнулъ ею въ надеждѣ на удачный исходъ, но мнѣ грозитъ нѣчто хуже смерти. Долгіе годы заточенія въ далекой, ужасной странѣ, гдѣ солнце почти не свѣтитъ, гдѣ ночь тянется убійственно долго, гдѣ три четверти года лежитъ глубокій, холодный снѣгъ, воють вьюги и волки, и въ этой страшной, особенно для меня—южанина, странѣ я принужденъ буду влачить свое существованіе, окруженный ворами, убійцами, преступниками, подъ постояннымъ опасеніемъ подвергнуться побоямъ отъ руки озлобленныхъ, беспощадныхъ зрителей, подъ угрозой занесенной надъ головою плети!..

Онъ закрылъ глаза руками и по всему его тѣлу пробѣжала нервная дрожь.

— Но кто-же вы такой, наконецъ?—съ ужасомъ, шопотомъ произнесла Лидія, въ волненіи наклоняясь къ самому лицу Муртузь-аги.—Если, по вашему мнѣнію, вамъ угрожаетъ неминуемая каторга, то какое ужасное преступленіе совершено вами?

— Я—убійца... Я убилъ, зарѣзалъ своего доброжелателя, своего лучшаго друга и вмѣстѣ съ тѣмъ начальника... Умоляю, не разспрашивайте больше! Я не могу, не могу ничего больше сказать... Прощайте!

Сказавъ это, Муртузь-ага торопливо направился къ забору и, съ ловкостью кошки перепрыгнувъ его, исчезъ изъ глазъ пораженной дѣвушки.



## Т р е в о г и.

— Лидія, что съ тобой?—съ тревогой въ голосѣ спрашивала Ольга Оскаровна сестру мѣсяцъ спустя послѣ ихъ поѣздки въ Суджу.—Тебя узнать нельзя, ты стала какая-то странная, задумчивая, нервная, раздражительная. Здорова ли ты, мой другъ? Или тебѣ очень скучно у насъ. Но вѣдь первое время тебѣ здѣсь нравилось.

— Ахъ, почему я знаю,—нетерпѣливо тряхнула головой Лидія,—что со мной, вѣрнѣе, что ничего; я здорова, а что у меня на душѣ—я сама не понимаю. Прошу только объ одномъ—не обращать никакого вниманія!

— Легко сказать: не обращать вниманія, когда ты такъ страшно измѣнилась. Похудѣла, поблѣднѣла, можно подумать, что ты влюблена... Впрочемъ, Аркадій Владиміровичъ не на шутку убѣжденъ въ этомъ...

— Въ чемъ въ этомъ?—рѣзкимъ тономъ спросила Лидія.—Въ чемъ убѣжденъ Аркадій Владиміровичъ?

— Въ томъ, что ты влюблена!

— Не въ него-ли?

— То-то и бѣда, что не въ него, а въ Муртузь-агу!

Лидія стремительно вскочила со стула, на которомъ сидѣла. Лицо ея вспыхнуло.

— Вашъ Аркадій Владиміровичъ дуракъ!—гнѣвно сверкнувъ глазами, крикнула она и даже ногой притопнула отъ негодованія.—Передайте ему, чтобы онъ больше не смѣлъ

мнѣ на глаза показываться, довольно наглядѣлась я на его пошлую физіономію, больше не желаю! Такъ и передайте!

— Лидія, опомнись, что съ тобою?—всплеснула руками Ольга.—Ты сумасшедшая, право сумасшедшая. За что ты такъ на бѣднаго Аркадія Владиміровича. Онъ любитъ тебя, на него смотрѣть жалко, весь онъ изстрадался; чѣмъ онъ виноватъ передъ тобою? Вспомни, какъ въ началѣ ты хорошо относилась къ нему, а теперь такая рѣзкая и, главное дѣло, незаслуженная перемѣна... Знаешь, воля твоя, я сестра тебѣ, люблю тебя, но я всецѣло осуждаю твое поведеніе, оно положительно недостойно умной, сердечной дѣвушки, какою я тебя считала до сихъ поръ... Спроси Осипа Петровича, и онъ тебѣ скажетъ, какъ ты виновата передъ Воиновымъ!

— Ну, и пусть!—упрямо произнесла Лидія, отворачиваясь къ окну, и сквозь зубы добавила:—Вотъ еще адвокаты выискались!

Ольга Оскаровна посмотрѣла на сестру и пожала плечами.

— Знаешь, пожалуй, теперь и я готова признать, что ты дѣйствительно равнодушна къ Муртузу, но въ такомъ случаѣ, въ такомъ случаѣ...—Она затруднялась подобрать подходящее выраженіе.

— Что въ такомъ случаѣ?—быстро обернулась Лидія и скрестивъ на груди руки, пристальнымъ взглядомъ поглядѣла въ лицо сестры.

— Въ такомъ случаѣ, это даже не безуміе, а какая-то психопатія, извращенность чувствъ, безнравственность, если хочешь знать!—въ крайнемъ раздраженіи закричала Ольга Оскаровна.—Кто какой Муртузь-ага? Ну, сама подумай, что это за личность. Татаринъ, мусульманинъ... впрочемъ, даже и не татаринъ, а, можетъ быть, бѣглый арестантъ, воръ, убійца или фальшивый монетчикъ. Кто его знаетъ, откуда онъ родомъ и какое у него прошлое!

— Почему-же непременно воръ и фальшивый монетчикъ? — совершенно спокойнымъ тономъ спросила Лидія,



не спуская пристального взгляда съ взволнованнаго лица Ольги.

— Да вѣдь не изъ за добродѣтелей онъ бѣжалъ изъ Россіи, принявъ мусульманство и поселился въ Суджѣ?

— А тебѣ навѣрно извѣстно, что Муртузь-ага изъ Россіи?

— Положимъ, не навѣрно; вѣрнаго о немъ никто ничего не знаетъ, но такъ говорятъ!

— Мало-ли, что говорятъ, а я слышала, будто-бы онъ изъ Турціи!

— Можетъ быть, и изъ Турціи, почему я знаю, во всякомъ случаѣ личность темная; неизвѣстно даже, какой онъ народности: армянинъ, турокъ, грекъ, грузинъ, жидъ! Никто ничего не знаетъ. Вѣрнѣе всего армянинъ.

— Нѣтъ, не армянинъ!

— А ты почему знаешь?

— Знаю!

— Гм... Странно, однако и на русскаго не похожъ.

— Онъ не русскій!

— Ты и это знаешь?

— Знаю!

— Отъ кого-же ты это знаешь?

— Отъ него самого!

— Выходить, что ты съ нимъ въ большомъ пріятельствѣ, разъ онъ съ тобой откровенничаетъ! — поморщилаеь Ольга. — Ну, Лидія, смотри — берегись, такая дружба до добра не доведеть!

— Не понимаю, чего ты такъ волнуешься? — пожалала плечами молодая дѣвушка. — Вѣдь, если на то пошло, вы все съ нимъ знакомы и ты, и твой мужъ, и самъ Воиновъ. Онъ бывалъ у васъ въ домѣ, вы съ нимъ любезничали и на охотѣ, и здѣсь, и въ Суджѣ, находили его интереснымъ, интеллигентнымъ, оригинальнымъ, не гнушались его обществомъ и вдругъ, откуда ни возьмись, такая щепетильность и подозрительность! Теперь онъ у васъ и фальшивый монетчикъ, и воръ, и арестантъ и все, что хотите!

— Ахъ, Лидія, ничего-то ты не понимаешь!—сокрушенно вздохнула Ольга.—Въ этой полудикой странѣ, окруженные Богъ знаетъ кѣмъ, мы иногда поневолѣ снисходительно смотримъ на завязывающіяся у насъ знакомства, но эти знакомства, въ сущности, ни къ чему не обязываютъ. Въ свой интимный кружокъ и въ свою интимную жизнь мы никого изъ этихъ татаръ и армянъ, комиссіонеровъ, подрядчиковъ, торговыхъ агентовъ, купцовъ и т. п. господъ не допускаемъ. Сегодня какой-нибудь Асламъ-бекъ у насъ въ гостяхъ, чай пьетъ, а завтра онъ можетъ попасться съ контрабандой, и Осипъ Петровичъ съ легкимъ сердцемъ прикажетъ его безцеремонно обыскать съ ногъ до головы и затѣмъ подъ конвоемъ отправить въ полицію для привлеченія къ отвѣтственности и взысканія съ него штрафа. Кстати, ты знаешь—Воиновъ уже собралъ точныя свѣдѣнія; оказывается, Муртузь-ага въ прошломъ и запрошломъ году переправлялся тайно на нашу сторону. Спрашивается, для чего онъ это дѣлалъ? Если у него были дѣла на русской сторонѣ, то по дѣлу онъ всегда могъ безпрепятственно переправляться днемъ на паромѣ, открыто, черезъ таможеню, между тѣмъ онъ предпочитаетъ переѣзжать границу по ночамъ, въ неуказанныхъ мѣстахъ, тайно. Изъ этого можно заключить, что онъ занимается или контрабандой, или другимъ какимъ предосудительнымъ дѣломъ. Воиновъ убѣжденъ въ томъ, будто-бы онъ и теперь продолжаетъ дѣлать то-же, и рѣшилъ прослѣдить его въ надеждѣ поймать на мѣстѣ преступленія.

— Что-же, пускай!—презрительно пожала плечами Лидія.— Но только мнѣ сдается, не такому губошлепу, какъ вашъ Воиновъ, изловить Муртуза, если онъ и дѣйствительно захочетъ ѣздить на нашу сторону!

— Давно-ли ты Аркадія Владиміровича считала героемъ, а теперь онъ у тебя уже губошлепъ?! Скоро-же!—укоризненно покачала головой Ольга.

Лидія ничего не отвѣчала, но въ душу къ ней закралось безпокойство и сомнѣніе.



«Не можетъ быть, чтобы Муртузь-ага занимался контрабанднымъ промысломъ,—размышляла она про себя,—это такъ мало похоже на него! Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Россію тайно черезъ границу?.. Не ѣздитъ ли онъ и теперь? Хорошо было-бы повидать его и предупредить!

Такъ думала молодая дѣвушка, теряясь въ догадкахъ и сомнѣніяхъ.

Наступила зима. Малоснѣжная, южная зима, съ морозными вѣтренными ночами, съ теплыми, яркими, солнечными днями, когда въ полночь морозъ достигаетъ иногда пятнадцати и болѣе градусовъ, а въ полдень градусникъ показываетъ два-три градуса тепла. Снѣгъ лежитъ только на поляхъ, гдѣ никто не ходитъ, да и то такимъ тонкимъ слоемъ, что пасущіеся всю зиму на вольномъ воздухѣ овцы легко разгребаютъ его своими копытцами, въ поискахъ прошлогодней засохшей травы. На дорогахъ-же и караванныхъ тропахъ снѣга нѣтъ и въ поминѣ.

Въ одинъ изъ такихъ погожихъ дней, Лидія, одѣтая въ легкую шубку и боярскую шапочку, особенно шедшую къ ея красивому, разумянившемуся на легкомъ морозѣ личику, вышла на берегъ Аракса къ парому. Благодаря зимнему времени, движеніе «пассажировъ» значительно уменьшилось, но товары шли попрежнему безостановочно. Лидія особенно любила слѣдить за проходящими караванами верблюдовъ. Спесиво поднявъ голову, съ отвислой нижней губой и черными, какъ агаты, блестящими, огромными глазами, тяжело колыхаясь всѣмъ своимъ уродливымъ туловищемъ, медленно и величаво выступаютъ огромные дромадеры, уныло погромыхивая колоколами. Татары очень любятъ украшать своихъ верблюдовъ, вѣлѣдствіе чего сбруя ихъ, если и не изящна, то въ достаточной мѣрѣ пестра и оригинальна. На морды надѣваются недоуздки изъ широкой тесьмы, съ нашитыми на ней раковинками, цвѣтными камешками, крупными стеклянными бусами бѣлаго и голубого цвѣта. Недоуздки укра-

шены кистями, бахромой, лентами и высокимъ султанчикомъ. На спину, крупъ и бока верблюдовъ набрасываются, по-верхъ войлочныхъ попонъ, пестрые, узорчатые ковры и полосатые паласы, концы которыхъ спускаются почти до земли.

Глядя на двигающіеся мимо нея безконечные караваны, прислушиваясь къ стону колоколовъ, Лидія невольно припоминала изученное ею еще въ дѣтствѣ чудное стихотвореніе Лермонтова «Три пальмы» и должна была сознаться, что лучшей картины идущаго каравана, чѣмъ та, какую нарисовалъ великій поэтъ, нельзя придумать. Только, къ сожалѣнію, около этихъ каравановъ не гарцовалъ воспѣтый поэтомъ арабъ на прекрасномъ ворономъ конѣ. вмѣсто него лѣниво брели почернѣлые отъ грязи полудикіе, звѣроподобные черводары \*), въ безобразныхъ, косматыхъ напѣхахъ и жалкомъ рубищѣ, и тащился караванъ-баши, \*\*) не имѣющій ничего общаго съ гордымъ наѣзникомъ аравійской пустыни. Это былъ, обыкновенно, толстый, пузатый татаринъ или армянинъ въ засаженной черкескѣ, верхомъ на смиренномъ катерѣ или добронравной, истощенной за долгій путь клячкѣ. Онъ медленно плелся сзади своего каравана, покуривая изъ длинной трубочки отвратительный турецкій табакъ, и съ бессмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ флегматично поплевывалъ по сторонамъ. (За послѣднее время Лидія, волей-неволей, должна была согласиться, что едва-ли есть въ мірѣ еще другіе такіе мало поэтичные народы, какъ татары и армяне Персіи и пограничныхъ съ нею областей Закавказья; апатичные, неуклюжіе, до отвращенія неряшливые и нечистоплотные, неловкіе, вялые, трусливые, они производили самое жалкое впечатлѣніе, по справедливости возбуждая глубокое презрѣніе къ себѣ въ воинственныхъ, молодцоватыхъ курдахъ и смѣлыхъ, полныхъ признанія своего достоинства туркахъ.)

\*) Черводаръ—погонщикъ верблюдовъ.

\*\*) Караванъ-баши—владѣлецъ верблюдовъ, подрядчикъ.



## Смертельная опасность.

Подойдя къ рѣкѣ, Лидія остановилась на крутомъ берегу и разсѣяннымъ взглядомъ стала смотрѣть на глухо грохочущія темно-свинцовыя волны. Ей правилась эта буйная, непокорная рѣка, усѣянная торчащими изъ воды острыми камнями, о холодную грудь которыхъ въ безсильной ярости цѣлыя столѣтія разбивается kloкочущая пѣна волнъ.

Въ это время къ противоположному берегу подъѣхало трое всадниковъ. Лидія сначала не обратила на нихъ вниманія, но когда паромъ уже былъ на серединѣ рѣки, она, случайно взглянувъ въ его сторону, не безъ волненія узнала въ стоящемъ впереди всѣхъ Муртузъ-агу. Онъ сидѣлъ на росломъ рыжемъ жеребцѣ, который, очевидно испуганный ревомъ рѣки, нервно топтался на мѣстѣ, нетерпѣливо трясъ головой, прижималъ уши и выказывалъ стремленіе соскочить съ гудящаго и гремящаго подъ его ногами парома. По мѣрѣ приближенія парома къ берегу, росло нетерпѣніе горячаго коня и когда паромъ, наконецъ, причалилъ и таттары-паромщики кинулись настилать сходни, натерпѣвшаяся страху лошадь неожиданно взбѣсилась. Не слушая повода, она взвилась на дыбы, приѣбла на заднія ноги и бѣшенымъ скачкомъ рванулась на берегъ. Лидія видѣла, какъ въ воздухѣ промелькнула темная масса коня, и вслѣдъ за тѣмъ раздался всплескъ воды отъ тяжело упавшаго тѣла. Она вскрикнула и подбѣжала къ обрыву. Внизу подъ берегомъ, тщетно стараясь вскарабкаться на его почти отвѣсную

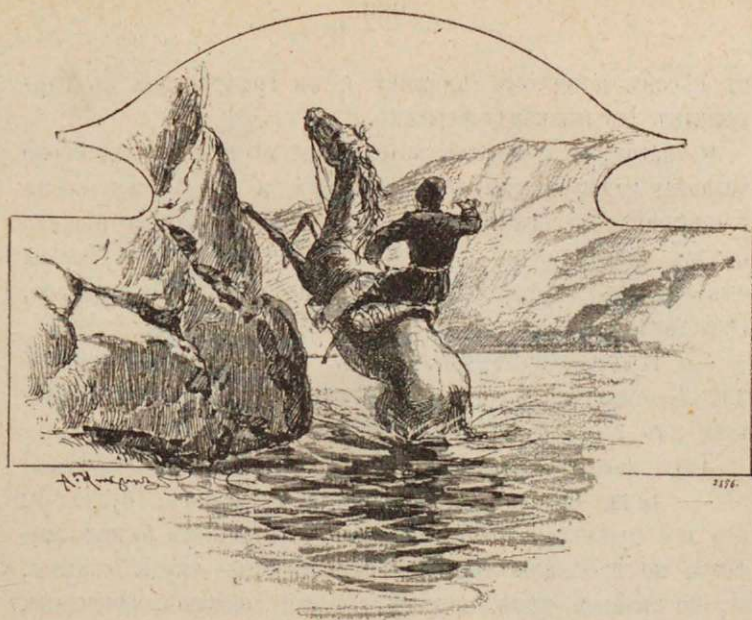
крутизну, билась лошадь Муртузь-аги, но самого его не было видно. Лидія бросила растерянный взгляд на паромъ и увидѣла, какъ сопровождавшіе Муртузь-агу курды проворно сбрасывали съ себя оружіе и лишнюю одежду. Еще мгновенье—и оба они уже были въ рѣкѣ; нырнувъ раза два, они появились снова на поверхности воды, но уже гораздо ниже парома и быстро поплыли къ берегу. Разсѣкая воду правой рукой, лѣвой они волочили за собой что-то длинное, темное, безформенное. Находившіеся на берегу татары и таможенные солдаты—кто съ веревкой, кто съ шестомъ—устремилісь имъ на помощь. Лидія тоже бросилась туда. Когда она приблизилась, курды были уже на берегу; они стояли съ посинѣвшими лицами, дрожа всѣмъ тѣломъ, но такіе-же смѣлые и спокойные, какъ всегда. На землѣ, раскинувъ руки, съ запрокинутой головой, лежалъ Муртузь-ага, блѣдный и неподвижный, съ закрытыми глазами и крѣпко стиснутыми зубами. Поперекъ высокаго бѣлага лба шла глубокая рана, изъ которой обильно текла кровь.

— Что-же вы стали?—громкимъ, начальническимъ тономъ закричалъ Сударчиковъ на столпившихся татаръ. — Вери, неси скорѣй, хоть въ казарму, что-ли, а ты, Ивановъ,—обратился онъ къ своему помощнику,—живо бѣги за фельдшеромъ, пусть посидѣваетъ!

Привыкшіе къ безпрекословному повиновению татары подхватили Муртузь-агу и бѣгомъ потащили его въ находящуюся недалеко отъ берега казарму.

Когда его унесли, курды, несмотря на образовавшуюся на нихъ отъ намокшей одежды ледяную кору, посидѣли на вырчку коня Муртузь-аги, но умное животное уже само позаботилось о своемъ спасеніи. Убѣдившись, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пытался вскарабкаться, берегъ слишкомъ крутъ, жеребецъ поплылъ внизъ по теченію къ виднѣвшейся вдаль отмели; черезъ минуту онъ уже отряхивался на берегу, до мозга костей прозябшій отъ столь неожиданной, хотя и по своей винѣ полученной ледяной ванны.





Въ воздухѣ промелькнула темная масса коня...

Перепуганная на смерть случившимся на ея глазахъ происшествіемъ и не зная, живъ-ли Муртузь-ага или нѣтъ, Лидія хотѣла было тоже проскользнуть въ казарму, но строгій блюститель порядка, Сударчиковъ, остановилъ ее.

— Помилуйте, сударыня, — пробасилъ онъ надъ самымъ ея ухомъ, загораживая дверь, — нѣшто вамъ, барышнѣ, прилично идтить сюда? Здѣсь солдаты живутъ, а къ тому же мы сейчасъ раздѣвать его начинаемъ, такъ вамъ смотрѣть на это вовсе не пристало!

— А какъ вы думаете, Сударчиковъ, онъ живъ? — тревожнымъ голосомъ спросила Лидія, стараясь черезъ его плечо еще разъ взглянуть на Муртузь-агу, котораго солдаты, уложивъ на койку, уже торопливо раздѣвали.

— Должно живъ! — успокоилъ ее старикъ. — Они, тарва эта самая, до страсти живучи, ничего имъ не дѣлается!

Въ эту минуту мимо ихъ прошмыгнула тощая сутуловатая фигура служащаго при таможднѣ фельдшера Конопатова,

въ сѣромъ потертомъ пиджакѣ и въ гражданской съ бархатнымъ околышкомъ фуражкѣ.

Сознавая, что ей дѣйствительно не мѣсто вертѣться около казармы таможенныхъ досмотрщиковъ и въ то же время чрезвычайно беспокоясь за судьбу Муртуза, Лидія рѣшила бѣжать скорѣе домой и попросить Осипа Петровича, чтобы онъ сходилъ и узналъ обо всемъ подробно и обстоятельно. Она такъ и сдѣлала.

— Ну что, какъ, что съ нимъ, есть какая-нибудь опасность?—такими вопросами встрѣтили обѣ сестры вернувшася изъ казармы Рожновскаго.

Тотъ пожалъ плечами.

— Богъ его знаетъ! Конопатовъ увѣряетъ, будто бы это все пустяки, и черезъ недѣлю Муртузь-ага будетъ здоровъ, но насколько такой діагнозъ вѣренъ—трудно сказать. Я, по крайней мѣрѣ, нахожу его рану опасной. Очевидно, падая съ конемъ въ воду, онъ ударился или о торчащій камень, или о сѣдло; отъ сильнаго удара лишился сознания и навѣрно бы пошелъ ко ну, если бы не его курды. Вотъ, молодцы-то, отважный народъ, не побоялись ни теченія, ни холода! Съ такими тѣлохранителями не пропадешь.

— А теперь онъ какъ, пришелъ въ сознание?

— Пришелъ, его даже унесли изъ казармы.

— Куда?

— Къ нашему комиссіонеру Али-беку, который предложилъ Муртузь-агѣ поселиться у него, пока онъ не выздоровѣетъ. Тамъ ему будетъ прекрасно.

Въ тотъ же день вечеромъ за чаемъ Осипъ Петровичъ, обращаясь къ Лидіи, смѣясь, воскликнулъ:

— А вѣдь не даромъ французы говорятъ, что во всякомъ происшествіи надо искать женщину. Вотъ и въ сегодняшней исторіи съ Муртузь-агой виновницей является прелестная дочь Евы и при томъ никто иная, какъ вы, глубокоуважаемая Лидія Оскаровна.

— Я, какимъ это образомъ?—удивилась дѣвушка.





Татары подхватили Муртузь-Агу...

— Самымъ простымъ. Вы стояли на берегу въ ту минуту, когда паромъ подходилъ къ пристани. Муртузь-ага заглядѣлся на васъ и на мгновенье забылъ о своей лошади, которая и выкинула ему курбетъ, едва-едва не отпавившій его къ праотцамъ.

— Почему вы знаете о томъ, будто бы Муртузь-ага на меня заглядѣлся? Все вы сочиняете!—съ легкимъ неудовольствіемъ произнесла дѣвушка.

— Почему? Ахъ, мой Создатель, да отъ самого Муртузь-аги, рассказавшаго мнѣ объ этомъ. Я недавно заходилъ навѣстить его и между прочимъ спросилъ, какъ могъ случиться такой казусъ съ нимъ, прославленнымъ наѣздникомъ. Онъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Это моя вина; я увидѣлъ вашу родственницу, барышню Лидію и послѣ этого мои глаза не могли смотрѣть ни на что, какъ только на нее. Я забылъ, гдѣ я, забылъ о своей лошади, которая, какъ только мы вѣхали на паромъ, принялась бѣситься отъ страха, такъ какъ въ первый разъ въ жизни переѣзжаетъ рѣку...

— Ну, хорошо, хорошо,—поспѣшила прервать Рожновскаго Лидія,—скажите лучше, какъ его здоровье?

— Ничего особеннаго. Али-бекъ пригласилъ татарскаго хакима \*); тотъ сидитъ подлѣ Муртуза, поитъ его крѣпкимъ чаемъ съ коньякомъ, а на голову кладетъ холодныя ароматическія примочки. Я предложилъ было послать въ Нацвалы за докторомъ, но всѣ трое объ этомъ не хотятъ и слышать, находя своего хакима болѣе свѣдующимъ и опытнымъ.

— Я завтра навѣщу его!—рѣшительно произнесла Лидія.

Осипъ Петровичъ комическимъ жестомъ почесалъ себѣ затылокъ.

— Отто буде нашимъ Шахъ-абадцямъ ще брехаты, мабудь на цилый рокъ хватить!

— Что жъ тутъ предосудительнаго, если я пойду навѣстить больного?

— Оно у васъ тамъ, въ Москви, може даже и дуже добре, а тилько здѣсь, въ Шахъ-абадѣ, люди добріе злякаются. Дивчина молодесенька, гарнесенька пидеть въ хату къ бусурмаину, дывыться якъ винъ у въ постели лыжыть расхристаній. Добрая штука, то вже и я кажу, добрая штука!

— Конечно же, Лидія,—вмѣшалась Ольга,—развѣ это возможно! Будь еще онъ человекъ свой, сослуживецъ, ну тогда куда ни шло, всѣ вмѣстѣ пошли бы навѣстить больного, но идти къ мало знакомому татарину, лежащему въ постели, въ домѣ другого татарина—это, прости меня, безуміе. Довольно того, что Осипъ Петровичъ будетъ каждый день навѣщать его и рассказывать намъ обо всемъ.

— Вотъ уже не думала,—капризно надула губки Лидія,—чтобы въ какомъ-нибудь Шахъ-абадѣ, на краю свѣта, такъ строго соблюдались законы свѣтскаго приличія!

Однако, на сей разъ она рѣшила послушаться совѣта сестры и зятя и отказалась отъ задуманнаго ею посѣщенія Муртузъ-аги, тѣмъ болѣе, что Рожновскій завѣрилъ ихъ обоихъ, будто бы не пройдетъ и двухъ-трехъ дней, какъ онъ выздоровѣетъ настолько, что будетъ въ состояніи самъ придти къ нимъ.

\*) Врачъ, знахарь.



## Ночь надъ пропастью.

Осипъ Петровичъ не ошибся, — на третій день къ вечеру, какъ разъ къ тому времени, когда у Рожновскихъ подавался вечеромъ чай, пришелъ, въ сопровожденіи самого Рожновскаго, Муртузъ-ага. Онъ былъ блѣденъ и хотя держался бодро, но, очевидно, чувствовалъ себя еще очень слабымъ. Голова его была повязана персидскимъ шелковымъ платкомъ съ расшитыми концами, красиво падавшими на плечи и придававшими его лицу какое то особенное, странное выраженіе. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлую шерстяную аббу, чрезвычайно шедшую къ его прямому стройному стану и всей худощавой фигурѣ.

«Какой онъ сегодня интересный», — невольно подумали Ольга Оскаровна и Лидія, весело здороваясь съ Муртузомъ.

— Я пришелъ, — заговорилъ онъ, опускаясь на предложенный ему стулъ, — чтобы поблагодарить васъ за ваше участіе. Осипъ Петровичъ былъ такъ добръ, навѣщалъ меня каждый день и говорилъ, что вы интересовались моимъ здоровьемъ, — отъ всего сердца приношу вамъ мою признательность! — онъ приложилъ руку къ сердцу и низко наклонилъ голову, затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ Лидіи: — А передъ вами я чувствую себя страшно виноватымъ, я, говорять, очень испугалъ васъ!

— Если вѣрить Осипу Петровичу, то во всемъ этомъ происшествіи виновницей являюсь я, — засмѣялась Лидія, — а потому не вамъ у меня, а мнѣ у васъ надо просить прощенія!

Муртузь-ага съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Лидію, потомъ на Осипа Петровича, но уловивъ коварную усмѣшку на его лицѣ, догадался и въ свою очередь улыбнулся.

— Я зналъ одного стараго хана,—сказалъ онъ, по восточному обычаю прибѣгая къ притчѣ,—который любилъ глядѣть на солнце и черезъ то ослѣпъ. Кто-то изъ друзей дома сталъ при немъ обвинять за это солнце, но ханъ улыбнулся и сказалъ: «ты неправъ, мой другъ, не солнце виновато въ моей слѣпотѣ, виноватъ я, что осмѣлился глядѣть своими слабыми глазами на яркое свѣтило!»

— Ай да Муртузь-ага,—засмѣялся Осипъ Петровичъ,—да вы настоящій поэтъ; не ожидалъ отъ васъ!

— Вы умѣете льстить, какъ настоящій пересь!—дѣлая удареніе на послѣднихъ словахъ, сказала Лидія.—Мнѣ, признаться, эта черта не особенно по сердцу. Скажите лучше, какъ чувствуютъ себя послѣ такой холодной ванны ваши курды?

— О, имъ это нипочемъ,—разсмѣялся Муртузь.—Я знаю одинъ случай, когда одинъ курдь, спасаясь отъ турецкихъ солдатъ, раненый, не шевелясь, просидѣлъ зимой болѣе часу въ водѣ по самое горло и затѣмъ еще принужденъ былъ пройти нѣсколько верстъ до своего селенія. Курдь тотъ до сихъ поръ живъ и прекрасно себя чувствуетъ!

— Вотъ-то лошадиное здоровье!—изумился Осипъ Петровичъ.

— Ну, нѣтъ, у лошади здоровье далеко не такое крѣпкое,—вѣдь мой жеребецъ пропалъ!

— Какъ пропалъ?—изумилась Лидія, большая любительница лошадей.—Такой чудный конь!

— Дураки мои люди,—съ досадой махнулъ рукой Муртузь-ага,—имъ надо было, какъ только лошадь вылезла изъ воды, сѣсть на нее и хорошенько прогонять вскачь, до сильной пѣны, и только послѣ этого поставить въ конюшню гдѣ-нибудь въ уголъ, подальше отъ дверей,—а они



прямо отвели коня въ караванъ - сарай и поставили на сквозномъ вѣтру. Онъ, конечно, въ тотъ же день заболѣлъ, а сегодня утромъ издохъ!

— Ахъ, какая жалость!—воскликнула Лидія.—Я хотя и не успѣла хорошенько разсмотрѣть его, но мнѣ онъ очень понравился; такая масть оригинальная, точно кофе со сливками!

— Конь хорошій,—вздыхнулъ Муртузь-ага,—это была лучшая моя лошадь. Я, зная, какая вы любительница, нарочно приѣхалъ на ней, чтобы показать вамъ ее!

— *Cherchez la femme!*—захохоталъ Рожновскій.

— Господи!—съ комическимъ ужасомъ воскликнула Лидія.—Стало быть, и въ гибели вашей лошади я тоже виновата!

Всѣ весело разсмѣялись.

Вечеръ прошелъ очень оживленно. Муртузь-ага рассказывалъ нѣсколько случаевъ изъ своей жизни, гдѣ ему такъ или иначе угрожала гибель. Такъ, однажды проѣзжая ночью въ горахъ, конь его сорвался въ пропасть, самъ же онъ, непонятнымъ для него образомъ, какъ-то успѣлъ соскочить и хотя тоже покатилося внизъ, но на пути зацѣпился за кусты горной розы.

— Была теплая, безлунная ночь, — рассказывалъ Муртузь, — я лежалъ на спинѣ, стиснутый густымъ кустарникомъ, боясь шевельнуться, чтобы неосторожнымъ движеніемъ не поломать поддерживающихъ меня вѣтвей, которыя и безъ того предательски гнулись подъ тяжестью моего тѣла. Прямо предо мною возвышалась крутая, почти отвѣсная стѣна, по которой я катился. Въ темнотѣ я не могъ ничего разглядѣть, мнѣ не видны были даже края обрыва, я только чувствовалъ, что внизу подо мной бездонная пропасть, усеянная острыми камнями, о которые я неминуемо долженъ буду разбиться, если мой кустъ не выдержитъ и обломится. Всего ужаснѣе было то, что за темнотой я не могъ предпринять ничего для моего спасенія и принужденъ былъ

терпѣливо ожидать разсвѣта. Никогда время не тянулось для меня такъ медленно, какъ въ ту ужасную ночь, и не мудрено: съ каждой слѣдующей минутой я могъ ожидать полетѣть внизъ... Много передумалъ я за эти три-четыре часа, проведенныхъ мною въ моей воздушной качалкѣ! Наконецъ, небо начало слегка свѣтлѣть, порѣдѣли ночныя тѣни и изъ мрака выступили скрытыя дотолѣ очертанія горъ. Я увидѣлъ себя лежащимъ среди кустарника на небольшомъ выступѣ, подо мною зіяла глубокая пропасть, еще погруженная въ ночную тьму, надо мною высилась почти отвѣсная каменистая скала, по стѣнамъ которой уже скользили первые робкіе солнечные лучи. Осмотрѣвшись насколько, насколько позволяло мнѣ мое положеніе, я принялся усиленно раздумывать о своемъ спасеніи. Вдругъ я услыхалъ гдѣ-то близко-близко надъ головой пронзительный крикъ, и въ лицо мнѣ пахнуло холодомъ, точно отъ большого опахала; въ то-же время я увидѣлъ огромную тѣнь двухъ распластанныхъ крыльевъ: это гигантскихъ размѣровъ орелъ, чуя во мнѣ скорую добычу, кружилъ надъ моей головой, растопыривъ острые длинные кривые когти и полураскрывъ жадный крючковатый клювъ... Появленіе этого орла повергло меня въ окончательный ужасъ; я затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, сдѣлалъ отчаянное усиліе и ухватившись руками за торчащій надъ моей головой камень, какъ змѣя, поползъ вверхъ. Не знаю, долго-ли я ползъ такимъ образомъ, помню только, какъ руки и ноги мои скользили, какъ камни, то и дѣло, обрывались подо мной и съ глухимъ шумомъ катились внизъ, ежеминутно угрожая въ своемъ паденіи увлечь и меня. Наконецъ, послѣ нечеловѣческихъ усилій мнѣ удалось выкарабкаться на Божій свѣтъ. Очутившись внѣ опасности, я упалъ на тропинку и несмотря на то, что руки мои и ноги были изранены, и изъ нихъ текла кровь, тутъ-же заснулъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ; впрочемъ, это былъ не сонъ, а скорѣе безсознательное состояніе, въ которомъ я пробылъ нѣсколько





„Гигантскихъ размѣровъ орель, чья во мнѣ скорую добычу, кружилъ надъ  
моей головой“...

часовъ, почти до вечера, пока меня не разыскали мои вѣрные курды.

— Воображаю, что вы передумали, лежа въ кустахъ надъ пропастью!—сказала Лидія.—Навѣрно вся ваша жизнь прошла передъ вами!

— Я тогда думалъ, что наступилъ часъ казни за мое преступленіе,—невольнo вырвалось у Муртуза, но онъ спохватился и добавилъ,—за все мои грѣхи!

Черезъ недѣлю Муртузь-ага настолько поправился, что могъ уѣхать домой. За все время своей болѣзни онъ каждый вечеръ являлся къ Рожновскимъ и просиживалъ у нихъ до поздней ночи.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, онъ почти весь вечеръ пробылъ съ глазу на глазъ съ Лидіей. Рожновскій былъ занятъ въ тамождѣ, а къ Ольгѣ Оскаровнѣ пришла жена одного чиновника по какому-то секретному дѣлу, о которомъ онѣ долго толковали, запершись въ комнатѣ Ольги.

— Чѣмъ больше я узнаю васъ, — говорила Лидія вполголоса, сидя въ полутемномъ углу гостиной на мягкой, покрытой персидскимъ ковромъ тахтѣ и обращаясь къ Муртузу, помѣстившемуся у ея ногъ на низкомъ табуретѣ,—тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ опрометчивости избраннаго вами шага. Я не знаю, какое преступленіе совершили вы въ Россіи, но внутренній голосъ подсказываетъ мнѣ, что вы напрасно живете въ Персіи. Было-бы гораздо лучше, если-бы вы постарались тѣмъ или инымъ путемъ устроить свою жизнь въ Россіи, можетъ быть, вамъ удалось-бы выхлопотать себѣ прощеніе или смягченіе своей участи!

— Вы не знаете всехъ подробностей, и потому говорите такъ,—вздыхнулъ Муртузь-ага,—вы думаете, я самъ не стремлюсь въ Россію? О, чего-бы я не далъ, чтобы имѣть возможность снова увидѣть свою родину! Вы знаете,—и голосъ его задрожалъ,—ахъ, я даже выговорить этого не могу, это выше моихъ силъ! Вы знаете... вѣдь моя



мать еще жива... Понимаете-ли вы весь ужасъ этого положенія... жива, и я не смѣю извѣстить ее о себѣ... Первое время послѣ того, какъ я бѣжалъ изъ Россіи, я не могъ увѣдомить своихъ родныхъ о томъ, что я живъ и гдѣ нахожусь, изъ боязни, чтобы начальство не узнало и не потребовало моей выдачи; когда-же прошло нѣсколько лѣтъ, я понялъ, насколько будетъ жестоко съ моей стороны встревожить мать неожиданнымъ извѣстіемъ о своемъ существованіи; ни я къ ней, ни она ко мнѣ пріѣхать-бы не могли, это-бы ее угнетало и дѣлало вдвое несчастнѣе... Она считала меня мертвымъ, давно оплакала мою смерть, сжилась съ этой мыслью, и вдругъ я воскресъ-бы, чтобы снова умереть... Ну, скажите, развѣ я не правъ?

Вмѣсто отвѣта Лидія кивнула головой; она не могла говорить отъ подступившихъ къ ея глазамъ слезъ, которыя она всѣми силами старалась скрыть. Между тѣмъ Муртуза-ага продолжалъ:

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я чуть-было не поѣхалъ въ Россію, но благоразуміе взяло верхъ, и я остался... Вы, можетъ быть, думаете: «вотъ трусъ-то, дрожитъ за свою шкуру». Ахъ, нѣтъ, я не трусъ, тысячу разъ не трусъ, смерть меня не страшитъ... Вы, вѣдь, помните, я вамъ говорилъ, чего я боюсь...

— Но, можетъ быть, вамъ вовсе не угрожаетъ то, о чемъ вы думаете. Вы вѣдь законовъ не знаете; наконецъ, за это время могли произойти большія измѣненія во взглядахъ судейской власти... Словомъ, я хочу сказать, нѣтъ-ли во всемъ этомъ съ вашей стороны преувеличеній, излишняго страха... Вы ни съ кѣмъ вѣдь не говорили, не совѣтовались, а самъ человекъ не судья въ своемъ дѣлѣ, онъ или преувеличиваетъ опасность, или уменьшаетъ ее!

— Нѣтъ, я не преувеличиваю! — тяжело вздохнулъ Муртуза и замолкъ.

Нѣсколько минутъ они сидѣли молча. Лидія глядѣла на красивый, энергичный профиль Муртуза, и вдругъ ей не-

удержимо захотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, благодаря чему этотъ несчастный человѣкъ могъ-бы возродиться къ новой, лучшей жизни, приобрѣлъ-бы вновь свой прежній обликъ, свою родину, своихъ, близкихъ ему людей. Она затрепетала даже вся при этой мысли и волнующимся, прерывающимся голосомъ воскликнула:

— Муртузь-ага, прошу васъ, не изъ любопытства, а изъ искренней симпатіи, которую я питаю къ вамъ, откройте мнѣ вашу душу, расскажите мнѣ все подробно, повѣрьте, я не осужу васъ, да и какое право имѣю я судить васъ! Я вижу въ васъ только глубоко несчастнаго человѣка...

Муртузь съ тоскливымъ выраженіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя и крѣпко стиснулъ пальцы рукъ.

— Ахъ, если-бы вы знали, какъ мнѣ тяжело, какъ невыносимо тяжело берeditь мою незажившую рану... До сихъ поръ я никому, рѣшительно никому не рассказывалъ... Вы первая, которой я рѣшаюсь открыть свою душу... я вѣрю вамъ, но видите-ли, здѣсь говорить объ этомъ неудобно, каждую минуту могутъ войти, а я знаю, рассказъ меня сильно растревожитъ, я не въ силахъ буду скрыть своего волненія... всѣ замѣтятъ его... начнутъ разспрашивать... Нѣтъ, нѣтъ, если вы хотите выслушать мою исповѣдь, то дайте мнѣ возможность увидѣть васъ совсѣмъ наединѣ, въ такомъ мѣстѣ, чтобы никто не могъ помѣшать намъ. Надѣюсь, вы не побоитесь довѣриться моей чести?

— Ни на одну минуту не сомнѣваюсь въ ней,—горячо воскликнула дѣвушка, — но вашей просьбой вы поставили меня втупикъ, я рѣшительно не могу себѣ представить, гдѣ-бы мы могли встрѣтиться съ вами безъ постороннихъ свидѣтелей!

— Если-бы вы согласились на мое предложеніе,—сказалъ Муртузь,—я знаю одно такое мѣсто. Отсюда версты четыре, въ горахъ, тамъ есть глубокая пещера...

— Надъ родникомъ,—живо перебила его Лидія,—я эту пещеру знаю, я часто ѣздила туда верхомъ!



— Та самая!—подтвердилъ Муртузь.—Ровно черезъ двѣ недѣли отъ сегодняшняго дня въ полдень прїѣзжайте туда, я буду васъ ждать, я нарочно переѣду тайно черезъ границу, а не на паромѣ, чтобы никто не узналъ, что я здѣсь...

— Ахъ нѣтъ, этого-то вотъ и не дѣлайте!—горячо воскликнула Лидія.—Я должна предупредить васъ, Воиновъ подозрѣваетъ, будто-бы вы иногда переѣзжаете границу, и поклялся выслѣдить; онъ на васъ золь...

— За что?—изумился Муртузь-ага.—Что я ему сдѣлалъ дурного?

— Вы, ничего! Но видите-ли,—тутъ Лидія слегка замялась.—Воиновъ думаетъ, будто-бы вы причина моего къ нему охлажденія, хотя въ этомъ онъ ошибается,—добавила она поспѣшно.—Я никогда имъ не увлекалась, никогда; просто мнѣ было вначалѣ съ нимъ интересно, пока я не разглядѣла, насколько онъ грубъ и ординаренъ... Ну, да это все не къ дѣлу и не имѣетъ значенія; важно то, что Воиновъ рѣшилъ изловить васъ, а потому вамъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ рисковать, тайно переходить границу!

Муртузь презрительно усмѣхнулся.

— Вы совсѣмъ напрасно беспокоитесь. Я знаю, Воиновъ лихой офицеръ и солдаты его лучшіе, какихъ мнѣ только случалось видѣть здѣсь, на границѣ, но поймать меня имъ все-же никогда не посчастливится. Правда, они ловятъ иногда контрабанду, или съ помощью доносчика, или по глупости самихъ-же контрабандистовъ, но между мной и контрабандистами большая разница. Они люди наживы, сдѣлавшіе изъ нарушенія границы ремесло, у нихъ свои тропинки, броды, свои порядки и обычаи, подчасъ удачно угадываемые солдатами, я-же, какъ вольный орелъ, выбираю свой путь по личному желанію. Никто, кромѣ меня, до послѣдней минуты не знаетъ, гдѣ и когда я пожелаю переѣхать Араксъ, стало быть, и предупредить о томъ солдату некому. Наконецъ, у меня въ распоряженіи цѣлыя

сотни удалцовъ, на помощь которыхъ я всегда могу разсчитывать... Если-бы у Воинова было солдатъ втрое больше, чѣмъ у него ихъ есть, и тогда-бы онъ не въ состояніи былъ помѣшать мнѣ появляться здѣсь всегда, когда я только захочу!

Лидія, слушая Муртузь-агу, невольно залюбовалась его спокойной самоувѣренностью.

— Ну, хорошо, дѣлайте, какъ знаете, — сказала она, — что касается меня, то я обѣщаю вамъ быть въ назначенномъ вами мѣстѣ!

— Благодарю васъ! — горячо воскликнулъ Муртузь и крѣпко пожалъ ей руку.

На другой день Муртузь-ага, собираясь уѣзжать въ Суджу, передъ самымъ отъѣздомъ зашелъ къ Рожновскимъ откланяться имъ и поблагодарить за ихъ радушное гостепріимство. Лидія вызвалась проводить его до парома.



## Сударчикова тайна.

— Отчего вы переѣзжаете паромъ, сиди въ сѣдлѣ, а не стоя на ногахъ и держа лошадь въ поводу, какъ это дѣлають всѣ?—спросила Лидія, идя рядомъ съ Муртузомъ,—тогда никакого несчастья не можетъ случиться.

— Такъ, привычка!—пожалъ тотъ плечами и наклонясь совсѣмъ къ лицу дѣвушки, шепнулъ ей на ухо:—итакъ, вы помните, ровно черезъ двѣ недѣли, день въ день, въ полдень?

— А если будетъ вьюга, сильный морозъ? Вѣдь теперь, слава Богу, не лѣто, а ноябрь мѣсяцъ!—улыбнулась дѣвушка.

— Я буду ждать въ пещерѣ три дня, авось за три дня выдастся нѣсколько теплыхъ хорошихъ часовъ. Здѣсь зима не суровая, только въ декабрѣ и въ началѣ января будутъ нѣсколько морозныхъ дней, а въ ноябрѣ ни морозовъ, ни вьюги не бываетъ. Впрочемъ, повторяю—жду васъ три дня.

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ берегу и остановились, глядя, какъ курды осторожно вводили лошадей на паромъ по прыгающимъ доскамъ настилки.

— Вы на какомъ конѣ поѣдете?—спросила Лидія.

— А вонъ на томъ, свѣтло-гнѣдомъ съ бѣлой лысиной на лбу,—а что?

— Такъ, я загадала. Видите-ли, я сама подумала, что этотъ лысый конь назначенъ подъ васъ, и рѣшила, если мое предположеніе оправдается, то судьба ваша измѣнится къ лучшему...

— Моя судьба въ вашихъ рукахъ!—прошепталъ Муртузь-ага и ранѣе, чѣмъ Лидія успѣла собраться съ отвѣтомъ, онъ крѣпко пожалъ ея руку и скорымъ шагомъ, почти взбѣжалъ на паромъ. Цѣнь лязгнула, и тяжелая, неуклюжая машина медленно поползла отъ берега, постепенно, по мѣрѣ приближенія къ серединѣ рѣки, ускоряя свой ходъ.

— До свиданія!—крикнулъ Муртузь-ага съ парома.

— До свиданія,—отвѣтила ему Лидія съ берега.

Все время, пока Лидія съ Муртузь-агой находилась на берегу, Сударчиковъ неодобрительно на нихъ покашивался. Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ, по обыкновенію слѣдя за приходомъ и отходомъ парома; число прибывшихъ пассажировъ отмѣчалъ карандашомъ въ спискахъ и сердито покрикивалъ на другихъ солдатъ. Однако, углубленный въ свое служебное дѣло, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ слѣдить за Лидіей и Муртузь-агой. Старикъ очень не нравилась та, по его мнѣнію, слишкомъ большая любезность, съ какого «барышня» обращалась къ «гололобому басурманину».

— Ишь, стрекочеть,—укоризненно думалъ онъ,—диви-бы какой кавалеръ выискался, а то азіать, азіать и есть! И гдѣ я эту рожу видѣлъ... фу-ты, Господи Боже, вертится въ памяти, а не могу вспомнить, хоть зарѣжь не могу, а видѣлъ! Ей-Богу видѣлъ и не похожую, а эту самую! Когда онъ еще въ первый разъ пріѣзжалъ, тогда-же мнѣ мелькнуло, будто што знакомое, и теперь вотъ тоже... дай Богъ памяти!..

Старикъ изо всѣхъ силъ напрягалъ свою память, вызывая въ ней давно забытыя образы, но тщетно.

Въ это время Муртузь-ага наклонился къ самому лицу Лидіи и зашепталъ ей что-то на ухо. Сударчиковъ, случайно взглянувши на нихъ какъ разъ въ эту самую минуту, вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Точно молнія озарила его мозгъ; онъ даже ахнулъ отъ неожиданности. Привлеченный его возгласомъ Муртузь-ага поднялъ голову и



разсѣяннымъ взглядомъ посмотрѣлъ на старика. На мгновенно глаза ихъ встрѣтились, и этотъ мимолетный взглядъ, оставшійся для Муртузь-аги безъ всякаго значенія, въ Сударчиковѣ разомъ уничтожилъ все его колебанія.

«Это онъ, безъ всякаго сомнѣнія онъ!—думалъ Сударчиковъ, не спуская съ Муртуза, стоявшаго уже на паромѣ, загорѣвшагося взгляда.—И какъ я, старый дуракъ, не узнавалъ его такъ долго! Удивленіе, просто, да и только. Должно, на старости совсѣмъ изъ ума выжилъ! Кого-кого, а этого-то сокола завсегда въ умѣ держалъ, а вотъ поди-жь ты»...

Отъ волненія старикъ даже за голову взялся и нѣсколько минутъ стоялъ, какъ ошеломленный. «Что же теперь дѣлать надо,—продолжалъ размышлять Сударчиковъ,—не иначе, какъ объявить слѣдуетъ! Но кому, какъ? Много вѣдь съ тѣхъ поръ годочковъ ушло! Теперь, чего добраго, и не повѣрятъ, тѣмъ паче, что тогда еще слухъ прошелъ, будто-бы онъ померъ; тѣло, вишь, тамъ чье-то нашли и родные признали, словно бы это былъ онъ... Оказія... а ень, ишь ты, живъ... Ахъ ты, Господи Боже, какъ же тутъ быть?.. Нѣшто развѣ Аркадію Владиміровичу рассказать, ень господинъ правильный, разберетъ все, какъ слѣдуетъ... Не иначе какъ ему, другому некому!

Обуреваемый такими мыслями, старикъ до того въ концѣ концовъ разстроился, что рѣшилъ пока, что лучше уйти домой, чтобы не дать другимъ замѣтить охватившаго его волненія.

— Ивановъ!—обратился онъ сурово къ своему помощнику.—Мнѣ что-то того... занездоровилось, я домой пойду. Такъ ты, знаешь, того... останься-ка тутъ безъ меня, да смотри фитанціи - то не перевери, аккуратнѣе отмѣчай. Понялъ?

— Не извольте беспокоиться, Илья Ильичъ, все будетъ въ акурать,—идите себѣ съ Богомъ. Справлюсь, какъ слѣдуетъ. Не тревожьте себя занапрасну!

— Знаю я васъ, не тревожьте, — всё вы рѣзвы, того и гляди проморгаете! — не утерять Сударчиковъ, чтобы не поворчать, хотя отлично зналъ, какой исправный человекъ былъ Ивановъ. — Ну, да ладно, пойду ужъ, не въ могу мнѣ что-то!.. — добавилъ онъ и торопливо зашагалъ къ стоявшей на бугрѣ, въ общемъ ряду таможенныхъ построекъ, казармѣ.

Сударчиковъ былъ одиночекъ, а потому жилъ въ общей казармѣ, а не на частной квартирѣ, какъ прочіе вольнонаемные досмотрщики, всё поголовно женатые и дѣтныя. Въ казармѣ, гдѣ помѣщались состоящіе на дѣйствительной службѣ таможенные солдаты, у Сударчикова была отдѣльная небольшая комнатка съ особымъ ходомъ и даже съ небольшимъ палисадникомъ подъ окномъ. Взглянувъ на убранство и обстановку этой комнаты, всякій тотчасъ же бы понялъ, что въ ней живетъ человекъ аккуратный, любящій порядокъ и даже нѣкоторый комфортъ. Желѣзная кровать съ цѣлымъ ворохомъ подушекъ, подъ шелковымъ, стеганымъ на ватѣ, персидскимъ одѣяломъ, помѣщалась у задней стѣны; въ головахъ у нея стоялъ шкафъ, за стеклянными дверцами котораго виднѣлась на одной полкѣ чайная и столовая посуда, а на другой — какія-то книги, жестянки, баночки и стаканы. Что было на нижнихъ полкахъ, закрытыхъ отъ любопытнаго взора деревянной половиной дверей, не было видно. По всей вѣроятности тамъ лежали вещи, которыя и должны были сохраняться гдѣ-нибудь не на виду. Противъ шкафа въ ногахъ кровати, стоялъ высокий пузатый комодъ, покрытый красной скатертью. На комодѣ этомъ красовалось складное зеркало въ черной рамѣ и подлѣ него лежала гребенка, щетка, ножницы и ящичекъ съ разной мелочью, какъ-то, нитками, катушками, иглами и старыми мѣдными и иными пуговицами. У единственнаго окна, завѣшеннаго до половины кисейной занавѣской, стоялъ столъ, застланный узорчатой клеенкой, съ изображеніемъ летающихъ между вѣтвями птицъ. На столѣ помѣщалась



чернильница, банка изъ-подъ ваксы съ наколотою шиломъ крышкой, служившая вмѣсто песочницы, лампа подъ зеленымъ абажуромъ, коробка сургуча, коробка перьевъ, перочинный ножикъ, ножницы, нѣсколько карандашей, изъ которыхъ одинъ былъ краснаго графита, другой синяго, а прочіе чернаго, двѣ ручки и, наконецъ, нѣсколько листовъ бумаги и сѣрыхъ казеннаго формата конвертовъ. Передъ столомъ стояло большое кожанное кресло, съ сильно помятымъ отъ долгаго употребленія сидѣньемъ и спинкою. Три вѣнскихъ стула были размѣщены вдоль стѣнъ. Въ углу висѣлъ большой образъ. Образъ этотъ служилъ украшеніемъ всей комнаты; онъ былъ въ кіотѣ и стоялъ на рѣзной полочкѣ, въ которую была вдѣлана лампада. Надъ образомъ было устроено изъ краснаго кумача нѣчто похожее на шатеръ, полы котораго, обшитыя по краямъ кружевами, спускались аршина на два ниже образа. Вопреки излюбленной солдатской привычкѣ украшать стѣны лубочными картинками, въ комнатѣ Сударчикова ихъ не было ни одной; только надъ кроватью, поверхъ прибитаго къ стѣнкѣ небольшого персидскаго коврика, висѣло нѣсколько фотографическихъ портретовъ въ самодѣльныхъ рамкахъ. Большинство этихъ портретовъ давнымъ давно выпцвѣли настолько, что едва можно было разглядѣть изображенныя на нихъ лица, но уже безъ всякой надежды угадать, кто они такія.

На глинобитномъ полу во всю ширину комнаты были постланы два старые-престарые, мѣстами прорванные, но аккуратно заштопанные куртинскіе палласа. Такъ какъ обогревающая сосѣднюю казарму огромная печь, выходящая одной только своей задней стѣной въ комнату Сударчикова, давала мало тепла его старымъ костюмъ, то на зиму ставилась еще другая—жельзная, свойство которой было въ пять минутъ накаляться до-красна, но за то также и быстро остывать. Чтобы поддерживать въ комнатѣ ровную температуру, Сударчикову приходилось топить ее почти весь день, исподволь подбрасывая небольшіе кусочки кизяка, сообщав-

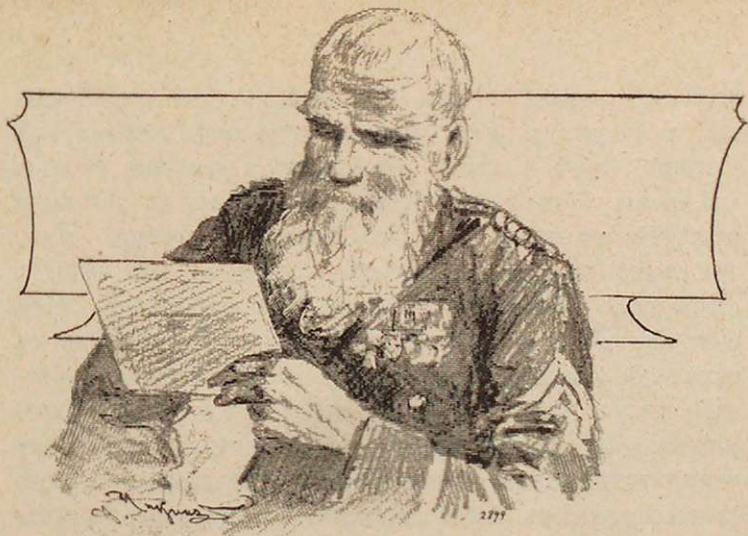
шіе всему помѣщенію своеобразный, слегка угарный, ѣдковатый запахъ.

Придя домой, Сударчиковъ съ несвойственной ему въ обыкновенное время торопливостью, досталъ изъ кармана ключи, отперъ верхній ящикъ комода и, порывшись въ немъ недолго, вытащилъ старый потертый корешокъ переплета, перевязанный голубой ленточкой; развязавъ ее, онъ вынулъ изъ переплета большой конвертъ сѣрой бумаги, а изъ конверта извлекъ фотографическую группу, съ которой и подошелъ къ столу, ближе къ свѣту. Долго смотрѣлъ онъ на нее, то приближая почти къ самому носу, то удаляя на разстояніе вытянутой руки и, казалось, не могъ никакъ насмотрѣться.

Фотографія, которую такъ внимательно разглядывалъ Сударчиковъ, была не изъ важныхъ; одна изъ тѣхъ, какія выполняются бродячими фотографами, на плохой бумагѣ, небрежно наклеенная на картонъ, съ рѣзко расположенными тѣнями и, къ довершенію всего, слегка уже выпѣтшая. Она изображала группу изъ пяти человѣкъ, въ непринужденныхъ позахъ размѣстившихся на разостланныхъ прямо на травѣ подъ деревьями паласахъ.

На главномъ мѣстѣ, опершись обнаженнымъ локтемъ на ворохъ персидскихъ подушекъ, полулежала чрезвычайно красивая, немного полная барыня, съ гордымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ слегка прищуренныхъ глазахъ подъ тонкими, изящно очерченными бровями. Красивыя губы ея были слегка полуоткрыты, придавая тѣмъ ея лицу что-то напоминающее вакханку. Одѣта она была въ свѣтлый, легкой матеріи капотъ, съ открытой шеей и большимъ вырѣзомъ на груди; волосы ея съ безчисленнымъ множествомъ пышныхъ завитковъ на лбу, были заплетены въ толстую длинную косу, небрежно перекинутую черезъ плечо на высокую, пышную грудь. У ногъ красавицы, сложивъ ноги по турецки, сидѣлъ плечистый пожилой офицеръ въ кителѣ съ капитанскими погонами и пустымъ стаканомъ въ приподнятой рукѣ. Лицо у него было некрасивое, но очень энер-





„Долго смотрѣлъ онъ на нее“...

гичное; особенно хорошъ былъ взглядъ большихъ, въ натурѣ очевидно сѣрыхъ глазъ, прямой, смѣлый, открытый. Длинные баки съ проборомъ посерединѣ, вѣромъ разетлались по груди, придавая лицу капитана ещё болѣе мужественное выраженіе. Рядомъ съ капитаномъ, привставъ на одно колѣно и дѣлая видъ, будто собирается налить ему въ стаканъ изъ бутылки, которую держалъ въ рукѣ, стоялъ молодой вольноопредѣляющійся въ черкескѣ и лихо заломленной на одно ухо тушинкѣ. Лицо его, обращенное въ профиль, было замѣчательно красиво: тонкій съ легкой горбинкой носъ, изящныя губы, высокій открытый лобъ и огромные, даже на фотографіи, живые и выразительные глаза—все вмѣстѣ дѣлало изъ юноши положительнаго красавца. Онъ былъ очень строенъ, съ тонкой, перетянутой въ рюмочку таліей, и широкими плечами. Въ натурѣ онъ долженъ былъ быть еще красивѣе. Противъ вольноопредѣляющагося, рядомъ съ подушками, на которыя облокотилась барыня, подобравъ подъ себя ноги, сидѣлъ другой офицеръ, съ смѣющимся лицомъ, съ фуражкой на затылкѣ и поднятымъ въ правой рукѣ стаканомъ. Онъ какъ бы говорилъ: «За ваше

здоровье, господа!» Сзади всей этой компаніи, прислонясь къ стволу дерева, подь которымъ она расположилась, въ мундирѣ, саблѣ и кэпкѣ, молодцовато сдвинутой на одно ухо, стоялъ бравый, коренастый фельдфебель, съ длинными закрученными внизъ усами и богатырской грудью. Лицо его, слегка нахмуренное, выглядѣло строгимъ, даже немного сердитымъ. По всему было видно, что фельдфебель этотъ былъ человѣкъ не изъ мягкихъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, —немного не четверть столѣтія, — но и самого бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы узнать въ этомъ кремнѣ-фельдфебелѣ суроваго ворчуна Сударчикова. Тотъ же умный нахмуренный лобъ, тѣ же пронизательные упорно глядѣвшіе передь собой глаза, та же, упрямая, жесткая складка губъ. Теперь только, помимо усовъ, старикъ носилъ еще и бороду, но и борода мало измѣнила общее характерное выраженіе его лица.

Долго, очень долго разсматривалъ Сударчиковъ фотографію, сосредоточивъ все свое вниманіе на красавцѣ вольноопредѣляющемся.

— Онъ, разумѣется онъ, —прошенталь, наконецъ, старикъ и положилъ фотографію на столъ.

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать?— снова задалъ онъ уже встававшій передь нимъ и раньше вопросъ.

Нѣсколько минутъ простоялъ Сударчиковъ въ глубокой задумчивости, опустивъ на грудь съдую голову, потомъ выпрямился и повернувшись къ образу, три раза истово перекрестился.

— Господи, —прошентали его блѣдныя губы, —не попусти злодюю надругаться надъ правдой, отомсти ему за кровь и за слезы!

Хотя эта странная молитва по смыслу своему едва-ли согласовалась съ духомъ христіанскаго ученія, но Сударчикова успокоила настолько, что онъ даже нашель въ себѣ силы снова отправиться на паромъ къ своимъ, на время покинутымъ, занятіямъ.



## Д р у з ь я .

Съ того дня, какъ Аркадій Владиміровичъ послѣдній разъ былъ въ Шахъ-Абадѣ, прошло съ мѣсяць времени. Не видя такъ долго своего пріятеля, Осипъ Петровичъ сильно соскучился по немъ; всякій разъ какъ въ таможеню приходилъ кто-либо изъ солдатъ Урюкъ-Дагскаго отряда, Рожновскій не упускалъ случая разспросить ихъ объ ихъ командирѣ и послать съ ними ему поклонъ.

— Да скажите его благородію, — добавлялъ онъ неукошительно, — управляющій спрашиваетъ, почему моль долго не пріѣзжаете въ Шахъ-Абадъ, очень они по васъ соскучились.

Не довольствуясь устными порученіями, Осипъ Петровичъ отправлялъ иногда Воинову небольшія записочки, въ которыхъ дружески пенялъ ему за то, что тотъ совсѣмъ забылъ своихъ шахъ-абадскихъ сосѣдей. Въ отвѣтъ на такія любезности Аркадій Владиміровичъ въ свою очередь посылалъ Осипу Петровичу низжайшіе дружественные поклоны, отговариваясь въ то же время недосугомъ за массой работы и хлопотъ по отряду, не дающихъ ему возможности пріѣхать.

Убѣдясь, наконецъ, что Аркадій Владиміровичъ умышленно сидитъ дома, Рожновскій въ одно изъ воскресеній рѣшилъ поѣхать самъ къ нему.

— Про Магомета рассказываютъ, — весело говорилъ Осипъ Петровичъ, входя въ комнату Воинова, — будто-бы однажды онъ приказалъ горѣ приблизиться къ нему, но гора его

не послушалась; тогда онъ самъ пошелъ къ горѣ. Вотъ такъ и я: приглашалъ, приглашалъ васъ, вы не ѣдете, пришлось самому прѣхать. Ну, здравствуйте!

— Ахъ, это вы, Осипъ Петровичъ!—радно воскликнулъ Аркадій Владиміровичъ.—Вотъ сюрпризъ-то... Спасибо вамъ, дорогой, что прѣехали; вы представить себѣ не можете, какъ я соскучился здѣсь одинъ на посту.

— Воображаю. Отчего-же вы къ намъ не прѣзжали, коли уже такъ вамъ скучно было?

— Некогда, дорогой; масса работы... Планы черчу, книги заканчиваю, мало-ли еще что...

— Та не брешите, пожалуйста, бо я самъ бачу, якіи-съ такая у васъ работа!—перебилъ его Рожновскій.—Скажите лучше—дуетесь вы на Лидію Оскаровну, оттого и не ѣдете.

Воиновъ слегка вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто того махнулъ рукой и угрюмо насупясь, зашагалъ по комнатѣ.

— Эхъ, Осипъ Петровичъ,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—развѣ я дуоюсь? Что ужъ тутъ... Будемъ говорить напрямки. Посмотрите на меня хорошенько: скажете—не измѣнился я? По глазамъ вашимъ вижу, что вы замѣчаете во мнѣ большую перемѣну... А отчего? Я думаю, мнѣ и рассказывать не надо, безъ рассказовъ понимаете. И за что? Ну скажите—за что? Чѣмъ я виноватъ передъ нею, чѣмъ заслужилъ такое отношеніе?

Послѣднія слова Воиновъ почти прокричалъ, стоя передъ Рожновскимъ и заглядывая ему въ лицо тоскливо-недоумѣвающимъ взоромъ. Тотъ ничего не отвѣтилъ, а только съ досадою крикнулъ и слегка потупился.

Онъ дѣйствительно съ перваго же взгляда на Аркадія Владиміровича нашель въ немъ большую перемѣну. Еще недавно такой жизнерадостный, бодрый и веселый, лихой поручикъ теперь какъ-бы потухъ, осунулся, поблѣднѣлъ... Глядя на него, можно было предположить въ немъ серьезную и упорную болѣзнь. Воиновъ, между тѣмъ, продолжалъ:



— Конечно, насильно милъ не будешь, я это самъ понимаю; понимаю и то, что такая барышня, какъ Лидія Оскаровна, не можетъ полюбить меня...

— Почему?—рѣзко, съ досадою, перебилъ его Рожновскій.

— Понятно почему,—совершенно искренно воскликнулъ Воиновъ,—я для нея слишкомъ ординаренъ! Армейскій поручикъ, мало образованный, неинтересный... Все это я отлично понимаю и ни на минуту не увлекаюсь и прежде не увлекался несбыточными надеждами... Не въ томъ дѣло; но скажите—за что оскорблять меня такъ? За что относиться съ такимъ недоверіемъ, съ такой враждебностью? Вотъ что больно и горько! Тѣмъ болѣе обидно, что вначалѣ она относилась ко мнѣ очень хорошо, скажу прямо по дружески,—припомните вы сами, Осипъ Петровичъ, какъ мы съ Лидіей Оскаровной по цѣлымъ вечерамъ просиживали вдвоемъ, еще вы подчасъ подтрунивали надъ нами... Въдѣ находила же она для меня тогда и слова, и разговоры, а теперь двухъ-трехъ словъ не скажетъ, а если и скажетъ, то непременно съязвить, уколетъ... Развѣ это не больно? Развѣ не имѣлъ я права огорчаться и приходиться въ отчаяніе?..

Высказавъ все это дрожащимъ отъ волненія голосомъ, Воиновъ снова заходилъ по комнатѣ, нервно до боли крутя усы. Рожновскій молчалъ, хмурия брови; ему отъ всего сердца было жаль Аркадія Владиміровича, но онъ не зналъ, что сказать ему въ утѣшеніе.

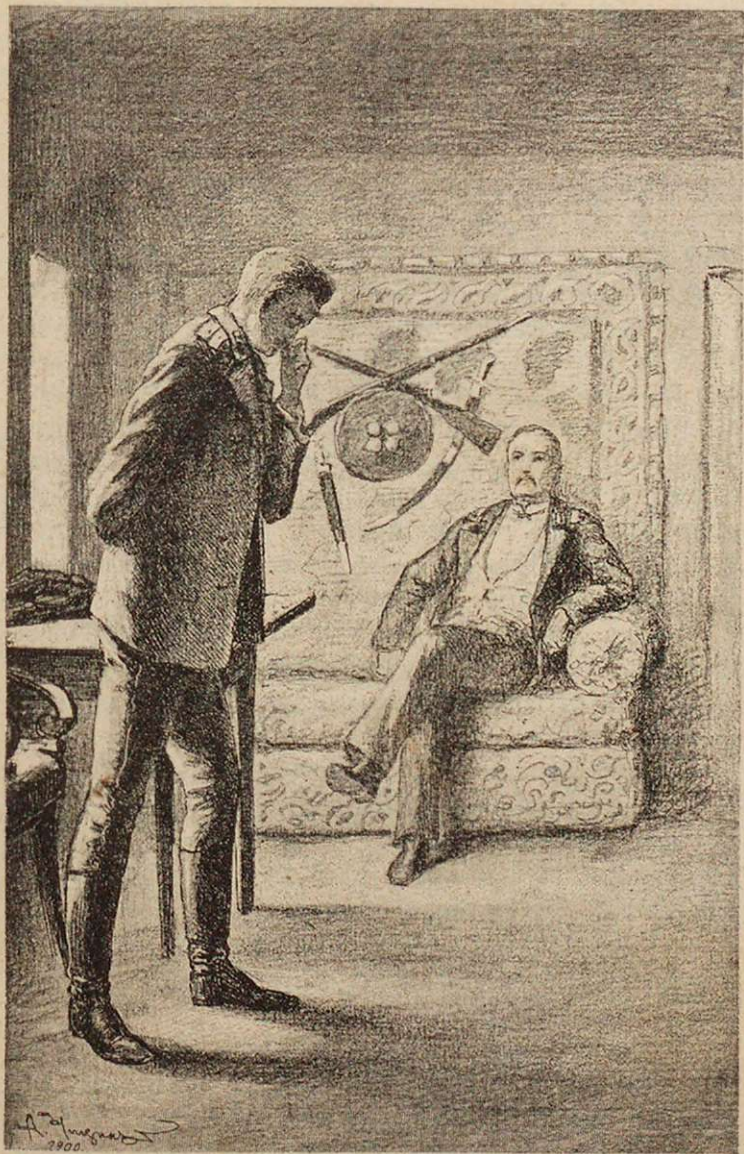
— Нѣтъ, вы вотъ что мнѣ растолкуйте,—остановился тотъ вдругъ сразу посреди комнаты и даже ногой слегка притопнулъ,—что она въ немъ нашла? Какія такія особенныя достоинства и качества? Въдѣ это же нелѣпость! Кошмаръ какой-то дикій и больше ничего... Кто онъ такой, позвольте васъ спросить? Если даже братъ его такимъ, какимъ онъ себя выдаетъ, то и тогда онъ ничто иное, какъ мусульманинъ, персюкъ, рабъ какого-то тамъ Хайларъ-хана, который во всякую минуту можетъ его за ребро на

крюкъ повѣсить... Господи, мнѣ кажется я съума скоро сойду!.. И на такую-то, съ позволенія сказать, мразь, Лидія Оскаровна обращаетъ свое вниманіе, интересуется имъ... Впрочемъ, что я говорю—интересуется, надо ужъ говорить правду: не только интересуется, а прямо таки любить его... да, любить, я это отлично знаю и никто меня въ этомъ не разубѣдитъ... Никто, никто!..—кричалъ Воиновъ, точно кто спорилъ съ нимъ.—Къ чему все это поведетъ? Вѣдь не идти же Лидіи Оскаровнѣ замужъ за него... Уѣхать въ Суджу, надѣть чадру и ходить съ кувшиномъ къ колодцу, въ компаніи съ прочими татарками... или какъ всѣ эти коровамъ подобныя ханши пальцемъ варенье лизать и тиріакъ \*) курить... О, пррроклітіе—прорычалъ въ заключеніе Воиновъ и бросился на диванъ, съ такой стремительностью, что весь онъ жалобно застоналъ.

— Ну, это вы ужъ черезчуръ преувеличиваете! — усмѣхнулся Осипъ Петровичъ, на мгновеніе со словъ Воинова мысленно представивъ себѣ Лидію въ роли ханши.— Дѣло такъ далеко не пошло, какъ вы себѣ воображаете. Мнѣ даже смѣшно разувѣрять васъ въ томъ, что Лидія вовсе не влюблена въ Муртузь-агу, даже и въ мысляхъ у нея этого нѣтъ, — просто-на-просто онъ ее заинтересовалъ, какъ новый, невиданный ею еще типъ. Немалую роль играетъ и таинственность, окружающая его, дающая право дѣлать всякія предположенія романическаго характера, невольна возбуждающая любопытство, а любопытство—основаніе женской природы. Про это, я думаю вы и сами знаете. Я Лидію Оскаровну немножко изучилъ и нахожу въ ней много романтизма. Довольно сказать—Жуковский ея любимый поэтъ. Она половину балладъ его наизусть знаетъ, отъ Лермонтовскаго же Измаиль-бея безъ ума. Я увѣренъ даже, хотя она этого и не говоритъ, но это безсознательно у нея прорывается, что Муртузь-ага ей кажется тоже чѣмъ-то вредъ

\*) Тиріакъ—опіумъ.





„Воиновъ снова заходилъ по комнатѣ, до боли крутя усы“...

Измаиль-бей. Однажды она высказалась въ томъ духѣ, что, моль, навѣрно у Муртуза была въ жизни драма, въ которой замѣшана женщина и т. д., и т. д., а когда я на это съ своей стороны сдѣлалъ предположеніе, дескать, не былъ ли онъ фальшивымъ монетчикомъ, она страшно разсердилась и наговорила мнѣ массу колкостей... Институтское воспитаніе, ничего не подблещь! Онѣ тамъ учителей чистописанія въ Чайльд-Гарольды производятъ, а ужъ тутъ и Богъ велѣлъ. Но, за всеѣмъ тѣмъ, надо отдать справедливость Лидіи Оскаровнѣ, она барышня умная и скоро, скорѣе можетъ быть, чѣмъ мы думаемъ, разглядитъ этого самаго Муртуза и дастъ ему надлежащую оцѣнку. Вы только не волнуйтесь, глядите на все глазами философа и терпѣливо выжидайте время; повѣрьте, не пройдетъ и мѣсяца, какъ Лидія опять будетъ съ вами такая же, какъ была раньше... Вы только не дѣлайте глупостей, не вдавайтесь въ трагедію, продолжайте посѣщать насъ, какъ раньше посѣщали, и въ концѣ концовъ все будетъ прекрасно. Вѣрьте мнѣ!

— Ахъ, вашими бы устами да медъ пить!—задумчиво произнесъ Воиновъ, значительно успокоенный.—А я, признаться, съ отчаянія удумалъ было въ другую бригаду переводиться.

— Вотъ это уже была-бы совсѣмъ глупость!—укоризненно покачалъ головой Рожновскій.—Ну, Аркадій Владиміровичъ, не ожидалъ я отъ васъ, что вы такая баба окажетесь! Чуть неудача—онъ уже и въ бѣга, а еще героемъ считаетесь... Ай, ай, стыдно, стыдно!

— Ваше благородіе,—доложилъ вошедшій денщикъ,—таможенный досмотрщикъ просятъ, могутъ они войтить, очень, моль, нужное дѣло...

— Ахъ да, Аркадій Владиміровичъ, я и забылъ совсѣмъ: вѣдь я не одинъ пріѣхалъ, а и Сударчиковъ со мною. Я, знаете-ли, совсѣмъ собрался къ вамъ, въ повозку уже сядился, какъ вдругъ, гляжу, Сударчиковъ бѣжитъ. «Ваше благородіе,—спрашиваетъ,—вы не къ ихъ благородію по-



ручку Воиннову ѣхать изволите?»—«Туда, а тебѣ что?»—  
«Ежели туда, будьте милостивы, позвольте и мнѣ ѣхать  
съ вами. Я до поручика важное дѣло имѣю, сообщить имъ  
извѣстіе надо одно, а кстати и вы прослушать изволите,  
по тому самому, что и до васъ касательство имѣеть». Уди-  
вился я немного такимъ словамъ, но разспрашивать старика  
не сталъ и посадилъ его въ свою повозку. По дорогѣ онъ  
сообщилъ только, что дѣло, о которомъ онъ хочетъ гово-  
рить, заключаетъ какую-то большую тайну и имѣеть непо-  
средственную связь съ именемъ Муртузь-аги. Подробнѣе же  
онъ обѣщалъ рассказать у васъ на посту.

— Что-жъ, посмотримъ, какое это такое дѣло; можетъ  
быть что-нибудь дѣйствительно важное. Вашъ Сударчиковъ—  
человѣкъ положительный, серьезный и по пустякамъ болтать  
не станетъ. Надо позвать его и выслушать.

## Разсказъ Сударчикова.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ Сударчиковъ. Лицо его по обыкновенію было сурово-спокойно, въ рукахъ онъ держалъ перевязанную тесемочкой папку.

— Здорово, старикъ; ты съ чѣмъ?—дружелюбно привѣтствовалъ его Воиновъ.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!—съ былой молодцоватостью отвѣчалъ Сударчиковъ и, понизивъ тонъ, добавилъ:—открытіе важное я сдѣлалъ; такое открытіе, что и не знаю, какъ оно и будетъ, того, значить, по законамъ-то...

— Открытіе?—какое?—удивился немного Воиновъ.—Да ты, старикъ, вотъ что: бери стулъ, да садись сюда поближе, выкладывай, что у тебя такое. Вы позволите ему сѣсть при васъ?—шопотомъ обратился Воиновъ къ Рожновскому.

— Разумѣется! Вѣдь онъ у меня на правахъ почти чиновника!—кивнулъ головой Осипъ Петровичъ.

Тѣмъ временемъ Сударчиковъ подошелъ къ дивану, на которомъ сидѣлъ Воиновъ, открылъ папку, досталъ изъ нея знакомую уже читателю группу и, передавая ее Аркадію Владиміровичу, внушительнымъ тономъ произнесъ:

— Извольте, ваше благородіе, приглядѣться хорошенько, а опосля, какъ вы всмотритесь, я вамъ все и доложу, какъ быть слѣдуетъ.

Воиновъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ въ лицѣ, взялъ изъ рукъ Сударчикова группу, но стоило ему взглянуть на нее, какъ у него вырвался легкій крикъ изумленія.



— Откуда у тебя эта группа, гдѣ ты ее взялъ?

— Какъ откуда?—немного опѣшенный такимъ вопросомъ, въ свою очередь спросилъ Сударчиковъ.—Эта картина моя, побольше двадцати годовъ будетъ, какъ она у меня хранится. А вы, сударь, нѣшто что знаете про эту картину, тоись стало-быть, чьи тутъ патреты находятся?

— Какъ не знать! Это вотъ капитанъ Некрасевъ, Егоръ Сергѣевичъ, а барыня—жена его Людмила Павловна; она моей матери двоюродной сестрой приходилась, а мнѣ, стало быть, теткой...

— Да неужели-жь, ваше благородіе?—всплеснулъ руками Сударчиковъ. Вотъ изумительное-то дѣло, скажите на милость! Кто думалъ, кто думалъ?..

Онъ нѣсколько разъ покачалъ сѣдою головою и затѣмъ, оживившись, торопливо заговорилъ, тыча дрожащимъ пальцемъ въ красавца-вольноопредѣляющагося:

— Можетъ быть, ваше благородіе, вы и этого тоже знаете?

— Слыхалъ о немъ,—мать моя намъ рассказывала. У насъ въ домѣ тоже такая фотографія есть, а къ тебѣ-то она какъ испала?

— Да вѣдь капитанъ покойникъ, царство ему небесное, ротнымъ моимъ былъ. Извольте взглянуть: фельдфебель у дерева-то стоитъ, это-же я самъ и есть, помоложе тогда былъ, бороду брилъ; теперь то я старая коряга... Впрочемъ, не во мнѣ толкъ... а въ томъ, что стало-быть вы и про всю исторію наслышаны...

— Слышалъ и про исторію...

— Такъ, такъ... Вотъ вѣдь онъ, злодѣй-то самый, убивецъ проклятый!—въ приливѣ ненависти торопливымъ полупотомъ заговорилъ Сударчиковъ, дрожащимъ скрюченнымъ пальцемъ показывая на вольноопредѣляющагося. Почитай что на моихъ глазахъ все и свершилось-то... Я однимъ изъ первыхъ прибежъ тогда, на моихъ рукахъ капитанъ и душеньку Богу отдать изволилъ... А какъ Людмила-то Па-

вловна въ тѣ поры убивалась, и не дай-то Богъ, смотрѣть страшно было, думали—ума рѣшится!.. Сколько годовъ съ того дня прошло, а точно вчера было, такъ все и стоитъ въ глазахъ... Подумать страшно!

Старикъ замолчалъ и въ глубокой задумчивости опустилъ голову.

— И какъ подумасшь, чудно выходитъ!—продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Восемнадцать лѣтъ пропала дакъ человѣкъ; думали, померъ, слухъ такой былъ, анъ вышло не то,—живъ, и мало того живъ, самъ объявился... Надо только умѣючи взять, а сдѣлать этого окромя васъ, ваше благородіе, некому. Затѣмъ-то я и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы, стало быть, извѣстить васъ обо всемъ, какъ слѣдуетъ... Надѣялся, не откажетесь. Ну, а теперь, какъ вы къ тому-же и сродственникомъ приходите, то и подавно, безпримѣнно вамъ, а не кому другому за это дѣло взяться надлежитъ...

— За какое дѣло?—Говори яенѣ, я тебя что-то, братъ, понимаю плохо! Про кого ты говоришь?

— Про кого? Ни про кого иного, какъ про убійцу проклятаго, князя Каталадзе... Вѣдь онъ здѣсь! 18 лѣтъ о немъ не было ни слуху, ни духу, а теперь вдругъ выискался. Во всемъ святая воля Божія... Вы, ваше благородіе, взгляните позорче въ рожу-то его злодѣйскую, припомните, не видѣли вы кого похожаго? Да и вы, ваше благородіе,—обратился Сударчиковъ къ Рожновскому,—извольте тоже поглядѣть. Вы также его видали, еще недавно; не такимъ, правда, а много старше и одежда на немъ другая, не та... Только если взглядѣться попристальнѣй, то узнать можно!

Заинтересованные словами Сударчикова до-нельзя, Воиновъ и Рожновскій принялись внимательно разглядывать фотографію. Сударчиковъ, дрожа отъ волненія, не сводилъ съ нихъ глазъ, какъ-бы гипнотизируя ихъ своимъ взглядомъ.

— Ну, братъ, воля твоя — не могу узнать!—произнесъ Воиновъ.—Каталадзе былъ грузинъ, а это уже извѣстная истина: все грузины на одно лицо, какъ родные братья.



— Пойдите, пойдите, — заговорилъ Рожновскій, въ свою очередь пристально вглядываясь въ фотографію. — Я, кажется, начинаю узнавать. Неужели онъ?

Поднявъ Осипъ Петровичъ глаза на Сударчикова, — тотъ торжествующе кивнулъ головой.

— Да кто онъ? — съ легкимъ раздраженіемъ спросилъ Воиновъ.

— Кто? Муртузь-ага. Неужели не узнаете? — сказалъ Рожновскій.

При этихъ словахъ Воиновъ даже съ дивана вскочилъ.

— О, я дубина! — закричалъ онъ, хлопнувъ себя по лбу, — не могъ догадаться сразу... Гляжу, что-то кого-то какъ будто бы и напоминаеть, а кого, хоть убейте, не додумался.

— Мудренаго нѣтъ, ваше благородіе! — обратился къ нему Сударчиковъ. Я самъ сколько разъ видѣлъ его здѣсь и ни разу въ голову не пришло. А тутъ вотъ какъ-то на дняхъ стоялъ я у паромъ, а онъ съ нашей барышней къ парому подошелъ; стали и разговариваютъ промежъ себя; онъ наклонился къ самому лицу Лидіи Оскаровны, шепчетъ что-то, а самъ улыбается. Глянулъ я какъ-то — и вдругъ меня осянило, словно пелена съ глазъ упала. Припомнилось мнѣ, что, почитай, точь въ точь и тогда такъ-же было: шелъ я въ тотъ день рощицей, что за городомъ нашимъ росла, гляжу, навстрѣчу мнѣ покойница Людмила Павловна идетъ подъ ручку съ княземъ и вдругъ пріостановились на тропинкѣ, онъ ей что-то на ухо шепчетъ, а она головой качаетъ, а сама улыбается... Ну, словомъ, совсѣмъ такъ-же, какъ и теперь, только замѣсто Людмилы Павловны — Лидія Оскаровна... И такъ мнѣ тогда лицо его запомнилось, что все время забыть не могъ, какъ онъ глазища таращилъ, да губы крутилъ... Глянулъ я на Муртузь-агу: батюшки свѣты! то-же лицо, и глаза, и губы, — тутъ-то я и призналъ его.

— Ты, стало быть, очевидцемъ всей этой исторіи былъ? — спросилъ Воиновъ.

— То-ись, какъ вамъ доложить? Настоящаго-то я не видѣль,—какъ, значить, князь капитана нашего полосонулъ; я уже опосля пришелъ, минутъ эдакъ съ пятокъ... Подхожу къ казармамъ, гляжу: отъ угла денщикъ капитана, Лошаденковъ, бѣжитъ. Капитанъ жилъ отъ казармъ неподалеку... Бѣгитъ, стало быть, Лошаденковъ, а самъ стѣны бѣлѣе; завидѣль меня, замахалъ руками, лопочеть что-то, а что—не могу понять. Разсердился я въ ту пору на него, крикнулъ, какись, еще и по затылку слегка смазалъ: «Что ты, бѣсовъ сынъ, стрекочешь, уразумѣть ничего невозможно!» А онъ мнѣ: «Бѣгитъ, господинъ фельдфебель, до насъ, у насъ дѣло большое приключилось, князекъ капитана зарѣзалъ»... Какъ сказалъ онъ мнѣ эти слова, я свѣта Божьяго не взвидѣль... Ударился бѣжать рѣзвѣй мерина, добежь, гляжу—въ саду недалеко отъ лѣстницы лежитъ капитанъ на спинѣ, китель весь въ крови, кровь подъ нимъ, кровь около... Удивительное дѣло, сколько крови было... Тутъ-же и барыня, бьется головой объ землю, кричить не своимъ голосомъ... Наклонился я надъ капитаномъ, гляжу: еще дышетъ, глазами по сторонамъ, поводитъ тихо такъ, точно озирается, лицо-же такое страшное, сѣрое, осунулось,—узнать нельзя. Увидаль меня, губами шевелить зачалъ. Приникъ я это ухомъ къ самому его лицу, прислушиваюсь, стараюсь понять, что такое говорить онъ мнѣ. Сначала никакъ разобрать не могъ, наслу-наслу разлышалъ. «Умираю...—гритъ,—возьми мою руку, помоги крестъ сдѣлать». Взялъ я его руку, онъ персты сжалъ, и я его рукой крестное знаменіе началъ дѣлать... Только донесъ до лѣваго плеча, чувствую—рука сразу потяжелѣла, холодѣть начинаетъ и ровно-бы деревянная стала. Глянулъ я ему въ очи, а на нихъ словно бы туманъ легъ, помутились, зрачки такіе свѣтлыя, неподвижныя... Вижу я—померъ нашъ капитанъ, царство ему небесное... Опустилъ я его бережно на землю, перекрестился, а тутъ въ скорости народъ сбѣгаться зачалъ... Шумъ, смятеніе; что, какъ... А про убивца-князя забыли... Схвати-



лись, часа уже должно два спутя, кинулись туда-сюда, а его и слѣдъ простылъ... Разослали по всеѣмъ концамъ и пѣшихъ и конныхъ, — не тутъ-то было, какъ скрозь землю провалился! На другой день командиръ полка телеграммы послалъ, чтобы на турецкой границѣ караулили, одначе и тамъ ничего. Спутя мѣсяць увѣдомили полкъ, быдто гдѣ-то около границы нашли трупъ человѣческой, весь изъѣденный волками, по примѣтамъ похожій на князя. Сейчасъ-же послали одного офицера изъ полка удостовѣриться. Тотъ пріѣхалъ, выкопали изъ земли трупъ, а онъ уже загнилъ весь... Затошило офицера, не сталъ разглядывать, а чтобы покончить дѣло разомъ, вернувшись, доложилъ, быдто дѣйствительно это князь былъ. На томъ и дѣло покончилось.

— Что же намъ теперъ дѣлать?—спросилъ Воиновъ, съ недоумѣніемъ поглядывая на Рожновскаго и Сударчикова.

— Арестовать, ваше благородіе, какъ онъ только пріѣдетъ и сдать полиціи!—предложилъ послѣдній.

— Не годится,—тряхнулъ головой Рожновскій,—основаній нѣтъ. Одного свидѣтельства Сударчикова недостаточно. Согласитесь сами: съ того дня, какъ вся эта исторія случилась, прошло около двадцати лѣтъ,—за такой долгій періодъ времени Сударчиковъ могъ забыть, какъ Каталадзе и выглядѣлъ-то, а не то, чтобы узнать его въ новой совершенно обстановкѣ.

— Я, ваше благородіе, не забылъ, да и какъ было забыть, когда все это происшествіе на моихъ глазахъ случилось?! Я и по сейчасъ все будто бы глазами своими вижу!—немного обиженнымъ тономъ заявилъ Сударчиковъ.

— Да развѣ я тебѣ не вѣрю?—нетерпѣливо махнулъ Рожновскій,—но не обо мнѣ рѣчь; я говорю не про себя, а про другихъ. Другіе не повѣрятъ, скажутъ: «Старикъ изъ ума выжилъ, померещилось ему со-слѣпу». Не забудьте, вѣдъ князь официально считается умершимъ, дѣло окончено и вновь возбуждать его никому не сладко. Ко всему этому прибавьте и то обстоятельство, что Мургузь-ага человѣкъ

вліятельный, богатый, правая рука правителя Суджи—Хайларъ-хана, и затронуть его не такъ просто, какъ вамъ кажется. Сейчасъ со всѣхъ сторонъ явятся прощенные и не-прошенные заступники, подымется гвалтъ и въ концѣ концовъ васъ же обвинять и, чего добраго, подвергнуть взысканію.

— Стало быть, по вашему, оставить его гулять на свободѣ?—горячо воскликнулъ Аркадій Владиміровичъ.

— Пока—да, но учините за нимъ зоркій надзоръ и какъ только онъ появится здѣсь тайно, помимо таможни, задержите, какъ нарушителя границы. Въ то время, когда мы съ него будемъ снимать допросъ, Сударчиковъ пусть заявитъ свое показаніе о тождествѣ Муртуза съ княземъ Каталадзе; мы сейчасъ же составимъ объ этомъ протоколъ и все вмѣстѣ препроводимъ въ полицію. Такимъ образомъ, задержаніе будетъ вполнѣ легальное: вы задержите Муртузъ-агу не какъ князя Каталадзе, убійцу и дезертира, а какъ тайно перешедшаго границу, на что имѣете полное право. При этомъ показанія Сударчикова являются уже не главнымъ мотивомъ задержанія, а только второстепеннымъ его дополненіемъ.

— Вы совершенно правы!—воскликнулъ Воиновъ.— Теперь все дѣло за тѣмъ лишь, чтобы выслѣдить его, когда онъ пожалуетъ къ намъ. Въ этомъ случаѣ, Сударчиковъ, надо, чтобы и ты помогъ намъ: иногда на паромѣ можно собрать драгоценныя свѣдѣнія, у тебя къ тому же есть среди татаръ знакомые.

— Не извольте беспокоиться,—я съ своей стороны душу положу на это дѣло, во всѣ глаза караулить буду!

— А какъ вы думаете,—обратился Воиновъ къ Рожновскому, когда Сударчиковъ вышелъ и они остались вдвоемъ въ комнатѣ,—слѣдуетъ ли сказать объ этомъ Лидіи Оскаровнѣ?

— По моему—не слѣдуетъ. Женщина всегда остается женщиной. Богъ ее знаетъ, какъ она отнесется къ этому



извѣстію! Во-первыхъ, повѣрить ли она ему, а если и повѣрить, то не случится ли такъ, что жалость къ убійцѣ пересилитъ негодованіе, вызываемое убійствомъ, и она захочетъ спасти его отъ угрожающей ему кары.

— Пожалуй, и въ этомъ вы правы. Итакъ, будемъ хранить все въ глубокой тайнѣ между нами,—и дай Богъ скорого и полного успѣха.

## Сударчиковъ орудуеть.

— Что съ тобой?—спрашивала Ольга Оскаровна Лидію, видя ее постоянно задумчивой, какъ будто бы чѣмъ-то разстроенной.—Ты послѣднее время такая грустная...

— Скучно мнѣ у васъ тутъ!—отвѣчала Лидія.—Сначала, пока все вновѣ было, интересовало, а теперъ надобло до тошноты; глаза бы ни на что не глядѣли. Скучно жить безъ дѣла! Думаю весной назадъ въ Москву ѣхать—службу искать гдѣ-нибудь въ конторѣ!

— Вотъ глупости!—съ неудовольствіемъ воскликнула Ольга.—Пришла фантазія мѣсто искать, точно ѣсть тебѣ нечего! Это у тебя институтскія бредни; лучше замужъ выходи!

— За кого?—усмѣхнулась Лидія.

— А хотя бы за Воинова; чѣмъ не женихъ?

— Прекрасный, только не по мнѣ!

— А почему, позволъ тебя спросить? Чужезѣкъ молодой, хорошій, любить тебя до безумія. Жалованье получаетъ хорошее, кромѣ того свои средства небольшія есть; ты тоже имѣешь ежемѣсячную ренту,—жили бы безъ заботъ!

— Согласна, все это очень соблазнительно, но...

— Что но?

— Но Воиновъ мнѣ не нравится!

— Удивляюсь!—пожала плечами Ольга.—Кто-же тебѣ нравится? Муртузь-ага, что-ли?—презрительно улыбнулась она.



— А хотя-бы и Муртузь-ага! Что-же тутъ удивительнаго?—спокойно произнесла Лидія.

Ольга пристально взглянула въ лицо сестры и весело разсмѣялась.

— Чудачка ты, Лидія, право чудачка, фантазерка, какихъ мало!—сказала она и, поцѣловавъ сестру въ лобъ, вышла изъ комнаты. Оставшись одна, Лидія сѣла на кушетку въ уголокъ и задумалась. Послѣднее время ея мысли вращались все на одномъ и томъ-же: возможно-ли для Муртуза обновленіе его жизни и если возможно, то какъ это совершится, — при ея участіи или нѣтъ? Теперь, когда она знала, что онъ не персумульманинъ, а европеецъ, она стала смотрѣть на него совершенно другими глазами; преграда, созданная слишкомъ большой разницей въ міровоззрѣніи людей востока и запада—рушилась, оставалось только ближе узнать и понять другъ друга, испытать силу взаимной привязанности... и тогда... Но что же тогда? Связать свою жизнь съ его? Но развѣ это возможно? Кто онъ такой? Какое мѣсто въ жизни онъ можетъ занять, какія отношенія могутъ создаться у него съ другими людьми?—Все это были вопросы, которые ее чрезвычайно волновали и тревожили главнымъ образомъ тѣмъ, что она не могла дать на нихъ себѣ никакого отвѣта.

Сударчиковъ стоялъ на берегу и смотрѣлъ, какъ большая толпа рабочихъ, ѣдущихъ изъ Персіи на ранніе весенніе заработки въ Россію, съ шумомъ и гамомъ заполняла готовый отчалить отъ персидскаго берега паромъ.

Въ эту минуту на персидской сторонѣ мимо парома верхомъ на красивомъ, росломъ, сѣромъ конѣ проѣхалъ татарченокъ и, съ разбѣга вогнавъ его далеко въ рѣку, по самое брюхо, началъ поить. Лошадь пила долго и жадно, по временамъ подымая голову и оглашая воздухъ звонкимъ, задорнымъ ржаніемъ. Сударчиковъ невольно обратилъ особое вниманіе на этого коня; такого въ окрестностяхъ ни у кого не было, слишкомъ онъ былъ породистъ и красивъ и принадлежалъ навѣрно знатному и богатому человѣку.

— Чей это конь могъ бы быть?—раздумчиво произнесъ Сударчиковъ, продолжая внимательно разглядывать сърую лошадь и сидящаго на ней татарченка.

— А должно быть Муртузъ-аги?—замѣтилъ Иванюкъ, мелькомъ бросивъ взглядъ за рѣку.—Я, кажись, видѣлъ его одинъ разъ на этомъ конѣ, когда наши на охоту ѣздили!

— Да ну! Что ты говоришь?! — ветрепенулся Сударчиковъ.—А не врешь?

— А Богъ его знаетъ, можетъ, и не Муртузова, — согласился Иванюкъ,—много тутъ такихъ-то лошадей!

— Ну, нѣтъ, братъ, это ты брешешь; такихъ коней тутъ нѣтъ. Вотъ ты что, Иванюкъ: оставайся, а я съѣзжу на ту сторону, мнѣ это важно узнать доподлинно. Если кто спросить, зачѣмъ я поѣхалъ, — отвѣчай, паромъ персидскій осмотрѣть; третій день подлещи гололобые свой паромъ чинять, а все справиться не могутъ!

— Это у нихъ ужъ заведеніе такое, — проворчалъ Иванюкъ,—нарочито свой паромъ неисправленнымъ показываютъ, чтобы пассажиры больше на нашемъ ѣздили, а ихъ безъ дѣла отдыхалъ!

— А вотъ я ихъ, клятиковъ! — погрозился Сударчиковъ, спускаясь на паромъ и приказывая отчалить.

Мустафа, старшій паромщикъ персидскаго парома, худощавый старикашка съ жидкой сивой бороденкой и слезливымъ и въ то же время лукавымъ выраженіемъ на сморщенномъ, какъ печеное яблоко, лицѣ, увидя подплывшаго Сударчикова, поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, низко кланяясь и подобострастно улыбаясь.

— Когда же у васъ, Мустафа, паромъ-то, наконецъ, готовъ будетъ? — сердито крикнулъ Сударчиковъ. — Управляющій хочетъ жалобу писать!

— Завтра, ага, в'алла \*), завтра! — прижимая руки къ сердцу и стараясь придать своему голосу особенную убѣдитель-

\*) Ея Богу.



ность, зашамкалъ Мустафа.—Сабахъ дюнъ \*) нашъ паромъ ходить началъ!

— Знаю я ваше сабахъ-дюнъ! Врете вы все; три дня одну доску прибить не можете. Мошенники!

— Разви одна доска, господинъ старшій? — сокрушенно покачалъ головой Мустафа.—В'алла, работи многа, почти всѣ доска пропалъ, в'алла, пропалъ!

— Ладно, разсказывай! Ну, да чортъ съ тобой, — завтра, такъ завтра, только смотри не надуй, а то сейчасъ жалобу пошлемъ; такъ и знай!

— Зачиво, жалобу, не надо жалобу; говорю, завтри паромъ ходить начиналъ, Мустафа шалтай-балтай \*\*) не будетъ!

— Подумаешь, какой праведникъ!—буркнулъ себѣ подъ носъ Сударчиковъ и, повернувшись къ своему паромщику, сурово приказалъ ему плыть обратно. Въ ту минуту, когда паромъ уже тронулся, Сударчиковъ небрежно кивнулъ низко кланявшемуся ему Мустафѣ.

— Хорошій конь у Муртузъ-аги, этотъ сѣрый; самая лучшая его лошадь!—сказалъ онъ, какъ бы между прочимъ, показывая на отъѣзжавшаго отъ берега татарченка на сѣромъ жеребцѣ.

— А, якши атъ, чохъ якши \*\*\*)!—прицѣлнулъ языкомъ Мустафа.—Такой лошка \*\*\*\*) ни у кого нѣтъ во всей Суджѣ!

— Вѣрно, вѣрно; ну, прощай, карташъ \*\*\*\*\*)!

— Прощай, ага, бывай здоровъ!

Паромъ медленно поползъ къ русскому берегу. Сударчиковъ торжествовалъ; теперь онъ зналъ, что Муртузъ-ага въ Анадырь, иначе откуда взяться его лошади. Надо скорѣе предупредить поручика: можетъ, Муртузъ еще задумаетъ переправиться черезъ границу.

Вернувшись обратно, Сударчиковъ поспѣшилъ къ себѣ въ

\*) Завтра утромъ.

\*\*) Зря говорить, обманывать.

\*\*\*) Хорошая лошадь, очень хорошая.

\*\*\*\*) Татары лошадей по-русски называютъ лошка.

\*\*\*\*\*) Братъ.

комнату, торопливо досталъ четвертушку бумаги и дрожащими, худо слушающимися пальцами началъ выводить угловатымъ почеркомъ донесеніе.

«Его высокородію, — писалъ онъ, — командиру Урюкъ-Дагскаго отряда, отставного фельдфебеля Сударчикова донесеніе. Доношу Вашему Благородію, что Муртузь-ага въ настоящее время находится въ сел. Анадырѣ и, очень можетъ быть, сею ночью будетъ переправляться на нашу сторону. О чемъ вашему благородію и доношу для свѣдѣнія».

Написавъ и запечатавъ пакетъ сургучной печатью, Сударчиковъ отправился разыскивать «подлеца Керимку». «Подлецъ Керимка» былъ круглый сирота, татарченокъ лѣтъ 12, жившій, какъ птица небесная, постоянно голодный, полуагагой, но, несмотря на то, всегда веселый. Онъ съ хитростью обезьяны льнулъ къ солдатамъ, которые, по русскому добродушію, относились къ нему несравненно лучше, чѣмъ его соплеменники-татары. Если бы не солдаты, «подлецъ Керимка» навѣрно давно бы померъ съ голоду или замерзъ гдѣ-нибудь въ полѣ. Солдаты его прикармливали, отдавали старые обноски и иногда въ особенно лютую стужу пускали ночевать въ казармы, гдѣ онъ, свернувшись на полу, какъ собаченка, безъ матраца и подушки, но пригрѣтый, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Въ благодарность за такое, въ сущности, ничтожное вниманіе, «подлецъ Керимка» исполнялъ для солдатъ разныя порученія и состоялъ у нихъ на побѣгушкахъ.

Прошло добрыхъ полчаса, а то и часъ, пока Сударчикову удалось разыскать, наконецъ, Керимку на дворѣ какого-то татарина, гдѣ онъ помогаль складывать въ кучу кизяки.

Раздосадованный долгими безплодными поисками, Сударчиковъ первымъ долгомъ схватилъ мальчугана за шиворотъ и, ничего не говоря, пребольно оттрепалъ его за уши. Впрочемъ, «подлецъ Керимка» къ такому обращенію привыкъ давно; онъ даже не счелъ нужнымъ сопротивляться, а только пищалъ, какъ поросенокъ, змѣей извиваясь въ грубыхъ рукахъ фельдфебеля. Окончивъ массированіе Керимкиныхъ ушей, Судар-



чиковъ отвелъ его въ укромный уголокъ, гдѣ никто не могъ ихъ видѣть, и сунулъ ему за пазуху пакетъ.

— Слушай, пострѣль, — строго хмуря брови, приказалъ старикъ, — бѣги сломя голову на постъ Урюкъ-Дагъ къ командиру, отдай ему этотъ пакетъ прямо въ руки; слышишь, — самъ отдай. Если солдаты на посту захотятъ взять



Керимка.

пакетъ — не отдавай имъ; скажи: Сударчиковъ, молю, приказалъ самому командиру отдать. Если спать будетъ, вели сбудить; не бойся ничего, отъ моего имени дѣйствуй. Смѣкаешь? Вотъ тебѣ два шаура\*), а проворно и умненько сдѣлаешь, приходи — абазъ\*\*) дамъ.

Керимка жадно схватилъ деньги и торопливо сунулъ ихъ въ карманъ рваной солдатской жилетки, надѣтой поверхъ грязной холщевой рубахи, которая вмѣстѣ съ такими же портами составляла всю его одежду, весьма легкомысленную по зимнему времени. Не заставляя повторять приказанія, онъ со всѣхъ ногъ съ мѣста пустился бѣжать на Урюкъ-Дагскій постъ; только голыя пятки его, не взирая на зиму, босыхъ ногъ замелькали въ воздухѣ.

— Ишь, шустрый дьяволонокъ! — шевельнулъ усами Сударчиковъ, глядя влѣдъ бѣгущему мальчишкѣ. — Швидче лошади дуетъ, за полчаса добѣгитъ. Ну, что Богъ дастъ? Каково-то удастся? Помози, Господи!

Старикъ отъ полноты чувствъ даже перекрестился.

\*) Шауръ — пятакъ.

\*\*) Абазъ — двугривенный.

## Въ пещерѣ.

Быль яркій солнечный день. Несмотря на декабрь мѣсяць, градусникъ въ полдень стоялъ на нуль, что, въ связи съ жгучими лучами южнаго солнца и отсутствіемъ всякаго вѣтра, производило впечатлѣніе положительно теплаго дня. Лидія въ суконной амазонкѣ и плюшевой ватной кофточкѣ, въ мѣховой шапочкѣ и перчаткахъ изъ козьяго пуха, вышла на крыльцо, подлѣ котораго таможенный солдатъ держалъ подъ узцы застоявагося Копчика. Горячій конь нетерпѣливо топтался на мѣстѣ и рылъ землю то правой, то лѣвой ногой, сердито встряхивая тонкой, какъ шелкъ, гривой.

— Куда это ты собралась?—удивилась нѣсколько Ольга, увидя сестру въ такомъ костюмѣ.

— Хочу проѣхаться немного. Давно уже не ѣздила. Копчикъ совсѣмъ застоялся!

— Одна?

— Я недалеко, на почтовую станцію, хочу письмо сдать; кстати, я, можетъ быть, къ почтмейстершѣ зайду, посижу у нея немного. Я тебѣ для того это говорю, чтобы ты не беспокоилась, если я немного запоздаю. Ну, до свиданья!

Она въ нѣсколько прыжковъ сбѣжала съ лѣстницы и легко и граціозно, почти безъ всякой помощи, какъ бы вспорхнула на сѣдло.

Почувствовавъ на себѣ всадницу, Копчикъ еще больше заволновался, захрапѣлъ, согнулъ шею дугой и, сдѣлавъ дватри короткихъ лансада, пошелъ, играя и поджимаясь, сердито



и нетерпѣливо прося повода. Выбравъ изъ селенія, Лидія легкимъ прикосновеніемъ хлыстика подняла его въ галопъ и поскакала къ видѣвшимся вдали горамъ. Доскакавъ до подошвы ближайшихъ скалъ, она перевела Копчика въ шагъ, и осторожно перебравшись черезъ глубокую канаву, окаймлявшую шоссе, направилась по едва замѣтной дорожкѣ къ глубокому ущелью, чернѣвшему, какъ пасть чудовища. Въ ущельѣ было значительно холоднѣе, дулъ рѣзкій вѣтеръ, но Лидія не обращала на это вниманія и продолжала скорымъ шагомъ подыматься вверхъ по каменистой, извилистой тропинкѣ. Обогнувъ высокую, похожую на египетскую пирамиду, скалу, Лидія увидѣла широкую площадку, со всѣхъ сторонъ окруженную скалами, въ одной изъ которыхъ зіяла большая, глубокая пещера. Не успѣла молодая дѣвушка остановиться, какъ изъ-за камней ей навстрѣчу поднялась высокая угрюмая фигура курда съ ружьемъ за спиной и огромнымъ кинжаломъ у пояса; одновременно съ этимъ изъ глубины пещеры вышелъ Муртузъ-ага.

— Видите, я сдержала свое слово!—сказала Лидія, легко спрыгивая съ сѣдла и передавая поводъ Копчика курду, который тотчасъ же куда-то съ нимъ исчезъ.

— Вижу, вижу!—радно улыбулся тотъ, пожимая ей руку.—Ну, милости просимъ, пожалуйста въ пещеру, а то здѣсь холодно!

— А тамъ развѣ теплѣе?—усумнилась Лидія, слѣдуя за Муртузомъ.

— А вотъ сами увидите!

Они вошли, и молодая дѣвушка была невольно изумлена тѣмъ видомъ, который приняла теперь знакомая ей пещера. Посрединѣ ея были поставлены куртинскія камышевыя, оплетенныя палласами ширмы; на небольшомъ пространствѣ, отгороженномъ этими ширмами, были насланы толстые войлоки, а поверхъ нихъ персидскіе ковры съ положенными на нихъ двумя подушками; въ углу горѣлъ яркій костеръ, дымъ котораго уходилъ вверхъ, въ едва замѣтную щель въ скалѣ. Не-

смотря на то, что входъ въ пещеру былъ открытъ, въ ней было тепло, какъ въ комнатѣ.

— Да вы тутъ прекрасно устроились!—воскликнула Лидія, оглядывая пещеру.

— Иначе было нельзя. Я сказалъ вамъ, что буду васъ ждать три дня. Погода могла испортиться, наступить морозы, и тогда въ этой пещерѣ недолго и замерзнуть!

— Но откуда же вы достали все это—подушки, ширмы, ковры?

— Какъ откуда?—Изъ Персїи! Я взялъ съ собою двухъ вьючныхъ катеровъ, подъ вещи; кромѣ того, со мною четыре курда, одного вы сейчасъ видѣли!

— И вамъ удалось такимъ скопищемъ незамѣтно проскользнуть черезъ границу? Удивляюсь!

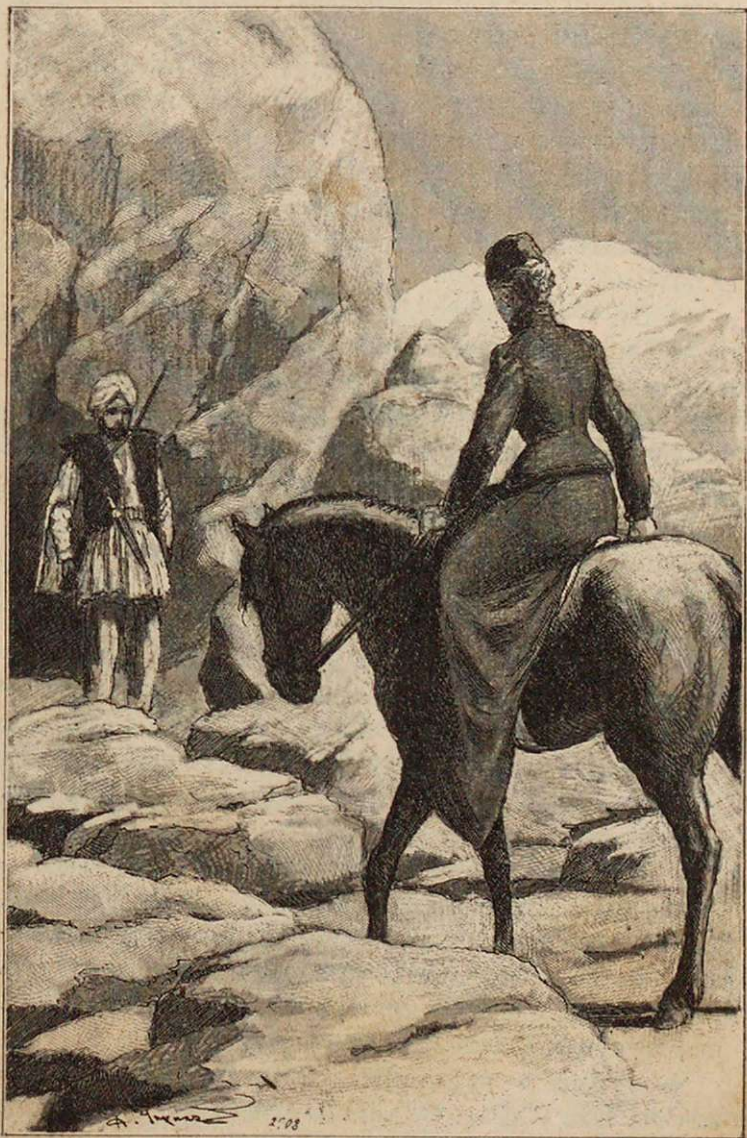
— Что же тутъ удивительнаго?—усмѣхнулся Муртузъ-ага.—Я же вамъ говорилъ, если захочу—пройду черезъ границу, и никто меня не увидитъ и не услышитъ. Скажу вамъ лучше: я имѣю неопровержимыя свѣдѣнія, что насъ эту ночь ждали. У Воинова всѣ люди на границѣ. На посту два-три человѣка—не больше, у каждаго брода заложены секреты изъ нѣсколькихъ человѣкъ, кромѣ того, всю ночь разбѣзжаютъ конные патрули. Самъ онъ тоже на границѣ. Изъ всего этого ясно: онъ какимъ-то чудомъ узналъ о моемъ прїѣздѣ въ Анадырь, сообразилъ, что я думаю тайно переправиться, и усиленно караулилъ всю ночь.

— Въ такомъ случаѣ, какъ же вы пробѣжали?

— Очень просто: я выбралъ путь, гдѣ меня могли меньше всего ждать, а именно—около самаго поста. Я прошелъ съ своими людьми въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ часового; не въ мѣру усердный солдатъ слишкомъ внимательно приглядывался вдаль и черезчуръ прислушивался къ ожидаемой гдѣ-нибудь у дальняго брода тревогѣ, чтобы видѣть и слышать около себя!

— Но почему же вы узнали, что васъ ждутъ во всѣхъ бродахъ?—все больше и больше изумлялась Лидія.





„Не успѣла Лидія остановиться, какъ изъ-за камней поднялась фигура курда съ ружьемъ за спиной“...

\*

20

— Ну, это ужь совсѣмъ пустяки. Наканунѣ этого дня, когда я рѣшилъ переправиться, я послалъ трехъ своихъ курдовъ; они весь день неподвижно пролежали въ камышахъ, а вечеромъ, когда солдаты начали занимать секреты, мои развѣдчики, какъ змѣи, расползлись во все стороны, тщательно все высмотрѣли, а затѣмъ, незамѣченные никѣмъ, переплыли Араксъ и дали мнѣ знать. Руководствуясь ихъ указаниями, я прошелъ такъ-же спокойно, какъ будто бы на границѣ никого не было.

— Ну, теперь я вижу, вы, дѣйствительно, не хвастались, говоря, что можете по желанію безнаказанно перейти границу, когда угодно!—воскликнула Лидія, невольно любуясь спокойнымъ, мужественнымъ видомъ Муртузъ-аги, который стоялъ передъ нею, поигрывая рукояткой кинжала, гордый, презирающій всякую опасность и въ то же время почтительно-покорный.

Прошло нѣсколько минутъ въ томительномъ молчаніи. Оба сидѣли одинъ противъ другого на коврѣ, подложивъ подъ локоть подушку и не глядя въ лицо другъ другу. Первая заговорила Лидія.

— Ну, что же, Муртузъ-ага, я исполнила свое обѣщаніе — пріѣхала, теперь дѣло за вами. Повторяю еще разъ: не любезнѣе руководить мною, а желаніе вамъ добра. Подѣлитесь со мною вашимъ горемъ, и затѣмъ мы вдвоемъ обсудимъ, нельзя ли будетъ вамъ выйти изъ тяжелаго положенія, въ которомъ вы находитесь!

— Нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность! — тронутымъ голосомъ произнесъ Муртузъ. — За двадцать лѣтъ, что я покинулъ родину, первый разъ я слышу голосъ искренняго участія... Тѣмъ тяжелѣе мнѣ будетъ моя исповѣдь, такъ какъ увѣренъ, что послѣ нея вы отвернетесь отъ меня... Вотъ главная причина, сковывающая мой языкъ...

— Я здѣсь не въ качествѣ судьи!—тихо и спокойно произнесла Лидія.—Какъ бы ваше преступленіе ни было ужасно, вы успѣли уже много выстрадать за него; говорите смѣло и вѣрьте, я не брошу въ васъ камня!



— Вы—ангелъ, я давно это узналъ и съ первой же встрѣчи сталъ боготворить васъ! Вы казались мнѣ существомъ нездѣшняго міра... Ахъ, зачѣмъ я васъ встрѣтилъ! Мнѣ и раньше было тяжело, теперь-же моя жизнь невыносима!..

Послѣднія слова Муртузъ произнесъ въ порывѣ такого отчаянія, что Лидіи стало его особенно жалко.

— Успокойтесь, — произнесла она ласковымъ, ободряющимъ тономъ, — и рассказывайте вашу исторію. Когда вы выскажитесь, вамъ будетъ легче, увѣрю васъ!

— Повинуюсь, но дайте мнѣ собраться съ мыслями!

Съ этими словами Муртузъ закрылъ глаза и нѣсколько разъ провелъ рукой по лбу; выраженіе лица его было страдальческое. Очевидно, ему было очень трудно приняться за рассказъ, но послѣ нѣкотораго колебанія, преодолевъ свое волненіе, онъ, наконецъ, началъ глухимъ, какъ бы чужимъ голосомъ.

## Признаніе.

Прежде всего о моемъ имени, кто я и откуда родомъ. Я — грузинъ, фамилія моя — князь Каталадзе, зовуть меня Михаилъ Иракліевичъ. Если бы вы были знакомы съ исторіей нашего края, вы бы знали, что въ прежнія времена фамилія князей Каталадзе играла большую роль въ судьбахъ Грузіи, а въ концѣ царствованія Императора Александра I одинъ изъ князей Каталадзе занималъ видный военный постъ въ Петербургѣ, но въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ умеръ въ преклонной старости, разорившійся и всѣми забытый. Родныхъ сыновей у него не было, но былъ племянникъ — мой отецъ, начавшій свою карьеру въ гвардіи, но затѣмъ, по недостатку средствъ, принужденный перейти въ гражданскую службу. Однако, въ гражданской службѣ отцу моему не повезло. Говорятъ, причиной этому были его грузинская вспыльчивость и откровенность, съ которою онъ рѣзко и грубо говорилъ людямъ въ глаза то, о чемъ они не любятъ слушать. Не знаю, насколько все это правда, но когда я родился, отецъ уже нигдѣ не служилъ, а проживалъ въ своемъ родовомъ запущенномъ имѣніи, едва-едва прокармливавшемъ его и его семью, состоявшую, кромѣ меня и матери, еще изъ двухъ сестеръ, обѣ старше меня, и младшаго брата, теперь уже давно умершаго.

«Мать моя была русская, отецъ женился на ней, когда еще служилъ въ Петербургѣ. Бракъ этотъ былъ счастливъ, хотя, какъ мнѣ кажется, вспыльчивый, строптивый характеръ отца



не мало приносилъ ей огорченій. Мать моя происходила изъ старинной зажиточной дворянской семьи; благодаря деньгамъ, принесеннымъ ею въ приданое, отецъ могъ выкупить отъ ростовщиковъ-армянъ свое родовое, съ незапамятныхъ временъ заложенное имѣніе, гдѣ онъ и поселился, оставивъ службу, причинявшую ему только однѣ непріятности. Когда мнѣ исполнилось 12 лѣтъ, меня отравили въ военную гимназію въ Петербургъ на попеченіе тетки, замужней сестры моей матери. Рожденный подъ роскошнымъ солнцемъ Грузіи, взлелѣянный ея благотворнымъ воздухомъ, я, однако, не могъ выносить суроваго, туманнаго климата сѣверной столицы и постоянно болѣлъ. Благодаря тому обстоятельству, что я большую часть года проводилъ въ госпиталь, науки мои шли очень плохо, и я съ грѣхомъ пополамъ окончилъ гимназію, но въ военное училище уже не пошелъ, а вернулся поскорѣе на родину и поступилъ въ одинъ изъ туземныхъ полковъ вольноопредѣляющимся. Съ этого-то момента и начинается исторія моего несчастья».

Муртузь-ага, котораго мы теперь уже будемъ называть его настоящимъ именемъ—княземъ Каталадзе—тяжело вздохнулъ и, помолчавъ немного, какъ бы обдумывая дальнѣйшее повѣствованіе, снова началъ:

«Итакъ, я поступилъ въ полкъ. Какое это было чудное время!.. Къ сожалѣнію, оно продолжалось недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ».

«Полкъ нашъ былъ какъ одна семья; офицерство состояло изъ грузинъ и русскихъ. Ни армянъ, ни татаръ въ средѣ его не было, все были на «ты» другъ съ другомъ, все какъ братья. Вольноопредѣляющимся жилось прекрасно, они были приняты въ офицерскую среду совсѣмъ запросто, по-товарищески, не такъ, какъ въ другихъ пѣхотныхъ полкахъ, гдѣ съ ними обращаются немного лучше, чѣмъ съ простыми нижними чинами. Такъ какъ большинство офицеровъ были грузины, то они давали тонъ всему полку; благодаря имъ, рѣдкій день проходилъ безъ веселаго сборища въ квартирѣ кого-либо

изъ нихъ. Кахетинское лилось рѣвкой, благо въ тѣ времена оно было немногимъ дороже воды; «азарнешъ» \*) весело ходилъ по рукамъ удалой компаніи, подъ дружное пѣніе традиціоннаго «Мраваль Джаміе» и забористые шутливые тосты остроумца тамады \*\*). Иногда пиръ затягивался дня на три, на четыре, при чемъ заправскіе кутили все это время такъ и не отходили отъ стола. Когда вино и сонъ одолевали ихъ буйныя головы, они облакачивались на столъ и дремали часъ другой со стаканами въ рукахъ, послѣ чего, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принимались за кутежъ, пока, наконецъ, какое-нибудь постороннее обстоятельство не прекращало попойки. Не довольствуясь кутежами въ холостой компаніи, офицерство наше то и дѣло устраивало пикники съ дамами: какъ съ полковыми, — женами офицеровъ, такъ и съ городскими. На пикники преимущественно ѣздили верхомъ; у рѣдкаго офицера не было своего коня, какого-нибудь лихого кабардинца или золотистаго карабаха.

«Какъ теперь вижу я эти веселые поѣзда. Три-четыре фазтона \*\*\*) , наполненные нарядно одѣтыми дамами, мчатся четверками во весь духъ по ровной дорогѣ, среди виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ... Вокругъ нихъ, спереди и сзади, джигитыя и перекликаясь между собою, на поджарыхъ, горячихъ коняхъ несутся молодые офицеры, ловкіе, стройные, въ черкескахъ, увѣшанные оружіемъ въ богатой серебряной оправѣ.

«Тутъ же, не уступая мужчинамъ въ лихости и удали, скачутъ двѣ-три амазонки въ цвѣтныхъ офицерскихъ фуражкахъ, съ разгорѣвшимися лицами и блестящими глазами... Глядя на молодежь, и у солидныхъ офицеровъ разгорается сердце: не вытерпитъ иной тучный, съдовласый и плѣшивый маіоръ, слѣзетъ съ своей повозочки, запряженной парой рѣзвыхъ иноход-

\*) Азарнешъ—круговой кубокъ; обыкновенно сдѣланъ изъ турьяго рога, обдѣланнаго въ серебро.

\*\*) Тамада—предсѣдатель пира, руководящій попойкой и придумывающій тосты, отличающіеся замысловатостью и игривостью.

\*\*\*) На Кавказѣ извозчиковъ называютъ—фазтонщиками, а экипажи ихъ—парныя коляски—фазтонами.



чиковъ, и попросить кого-нибудь изъ молодежи уступить своего коня, а самому сѣсть въ его маіоровскую повозку; кряхтя и сопя, влѣзаетъ старикъ на сѣдло и, пригнувшись къ лукъ, мчится за умчавшейся кавалькадой, которая встрѣчаетъ его громкимъ и дружнымъ хохотомъ, добродушно подтрунивая надъ его не умѣщающимся на сѣдлѣ животомъ и толстыми короткими ногами.

— Ладно, смѣйтесь, молокососы! — добродушно ворчить старикъ-ветеранъ. — Думаете, я не былъ такой, какъ вы? Былъ, еще, пожалуй, лучше! Помню, какъ въ 1849, я былъ тогда совѣтъ юнымъ прапорщикомъ, мы...

«И тутъ старикъ начиналъ безконечную повѣсть изъ великой эпохи, которая зовется — Кавказская война. Эти безхитростные рассказы, помню, дѣйствовали на насъ, молодежь, какъ смола на огонь, зажигая въ нашихъ сердцахъ жадную опасность и подвигамъ. Съ горящими глазами, сжимая пальцами эфесы шашекъ и рукоятки кинжаловъ, слушали мы старыхъ воякъ, принося въ душѣ своей клятвы при случаѣ послѣдовать ихъ примѣру и поддержать незыблемую героическую славу кавказскихъ войскъ. Ахъ, чудное, невозвратное время!.. Впрочемъ, простите, я, кажется, увлекся и говорю не о томъ, о чемъ слѣдуетъ... На чемъ я остановился? Ахъ, да, — на томъ, что я поступилъ въ полкъ. Въ полку я былъ зачисленъ въ 1-ю роту; ротный командиръ у меня былъ капитанъ Некрасевъ, Егоръ Сергѣевичъ. На моемъ слабomъ языкѣ нѣтъ такихъ словъ, которыми бы я могъ рассказать вамъ, что это была за личность; во всемъ, въ чемъ только вы хотите, онъ могъ служить образцомъ. Прекрасный фронтовикъ, служившій, сумѣвшій поставить свою роту на такую недосыгаемую высоту въ дѣлѣ военнаго образованія и воспитанія, что никому и въ голову не приходило тягаться съ нимъ, — Егоръ Сергѣевичъ, такъ звали Некрасева, въ то же время былъ человѣкъ весьма добрый, даже снисходительный; съ солдатами обращался прекрасно, съ отеческою о нихъ заботливостью; что-же касается товарищей-офицеровъ, то лучшаго товарища

нельзя было и представить себѣ. У насъ его все любили и почитали, мы же, мальчишки, вольноопредѣляющіеся его роты, прямо обожали его. Съ нами онъ держалъ себя очень просто, дружески, на службѣ былъ строгъ и взыскателенъ, а внѣ службы онъ являлся для насъ не начальникомъ, а какъ бы старшимъ братомъ. Попасть къ нему въ роту считалось большой честью и счастьемъ. Какъ и подобаетъ солидному ротному командиру, человѣку пожилому, капитанъ Некрасевъ былъ женатъ. Жена его — Людмила Павловна — была моложе его на 20 лѣтъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, Некрасеву было 45, а ей двадцать пять лѣтъ, но это не мѣшало имъ жить душа въ душу и сильно любить другъ друга.

«Особенно Некрасевъ, — онъ, какъ говорится, души не чаялъ въ своей женѣ, да, признаться, въ этомъ не было ничего удивительнаго: Людмила Павловна была во всехъ отношеніяхъ замѣчательная женщина. Умница, какихъ мало, образованная, всегда веселая, хорошая музыкантша и пѣвица и ко всему этому красавица такая, какихъ я ни раньше, ни позже, до встрѣчи съ вами, не встрѣчалъ. Высокаго роста, стройная, съ дивными глазами, она съ одного взгляда могла свести съума любого мужчину... У насъ въ полку половина офицеровъ была влюблена въ нее до потери разсудка... Ко всему этому она была большая кокетка; у нея была страсть кружить головы своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Теперь, подъ старость, припоминая прошлое, я нахожу эту черту характера въ ней — ея единственнымъ недостаткомъ, тогда-же, разумѣется, я этого не находилъ. Напротивъ, въ нашихъ глазахъ кокетство Людмилы Павловны имѣло особенную прелесть и вызывало ни съ чѣмъ несравнимый восторгъ. Надо-ли говорить, что я — въ то время восемнадцати лѣтній юноша — не избѣгъ общей участи и съ первыхъ-же дней моего знакомства съ Людмилой Павловной страстно и безумно влюбился въ нее.

«На бѣду, не знаю отчего, по отношенію ко мнѣ, Людмила Павловна была какъ-то особенно внимательна. Я былъ самый



юный изъ всѣхъ ея тогдашнихъ поклонниковъ, и она глядѣла на меня, какъ на мальчика, забывая, что грузинъ, сынъ юга, въ 18 лѣтъ, пожалуй, болѣе мужчина, чѣмъ сѣверянинъ въ 20—22 года, и въ нѣсколько разъ превосходить его пылкостью своего темперамента и страстностью натуры. Къ сожалѣнію, Людмила Павловна не думала объ этомъ и тѣмъ погубила всѣхъ насъ троихъ. Относясь ко мнѣ, какъ къ ребенку, она позволяла себѣ много лишняго, держалась черезчуръ за просто, возилась со мною... шутя, драла меня за уши, шутя била меня по лицу, преимущественно по губамъ своими перчатками, вѣромъ, а то и просто пальчиками... Ей, очевидно, доставляло наслажденіе дразнить «мальчишку», каковымъ она меня считала, искренно забавляясь кипѣвшей во мнѣ страстью... Она смѣялась, дурачила, а я терзался, мучился, страдалъ... Я мѣста себѣ не находилъ, сжигаемый внутреннимъ огнемъ... Я бросался передъ ней на колѣни, въ пылкихъ словахъ изливая ей мою любовь, мои терзанія, но, чѣмъ страстиѣ были мои объясненія въ любви, тѣмъ громче и беззаботнѣе она смѣялась, тѣмъ сильнѣе мучила меня... Она была положительно безжалостна. Единственнымъ ей оправданіемъ служило то обстоятельство, что она искренно считала меня слишкомъ юнымъ, а страсть мою слишкомъ ребяческою, чтобы придавать ей какое-нибудь серьезное значеніе; но, повторяю, я былъ далеко не ребенокъ и очень скоро доказалъ ей это... Какъ это случилось, признаюсь, я и самъ не знаю, да и она, по всей вѣроятности, не знала... Чудный вечеръ, опьяняющій воздухъ и аромат тѣнистаго сада, гдѣ мы сидѣли уединенно одни, бѣшенная страсть, превратившая меня въ звѣря, давшая мнѣ смѣлость и рѣшительность, а въ ней вызвавшая растерянность и испугъ... — словомъ, цѣлое сплетеніе причинъ и обстоятельствъ. Какъ-бы то ни было, но съ этой минуты мы помѣнялись ролями. Кошка, игравшая дотолѣ мышкой, вдругъ сама превратилась въ мышку и сдѣлалась жалкой игрушкой въ рукахъ того, кого еще недавно она такъ безжалостно мучила... Страхъ передъ мужемъ, боязнь открытія проступка,

сдѣлали Людмилу Павловну покорной рабой моихъ желаній... Сознаюсь и каюсь, — я поступалъ подло, низко, безчеловѣчно. Единственнымъ, если не оправданіемъ, то объясненіемъ моего тогдашняго поведенія была моя страсть; я любилъ Людмилу Павловну, любилъ горячо, безумно, но не самоотверженно. Впрочемъ, трудно требовать отъ человѣка въ восемнадцать лѣтъ самоотверженности и великодушія въ вопросахъ такого рода... Нѣсколько разъ несчастная женщина принималась умолять меня, чтобы я пожалѣлъ ее, уѣхалъ изъ того города, гдѣ мы жили, перевелся-бы въ другой полкъ и тѣмъ порвалъ наши отношенія, пока еще не поздно, пока онѣ составляютъ тайну, которая въ противномъ случаѣ рано или поздно должна же, наконецъ, открыться. Я отлично сознавалъ всю правоту, все благоразуміе и, наконецъ, всю справедливость такого требованія, — но въ то-же время не находилъ въ себѣ достаточно силъ добровольно отказаться отъ своего счастья. Повторяю, я любилъ... Общаая ей уѣхать, я, даже получивъ уже отпускъ, все оттягивалъ свой отъѣздъ, прося у нея послѣдняго свиданія. Послѣ долгихъ отказовъ и отговорокъ, она уступила, наконецъ, моимъ настояніемъ, надѣясь этимъ купить себѣ покой и избавиться отъ меня, но я подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ опять откладывалъ тяжелый для меня день разлуки и опять требовалъ и настаивалъ на новой встрѣчѣ... Это было съ моей стороны какое-то безуміе. Гнуснѣе всего было то, что Егоръ Сергѣевичъ ничего не подозрѣвалъ и продолжалъ относиться ко мнѣ съ большимъ расположеніемъ и довѣріемъ; а между тѣмъ по городу уже начали похаживать сплетни, сначала весьма неясныя, туманныя, робкія, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе настойчивыя и упорныя... Въ провинціальномъ горедѣ, гдѣ жизнь каждая, какъ на ладони, трудно уберечься отъ наблюденій милыхъ сосѣдей, и нѣтъ того секрета, который-бы въ очень непродолжительное время не сдѣлался-бы достояніемъ всѣхъ и каждого.

«Кое-какіе отголоски бродившихъ слуховъ достигли, наконецъ, и до моихъ ушей. Я понялъ, что долѣе откладывать съ отъѣздомъ нельзя. Отпускной билетъ у меня былъ готовъ



давнымъ-давно, вещи уложены, оставалось сѣсть въ почтовую тележку и уѣхать, сперва къ отцу въ имѣніе, а затѣмъ мѣсяца черезъ полтора въ юнкерское училище. Была минута, когда я совсѣмъ готовъ уже былъ послать за лошадьми и ѣхать, но видно злой духъ, желавшій нашей гибели, подшепнулъ мнѣ остаться еще на одинъ день...

---

## У б і й с т в о .

Съ вечера я послалъ Людмиль Павловнѣ записку о томъ, что утромъ уѣзжаю. Въ доказательство безповоротности моего рѣшенія, я одновременно съ этой запиской послалъ ей мужу рапортъ о выѣздѣ; рапортъ этотъ былъ помѣченъ тѣмъ-же числомъ. Такимъ образомъ я считался выбывшимъ изъ города, наканунѣ того дня, когда разсчитывалъ уѣхать въ дѣйствительности. Сначала, я думалъ уѣхать, не повидавшись съ Людмилой Павловной, но желаніе еще разъ взглянуть на нее передъ вѣчной, по всей вѣроятности, разлукой взяло верхъ надъ благоразуміемъ, и я на другой уже день, зная, что Егоръ Сергѣевичъ на занятіяхъ въ ротѣ, послалъ Людмиль Павловнѣ вторую записку, требуя, чтобы она пришла въ рошу на послѣднее свиданіе, угрожая въ противномъ случаѣ остаться и не уѣхать, несмотря на поданный наканунѣ рапортъ. Зная мою отчаянность и легко допуская возможность выполненія мною моей угрозы, Людмила Павловна, считавшая себя уже свободной, не на шутку испугалась и послышала на мой призывъ... Тяжело мнѣ было разставаться съ нею, такъ тяжело, что не умѣю и сказать... Въ эту минуту я искренно и глубоко страдалъ. Даже Людмиль Павловнѣ стало подъ конецъ жалко меня, и она, стараясь меня утѣшить, первый, можетъ быть, разъ отъ всего сердца ласкала меня... Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, и она любила меня? Да и навѣрно любила; не настолько, конечно, чтобы бросить мужа, порвать связи съ обществомъ и пойти за мной



безъ оглядки и безъ разсужденія, но, тѣмъ не менѣе, достаточно сильно... Однако, всему бывастъ конецъ; пришелъ конецъ и нашему свиданью... Обнявъ и поцѣловавъ меня въ послѣдній разъ, Людмила Павловна встала съ поваленнаго вѣтромъ дерева, служившаго намъ скамьей, и быстрымъ шагомъ пошла домой.

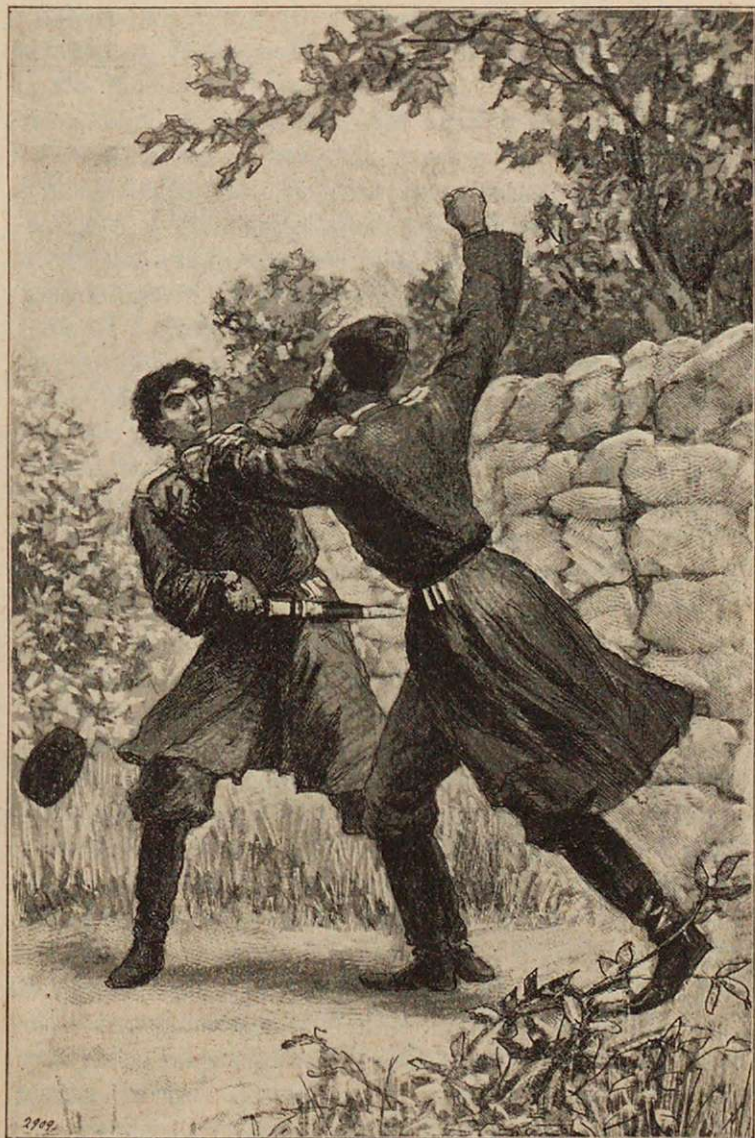
— Позвольте мнѣ проводить васъ до вашего сада, — взмолился я, — только до сада! Клянусь честью матери \*), я не переступлю порога калитки, а прямо пройду домой, сяду въ повозку, которая, навѣрно, меня уже ждетъ, и ѣду!

«Людмила Павловна мнѣ ничего не отвѣтила, и я, принявъ ея молчаніе за согласіе, пошелъ съ ней рядомъ. По моему расчету Егоръ Сергѣевичъ былъ еще въ ротѣ, откуда онъ приходилъ не раньше, какъ солдаты, окончивъ занятія, сядутъ обѣдать, т. е. въ часъ дня или около того, нѣсколькими минутами раньше, нѣсколькими минутами позже. Поэтому я не мало былъ пораженъ, когда, подойдя съ Людмилой Павловной къ калиткѣ сада, мы неожиданно столкнулись съ Егоромъ Сергѣевичемъ. Всегда спокойный и сдержанный, на этотъ разъ онъ былъ страшно взволнованъ; лицо его было блѣдно, и по немъ бѣгали судороги, брови мрачно насуплены, а сжатые въ кулаки руки дрожали, какъ при лихорадкѣ... Увидя меня и Людмилу Павловну, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и, стремительно отпрянувъ назадъ, воззрился на насъ пытливымъ, недобримъ взглядомъ... Я видѣлъ, какъ Людмила Павловна вдругъ сильно поблѣднѣла, и все лицо ея приняло выраженіе одного сплошного ужаса. Низко наклонивъ голову, трепеща всѣмъ тѣломъ, проскользнула она мимо мужа, не рѣшаясь поднять на него своихъ глазъ, и поспѣшила скрыться въ домъ. Проводивъ жену долгимъ взглядомъ, въ которомъ одновременно отразились волновавшія его разнородныя чувства: любовь, ненависть, жалость, бѣшенство, отчаяніе и безысходная тоска, — Некрасневъ поднялъ голову и пристально взглянулъ

\*) Самая страшная клятва у грузинъ.

мнѣ прямо въ глаза, какъ-бы ища въ нихъ подтвержденія своихъ сомнѣній и догадокъ. Только тутъ я замѣтилъ въ его рукѣ скомканный листъ почтовой бумаги,—очевидно, чей-нибудь анонимный доносъ, столь излюбленный въ провинціи способъ открыванія глазъ недогадливымъ мужьямъ... Съ минуты мы пристально, не сморгнувъ, глядѣли одинъ другому въ очи, и, должно быть, въ моихъ глазахъ онъ прочелъ роковую для него истину, потому что онъ вдругъ весь какъ-то пере-кривился, изъ груди его вырвался не то стонъ, не то глухое рычаніе... Еще одинъ мигъ, и онъ держалъ меня одной рукой за горло, а другой со всего размаха наносилъ мнѣ удары по лицу... Въ первое мгновеніе я растерялся отъ такой неожиданности, но уже со вторымъ — моя рука инстинктивно схватилась за рукоятку кинжала... Одно, неуловимое, какъ молнія, движеніе,—и холодная, острая, блестящая сталь глубоко впиалась въ тѣло оскорбителя... Однимъ бѣшенымъ ударомъ я вскрылъ ему весь животъ до самой груди... Егоръ Сергѣевичъ глухо застоналъ и, какъ подкошенный, обливаясь кровью, упалъ къ моимъ ногамъ... Въ это мгновеніе я услышалъ отчаянный, душу раздирающій крикъ и увидѣлъ Людмилу Павловну, растрепанную, страшную, съ безумнымъ выраженіемъ лица, съ широко раскрытыми, застывшими въ смертельномъ ужасѣ глазами; она неслась къ намъ по дорожкѣ сада... Руки ея были простерты, а изъ рта вылеталъ хриплый, нечеловѣческій крикъ, похожій скорѣе на вой; въ паническомъ страхѣ я послѣшно выпустилъ изъ рукъ кинжалъ и безъ оглядки кинулся бѣжать... Удивляюсь, какъ меня не поймали... Охваченный ужасомъ, я бѣжалъ, не отдавая себѣ отчета, бѣжалъ, куда глаза глядятъ, нисколько не заботясь и не думая о скрытіи своихъ слѣдовъ... Не понимаю до сихъ поръ, откуда у меня только силы взялись, какимъ образомъ я могъ бѣжать цѣлый день, не останавливаясь и только, когда ночь опустила свой покровъ на землю, я, наконецъ, опомнился. Осмотрѣвшись кругомъ, я увидѣлъ себя въ совершенно незнакомомъ для меня мѣстѣ, среди какихъ-то угрюмыхъ скалъ;





„Онъ держалъ меня одной рукой за горло, а другой — наносилъ удары по лицу!..“

предо мной вилась узкая каменистая тропинка, и я, не долго думая, торопливо зашагалъ по ней, обуреваемый однимъ желаніемъ поскорѣе и какъ можно дальше уйти отъ того мѣста, гдѣ я оставилъ на дорожкѣ сада плавающего въ крови моего начальника и друга, а подлѣ него еще недавно столь любимую, а теперь страшную мнѣ женщину... Не страхъ кары за совершенное преступленіе, а ужасъ передъ этими двумя загубленными мною людьми, побуждали меня бѣжать впередъ, и я бѣжалъ, то тихо, то шибко, по временамъ останавливаясь, переводя духъ, но не смѣя ни на минуту присѣсть... По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, и подъ вліяніемъ ночной тишины и прохлады, мысли мои начали мало-по-малу проясняться и, наконецъ, прояснились настолько, что я могъ начать разумно обсуждать мое положеніе. Разъ я рѣшилъ скрыться, мнѣ не оставалось иного пути, какъ бѣжать въ Персію или Турцію, смотря по тому, къ какой изъ границъ я находился ближе въ эту минуту. Но, чтобы узнать это, необходимо было зайти въ какое-либо селеніе и разпросить жителей относительно дороги. Рѣшивъ поступить такимъ образомъ, я первымъ долгомъ озаботился измѣнить нѣсколько свой костюмъ. Я уже говорилъ вамъ, что нашъ полкъ носилъ туземную одежду: короткія черкески верблюжьяго сукна, черные бешметы и круглыя шапочки-тушинки, на ногахъ чупяки и наговицы, — въ общемъ, это былъ костюмъ грузинскаго или скорѣе армянскаго поселяннина. Такъ какъ я въ этотъ день собирался уѣзжать, то на мнѣ была надѣта не собственная щегольская черкеска, какія мы носили вообще, изъ тонкаго дорогаго сукна, а обыкновенная казенная изъ грубой верблюжьей матеріи; въ моемъ настоящемъ положеніи это было какъ нельзя болѣе кетати. Надо было только отпороть воротъ бешмета съ нашитыми на немъ унтеръ-офицерскими галунами, сбросить серебряный поясъ съ серебряными ножнами кинжала, да на всякій случай понадѣлать побольше прорѣхъ и дыръ на самой черкескѣ, чтобы достигнуть полнѣйшаго сходства съ поселянниномъ. Я такъ и сдѣлалъ: забросилъ поясъ, ножны



и гозыри въ первую попавшуюся на пути разсѣлину въ скалахъ, острымъ камнемъ пропоролъ спину, бока и подмышники въ своей черкескѣ, оборвалъ подолъ и затѣмъ, къ довершенію всего, хорошенько извозилъ ее по песку и, не теряя времени, двинулся дальше. На разсвѣтъ я встрѣтилъ трехъ татаръ съ навьюченными чѣмъ-то ишаками. Родившись и проведя первые годы дѣтства на Закавказьѣ, я довольно хорошо говорилъ по-татарски, а потому для меня не составило труда разспросить встрѣченныхъ мною погонщиковъ, куда ведетъ тропа, по которой я шелъ. Оказалось, я, не отдавая себѣ отчета, вполнѣ случайно попалъ на дорогу, направляющуюся въ Персію. Можно было подумать, будто-бы судьбѣ самой было угодно, чтобы я спасся, ибо лучшаго выбора пути для своего спасенія я не могъ-бы придумать. Если-бы я пошелъ къ Турціи, граница которой была, правда, гораздо ближе отъ города, гдѣ я жилъ, но зато несравненно многлюднѣе, — меня-бы навѣрно схватили, ибо погоня, по всей вѣроятности, направлена была туда, такъ какъ естественнѣе было ждать отъ меня бѣгства по знакомой мнѣ мѣстности въ ближайшую Турцію, чѣмъ отстоящую отъ мѣста преступления въ нѣсколькихъ переходахъ, далекую персидскую границу, дороги къ которой я не зналъ и не могъ знать.

«Три дня и три ночи шелъ я, почти не останавливаясь, выбирая глухія тропинки, ориентирюясь днемъ по солнцу, а ночью — по звѣздамъ, и только въ крайности заходилъ въ попадавшіяся на пути глухія деревушки купить что-нибудь поѣсть да разспросить про дорогу. Деньги у меня были тѣ самыя, на которыя я собирался ѣхать домой въ отпускъ, съ чѣмъ-то болѣе двадцати рублей. Хотя такая сумма могла считаться вполнѣ ничтожной, но въ моемъ тогдашнемъ положеніи это былъ цѣлый капиталъ, во многомъ посодѣйствовавшій успѣху моего бѣгства.

«Только на четвертый день достигъ я, наконецъ, персидской границы. Я былъ страшно измученъ, ноги мои были изранены; отъ скудной пищи и непомѣрнаго напряженія всѣхъ

физическихъ силъ я отошаль до послѣдней степени... Силы покидали меня. Еще немного, и я, пожалуй, упаль-бы отъ изнможенія, голода и жажды. Упаль-бы, почти достигнувъ цѣли сволхъ стремленій... Но судьба и на этотъ разъ неожиданно пришла мнѣ на помощь: въ глухомъ, безлюдномъ ущельѣ я наткнулся на какого-то подозрительнаго армянина, оказавшагося впоследствии русскимъ шпиономъ и сѣшвившаго черезъ Персію въ Турцію. Мнѣ удалось уговорить армянина взять меня съ собою въ Персію. Только тогда, когда, сидя за его спиною на крупѣ крѣпкаго и сильнаго катера, я вѣхаль въ бурливый, бѣшенно несущійся въ стремительномъ теченіи Араксъ, — я понялъ, насколько счастлива для меня была встрѣча моя съ армяниномъ. Безъ него, предоставленный самому себѣ, я ни подѣ какимъ видомъ не въ состояніи былъ-бы переправиться на ту сторону. Бродовъ я не зналъ, а переплыть такую быструю и свирѣзную рѣку, особенно въ томъ состояніи полнаго упадка силъ, въ какомъ я тогда находился, нечего было и думать. Всякая попытка въ этомъ направленіи неминуемо окончилась-бы моею гибелью.



## Новое отечество.

Какъ я выше сказалъ, армянинъ былъ русскимъ шпиономъ. Тогда Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей, и Кавказскія военныя власти посылали шпионовъ - армянъ для собиранія разныхъ свѣдѣній о положеніи приграничныхъ турецкихъ крѣпостей и о состояніи непріятельскихъ войскъ. Къ однимъ изъ такихъ шпионовъ принадлежалъ и встрѣченный мною армянинъ. Это былъ умный и ловкій старикъ, не лишенный доли мужества и даже склонный къ самопожертвованію. Къ сожалѣнію, его постигла горькая судьба большинства шпионовъ, направившихся въ тотъ годъ въ Турцію: онъ очень скоро былъ изобличенъ и безъ церемоній повѣшенъ турками. Впрочемъ, въ его гибели, какъ я потомъ узналъ, былъ виноватъ Чингизъ-ханъ — владѣтель Суджи, отецъ нынѣшняго правителя Хайларъ-хана. Стиснутый съ обѣихъ сторонъ могучими сосѣдями, собиравшимися въ то время напасть другъ на друга, Чингизъ-ханъ старался угождать и тому, и другому. Въ угоду Россіи онъ помогъ армянину-шпиону, о которомъ я рассказываю, безпрепятственно и очень ловко пробраться въ Турцію и собрать кое-какія свѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ неосторожность переслать черезъ того-же Чингизъ-хана въ Россію. Это была съ его стороны непростительная ошибка, ибо Чингизъ-ханъ, доставивъ въ Россію посылку армянина, счелъ, что этимъ онъ выполнилъ все по отношенію къ русскимъ, и пора подслужиться туркамъ. Выходя изъ такого соображенія, онъ поспѣшилъ стороною преду-

предить пашу сосѣдняго вилайэта и указать ему на проживавшаго тамъ русскаго шпіона. Такимъ образомъ Чингизъ-ханъ явился добрымъ сосѣдомъ и для русскихъ, и для турокъ. Не зная про его вѣроломство, и тѣ, и другіе остались довольны. Недовольнымъ могъ считать себя одинъ только бѣдняга-армянинъ, очутившійся въ одинъ печальный для него день нежданно-негаданно на довольно-таки высококомъ суку. Впрочемъ, объ этомъ меньше всего была забота.

«Оставшись въ Суджѣ, я поступилъ въ службу къ Чингизъ-хану. Должно быть, подъ вліяніемъ дѣлаемыхъ въ Россіи и Турціи приготовленій къ войнѣ, Чингизъ-ханъ задумалъ и у себя завести нѣчто вродѣ регулярнаго войска. Переговоривъ со мной и узнавъ отъ меня, что я военный, Чингизъ-ханъ, очевидно, принялъ меня за русскаго офицера, въ чемъ я, каюсь, его не счелъ нужнымъ разубѣждать. Онъ предложилъ мнѣ организовать изъ подвластныхъ ему курдовъ полкъ казаковъ, а изъ персовъ — полкъ пѣхоты; онъ мечталъ даже и объ артиллеріи, но изъ всѣхъ этихъ затѣй ничего не вышло; послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось съ грѣхомъ пополамъ сформировать одну сотню всадниковъ, но дальше дѣло не двинулось ни на шагъ. Причина такого неуспѣха крылась, во-первыхъ, въ нежеланіи Чингизъ-хана дѣлать большіе расходы, а во-вторыхъ — въ полномъ отсутствіи людей, могущихъ явиться моими помощниками. Но хотя предпріятіе мое и не удалось, Чингизъ-ханъ не измѣнилъ ко мнѣ своего благоволенія; вообще это былъ человѣкъ, имѣвшій свои достоинства, и родился онъ не въ Персіи, неизвѣстно, чѣмъ-бы онъ могъ быть. Гордый деспотъ, кровожадный звѣрь, не знавшій жалости, хитрый и метительный; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ человѣкъ умный. Людей, которые ему были полезны, онъ цѣнилъ и умѣлъ даже привязывать ихъ къ своей особѣ. Ко мнѣ онъ относился особенно хорошо; онъ отлично понималъ, что не будучи природнымъ персомъ, не связанный никакими мѣстными интересами, тѣмъ не менѣе, принужденный жить въ Персіи, — я въ силу своего положенія являлся самымъ надеж-



нымъ, самымъ преданнымъ ему человѣкомъ, на вѣрность и усердіе котораго онъ могъ положиться. Выходя изъ такихъ соображеній, Чингизъ-ханъ приблизилъ меня къ себѣ, и до самой его смерти я пользовался его расположеніемъ, несмотря даже на недовольство нѣкоторыхъ наиболѣе фанатичныхъ мullahъ, не прощавшихъ мнѣ моего христіанскаго происхожденія. Хотя я въ угоду Чингизъ-хану и принялъ мусульманство, но не очень-то усердно исполнялъ обряды и адаты; ярые фанатики мнѣ ставили это въ вину, и не разъ только близость къ свирѣпому хану избавляла меня отъ крупныхъ непріятностей.

«Вскорѣ послѣ того, какъ я поселился въ Суджѣ, мнѣ удалось на дѣлѣ доказать Чингизъ-хану свою преданность. Одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ хана затѣялъ заговоръ противъ него, разсчитывая самъ занять его мѣсто; во дворцѣ многіе даже изъ приближенныхъ къ Чингизъ-хану знали объ этомъ заговорѣ, но изъ сочувствія молчали. Благодаря одной счастливой случайности, я во-время узналъ о готовившемся бунтѣ и успѣшилъ предупредить хана. Хитрый старикъ выслушалъ меня очень внимательно, но сдѣлалъ видъ, будто-бы не повѣрилъ ни одному слову, и съ прежнимъ довѣріемъ продолжалъ относиться къ своему родственнику и ко всѣмъ его сообщникамъ. Такъ прошло недѣли двѣ. Заговорщики уже назначили день нападенія на дворецъ хана, какъ вдругъ произошло неожиданное событіе. Во время бесѣды съ своимъ родственникомъ за чашкой кофе, Чингизъ-ханъ, показывая ему купленный имъ недавно револьверъ, нечаяннымъ выстрѣломъ застрѣлилъ его на мѣстѣ. Надѣ было видѣть, съ какимъ искусствомъ разыгралъ сцену горести по убитомъ, какъ онъ искренно сокрушался! Изъ всѣхъ приближенныхъ только я не повѣрилъ нечаянности убійства, — остальные всѣ были введены въ заблужденіе. Не успѣли, однако, похоронить главнаго заговорщика, какъ погибъ — и тоже неожиданно — одинъ изъ его ближайшихъ сообщниковъ. Онъ шелъ по базару, какъ вдругъ около него нѣсколько человѣкъ курдовъ затѣяли ссору, перешедшую въ драку. Засверкали кинжалы, и одинъ изъ курдовъ, желая

ударить товарища, съ размаху нечаянно всадилъ клинокъ въ грудь подвернувшемуся тайному врагу Чингизъ-хана. Когда оба главныхъ и самыхъ опасныхъ затѣйщика смуть погибли, Чингизъ-ханъ сбросилъ съ себя личину, и тутъ-то я могъ вдоволь наглядѣться на его неукротимую злобу и беспощадную свирѣбую жестокость... Послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ. По приказанію Чингизъ-хана, шайки курдовъ врываются въ дома намѣченныхъ жертвъ и свершали кровавую расправу; гибли не только взрослые мужчины, но женщины и дѣти; при этомъ кровожадные курды не довольствовались простымъ убійствомъ, а предварительно истязали свои жертвы самымъ ужаснымъ образомъ; даже младенцы были подвергнуты неслыханнымъ мученіямъ... Кровь лилась рѣкою, имущество расхищалось, дома разрушались до основанія... Убійства прекратились только тогда, когда не осталось въ живыхъ ни одного заподозрѣннаго въ участіи въ заговорѣ. Перепуганные на смерть суджинскіе жители притаились и трепетали; о какомъ-нибудь сопротивленіи никто и помыслить не смѣлъ, всѣ только объ одномъ и молили, дабы милосердный Аллахъ утихомирилъ сердце сардаря. Понявъ изъ дѣйствій Чингизъ-хана, что ему сдѣлался извѣстнымъ заговоръ, заговорщики, тѣмъ не менѣе, не могли никакъ догадаться, откуда ханъ получилъ нужныя ему свѣдѣнія; старикъ до самой смерти таилъ это про себя и только умирая, и то съ глазу на глазъ, разсказалъ обо всемъ сыну своему Хайларъ-хану, посовѣтовавъ ему приблизить меня къ себѣ, что тотъ и исполнилъ. Теперь я и при сынѣ пользуюсь тѣмъ-же положеніемъ, какимъ пользовался при отцѣ... Вотъ вамъ въ короткихъ словахъ вся моя жизнь. Того-же, какъ я страдаю, какъ рвусь всей душой назадъ въ Россію, какое отчаяніе по временамъ овладѣваетъ мной, — я никакими словами выразить не могу. Чтобы понять все это, надо испытать на себѣ... Слова-же тутъ безсильны. Раньше, до встрѣчи съ вами, я еще кое-какъ влачилъ свое жалкое существованіе, но теперь... теперь я чувствую, жить дольше нельзя. . Къ чему мнѣ мое богатство, моя свобода, даже почетъ, который окружаетъ меня!



О, какъ-бы охотно я отдалъ-бы все золото свое, всѣ брилліанты, лошадей, ковры, словомъ — все, все, за право вернуться въ Россію подъ собственнымъ своимъ именемъ и поступить хотя-бы писцомъ куда-нибудь!.. Иногда, тщательно заперевъ двери и окна, я по цѣлымъ часамъ горячо молюсь у себя въ комнатѣ... плачу... прошу Бога помочь мнѣ... Но и произнося слова молитвы, я сознаю всю невозможность для меня иного исхода. Вернуться въ Россію—это значитъ идти на каторгу. Повторяю, я смерти не боюсь. Однако, и такъ жить, какъ я жилъ—я тоже не могу, особенно теперь... Остается, стало быть, только умереть!..

Послѣднія слова Каталадзе произнесъ покорно-печальнымъ голосомъ и замолкъ, тяжело опустивъ голову.

## XLIII.

### П л а н ы.

Лидія Оскаровна сидѣла блѣдная, потрясенная до глубины души. Все ея существо прониклось жалостью къ этому несчастному человѣку,—той стихійной, всеокрушающей жалостью, на какую бывають способны только женщины, и которая толкаетъ ихъ иногда на величайшіе подвиги самопожертвованія.

— Какъ мнѣ жаль васъ, князь!—тихимъ голосомъ произнесла она, кладя свою руку на его.—Особенно теперь, когда я узнала, какъ мало виноваты вы въ своемъ преступленіи и какъ жестоко за него наказаны!

— Вы говорите—мало виновать!—глухимъ голосомъ произнесъ Каталадзе.—Какъ это можно! Нѣтъ, вина моя ужасна: я убилъ прекраснѣйшаго человѣка, благороднаго, великодушнаго, передъ которымъ самъ-же былъ кругомъ виновать; разбилъ жизнь женщины, мною любимой, перемѣнилъ вѣру... Послѣднее самое ужасное... Нѣтъ преступника больше меня!

— Полноте, не предавайтесь отчаянію!—ласково, наклоняясь къ его лицу, заговорила Лидія.—Преступленіе ваше велико, но вы уже отчасти искупили его, отчасти можете искупить въ будущемъ. Главное, это выйти изъ того положенія, въ которомъ вы находитесь теперь!

— Какъ это сдѣлать?—мрачно произнесъ князь.

— Очень просто. Вы говорите, вы богаты, — въ такомъ случаѣ продайте все, что можно продать, и уѣзжайте въ Европу. Тамъ вы обратитесь въ любое русское посольство, скажите



со всею откровенностью о вашихъ злключеніяхъ и умоляйте государя о помилованіи... Государь нашъ добръ и милостивъ, онъ войдетъ въ ваше положеніе и дозволить вамъ вернуться въ Россію; преступленіе ваше будетъ вамъ прощено. Но если-бы даже вы и подверглись наказанію, то, навѣрно, не такому ужасному, какъ вы думаете...

Князь Каталадзе печально покачалъ головой.

— Все это ни къ чему!..— грустно произнесъ онъ.— Я уже не юноша, мнѣ около сорока лѣтъ; горе и тяжелыя обстоятельства состарили меня, потушили огонь въ моемъ сердцѣ. При такихъ условіяхъ начинать новую жизнь немислимо: у меня не хватитъ энергіи начать новую борьбу съ судьбою, хлопотать, ѣздить, волноваться, сталкиваться съ новыми людьми, съ новыми условіями и порядками жизни... Подумайте, развѣ все это легко?.. Гораздо легче и проще—умереть. Если-бы я еще былъ не одинъ, если-бы подлѣ меня было существо, которое любило-бы меня, поддерживало-бы мою энергію,—о, тогда-бы я нашелъ достаточно силы преодолѣть всѣ препятствія, побороть всѣ трудности, какія-бы судьба ни выдвигала на моемъ пути! Но, увь! Я одинокъ, никому не интересенъ, никому не нуженъ... Для чего-же я буду вновь испытывать судьбу?..

— На новомъ своемъ пути вы можете встрѣтить такое существо...

— Никогда!—порывисто воскликнулъ Каталадзе.— Никогда!

— Откуда же у васъ такая увѣренность?— изумилась Лидія.

— Потому, что я уже встрѣтилъ такого человѣка, который-бы могъ меня спасти, вдунуть въ меня душу, возвратить къ жизни... Но къ чему говорить о томъ, чего никогда не можетъ случиться!..

— Кто-же этотъ человѣкъ?—пристально посмотрѣла на него Лидія.— И почему вы не ожидаете сочувствія съ его стороны?

Князь Каталадзе вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и торопливо поднялъ глаза на Лидію. Нѣсколько минутъ они пристально глядѣли въ глаза другъ другу.

— Послушайте, — дрожащимъ голосомъ, почти шепотомъ заговорилъ Каталадзе, — что это такое? Сонъ, шутка или обманъ слуха?... Скажите, такъ-ли я понялъ?... Нѣтъ, это — безуміе! Я — сумасшедшій; простите, я не понялъ васъ... Простите великодушно... Мнѣ показался намекъ въ вашихъ словахъ; вы, разумѣется, не то хотѣли сказать, что мнѣ вообразилось... Моя судьба кончена, и пѣсенка спѣта. Во всякомъ случаѣ, я безконечно признателенъ вамъ; если-бы не встрѣча съ вами, я, можетъ быть, еще долго продолжалъ-бы влачить свое позорное существованіе, какъ верблюдъ сѣдло на израненной спинѣ; незамѣтно подкралась-бы старость съ ея немощами и болѣзнями, а тамъ и смерть... Я умеръ-бы, какъ мусульманинъ, и ненавистные мнѣ муллы похоронили-бы меня на персидскомъ кладбищѣ... Подумайте, развѣ это не ужасъ?... Развѣ не въ тысячу разъ лучше и благороднѣе взойти на высокую пустынную гору, куда не ступала нога человѣческая, и броситься въ бездонную пропасть, гдѣ никто никогда не найдетъ моего трупа, чтобы совершить надъ нимъ кощунственное для христіанина, какимъ я остался въ душѣ, погребеніе... Я умру среди вольныхъ горъ, какъ орелъ, одиноко предъ лицомъ Бога, передъ Которымъ я такъ страшно виноватъ... Вы-же будьте счастливы и хотя изрѣдка вспоминайте несчастнаго Муртузъ-агу...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, глаза его разгорались отъ охватившаго его энтузіазма, голосъ окрѣпъ, и вся его фигура дышала твердой рѣшимостью.

Лидія смотрѣла ему въ лицо, и въ ея умѣ съ быстротою молніи, въ свою очередь, зрѣли и слагались рѣшенія...

— Погодите немного! — заговорила она, повидимому, вполне спокойнымъ голосомъ. — Рѣчь идетъ о жизни, а не о смерти... Повторяю еще разъ: продайте ваше имущество и уѣзжайте въ Европу; хлопчите, устраивайтесь, добейтесь разрѣшенія вернуться въ Россію и тогда...

— И тогда?

— И тогда, если вы вспомните о вашемъ другѣ, о томъ



существомъ, которое, по вашему мнѣнію, можетъ сдѣлать жизнь вашу счастливою,—напишите ему и получите отвѣтъ...

— Какой?

— А это смотря по вопросу!

— Лидія Оскаровна, — глухимъ голосомъ заговорилъ князь Каталадзе, — понимаете-ли вы, какое слово сказано вами?.. Какую отвѣтственность берете вы на себя?.. Вѣдь, если впоследствии, когда я, преодолевъ всѣ преграды, приѣду напомнить вамъ ваше обѣщаніе, а вы къ тому времени успѣете забыть его, то какой ужасный ударъ нанесете вы мнѣ!.. Подумайте хорошенько объ этомъ и позвольте мнѣ лучше умереть теперь, чѣмъ рисковать такимъ страданіемъ въ будущемъ!

— Ваши слова доказываютъ только ваше недоувѣріе ко мнѣ... Чѣмъ я его заслужила? Или вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ слѣдовало-бы теперь-же послѣдовать за вами... Но если я этого не дѣлаю, то не изъ страха связать свою судьбу съ человѣкомъ безъ опредѣленнаго положенія, — вовсе нѣтъ; меня удерживаетъ сознаніе, что одинъ вы легче и скорѣе достигните благопріятныхъ результатовъ въ задуманномъ дѣлѣ. Мое присутствіе связало-бы вамъ руки и ослабило-бы энергію, на которую я возлагаю твердую надежду!

— И не ошибетесь; клянусь вамъ, не ошибетесь! Не пройдетъ и мѣсяца, какъ меня уже не будетъ въ Суджѣ...

— И отлично; во всякомъ дѣлѣ важно начало. Вы только вѣрьте и не теряйте бодрости духа!

— Но неужели я васъ больше не увижу?

— Теперь и не надо. Къ чему рисковать? Подумайте, изъ Суджи вы должны будете уѣхать тайно, ибо не думаю, чтобы Хайларъ-ханъ добровольно отпустилъ васъ; лучшій вамъ путь въ Европу черезъ Турцію — и ближе, и безопаснѣе. Какъ-же вы ухитритесь еще и сюда заѣхать? Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ положительно запрещаю это дѣлать, слышите? Когда будете уже въ Европѣ, напишите мнѣ, я вамъ отвѣчу; а пока — до свиданія при лучшихъ условіяхъ. Мнѣ надо торопиться домой, а то тамъ будутъ беспокоиться!

Она протянула ему руку, которую князь крѣпко пожалъ.

— До свиданія! — произнесъ князь. — Я, какъ въ туманѣ, мнѣ кажется все это несбыточнымъ сномъ, бредомъ!

— Напрасно! А я такъ, напротивъ, вѣрю, вѣрю въ васъ, вѣрю въ себя, вѣрю въ нашу счастливую звѣзду! Ну, а пока еще разъ до свиданія. Прикажите вашему курду подвести Копчика!

— Сейчасъ, — покорно произнесъ Каталадзе и, приложивъ палецъ къ губамъ, рѣзко свистнулъ. Въ то-же мгновенье раздался топотъ бѣгущей лошади, и къ отверстию пещеры подбѣжалъ съ Копчикомъ въ поводу встрѣтившій Лидію при ея прїѣздѣ мрачный курдъ.

— Этотъ курдъ, — сказала князь, — моя правая рука, самый смѣлый и надежный изо всѣхъ; единственный человекъ, котораго мнѣ будетъ жаль покинуть въ Суджъ!

— А развѣ вы не могли-бы его взять съ собою? — спросила Лидія.

— Я лично охотно-бы взялъ его, но онъ-то ни за что не согласится покинуть свою родину. Ни за какія блага въ мірѣ не промѣняетъ онъ своихъ дикихъ, бесплодныхъ горъ!

Лидія еще разъ крѣпко пожалала руку князю, вспрыгнула на сѣдло и начала осторожно спускаться съ крутизны. Съѣхавъ внизъ, она оглянулась, сдѣлала прощальный жестъ рукой и, поднявъ Копчика въ галопъ, понеслась къ Шахъ-Абаду.

Каталадзе, стоя на краю обрыва, долго и пристально смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла, наконецъ, изъ вида. Тогда онъ вошелъ снова въ пещеру и, опустившись на колѣни, принялся горячо и усердно молиться, беззвучно повторяя одну и ту-же молитву: «Господи, пожалѣй и помоги!»

Въ эту минуту ему показалось, что среди мрачныхъ сумерекъ, густо нависшихъ надъ его головой, блеснулъ яркій лучъ солнца, и первый разъ за всѣ эти двадцать лѣтъ душа его наполнилась тихой, свѣтлой радостью.



## Послѣднія опасности.

Поздній вечеръ. Солнце давно уже скрылось, и ночная мгла окутала землю. Тучи медленно ползутъ по небу, заволакивая блѣдный дискъ луны, которая то выглядываетъ изъ-за ихъ разорванныхъ лохмотьевъ, то снова прячется, послѣ чего на землѣ дѣлается темно, какъ въ могилѣ. Среди холоднаго мрака безформенной громадой возвышается зданіе Урюкъ-Дагскаго поста. Благодаря тому, что всѣ окна обращены внутрь двора, а наружу выходятъ только высокія глухія стѣны, не свѣтится ни одного огонька, и весь постъ кажется погруженнымъ въ глубокой сонъ, но это только такъ кажется, на самомъ-же дѣлѣ тамъ кипитъ лихорадочная дѣятельность. Изъ оконъ казармъ, конюшни и офицерской квартиры тянутся скрещивающіяся между собой яркія полосы свѣта, освѣщающія дворъ, въ одномъ концѣ котораго, кромѣ того, горитъ еще и небольшой фонарь на деревянномъ столбѣ съ проволоочной рѣшеткой на стеклахъ. На дворѣ, какъ тѣни, снуютъ фигуры солдатъ пограничной стражи; ихъ человѣкъ десять, одѣты они въ полушубки, папахи, башлыки, на ногахъ валенки или кавказскіе бурочные сапоги, за плечами у каждаго винтовка, а на боку шашка. Тутъ-же стоятъ, жмурясь на свѣтъ, осѣдланныя лошади. Солдаты, видимо, озабочены и торопливо готовятся къ скорому выступленію. Одни изъ нихъ внимательно изслѣдуютъ, насколько крѣпко держатся подковы, достаточно-ли туго подтянуты подпруги, на мѣстѣ-ли и правильно-ли положены лавки сѣделъ, осматри-

вають и щупають пряжки на уздечкахъ и прочихъ частяхъ конскаго снаряженія, укорачивають или удлиняють путлища стремянь. Другіе оправляютъ на себѣ аммуницію: портупей, перевязи винтовокъ, пояса; пробуютъ, свободно-ли выходятъ изъ ноженъ клинки шашекъ, легко-ли вынимаются патроны изъ заранѣе разстегнутыхъ патронташей. Успѣвшіе привести себя и лошадей въ полный порядокъ терпѣливо стоятъ и, въ ожиданіи приказа сѣсть въ сѣдло, ведутъ между собою бесѣду вполголоса. Тѣмъ временемъ въ кабинетѣ офицера происходитъ послѣднее совѣщаніе между поручикомъ Воиновымъ и старшимъ вахмистромъ его отряда—Терлецкимъ.

Аркадій Владиміровичъ стоитъ у стола и наскоро дохлебываетъ остывшій чай. Онъ одѣтъ по-походному: короткій романовскій полушубокъ туго стянуть боевымъ ремнемъ, на ногахъ бурочные сапоги, на головѣ большая косматая папаха, нахлобученная на уши и слегка сдвинутая на затылокъ, черезъ плечо на тонкомъ ремнѣ виситъ отдѣланная въ серебро кавказская шашка; торчащій изъ лакированной кобуры револьверъ дополняетъ вооруженіе.

Въ этомъ костюмѣ Воиновъ имѣлъ весьма воинственный, мужественный видъ, особенно благодаря папахѣ изъ длиннаго волоса и кавказской шашкѣ. И то, и другое, въ сущности, являлось нарушеніемъ установленной для пограничной стражи формы, но Воиновъ, какъ и многіе изъ офицеровъ закавказскихъ бригадъ, при обыкновенныхъ служебныхъ разъѣздахъ разрѣшалъ себѣ такое отступленіе, на практикѣ убѣдясь, насколько прежняя большая косматая папаха несравненно красивѣе и удобнѣе форменной маленькой, изъ курчаваго барашка. Относительно-же преимуществъ кавказской шашки передъ драгунской не могло быть и рѣчи.

— Итакъ, ты увѣренъ, что онъ еще не успѣлъ перейти обратно въ Персію? — спрашивалъ Воиновъ стоящаго передъ нимъ вахмистра.

— Такъ точно! — спокойнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ. — Я доподлинно знаю, что онъ еще въ нашемъ краю. Мнѣ одинъ



вѣрный человѣкъ сказывалъ, онъ его сегодня утромъ въ горахъ встрѣтилъ!

— А какъ ты думаешь, много у него народа?

— Думаю, есть человѣкъ съ десятокъ, да на той сторонѣ съ полсотни рыщутъ, чуть что—сейчасъ на подмогу подойдутъ!

— Трудно будетъ захватить, а? Какъ ты думаешь?

— Да, не легкое дѣло. Главная бѣда—хитры они, проклятые, очень. Я планъ-то ихъ хорошо знаю: сначала курды завяжутъ для отвода глазъ перестрѣлку въ какомъ-либо концѣ, солдаты бросятся на выстрѣлы, а Муртузь-ага тѣмъ временемъ въ суматохѣ-то этой самой гдѣ-нибудь и проскочитъ черезъ границу!

— Какъ-же намъ быть?

— А вотъ для этого самаго я и приказалъ собраться десяти объѣздчикамъ; раздѣлимъ ихъ на двѣ партіи, одни пусть съ вашимъ благородіемъ идутъ, человѣкъ пять, а съ другими пятью я поѣду. Какъ начнется стрѣльба на границѣ, такъ мы сейчасъ въ сторону отъ нея вправо и влево и поѣдемъ. Можетъ быть, Богъ дастъ, наткнемся гдѣ на самого Муртуза!

— На выстрѣлы, стало быть, по твоему, ѣхать не стоитъ?

— Такъ точно, не стоитъ, ваше благородіе; они безпремѣнно въ другомъ мѣстѣ проскользнуть норовятъ!

— Ну, ладно, посмотримъ, что-то Богъ дастъ! Пора выѣзжать, прикажи людямъ садиться!

— Слушаю-съ!

Терлецкій повернулся и вышелъ. Увидя вахмистра, солдаты притихли и начали торопливо подравниваться.

— Садись,—вполголоса scomандавалъ Терлецкій.—Убий-Собака, Мозговитовъ, Слесаренко, Злодійцевъ, поѣдете со мною, остальные съ его благородіемъ. Ну, съ Богомъ!

Черезъ нѣсколько минутъ двѣ кучки всадниковъ, одна вельдъ за другой, осторожно выѣхали изъ воротъ поста.

— Ну, ты поѣзжай вправо къ своему посту,—сказалъ Воиновъ,—а я возьму въ Шахъ-Абаду; я думаю онъ скорѣе туда сунется!

Обѣ партіи, соблюдая полную тишину, разѣхались въ противоположныя стороны и скоро исчезли изъ глазъ другъ друга, потонувъ въ окружающемъ мракѣ.

Около часа ѣхалъ Терлецкій вдоль камышей, густой стѣной окаймлявшихъ берегъ рѣки. Время отъ времени онъ останавливался и чутко прислушивался къ мертвой тишинѣ пустыни, но пустыня была нѣма. Только изрѣдка съ налетавшими иногда порывами вѣтра доносилась откуда-то издалека едва уловимая для уха брехня собакъ на сосѣдномъ посту. По мѣрѣ того, какъ всадники подвигались впередъ, брехня эта становилась все слышнѣе.

— Экъ заливаются, проклятыя!—проворчалъ вахмистръ.

— Это онѣ насъ чуютъ, господинъ вахмистръ!—почтительно прошепталъ подлѣ него голосъ ефрейтора Убий-Собаки.

— А можетъ, гдѣ въ камышахъ курды притаились?

— И то можетъ!—согласился ефрейторъ.

Они двинулись дальше. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди по землѣ прокатилось что-то темное... Въ то-же мгновеніе изъ-подъ самыхъ ногъ вахмистровой лошади вынырнула изъ мрака огромная косматая бѣлая овчарка и съ громкимъ, хриплымъ лаемъ принялась прыгать передъ мордой коня, стараясь вцѣпиться въ нее зубами.

— Цыцъ, ты, дьяволь!—закричалъ на нее вахмистръ.— Уймись, проклятая!

— Бѣлка, Бѣлка!—ласково позвалъ собаку ефрейторъ.— Что ты, глухая, аль своихъ не признала?

Услыхавъ знакомый голосъ, овчарка сразу затихла, замаяхала хвостомъ и принялась кружиться вокругъ лошадей, слегка взвизгивая, какъ-бы желая этимъ сказать: «Простите, господа, дѣло ночное, къ тому-же и мѣсто разбойное, немудрено ошибиться».

— Послушай, Убий-Собака, — обратился вахмистръ къ ефрейтору, — постой-ка ты тутъ малость съ людьми у камышей, а я на постъ съѣзжу, надо взять кое-что. Да смотрите,





„Вахмистръ помчался въ карьеръ къ посту“...

избави Богъ — не курите, а то теперь въ такую темень огонь и не вѣсть Богъ откуда виденъ!

— Слушаю-съ, не извольте беспокоиться, сами понимаемъ! — поспѣшилъ успокоить его Убий-Собака.

— Ну, то-то, я живо обернусь!

Сказавъ это, вахмистръ ударилъ лошадь плетью и помчался въ карьеръ къ посту, который хотя за темнотою и не былъ виденъ, но находился не дальше, какъ въ полуверстѣ.

Урюкъ-Дагскій отрядъ, протянувшійся безъ малаго на 20 верстѣ, состоялъ изъ 4 постовъ, удаленныхъ на разстояніе отъ 3 — 7 верстѣ другъ отъ друга. На крайнемъ, Урюкъ-Дагъ, жилъ Воиновъ; на среднемъ — Тимучинъ, помѣщался вахмистръ; два-же остальные управлялись унтеръ-офицерами. Впрочемъ, не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ двоихъ — или вахмистръ, или командиръ отряда — не посѣщали эти посты.

— Ишь, погналъ! — произнесъ Убий-Собака, глядя вельдъ ускакавшему вахмистру.

— Это енъ къ женѣ поперъ, — отозвался изъ темноты одинъ изъ объѣздчиковъ, — дюже енъ ее жалѣтъ!

— А къ тому-же ребеночекъ еще, — добавилъ другой объѣздчикъ, — и по емъ тоже сердце-то мреть!

— Извѣстное дѣло! — согласился Убий-Собака. — Только бы не застрялъ тамъ, вертался-бы скорѣича!

— Ну, онъ не застрянетъ. Не таковскій!

Квартира вахмистра на посту Тимучинъ состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ и крохотной кухни. Первая служила Терлецкому его рабочей комнатой. Тамъ стоялъ столъ, на которомъ, кромѣ чернильницы, лежала пачка бумаги, коробка перьевъ, карандаши и прочія принадлежности для писанья; подлѣ стола на стѣнѣ въ углу висѣла самодѣльная этажерочка, съ колонками изъ размотанныхъ катушекъ и съ установленными на ней по порядку уставами и пособіями; далѣе — деревянная вѣшалка и нѣсколько выкрашенныхъ въ темную краску табуретовъ. У противоположной стѣны помѣщалась запасная желѣзная кровать подъ сѣрымъ солдатскимъ одѣяломъ и съ подушками, твердыми, какъ камень. Кровать эта служила на случай, если бы кто-нибудь изъ начальства, запозднившись на границѣ, пожелалъ переночевать на посту. Сюда-же, въ эту комнату, являлись по зову вахмистра солдаты поста, до которыхъ онъ имѣлъ какое-нибудь дѣло, ибо въ другую комнату, служившую вахмистру спальней, онъ не любилъ никого пускать. Тамъ онъ жилъ своею интимною жизнью. Всегда суровый, молчаливый, онъ, переступая порогъ этой комнаты, становился другимъ человѣкомъ: шутилъ, улыбался, не прочь былъ побалагурить и посмѣяться. Тамъ онъ переставалъ быть вахмистромъ, казенной косточкой, а дѣлался обыкновеннымъ смертнымъ, какимъ создалъ его Богъ — ласковымъ, добрымъ и веселымъ. Но такимъ его видѣла только жена его Луша, или, какъ ее звали солдаты — Лукерья Ивановна, а другіе едва-ли даже подозрѣвали. Одно только было всемъ хорошо извѣстно, что Терлецкій «жалѣетъ» жену; никогда никто не слышалъ, чтобы между ними происходили ссоры или чтобы вахмистръ грубо прикрикнулъ на жену.

Терлецкій служилъ на сверхсрочной. Окончивъ дѣйствительную пять лѣтъ тому назадъ, онъ заявилъ желаніе про-



должать службу, взялъ отпускъ, съѣздилъ на родину въ Подольскую губернію, а оттуда вернулся съ женой. Его назначили въ Урюкъ-Дагскій отрядъ, гдѣ онъ и зажилъ съ молодой женой въ крошечной квартиркѣ на посту Тимучинъ. Четыре года у нихъ не было дѣтей и только на пятый родился наконецъ, столь давно и нетерпѣливо ожидаемый ребенокъ. Теперь ему шель уже восьмой мѣсяць, и звали его Аркадіемъ въ честь его крестнаго отца Аркадія Владиміровича.

## Передъ вѣчной разлукой.

Подскакавъ къ посту, Терлецкій быстро соскочилъ съ коня и, бросивъ поводья дежурному, торопливой походкой прошелъ на дворъ. Тамъ было темно. Слабый свѣтъ отъ полуспущенной лампы въ казармѣ и фонаря изъ конюшни безслѣдно пропадалъ въ густомъ мракѣ. Вахмистръ взглянулъ на окна своей квартиры: изъ спальни по краямъ спущенной суконной занавѣски пробивался лучъ свѣта.

«Не спить»... подумалъ Терлецкій и осторожно отворилъ дверь.

Въ небольшой, но чисто убранной комнатѣ, у стола, передъ лампой съ зеленымъ абажуромъ, сидѣла молодая женщина, лѣтъ 23—24, и прилежно шила на машинѣ ситцевую рубаху. Около нея въ деревянной, выкрашенной зеленой краской люлькѣ крѣпко спалъ спеленатый младенецъ. Его озабоченное личико было сморщено, и во снѣ онъ преуморительно причмокивалъ губами. Время отъ времени, молодая женщина бросала работу и, наклонясь надъ люлькой, минуты двѣ-три смотрѣла въ лицо сына полнымъ любви и материнской гордости взглядомъ. При этомъ красивое лицо ея, съ большими сѣрыми глазами и пухлыми, ярко пунцовыми губами, дѣлалось еще красивѣе. Лукерья Ивановна не была простой крестьянкой, а происходила изъ духовнаго званія, — отецъ ея былъ пономаремъ. Она имѣла случай выйти за семинариста, чтобы впослѣдствіи стать «матушкой», но предпочла Терлецкаго.



Услыхавъ легкій стукъ въ двери, Луша вскочила и торопливо откинула крючекъ.

— Ты все шьешь, Луша? — ласково спросилъ Терлецкій, входя въ комнату. — Ложилась-бы лучше спать!

— Не хочется что-то!.. — отвѣтила молодая женщина, любовно заглядывая въ глаза мужу. — А ты что-же такъ скоро вернулся?

— Да я на минутку только; близко отъ поста проѣзжали, захотѣлось поглядѣть на тебя!

— Что-же на меня глядѣть, я все такая-же, какъ и давеча! — засмѣялась Луша и вдругъ, крѣпко обхвативъ мужа руками, поцѣловала его прямо въ губы. — Милый ты мой, хорошій, любимый!.. — прошептала она.

Въ отвѣтъ на эту ласку Терлецкій, въ свою очередь, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Ну, а онъ какъ? — кивнулъ головой вахмистръ на люльку.

— Ничего, спитъ. Какъ ты уѣхалъ, онъ съ чего-то куражиться началъ, насилу укачала, теперь уснулъ, Христось съ нимъ!

— Къ зубкамъ, должно быть!

— И я то-же думаю. Когда-же ждать-то тебя?

— Раньше утра не жди. Сегодня, слышь ты, тяжелая ночь намъ выдалась; должно перестрѣлка здоровая будетъ; какъ-бы не ухлопали у насъ кого!

— Ты-то смотри у меня поосторожнѣй будь, — съ затаенной тревогой въ голосѣ произнесла Луша, — оченно-то впередъ не лѣзь. Не дай Богъ ранять, что я буду дѣлать!

— А ежели убьютъ?

— Охъ, что ты! — всплеснула руками молодая женщина, съ ужасомъ отшатываясь въ сторону. — Господь съ тобою! Развѣ можно такія вещи говорить? У меня даже сердце замерло, духъ захватило... Съ чего это ты такую думку на себя напустилъ?.. Нешто Богъ попуститъ такому дѣлу? Вѣдь, мнѣ безъ тебя и жизни нѣтъ... А ребенка, на кого онъ-то останется?..

Терлецкій печально усмѣхнулся.

— Думается, не отъ насъ, вѣдь, это!—задумчиво произнесъ онъ.—Пуля летитъ, не глядитъ, можно али не можно...

Онъ подошелъ къ люлькѣ и заглянулъ въ нее.

— Ишь ты, какъ спать важно! — улыбнулся онъ.—Горюшка мало; ну, спи, Христокъ съ тобою!

Терлецкій наклонился и, вытянувъ губы, осторожно прикоснулся ими до лба младенца.

— Ну, Луша, прощай, ѣхать надо! — обратился онъ къ женѣ, ласково обнимая ее.—Къ утру съ чаемъ жди; за ночь-то изсябнемъ, такъ оно горячаго чайку выпить куда какъ хорошо будетъ!

— Небось, чай будетъ, не впервой! Вотъ только ты-то сегодня какой-то странный, грустный; я такимъ тебя никогда не видѣла. Чувствуешь ты, что-ли, что?..

— Ничего, такъ! — тряхнулъ головой вахмистръ.—Я и самъ... — началъ онъ, но вдругъ остановился на полсловѣ и чутко прислушался.

— Стрѣляютъ! — воскликнулъ онъ и опрометью бросился изъ комнаты.

— Господинъ вахмистръ, тревога, должно на Ишачьемъ бродѣ!—торопливо доложилъ дежурный, подбѣгая къ Терлецкому съ его лошадыю въ поводу.

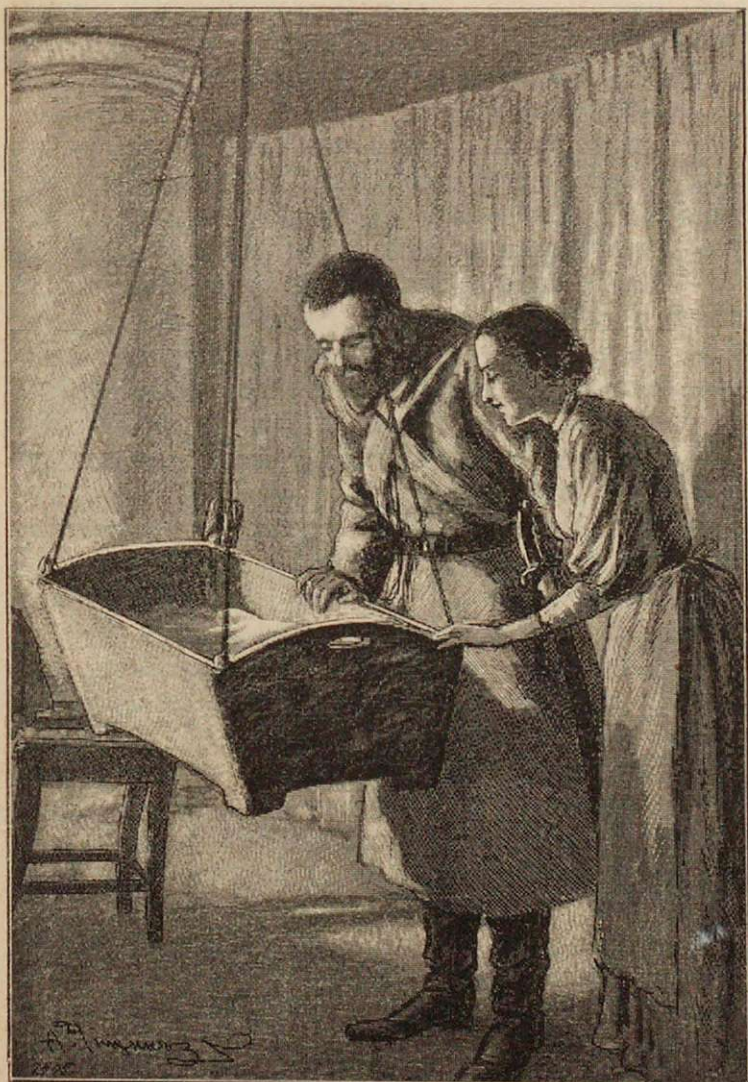
Быстрѣе птицы взлетѣлъ вахмистръ на сѣдло и, прижавъ къ лукѣ, вынесся за ворота.

Луша, накинувъ байковый платокъ, выбѣжала изъ кордона на площадку. Она остановилась подлѣ дежурнаго и, трепеща всемъ тѣломъ, начала прислушиваться.

Гдѣ-то далеко-далеко бухали выстрѣлы. Иногда они сливались въ одинъ залпъ и зловѣщимъ рокотомъ проносились по пустынь. Съ каждой минутой выстрѣлы становились все чаще и чаще,—очевидно, перестрѣлка разгоралась и становилась все упорнѣе и настойчивѣй.

— У насъ на посту никого нѣтъ?—спросила Луша дежурнаго.





„Терлецкій подошелъ къ люлькѣ и нагнулся надъ ней“...

— Всѣ на границѣ. Дома я, да на смѣну мнѣ Трубачевъ, еще Касаткинъ остался, да онъ больной второй день лежитъ, встать не можетъ. Ишь, жарять! — добавилъ онъ, приныкая ухомъ. — Должно теперь тамъ полъ отряда собралось!

— А вахмистръ тамъ?

— Гдѣ-же ему быть! Должно быть, тамъ; и командиръ, думаю, туда-же поскачетъ... Помиловаль-бы только Богъ, убитыхъ-бы у насъ не было...

— Авось Богъ милостивъ! — набожно перекрестилась Луша.

— Вы-бы, Лукерья Ивановна, въ комнату шли, а то въ одномъ-то платкѣ холодно, чай!

— Ничего, я еще постою, послушаю, чѣмъ кончится!

Съ минуту они простояли рядомъ, прислушиваясь ко все еще не умолкавшей перестрѣлкѣ. Вдругъ гдѣ-то совершенно близко отъ нихъ, по направленію къ границѣ, мелькнулъ огонекъ и грянулъ короткій, рѣзкій выстрѣлъ.

— Это откуда? — изумился дежурный. — Совѣмъ близко, не дальше, какъ на первой дистанціи... Что-бы это могло быть?

— Постой, никакъ скачетъ кто-то? — насторожилась Луша. — Не слышишь, будто-бы подковы стучать?

— А и взаправду скачетъ! — вполнохотился часовой, сбрасывая съ плеча винтовку. Вдали ясно послышался порывистый топотъ несущейся во весь опоръ лошади.

— Къ намъ! — прошепталъ солдатъ и, выступивъ впередъ, громко крикнулъ: — Кто ѣдетъ?

Отвѣта не послѣдовало, но топотъ быстро приближался.

— Кто ѣдетъ? — еще громче повторилъ часовой. — Отвѣчай, стрѣлять буду! — добавилъ онъ, съ угрозой взводя курокъ.

Топотъ раздавался уже подъ самой горой. Въ эту минуту изъ за краевъ разорванной тучи ярко выглянула луна, и глазамъ Луши и дежурнаго представилась быстро скачущая солдатская лошадь безъ всадника...

Вихремъ влетѣвъ на холмъ, лошадь сразу остановилась и захрапѣла, пугливо оглядываясь вокругъ. Дежурный поспѣшилъ схватить ее за болтающійся оборванный поводъ.



— Да это «Громобой»! — воскликнул онъ съ удивленіемъ, узнавая лошадь, на которой постоянно ѣздилъ вахмистръ.

— Ахъ, и то правда! — всполошилась Луша. — Что-жъ это такое значить? Ужъ не случилось-ли съ Иваномъ Парамонычемъ чего-нибудь? — добавила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Чему случиться? Просто конь вырвался; можетъ, спѣшились гдѣ-нибудь, дали конвойному держать, а лошадь строгая — испугалась, вырвала поводъ изъ рукъ, да и подалась на постъ. Пойтите сѣдло поправить, да поводить хорошенько, а вы идите-ка домой: смотрите — иззябли, да, слышь, ребечекъ никакъ плакать зачалъ!

— А и вправду плачетъ, проснулся, неугомонный!

Луша бѣгомъ пустилась домой, а дневальный повель запыхавшагося коня въ конюшню.

— Ишь ты! — глубокомысленно разсуждалъ онъ, при свѣтѣ фонаря разсматривая лошадь. — Сѣдло-то совѣмъ на бокъ свернулось, и подруга задняя лопнула... Поводья тоже оборвались... А это что такое? Никакъ кровь?... — и онъ торопливо приблизилъ фонарь. — А и вправду кровь!.. Вотъ она штука-то какая! Дѣла!..

Дежурный растерянно оглянулся, какъ бы ища, съ кѣмъ подѣлиться страшнымъ открытіемъ, но на посту никого не было, кромѣ спавшихъ въ казармѣ больного Касаткина и Трубачева, который послѣ полуночи долженъ былъ смѣнить дежурнаго.

— Вытереть, аль такъ оставить, покуль старшой не прѣдутъ? — колебался дежурный, косясь на залитое запекшейся кровью сѣдло и конскую гриву. — Охъ, Господи, грѣхи тяжкіе! Неужели-же и вправду съ Иваномъ Парамонычемъ что случилось?..

Пока дежурный возился съ лошадью и поправлялъ сѣдло, Луша, взявъ на руки раскричавшагося младенца, начала медленно ходить съ нимъ по комнатѣ, вполголоса напѣвая:

Спи, касатикъ мой, усни,  
Угомонъ тебя возьми!  
Бай, бай, дѣтка, бай.  
Быстры глазки закрывай!  
Шш... шшш... шшш...

## Напроломъ черезъ границу.

Когда совсѣмъ стемнѣло, Муртузь-ага вышелъ изъ пещеры и свистнулъ.

— Пора въ путь!—сказалъ онъ появившемуся передъ нимъ какъ изъ земли Каро.—Зажигай сигналъ и веди коней!

Курдъ кивнулъ головой и торопливо полѣзъ на вершину скалы; тамъ у него была сложена небольшая кучка хорошо высушенныхъ кизяковъ, политыхъ керосиномъ.

Черезъ минуту на черномъ фонѣ неба, высоко надъ головой Муртуза вспыхнуло яркое пламя. Со стороны его легко можно было принять за костеръ, разведенный чабанами, ночующими въ горахъ съ своими стадами; только тѣмъ, кто былъ посвященъ въ тайну и караулилъ на томъ берегу Аракса, было понятно значеніе этого неожиданно вспыхнушаго и затѣмъ скоро погасшаго огня.

Осторожно, медленнымъ шагомъ, пробирался Муртузь-ага съ вѣрнымъ своимъ Каро по широкой степи, направляясь къ Аракеу. До границы было верстъ шесть. Днемъ это разстояніе легко можно было проскакать въ какія-нибудь двадцать минутъ, но въ темную ночь иначе, какъ шагомъ, ѣхать было нельзя, не рискуя ежеминутно или свернуть себѣ шею свалившись въ одну изъ глубокихъ балокъ, по всѣмъ направленіямъ проѣздивавшихъ степь, или разбить голову о груды камней, то и дѣло попадавшихся подъ ноги лошадямъ.

Спустившись на дно глубокаго оврага, по которому во время лѣтнаго таянія снѣговъ въ горахъ мутные потоки съ ревомъ



и гуломъ ниспровергаются въ Араксъ, Муртузь-ага и Каро поѣхали быстрее; мягкій песокъ заглушалъ шаги лошадей, а густая черная тѣнь настолько хорошо скрывала всадниковъ, что даже въ нѣсколькихъ шагахъ ихъ нельзя было замѣтить.

Оврагъ тянулся до самаго Аракса. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ входилъ въ рѣку, немного лѣвѣе былъ хорошій и удобный бродъ, но легко могло случиться, что около этого брода, хорошо знакомаго солдатамъ Урюкь-Дагскаго отряда, былъ заложенъ секретъ. Поэтому необходимо было выждать время, когда согласно сдѣланному заранѣе условію, предупрежденные сигналомъ курды завяжутъ перестрѣлку. Выбравъ мѣсто поудобиѣе, гдѣ подмытый берегъ выдавался далеко впередъ, образуя нѣчто схожее съ навѣсомъ, Муртузь и Каро соскочили съ лошадей и, прижавшись къ стѣнѣ, стали ждать, все время чутко вслушиваясь въ мертвую тишину ночи. Имъ не пришлось, однако, долго дожидаться, — не прошло и нѣсколько минутъ, какъ гдѣ-то вправо отъ нихъ грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій... Чѣмъ дальше, тѣмъ выстрѣлы становились все чаще и чаще, сливаясь по временамъ въ раскатистые залпы.

— Ну, теперь пойдетъ тамаша по всей границѣ! — усмѣхнулся Каро. — О, уже скачутъ, слышите, ага?

Муртузь въ отвѣтъ только головой кивнулъ и прижалъ палецъ къ губамъ, давая знакъ молчанія.

Гдѣ-то близко-близко впереди прогрехоталъ топотъ несущихся во весь опоръ по камнямъ лошадей. Не успѣли они проскакать, какъ у конца оврага что-то зашевелилось и нѣсколько человѣкъ пѣшихъ солдатъ, лежавшихъ тамъ въ секретѣ, вскочили и бѣгомъ устремились за конными, поспѣвая на разгоравшуюся съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе перестрѣлку.

Каро и Муртузь-ага многозначительно переглянулись. Предположеніе ихъ о томъ, что бродъ у оврага былъ охраняемъ солдатами, оказалось вѣрнымъ.

— Я говорилъ, ага, — шепнулъ Каро, — московы навѣрно сидятъ на броду, такъ оно и вышло! Хорошо, что мы не ѣхали

дальше, а то такъ-таки прямехонько и наскочили на нихъ. Ну, а теперь нечего время терять, скорѣе на лошадей и на ту сторону, пока дорога свободна.

Когда Терлецкій, пустивъ лошадь маршъ-маршемъ, примчался на то мѣсто, гдѣ оставилъ ефрейтора Убий-Собаку съ четырьмя объѣздчиками, онъ уже не засталъ ихъ: очевидно, они ускакали на тревогу, предполагая, что и онъ прямо съ поста поспѣшить туда-же.

— Ахъ, чтобъ имъ пусто было! — въ страшной досадѣ выругался вахмистръ, видя въ исчезновеніи объѣздчиковъ полное уничтоженіе задуманнаго имъ плана. — Что-же мнѣ теперь дѣлать? Не догадался приказать имъ, ишакамъ, несмотря ни на что, ждать меня здѣсь. И зачѣмъ я домой-то поѣхалъ, занапрасно только жену растревожилъ! — негодовалъ на себя Терлецкій, не зная, на что рѣшиться и куда ѣхать. Стрѣльба по ту сторону поста у Ишачьяго брода, — туда стало быть Муртузъ-ага не поскачетъ, онъ скорѣе на этотъ бокъ, къ Желтому броду направится. Тамъ у меня тоже секретъ заложенъ; лишь-бы люди горячки не спорили, остались-бы на мѣстѣ и не бѣгли-бы на тревогу... Ахъ, досадно, мой-то дурачье ускакали! Ну, ужъ задамъ я этому краснобаю Убий-Собаку, будетъ помнить!

Обуреваемый такими тревожными мыслями, Терлецкій крупной рысью пустился по патрульной дорогѣ въ противоположную сторону отъ того мѣста, гдѣ попрежнему продолжали рокотать частые выстрѣлы. Достигнувъ того мѣста, гдѣ у Желтаго брода, среди густого камыша и гребенчуковаго кустарника, по его расчетамъ долженъ былъ находиться секретъ, Терлецкій увидѣлъ только брошенные связки камыша, покрытыя рваными старыми бурками, служившія логовищемъ для солдатъ, — самаго-же секрета и слѣдъ простылъ. Заслышавъ тревогу, солдаты, очевидно, побѣжали на выстрѣлы.

— А будь вы трижды прокляты! — въ бѣшенствѣ скрипнулъ зубами Терлецкій. — Теперь все дѣло пропало. Со всѣхъ



бродовъ, стало быть, поснимались, какъ вороны. Сколько толкуешь: сиди смирно, не бѣги, безъ тебя есть кому на тревогу бѣгти, — нѣтъ, несетъ ихъ, анаеъмъ!.. Теперь всѣ, чай, тамъ собрались до кучи, а граница вся открыта, хоть въ фатонѣ ѣзжай. Ну, солдаты! Можно сказать, ишаки умнѣй ихъ!..

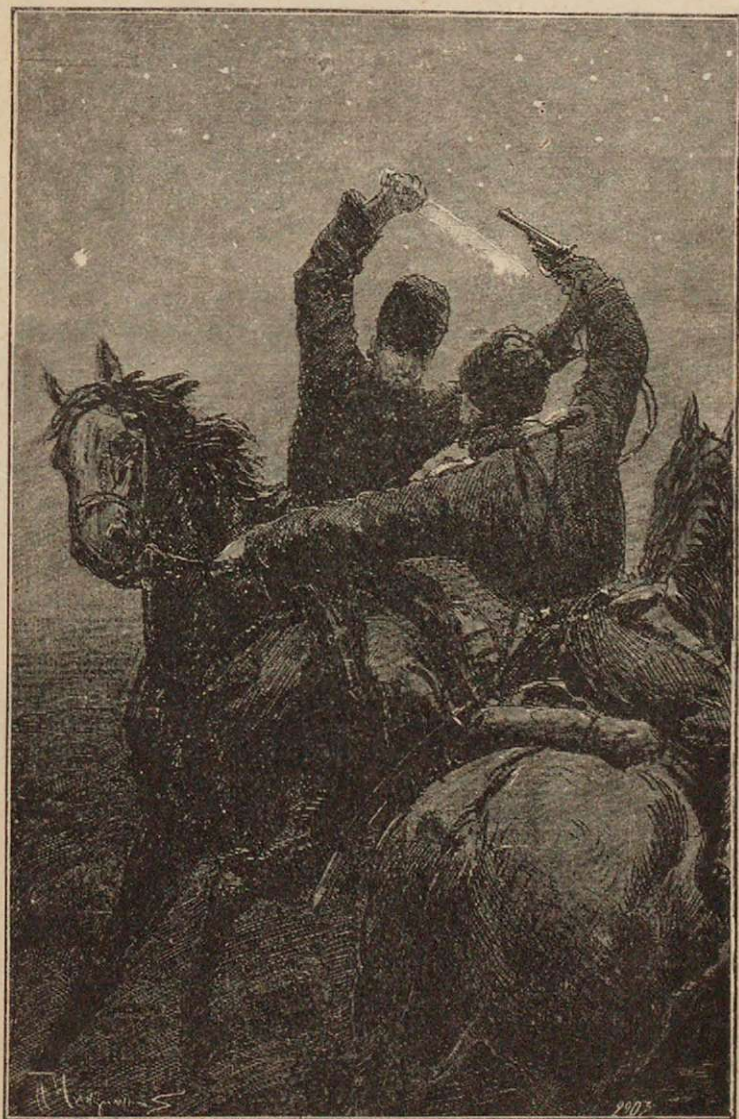
Въ то время, пока Терлецкій въ безсильной ярости проклиналъ солдатъ, — его конь вдругъ насторожился, поднялъ голову и пугливо захрапѣлъ. Терлецкій встрепнулся, торопливо выхватилъ изъ кобуры револьверъ и началъ напряженно вглядываться въ окружающую его темноту. Привычный къ ночнымъ тревогамъ, конь вахмистра нетерпѣливымъ движеніемъ головы потянулъ поводъ и, когда Терлецкій поспѣшилъ ему его отдать, «Громобой» двинулся впередъ, внимательно наставивъ уши. Было ясно, что своимъ тонкимъ лошадинымъ слухомъ онъ уловилъ недоступный для человѣческаго уха шорохъ и смѣло шелъ на него. Терлецкій вполне довѣрился своему коню и ѣхалъ впередъ, готовый каждую минуту пустить въ дѣло оружіе. Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него мелькнули силуэты двухъ быстро скачущихъ всадниковъ. Не теряя ни одного мгновенья, Терлецкій припалъ къ лукъ, гикнулъ и помчался имъ наперерѣзъ. Онъ сразу угадалъ не только то, кто были эти всадники, но и принятое ими направленіе, а потому вмѣсто того, чтобы преслѣдовать ихъ по пятамъ, пустилъ коня наискосокъ къ берегу, въ расчетъ одновременно съ ними подскákatъ къ броду. Расчетъ его оказался вѣрнымъ: въ ту минуту, когда лошадь Муртузь-аги передними копытами уже вступала въ рѣку, Терлецкій какъ коршунъ налетѣлъ на него сбоку.

— Стой, сдавайся! — загремѣлъ онъ, одной рукой хватая Муртузову лошадь за поводъ, а другой въ упоръ направляя ему въ грудь револьверъ. Но Муртузь-агу не легко было захватить врасплохъ. Своей лѣвой рукой, онъ быстро отвелъ руку вахмистра, вооруженную револьверомъ, а правой нанесъ ему сильный ударъ кинжаломъ по пальцамъ, державшимъ поводъ его лошади. Еще легче, чѣмъ перерубить пальцы Терлец-

кому, Муртузь-ага могъ, вспоротъ клижаломъ его грудь, но онъ не хотѣлъ проливать русской крови и, вырвавшись отъ вахмистра, безъ оглядки бросился въ воду, спѣша поскорѣе достигнуть противоположнаго берега. Несмотря на боль въ перерубленныхъ пальцахъ и текущую изъ нихъ кровь. Терлецкій, не теряя присутствія духа, прицѣлился въ затылокъ Муртузь-аги, не успѣвъ нажать пальцемъ спускъ, какъ гдѣ-то подлѣ него ярко вспыхнуло ослѣпительное пламя, громко захохоталъ выстрѣлъ—и Терлецкій почувствовалъ, какъ словно-бы кто изо всей силы ударилъ его кулакомъ въ правую сторону живота. Онъ закачался и инстинктивно ухватился за переднюю луку сѣдла. Въ глазахъ запрыгали огненные шары, но онъ на мгновенье пересилилъ себя, обернулся и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ пронесшагося мимо него курда, который, не останавливаясь, бросился въ рѣку велѣдь за исчезнувшимъ уже изъ глазъ Муртузь-агой. Сдѣлавъ выстрѣлъ, Терлецкій почувствовалъ, какъ все вдругъ быстро завертѣлось вокругъ него, и началъ терять сознание. «Громобой», испуганный выстрѣломъ, сперва шарахнулся въ сторону, а потомъ, повернувъ назадъ, во весь духъ понесся на постъ... Нѣсколько минутъ сидѣлъ Терлецкій въ сѣдлѣ, обливаясь кровью и судорожно вѣбясь пальцами правой руки въ гриву. Пальцы его лѣвой руки были перерублены, и когда онъ, теряя сознание, пытался ухватиться ими за луку, они безпомощно скользили по намоченной кровью кожѣ сѣдла. Въ одномъ мѣстѣ, попавъ передней ногой въ болтающийся поводъ, «Громобой» чуть было не упалъ, сильно споткнулся и едва-едва удержался на ногахъ. Отъ неожиданнаго толчка Терлецкій выпустилъ изъ рукъ гриву, растерялъ стремяна и тяжело повалился съ сѣдла на землю. Ударившись головой о каменный грунтъ дороги, онъ нѣсколько разъ конвульсивно вздрогнулъ всемъ тѣломъ, затѣмъ судорожно вытянулся и замеръ, неподвижно распростертый среди глухой пустыни.

Когда Воиновъ услышалъ первые выстрѣлы, ему стоило большого труда удержаться отъ желанія поскакать на нихъ,





„Стой, сдавайся!—загремѣлъ онъ, хватая одной рукой Муртузову лошадь за поводъ“...

чтобы наказать дерзкихъ курдовъ, затѣявшихъ такъ нахально перестрѣлку, — но, помня слова Терлецкаго, онъ рѣшилъ лучше остаться, и приказавъ своимъ людямъ разсыпаться поодионокѣ на возможно дальнее другъ отъ друга разстояніе, поручилъ имъ медленно подвигаться впередъ вдоль границы, тщательно осматривая все встрѣчающіеся на пути кусты и камышевыя заросли. Солдаты, понявъ планъ своего офицера, со всемъ рвеніемъ пустились на развѣдки, но все ихъ усердіе не привело ни къ чему; пройдя изъ конца въ конецъ всю намѣченную дистанцію, Воиновъ съ грустью долженъ былъ сознаться, что Муртузъ-ага для своего прорыва очевидно выбралъ другое мѣсто.

— Хотя-бы онъ на Терлецкаго наскочилъ! — въ волненіи размышлялъ Воиновъ. — Тотъ-то уже не пропуститъ!

Тѣмъ временемъ перестрѣлка на флангѣ отряда замолкла, и наступила полная тишина. На далекомъ горизонтѣ показалась багровая полоса наступающаго разсвѣта. Съ появленіемъ этого вѣстника надвигающагося дня у Воинова не могло оставаться больше никакихъ сомнѣній, что Муртузъ-ага или схваченъ вахмистромъ, или давнымъ-давно успѣлъ благополучно переправиться въ Персію. Оставалось только ждать извѣстій.

Измученный безсонной ночью, иззябшій, недовольный, бѣжалъ Воиновъ, понурия голову, втайнѣ ропща на судьбу и неудачу. Вдругъ вдали показался скачущій въ карьеръ всадникъ, въ которомъ слѣдовавшій за Аркадіемъ Владиміровичемъ объѣзчикъ Сквернозубъ отличавшійся особой дальноркостью, тотчасъ-же призналъ старшаго поста Тимучинъ ефрейтора Убий-Собаку.

— Чтой-то-съ да случилось! — вполголоса заговорили солдаты. — Смотри какъ палить, въ калерь жарить!

— Можетъ, убило кого?

— Типунъ тебѣ, чего каркаешь!

— Всяко можетъ быть.

— Нешто Муртузку словили?





„Лежитъ посреди дороги, руки раскинутыми...”

— Дай-то Богъ, а только наврядъ-ли!—Кабы словили, для че - бы тогда Убий - Собакъ лошадь такъ щунять? — Глянь-ко-сь какъ нахлестываетъ.

По мѣрѣ того, какъ Убий-Собака приближался, волненіе между объѣзчиками росло все больше и больше; у каждаго изъ нихъ на сердцѣ копошилось недоброе предчувствіе, но никто не хотѣлъ высказывать своихъ опасеній, боясь нареканій со стороны товарищей. Воиновъ волновался больше всѣхъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, давъ шпоры коню, помчался навстрѣчу Убий-Собакъ.

— Что у васъ случилось?—крикнулъ онъ еще издали, карьеромъ подскакивая къ ефрейтору и съ трудомъ осаживая разгорячившагося коня.

— Несчастіе,—ваше благородіе,—г. вахмистра убило!

— Какъ убило?—упавшимъ голосомъ спросилъ Воиновъ, чувствуя словно ударъ молота въ голову.—Совсѣмъ?

— Такъ точно, совсѣмъ; сейчасъ на постъ принесли, ужъ холодный... На границѣ нашли... Сначала лошадь прибѣгла, въ крови вся, а затѣмъ наши съ тревоги домой ѣхали, да и наткнулись... Лежитъ посреди дороги, руки раскинутыми, а съ боку живота, вотъ въ эдтомъ мѣстѣ,—объѣзчикъ для большей ясности хлопнулъ себя по животу,—ранища, большая-пребольшая и крови изъ нея до ужаста... А къ тому-же и пальцы на лѣвой рукѣ посѣчены... А кто и какъ убили его—никто не знаетъ.

— Да развѣ вахмистръ былъ одинъ?

— Выходить, ваше благородіе, такъ, что быдто-бы одинъ. Мы и сами спервоначалу удивились, какъ это оно все такъ вышло. Никто не слыхалъ, не видалъ. Дежурный сказываетъ,—былъ одинъ выстрѣлъ близъ поста, а опосля того лошадь прибѣжала вахмистрова, «Громобой», сѣдло на боку и все въ крови...

Воиновъ не сталъ больше слушать пустившагося было въ многословіе отъ охватившаго его волненія Убий-Собаку и, давъ шпоры коню, шальнымъ галопомъ поскакалъ на постъ Тимучинъ.

— Ахъ, какое горе, какое горе!—изрѣдка шепталъ онъ.— Вотъ тебѣ и изловили! Проклятый Муртузь!.. Ну, попадешься ты мнѣ когда-нибудь, тогда держись только!..



## Горя рѣченъка.

Когда Воиновъ вѣзжалъ во дворъ Тимучинскаго поста, его поразилъ громкій, залиvistый хохоть, раздававшійся изъ квартиры вахмистра. Вслушавшись въ этотъ странный, ни на минуту не смолкавшій хохоть, Аркадій Владиміровичъ почувствовалъ, какъ мурашки пробѣжали у него по тѣлу... Что-то нечеловѣческое, дикое и въ то же время скорбное было въ этомъ неестественномъ смѣхѣ.

— Что это такое?—кивнулъ головой Воиновъ по направленію квартиры вахмистра, обращаясь съ этимъ вопросомъ къ выбѣжавшему къ нему навстрѣчу унтеръ-офицеру Незелену, старшему сосѣдняго поста, по случаю происшествія прискакавшему тоже на постъ Тимучинъ.

— Лукерья Ивановна, ваше благородіе, должно, умомъ рѣшилаеь!—доложилъ тотъ, поддерживая офицеру стремя.— Солдаты дурачье,—не предупредили, прямо такъ въ комнату и внесли, а она только что заснула подь утро самое... Ночь-то всю не спала, ребенокъ плакалъ; а тутъ такое дѣло... Она спросонья вскочила, увидала, крикнула и давай хохотать, да съ той поры вотъ все и хохочетъ, должно, памяти отшибло!

Воиновъ поспѣшно вошелъ въ домъ. Въ первой комнатѣ, на запасной кровати, съ которой были сброшены матрасъ и подушки, на голыхъ доскахъ лежалъ трупъ вахмистра Терлецкаго. Лѣвая рука его, распухшая и посинѣлая, съ изрубленной, болтающейся на кожѣ и жилахъ кистью,

свѣсилась на полъ; правая была закинута на грудь. Захватанный окровавленными пальцами полущубокъ былъ растянутъ; весь низъ живота и синія рейтузы алѣли запекшейся кровью. Осунувшееся за одну ночь до неузнаваемости лицо было изжелта-блѣдно, ротъ полуоткрытъ, широко расширенные, закатившіеся подъ лобъ глаза застыли въ выраженіи нестерпимаго страданія и ужаса... Надъ лѣвой бровью зіяла глубокая рана, лѣвая щека и часть бороды были залиты кровью, что придавало лицу особенно жалкое, страшное выраженіе.

Растерявшіеся солдаты робко толпились вокругъ убитаго, пугливо заглядывая ему въ лицо; въ углу у окна, удерживаемая за плечи однимъ изъ солдатъ, билась Луша.— Сидя на стулѣ, она, какъ змѣя, извивалась всѣмъ тѣломъ, ломала руки, топала ногами и заливалась дикимъ неистовымъ хохотомъ; при этомъ лицо ея судорожно подергивало, только глаза оставались странно безжизненными, упорно устремленными въ одну точку. Воинова особенно поразили эти немигающіе, широко раскрытые глаза, въ которыхъ не свѣтилось никакой мысли, не отражалось никакого ощущенія. Ихъ холодная неподвижность какъ-то особенно рѣзко не гармонировала съ судорожно кривившимся лицомъ и вылетавшимъ изъ напряженнаго горла хохотомъ.

— Вы-бы попробовали ей ребенка поднести, — обратился Воиновъ къ солдатамъ, — можетъ быть, увидя его, она опомнится!

— Пробовано, ваше благородіе, да чуть-было грѣха не вышло. Мы ей дали его въ руки, спервоначалу она было и взяла, а потомъ вдругъ какъ шмякнетъ объ полъ! Спасибо, подхватить успѣли, а то бы убила младенца-то на смерть!

— Гдѣ-же онъ теперь?

— На солдатской кухнѣ; кашеваръ молокомъ поить, у нея, чай, молока теперь не будетъ уже!

Воиновъ полюбопытствовалъ взглянуть на своего крестника. Когда онъ вошелъ въ солдатскую кухню, онъ уви-



дѣлъ всегда грязнаго, запачканнаго сажей кашевара чухонца Алика, придурковатаго лѣнтяя, совершенно неспособнаго къ строю и служившаго для всего отряда посмѣшищемъ. За негодностью къ службѣ на границѣ, онъ состоялъ безсмѣннымъ кашеваромъ и такъ сроднился съ своей кухней, что случайно очутившись въ другомъ мѣстѣ, чувствовалъ себя какимъ-то потеряннымъ.

Сидя на табуретѣ, Аликъ держалъ на рукахъ маленькаго Аркашу и осторожно вливалъ ему по каплямъ въ ротъ подогрѣтое молоко. Ребенокъ, не умѣя еще пить изъ ложки, захлебывался, тарасилъ глаза, пускалъ губами пузыри и беспомощно разводилъ рученками. Лицо его выражало полное недоумѣнiе; онъ какъ будто-то размышлялъ, заплакать ли ему сейчасъ или подождать еще немного.

— Ну, пѣй, пѣй, алушникъ мой, жалуста, пѣй!—мягкимъ, несвойственнымъ ему голосомъ проговорилъ Аликъ, и ласковая добродушная улыбка широко расплзлась по его безобразному, красному лицу, съ ключьями бѣлаго моха вмѣсто бровей. Аликъ такъ былъ увлеченъ своей новой ролью няньки, что даже не замѣтилъ вошедшаго офицера.

Воиновъ съ минуту простоялъ въ дверяхъ и, не желая тревожить ни ребенка, ни его импровизированную няньку, потихоньку вышелъ. Первый разъ въ его сердцѣ шевельнулось доброе чувство по адресу Алика, котораго онъ до сихъ поръ терпѣть не могъ за его лѣнь, тунеядство и неспособность къ строевой службѣ, за что Алику постоянно влетало какъ отъ самого Воинова, такъ еще больше отъ покойнаго Терлецкаго, любившаго иногда дать одну-другую затрещину особенно упорнымъ, по его мнѣнiю, лодырямъ.

Выйдя изъ кухни, Воиновъ еще разъ прошелъ въ комнату вахмистра. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ надъ нимъ, съ тѣмъ особымъ чувствомъ недоумѣнiя и тоски, которыя охватываютъ человѣка всякій разъ, когда ему приходится присутствовать при неожиданной, насильственной смерти его ближняго.

— Вѣдь всего какихъ нибудь три-четыре часа тому назадъ я разговаривалъ съ нимъ, обсуждалъ подробности предстоящаго дѣла, — думалъ Воиновъ, — а теперь вмѣсто Терлецкаго, котораго я зналъ, лежитъ что-то невѣдомое, какая-то масса холоднаго тѣла, а самого его нѣтъ... Гдѣ онъ теперь?

Воиновъ тяжело вздохнулъ, перекрестился и вышелъ, чтобы сдѣлать все нужныя распоряженія.

Въ полуверстѣ отъ селенія Шахъ-Абадъ, въ сторонѣ отъ большой дороги ведущей въ городъ Нацвали, расположено небольшое христіанское кладбище. На этомъ кладбищѣ хоронили преимущественно армянъ и айсоръ; русскихъ покойниковъ на немъ было немного: три-четыре таможенныхъ солдата, одинъ молодой, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, таможенный чиновникъ, нѣсколько человѣкъ дѣтвора и одинъ застрѣлившійся годъ тому назадъ съ тоски и одиночества ветеринарный врачъ. Трудно было представить себѣ мѣсто, болѣе унылое и невзрачное. Небольшое пространство красно-желтой земли, усеянной мелкими камнями, было обнесено невысокой глиняной, мѣстами осыпавшейся стѣной съ простыми, не запирающимися, ветхими воротами, надъ которыми красовался когда-то большой крестъ, теперь давно сломленный бурей. На всемъ кладбищѣ не было ни одного кустика, ни единого деревца, даже травка не росла на немъ...

Надъ армянскими и айсорскими могилками крестовъ не стояло; надъ православными кресты хотя и были, но старые, почернѣвшіе, поломанные. Одно время, вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ Шахъ-Абадъ, Рожновскій задумалъ было привести кладбище въ порядокъ, мечталъ даже обсадить его деревьями, но вскорѣ былъ принужденъ отказаться отъ своей затѣи. Безъ воды на Закавказьѣ немыслима никакая растительность, а такъ какъ вода въ тѣхъ мѣстностяхъ представляетъ изъ себя величайшую драгоценность, то люди привыкли расходовать ее съ большой осмотрительностью исключительно для поливки фруктовыхъ садовъ, огородовъ



и засѣянныхъ полей. Не проходить года, чтобы изъ за обладанія нѣсколькими лишними ведрами воды не проливалась человѣческая кровь. Крестьяне съ дубинами, кинжалами и даже ружьями выходятъ ночью въ поля караулить каждый свою канавку съ бѣгущей по ней въ его поле водой, и горе тому, кто вздумаетъ украсть у сосѣда часть его воды, переведа ее украдкой въ свой арыкъ \*). Ударъ желѣзной лопатой по головѣ, а то и кинжалъ подъ ребро — обычное возмездіе за такое вѣроломство.

При такихъ условіяхъ на поливку ненужнаго никому кладбища, воды, разумѣется, достать было невозможно, и Рожновскому не оставалось ничего больше, какъ махнуть рукой на свою кладбищенскую реформу, оставя кладбище въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до него.

Въ закавказскихъ бригадахъ Пограничной Стражи солдатъ, умершихъ на постахъ отъ болѣзней или убитыхъ въ стычкахъ съ контрабандирами, принято хоронить тутъ-же, неподалеку отъ постовъ. Много такихъ скромныхъ, никому невѣдомыхъ могилокъ разбросано среди необозримыхъ пустынь и на вершинахъ горъ нашей далекой окраины; рѣдко можно встрѣтить кордонъ, около котораго не чернѣлъ-бы деревянный, немудрящій крестикъ, водруженный надъ бугоркомъ изъ земли и мелкаго камня. Не ищите на этихъ крестахъ надписей или какихъ-нибудь указаній о томъ, кто нашель подъ ними вѣчное успокоеніе, имена ихъ давно забыты.

Такая-же участь постигла-бы и Терлецкаго, если-бы трагическая гибель его, въ силу нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ, не возбудила общаго сочувствія.

Первый починъ сдѣлалъ командиръ отдѣла Павелъ Павловичъ Ожоговъ. Онъ предложилъ своимъ офицерамъ устроить небольшую подписку на скромный памятникъ для «лучшаго вахмистра въ отдѣлѣ», какъ онъ всегда называлъ Терлецкаго. Рожновскій, узнавъ объ этой подпискѣ, въ свою оче-

\*) Арыкъ—оросительная канава.

редь попросилъ разрѣшенія участвовать въ ней съ своими чиновниками. Благодаря этому, собралась сумма, вполне достаточная на то, чтобы сдѣлать приличные похороны и заказать небольшой каменный крестъ изъ мѣстнаго красно-бурого песчаника.

По предложенію Осипа Петровича, изъявившаго желаніе принять участіе въ похоронахъ со всей своей таможеней, а также изъ уваженія къ просьбамъ Ольги Оскаровны, Лидіи и другихъ таможенныхъ дамъ, рѣшено было Терлецкаго похоронить на Шахъ-Абадскомъ кладбищѣ, что придавало похоронамъ болѣе торжественный характеръ.

Въ день, назначенный для похоронъ Терлецкаго, все населеніе Шахъ-Абада уже съ утра находилось въ водненіи. Жадные до всякихъ зрѣлищъ и любопытные, какъ все дикари, татары толпой тѣснились на холмѣ за Шахъ-Абадомъ, глаза на дорогу, по которой должны были провезти съ поста Урюкъ-Дага тѣло вахмистра... Чиновники, одѣтые, по просьбѣ Рожновскаго, въ мундиры, съ трауромъ на рукавѣ, собрались у Осипа Петровича въ квартирѣ и въ ожиданіи пили чай. Въ казармѣ старый Сударчиковъ съ очками на носу выкликалъ по списку тѣхъ солдатъ и досмотрщиковъ, которые должны были подъ его командой слѣдовать за гробомъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ на почтовыхъ лошадахъ прибылъ изъ Нацвали православный священникъ, отецъ Ираклій. Это былъ довольно курьезный человѣчекъ: небольшого роста, суетливый грузинъ, говорившій по-русски весьма плохо и съ такимъ уморительнымъ акцентомъ, что, слушая его, трудно было иногда не расхохотаться.

Онъ всегда торопился, боясь опоздать, и теперь, войдя въ квартиру Рожновскаго, озабоченно спросилъ, обращаясь ко всемъ:

— Ну, что, гаспада, покойникъ еще не приходиль?

— Не приходиль, но скоро будэтъ приходиль! — отвѣтилъ ему въ тонъ, но соблюдая полную серьезность, одинъ изъ чиновниковъ.



— Ну, слава Богу, а то я пугался, что опоздал! — успокоился батюшка и добродушно начал обходить присутствовавших, правой рукой пожимая имъ руки, а лѣвой придерживая широкой рукавъ рясы.

Спустя полчаса послѣ прїѣзда батюшки, прибѣжалъ солдатъ, поставленный на крышу караульщикомъ и доложилъ, что на дорогѣ «чтой-то съѣдетъ, должно быть, упокойника везуть». Чиновники засуетились, оправили на себѣ мундиры, набросили на плечи шинели и вышли слѣдомъ за священникомъ на площадь, откуда хорошо была видна дорога къ Урюкъ-Дагу, по которой медленно двигалась теперь печальная процессія. Впереди, на дышловой пароконной повозкѣ, везли обитый чернымъ коленкоромъ и украшенный серебрянымъ татарскимъ позументомъ гробъ. Онъ былъ несоразмѣрно великъ, грубо и неумѣло сколоченъ изъ досокъ, въ видѣ простого ящика, съ дномъ немного болѣе узкимъ, чѣмъ совершенно плоская крышка. Повозкой правилъ солдатъ въ полушубкѣ, безъ шапки, съ туго натянутыми возжами въ рукѣ. При взглядѣ на его напряженную, озабоченную фигуру, сразу можно было видѣть, насколько трудно ему сдерживать хорошо раскормленныхъ, застоявшихся артельныхъ лошадей и заставить ихъ идти спокойнымъ шагомъ. За гробомъ, шагахъ въ десяти отъ него, ѣхалъ верхомъ Воинъ впереди небольшого отряда конныхъ объѣздчиковъ; за ними въ своей повозочкѣ слѣдовалъ Ожоговъ, вдвоемъ, съ неизмѣннымъ своимъ другомъ, докторомъ.

## На кладбищѣ.

Ольга Оскаровна и Лидія, вышедшія тоже на площадь, стояли нѣсколько въ сторонѣ и внимательно слѣдили, не спуская глазъ съ приближающейся процессіи.

— Посмотри, пожалуйста, — шепнула Ольга Оскаровна сестрѣ, — какъ Аркадій Владиміровичъ измѣнился за это время. Просто узнать нельзя!

Лидія угрюмо подняла голову, взглянула въ лицо Воинову и невольно должна была сознаться, что переѣна въ немъ произошла большая. Онъ сильно похудѣлъ, осунулся, вокругъ губъ легла скорбная морщинка, глаза смотрѣли уныло и непривѣтливо. Поровнявшись съ дамами, онъ холодно приложилъ руку къ своей папахѣ, посылая имъ официальный поклонъ, причемъ Лидіи показалось, будто-бы Аркадій Владиміровичъ взглянулъ на нее долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ она прочла затаенный беспощадный укоръ себѣ. Отъ этого взгляда Лидія почувствовала, какъ что-то холодное, тягучее заползло ей въ душу, усиливая ея и безъ того мрачное настроеніе духа. Вотъ уже три дня, — съ той самой минуты, какъ Рожновскій разсказалъ ей о драмѣ, случившейся въ Урюкъ-Дагскомъ отрядѣ, — она отъ безпокойства и волненія не можетъ найти себѣ мѣста. Общій голосъ убійцей называетъ Муртуза; Сударчиковъ и Аркадій Владиміровичъ упорно стоятъ за то, что это дѣло его рукъ; донесчикъ Воинова видѣлъ Муртузь-агу какъ разъ въ тотъ день утромъ на русской сторонѣ въ горахъ, откуда онъ, по



всей вѣроятности, ночью и пробрался въ Персію и, встрѣтивъ на своемъ пути Терлецкаго, застрѣлилъ его. Наконецъ, самой неопровержимой уликой, по мнѣнію всѣхъ, служилъ трупъ курда, выброшенный волнами на русскій берегъ на другой день послѣ перестрѣлки. Утонувшій курдь былъ никто иной, какъ постоянный спутникъ Муртузъ-аги, его вѣрный тѣлохранитель и сподвижникъ Каро, съ которымъ онъ никогда не разставался. При осмотрѣ, въ спинѣ у курда, немного пониже шеи, найдена была пулевая рана съ засѣвшей въ ней пулей отъ Галяновскаго револьвера, которыми снабжены вахмистры Пограничной Стражи. Сопоставляя это съ отсутствіемъ въ револьверѣ Терлецкаго одного патрона, легко можно было предположить, что пуля, сразившая Каро, была пущена Терleckимъ; но когда, при какихъ условіяхъ и гдѣ,—оставалось для всѣхъ неразгаданной тайной.

Вообще все это дѣло представлялось въ высшей степени загадочнымъ и неяснымъ. Немало интересовалъ всѣхъ вопросъ, зачѣмъ понадобилось Муртузу уѣзжать тайно въ Россію, когда онъ могъ сдѣлать это вполне легально, черезъ таможену, днемъ, на глазахъ у всѣхъ. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Дѣлались предположенія одно другого нелѣпѣе и только два человѣка были недалеки отъ истины—это Ольга и ея мужъ, Рожновскій.

Осипъ Петровичъ тогда-же, какъ только до него дошло извѣстіе объ Урюкъ-Дагской исторіи, сказалъ женѣ:

— Знаешь, Оля, я увѣренъ, что Муртузъ пріѣзжалъ сегодня на свиданіе съ Лидіей; только, разумѣется, объ этомъ надо крѣпко молчать. Потомъ, когда вся эта исторія кончится, постарайся вразумить ее, объясни ей, что вѣдь тутъ не Москва: она себѣ антропологическія наблюденія дѣлаетъ, а изъ-за этого людей убиваютъ. Развѣ-же это можно?

Ольга Оскаровна еще болѣе мужа была потрясена всѣмъ этимъ происшествіемъ, но, видя Лидію и безъ того чрезвычайно разстроенной, не рѣшалась заговорить съ ней, откладывая объясненіе до болѣе благопріятнаго времени.

Впрочемъ, хотя Рожновскіе — и мужъ и жена — таили упорное молчаніе, Лидія по ихъ лицамъ ясно видѣла, что имъ прекрасно все извѣстно; въ глазахъ ихъ она читала себѣ осужденіе и искренно мучилась этимъ.

Стоя въ толпѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ глубокой ямы, подлѣ которой чернымъ безобразнымъ пятномъ выдѣлялся неуклюжій гробъ, изъ котораго строго выглядывало заострившееся, покрытое пятнами отъ начавшагося разложенія, лицо Терлецкаго, и бѣлѣли на обшлагахъ мундира сложенные на груди руки, — Лидія чувствовала себя какъ-бы участницей этого ужаснаго убійства.

— Слыхали?—раздался подлѣ нея голосъ доктора, говорившаго Рожновскому. — Жена его съ ума сошла. Отъ испуга молоко въ голову ударилося... Теперь помираеть у меня въ лазаретѣ, думаю—больше двухъ дней не выдержитъ!

— А ребенокъ?

— Что ребенокъ? Да развѣ вы ничего не знаете? Не слыхали развѣ?

— Нѣтъ, а что?

— Вѣдь она его задушила! Когда ее доставили ко мнѣ въ лазаретъ, то ребенка привезли туда-же; сначала она все буйствовала, кричала, хохотала, пѣла... Ну, ей, разумѣется, сына не показывали, но къ вечеру она, однако, успокоилась, утихла, стала какъ-бы разумнѣе. Фельдшеръ-то съ большого ума—думалъ психологическое испытаніе, дуракъ, сдѣлать—возьми, да и дай ей въ руки младенца. Она, какъ взглянула на него, сразу въ неистовство пришла, завизжала, какъ бѣшеная, и вцѣпилась пальцами въ горло малютки. Кинулись отнимать, не тутъ-то было! Пальцы какъ стальные, не разожмешь; впиалась ими въ шею Аркаши—и давить, и давить, а сама визжитъ и трясется вся... Ну, много-ли восьмимѣсячному надо, сразу задушила, отняли уже мертваго, а она послѣ этого упала на полъ и давай биться... Съ той минуты уже всякая надежда пропала—да, пожалуй, оно и къ лучшему. Такое потрясеніе безслѣдно для орга-



низма пройти не можетъ: если бы чудомъ какимъ-нибудь она и осталась жива, то была-бы калѣкой на всю жизнь.

Похолодѣвъ отъ ужаса, съ замирающимъ отъ нестерпимой жалости сердцемъ, слушала Лидія разсказъ доктора. Ея воображеніе ясно представило себѣ страшную, чудовищную картину: безумная мать, душащая своего ребенка. Ей казалось даже, что она слышитъ раздирающій вопль и визгъ сумасшедшей и судорожное хрипѣніе конвульсивно корчащагося тѣльца...

— Идѣ-же нѣтъ ни болѣзни, ни печали...—несутся нестройные голоса солдатъ, добровольно принявшихъ на себя обязанность пѣвчихъ.—Но жизнь безконечная...

«Зачѣмъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это?» — думаетъ Лидія, подразумѣвая Муртуза.—Неужели нельзя было избѣгнуть убійства?.. Или ему человѣческая жизнь дѣйствительно ничто? Вотъ онъ убилъ человѣка, погубилъ цѣлую семью и теперь готовится къ отъѣзду изъ Персіи... И неужели я послѣдую за нимъ?

При этомъ вопросѣ Лидія вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

«Нѣтъ, нѣтъ!—съ тоской и отчаяніемъ поспѣшила она отвѣтить сама себѣ, — теперь это невозможно... Убійца... убійца!.. Но, вѣдь, и раньше онъ былъ убійца; почему-же я то, прежнее убійство такъ скоро и охотно простила ему? То простила, а это не могу... Чувствую, что не могу и никогда не прощу!..

Лидія искоса и робко перевела свой взглядъ на лицо Терлекаго и вдругъ ей показалось, что мертвецъ зашевелился. Одна рука его слегка поднялась изъ гроба и грозно погрозила ей пальцемъ...

Дѣвушка дико вскрикнула и безъ чувствъ упала на руки успѣвшаго подхватить ее Воинова.

Солдаты-пѣвчіе въ суетѣ ужаса отшатнулись отъ гроба и замолкли, дрожа всѣмъ тѣломъ. Даже священникъ и тотъ въ первую минуту растерялся и полными ужаса глазами смотрѣлъ на мертвеца и на его приподнятую изъ гроба

руку... Всѣ присутствующіе смутились; одинъ только Ожоговъ не растерялся и, обратясь къ ближайшему унтеръ-офицеру, спокойно произнесъ:

— Должно быть веревка развязалась, которой одна рука была притянута къ другой, поправь!

Эти просто сказанныя слова разомъ всѣхъ успокоили. Необычайное происшествіе потеряло всю свою таинственность и легко объяснилось тѣмъ, что насильно согнутая, много времени спустя послѣ смерти, рука, удерживаемая въ своемъ положеніи веревочкой, освободясь отъ нея, приняла свое прежнее положеніе...

---



## Э п и л о г ъ .

Лидія серьезно и тяжело заболѣла. Вначалѣ болѣзнь приняла такой оборотъ, что докторъ не ручался за счастливый исходъ ея. Не имѣя возможности ежедневно за 30 верстъ навѣщать больную, онъ потребовалъ, чтобы Лидію Оскаровну перевезли въ Нацвали, гдѣ для нея наняли двѣ комнаты въ домѣ одного армянина. Ольга переѣхала съ нею и самоотверженно взяла на себя роль безсмѣнной сидѣлки. Во все время, пока жизнь Лидіи находилась въ опасности, Воиновъ ежедневно навѣщалъ ее. Чтобы быть поближе къ городу, онъ перебрался на крайній постъ своего отряда, отстоявшій отъ Нацвали менѣе чѣмъ въ десяти верстахъ. Утромъ и вечеромъ аккуратно являлся онъ къ Ольгѣ Оскаровнѣ, блѣдный и трепещущій, съ однимъ и тѣмъ-же неизмѣннымъ вопросомъ:

— Ну, что, какъ сегодня?

Когда вѣсти были утѣшительныя, онъ весь расцвѣталъ и радостный и довольный возвращался домой, но за то, узнавъ о какихъ-нибудь осложненіяхъ, впадалъ въ такое отчаяніе, что Рожновской стоило большого труда утѣшить его.

— Неужели Лидія, — думала она, — будетъ такъ слѣпа, оттолкнетъ свое счастье? Лучшаго, болѣе любящаго и преданнаго мужа ей никогда не найти. Надо во что бы то ни стало уговорить ее! — рѣшала Ольга Оскаровна въ эти минуты и ждала, когда сестра настолько поправится, что съ ней можно будетъ говорить серьезно.

— Знаете, Ольга Оскаровна, новость?—спросилъ Войновъ, входя однажды въ комнату Ольги. — Муртузь-ага убитъ!

— Какъ, какимъ образомъ? Откуда вы это узнали?

— Отъ самого Алакпера-Бабэй-хана. Помните—старичекъ, первый министръ Суджинскаго хана, съ которымъ мы познакомились тогда въ Суджахъ. Вчера утромъ онъ прибылъ въ персидскій Урюкъ-Дагъ и прислалъ просить меня прѣхать къ нему по важному дѣлу. Я поѣхалъ. Старикъ принялъ меня очень любезно. По его словамъ, онъ нарочно явился, чтобы выразить отъ имени хана его глубокое сожалѣніе о случившемся въ моемъ отрядѣ несчастіи. По словамъ Алакпера-Бабэй-хана, Хайларъ-ханъ, когда узналъ объ убійствѣ моего вахмистра, былъ чрезвычайно опечаленъ и огорченъ. «Сначала мы не знали, чьихъ рукъ это дѣло,—увѣрялъ меня Алакперъ-Бабэй-ханъ,—и сильно подозрѣвали вашихъ татаръ-контрабандировъ; только недавно открылось, кто былъ настоящій убійца».—«Кто-же по вашему?—спросилъ я, увѣренный впередъ, что услышу, по обыкновенію, какую-нибудь басню. Но представьте себѣ мое изумленіе, когда Алакперъ-Бабэй-ханъ, не моргнувъ бровью, спокойно сказалъ: «Вы навѣрно и не подозрѣваете; вашего вахмистра убилъ Муртузь-ага. Впрочемъ,—добавилъ старикъ,—отъ Муртуза всегда можно было ожидать злого дѣла; онъ былъ дурной мусульманинъ и плохой персъ, шайтанъ возьми его душу!»—«То-есть какъ это такъ?—изумился я.—Развѣ Муртузь-ага...»—«Умеръ!—перебилъ меня Алакперъ-Бабэй-ханъ. — Убить своими-же курдами. Онъ замыслилъ нехорошее дѣло: бѣжать изъ Персіи, измѣнить своему владыкѣ, свѣтлѣйшему Хайларъ-хану сардарю Суджинскому,—да будетъ Аллахъ всегда милостивъ къ нему! Передъ бѣгствомъ Муртузь-ага распродалъ все свое имущество, собралъ всѣ свои драгоценности и думалъ уйти съ ними въ Турцію, но на самой границѣ его же курды, которыхъ онъ взялъ себѣ въ охрану, проникнувъ въ его со-



кровенный замысль, возстали противъ него и убили, а имущество разграбили... Вотъ тогда-то и выяснилось все коварство Муртуза. Сардарь, узнавъ всю правду о немъ, не сталъ даже преслѣдовать курдовъ, особенно, когда выяснилось, что Муртузъ убилъ вахмистра русскаго царя... За одно это его слѣдовало предать смерти. Неправда-ли?» Старикъ старался показать, будто-бы онъ отъ души возмущается, но я отлично видѣлъ, насколько все это было напускное, и для меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, что убійство Муртуза совершено хотя и курдами, но не иначе, какъ по приказанію самого-же Хайларъ-хана Суджинскаго, который, узнавъ о намѣреніи Муртуза покинуть Персію навсегда, пожелалъ его ограбить... У этихъ дикарей подобныя дѣйствія—явленіе обычное... Ну, да, впрочемъ, насъ это не касается! Я во всякомъ случаѣ радъ тому, что смерть Терлецкаго и бѣдной Лукерьи Ивановны теперь отмщена. Было бы обидно, если бы злодѣй избѣгъ кары, — онъ и то долго уклонялся отъ справедливаго возмездія. До сихъ поръ я не говорилъ вамъ: вѣдь онъ былъ русскій подданный, князь Каталадзе, бывшій вольноопредѣляющійся. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ онъ убилъ мужа моей тетки, бѣжалъ въ Персію, принялъ мусульманство и втерся въ довѣріе сначала покойнаго Чингизъ-хана, а послѣ его смерти, Хайларъ-хана. Много преступленій было на его душѣ, но теперь судьба за все разсчиталась съ нимъ и я очень доволенъ!

— Меня его смерть тоже радуетъ,—задумчиво произнесла Ольга,—но вовсе не изъ тѣхъ соображеній, какія у васъ.

— А изъ какихъ?—удивился Воиновъ.

— Это уже мое дѣло!—загадочно улыбнулась Рожновская.—Въ свое время, можетъ быть, скажу вамъ, а пока это секретъ и большой секретъ!

L

1/20/11

10/11

10/11

10/11



12p  
1721/74  
110









2011110154